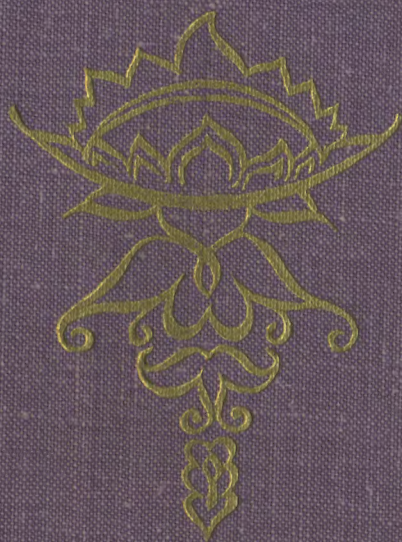

РАМАЯНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

*Главная редакция
восточной
литературы*

Москва
1965

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ ЭПОС

РАМАЯНА

Литературное изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина

Художник

Г. В. Дмитриев

«РАМАЯНА» — ПЕРВАЯ ПОЭМА ИНДИИ

Героический эпос древней Индии представлен двумя грандиозными литературными памятниками — «Махабхаратой» и «Рамаяной». Созданные в глубокой древности, они до наших дней сохраняют огромное влияние на духовную жизнь индийского народа. В истории мировой культуры обе поэмы стоят в одном ряду с наиболее замечательными памятниками народного эпического творчества.

Первая из древнеиндийских эпопей — «Махабхарата» — в том виде, в котором она дошла до нас, в сущности весьма отличается от того, что мы называем поэмой. Это обширный свод произведений разнообразного характера и содержания — художественных, философских, религиозных и научных, — созданных многими авторами на протяжении многих столетий. Героическая поэма, составившая ядро этого литературного цикла (созданная предположительно около V в. до н. э.), погребена под массой разнородного материала относительно позднего происхождения.

«Рамаяна» больше отвечает нашему представлению об эпической поэме. В отличие от «Махабхараты» в ней развитие главного действия редко прерывается отступлениями и вставными самостоятельными эпизодами и прослеживается достаточно отчетливо. Сюжет, образы, композиция этого произведения явственно несут на себе печать единства авторского замысла и исполнения. И если святой мудрец Вьяса, которого

индийская традиция называет автором гигантского свода «Махабхараты», остается для нас фигурой мифической, то у нас нет оснований отвергать свидетельство той же традиции, когда она приписывает авторство «Рамаяны» одному человеку — Вальмики, хотя о жизни этого легендарного поэта мы не знаем ничего достоверного.

«Рамаяна» по объему значительно уступает «Махабхарате». Тем не менее и ее размеры огромны. В том виде, в котором она известна нам, «Рамаяна» состоит из семи книг, заключающих в себе двадцать четыре тысячи двустихий. Правда, и в «Рамаяне», хотя и в значительно меньшей степени, чем в «Махабхарате», есть некоторые поздние добавления — далеко не все в ней принадлежит ее автору.

Как и «Махабхарата», «Рамаяна» создана была на санскрите — древнеиндийском литературном языке, основном языке древнеиндийской культуры. Как и все произведения санскритской поэзии, она сложена белым стихом, рассчитанным на музыкальное исполнение, — подобно русским былинам, эпические поэмы древней Индии исполнялись сказителями нараспев.

В самой «Рамаяне» мы находим любопытную легенду о происхождении стиха.

Некогда мудрец Вальмики, повествует легенда, шел берегом реки по лесной тропе. Он увидел двух маленьких птиц — куликов, нежно перекликающихся в траве. Внезапно явился злой охотник и пронзил одного из куликов стрелой. Жалобно закричала осиротевшая птичка, а Вальмики, охваченный состраданием и гневом, проклял охотника. И слова, исторгнутые из груди его скорбью и гневом, сами собою сложились в стихотворную строфу. Этим размером, получившим название «шлока», бог Брахма повелел Вальмики впоследствии воспеть подвиги Рамы.

Представляет интерес рациональное зерно этого мифа, объясняющего происхождение стихотворной, ритмически организованной речи из речи эмоциональной, взволнованной. Легенда эта встречается только в «Рамаяне», но она в ней — позднее добавление. Наивные «редакторы» поэмы Вальмики, вносявшие в нее подобные дополнения через века после ее создания, не видели противоречия в том, что ввели в «Рамаяну» ее автора в качестве одного из действующих лиц.

Рассказ об изобретении шлоки помещен в первой книге поэмы. Книга эта носит название «Детство», но о детстве героя в ней почти ничего не говорится; в то же время она изобилует вставными эпизодами, имеющими весьма отдаленное отношение к содержанию сказания о Раме. В этом с нею сходна седьмая, последняя книга «Рамаяны»; обе они по характеру своему сближаются с хаотическим циклом «Махабхараты». Не требуется глубокого исследования для того, чтобы почувствовать чужеродность этого материала и определить, что первая и седьмая книги в целом являются, очевидно, поздними приращениями к поэме Вальмики.

Огромная популярность поэмы о Раме в народе побудила индийское жречество обратиться к этому произведению, чтобы использовать его в своих сословных интересах. Следы брахманского «редактирования», к счастью, не слишком ощутимы в основных частях «Рамаяны» (со второй по шестую книги), но в первой и последней книгах чужая, жреческая рука явно дает о себе знать. Это сказывается прежде всего на образе главного героя, который объявляется здесь земным воплощением бога Вишну, сказывается в усиленной проповеди в этих книгах религиозных идей, в настойчивом подчеркивании мысли о всемогуществе и всеведении жрецов.

Таким образом, единство содержания «Рамаяны», о котором мы говорили, сравнивая ее с «Махабхаратой», в известной

мере относительно. Резкое противоречие первой и седьмой книг духу древнего эпоса бросается в глаза. Однако и в основных частях поэмы встречаются некоторые, правда, не столь значительные противоречия, обязанные своим происхождением уже не жреческому вмешательству, но другим причинам.

Эти противоречия связаны с частыми повторениями и вариациями отдельных моментов и эпизодов повествования — черта, характерная для «Рамаяны», как и для «Махабхараты». Проистекают они от многовековой традиции устного исполнения обеих эпических поэм странствующими певцами-рапсодами; рассматривая популярную поэму как свое достояние, они внесли в нее некоторые изменения и добавления.

В течение столетий «Рамаяна» сохранялась в устной передаче поколениями сказителей, пока не была записана. Мы не знаем, когда именно это впервые произошло, но и после того устная традиция не прерывалась; продолжается она и до нашего времени. Именно благодаря ей, а не из книг знают «Рамаяну» миллионы простых индийцев, ею поддерживается неизменная любовь индийского народа к своей великой поэме.

В средние века возникли версии поэмы о Раме на новоиндийских языках, из которых наиболее значительной является «Рамачаритаманаса» («Море подвигов Рамы»), созданная в XVI в. на хинди знаменитым Тулси Дасом.

Доныне чрезвычайно распространены в Индии народные представления, инсценирующие эпизоды из «Рамаяны». Достаточно упомянуть популярнейшее народное празднество Северной Индии — Рамлилу, — на котором при огромном стечении зрителей разыгрываются сцены из любимого эпоса. В этих новых формах продолжает жить и волновать сердца простых людей Индии древняя поэма Вальмики.

В чем же секрет неувядающей славы и обаяния этого произведения?

Что оно собой представляет?

На заре своей истории народ создает предания, в которых запечатлевает в художественных образах эпоху своего становления, выражает в них становление своего духа, свои мечты и идеалы, свои представления о непреходящих человеческих ценностях. Эти древние предания навсегда остаются дороги ему, как дороги человеку воспоминания детства.

В «Рамаяне» Вальмики, собравшего и воплотившего эти сказания в едином поэтическом цикле, ярко и сильно выразился народный идеал. В этом — бессмертные поэмы. Созданная творчеством народа, она осталась навсегда его достоянием. Но первостепенное значение имел здесь элемент индивидуального творчества — гений великого поэта, воссоздавшего народное сказание в совершенной художественной форме. Поэтому до сего дня трогает и волнует оно души людей и в самой Индии, и за ее пределами. Поздние наслоения, о которых мы говорили выше, не заслонили замечательного творения Вальмики, и мы можем в достаточной мере оценить высокое поэтическое мастерство создателя «Рамаяны».

О том, когда жил Вальмики, когда и где он сочинил свою поэму, у нас нет достоверных и точных сведений. «Рамаяна» создана была, вероятно, позднее, чем героическая песнь о битве на поле Куру, составившая основу «Махабхараты». Во всяком случае в «Рамаяне» культура значительно более развита — суровой, почти первобытной простоте героев «Махабхараты» противостоит здесь более утонченная и развитая этика сложившегося классового общества.

Это различие между обеими эпопеями объясняется не только тем, что они отдалены одна от другой во времени. Эпос «Махабхарата» складывался в Западной Индии, в области так называемой Арьяварты — колыбели древнеиндийской цивилизации (страна к востоку от Пятиречья). «Рамаяна» же

создана была на Востоке, куда переместился центр политического и культурного влияния в середине I тысячелетия до н. э. Здесь, в среднем течении Ганга, на территории современного Аудха и Бихара, возникли крупные рабовладельческие государства и расцвела новая цивилизация, затмившая своим блеском древнюю культуру индийского Запада. Становление этой цивилизации и ознаменовалось созданием «Рамаяны», — как полагают, около IV в. до н. э.

Автор «Рамаяны» был сыном своего времени, и оно, несомненно, отразилось в его поэме. И не только в отголосках исторических событий, в деталях описаний быта, в картинах городской и сельской жизни (здесь не всегда просто отделить первоначальный текст от более поздних наслоений), но и во взаимоотношениях между людьми, в нравственных нормах и идеалах, в мировоззрении поэта. Однако содержание поэмы Вальмики сложнее, глубже и значительнее и не ограничивается рамками одной исторической эпохи.

В основе «Рамаяны» лежит древнее племенное сказание: из него, как из зерна, вырос великий национальный эпос, и герой его стал общеиндийским народным героем. Сказание о подвигах Рамы сочеталось с преломившимися в народной фантазии историческими преданиями о завоевании юга Индии, а в основу сюжета лег популярный для эпоса многих народов мотив похищения.

В тот ранний предисторический период, когда по выходе из первобытного состояния человек освобождается из-под власти слепых сил природы, возникают мифы о героях, побеждающих чудовищ, всякого рода гидр и драконов, в которых олицетворяются эти враждебные человеку силы. Таковы образы Геракла, Персея, Тезея у древних греков, Сигурда или Зигфрида у германцев, Ильи Муромца и других богатырей русских былин, Гессера монголов, Гайаваты североамерикан-

ских индейцев и т. д. К ним принадлежит и Рама, герой древнеиндийского эпоса.

Героические образы мифологии переходят и в последующую историческую эпоху, наполняясь новым содержанием. В течение веков продолжают жить в древнем эпическом творчестве образы могучих витязей, победителей злых сил, защитников народа от чудовищ и притеснителей. В сказаниях об их подвигах народ воплощает свое представление о герое, свои мечты о справедливом общественном устройстве. Именно это и определяет величие и значительность центрального образа «Рамаяны», рожденного народным творчеством. Но в поэме Вальмики индивидуальное творчество поэта сообщает фольклорному герою новые черты, а эпоха, в которую жил поэт, накладывает на образ этого героя определенный отпечаток.

Герой народного предания приобретает в поэме типические черты представителя воинской аристократии раннего рабовладельческого государства. В образе его находят выражение нравственные нормы и идеалы той эпохи; Рама — воплощение признанных ею добродетелей. Влияние господствующей в рабовладельческом обществе идеологии сказывается, в частности, в том, что защита угнетенных сводится у Рамы преимущественно к охране жреческих алтарей от нечестивых бесов-ракшасов. Послушный сын, любящий брат, отважный витязь, верный законам воинской чести, благочестивый покровитель веры, мудрый и справедливый государь — таков главный герой «Рамаяны». Как носитель всех мыслимых достоинств, Рама мог бы превратиться в ходульную дидактическую фигуру. Но этого не случилось — поэт сумел наделить его живым человеческим характером.

Человечность героического образа Рамы составляет главную его ценность в поэме Вальмики. И особенно ярко и убедительно это проявляется в отношениях Рамы с Ситой.

До момента разлуки любовь Рамы обнаруживается весьма сдержанно — в отказе его взять Ситу с собой в изгнание, в стремлении уберечь ее от лишений, неизбежных при скитании в лесах. Но когда Равана похищает Ситу, чувство Рамы раскрывается с предельной выразительностью. Могучий и бесстрашный воитель проявляет человеческую слабость, приходит в отчаяние, теряется перед обрушившимся на него несчастьем. Он не может жить без Ситы. Сила его чувства, острота его страдания переданы поэтом с проникновенной правдивостью, и в этих сценах герой становится особенно близок читателю.

Резкий контраст с этим мастерски очерченным образом Рамы представляет образ другого Рамы — того, который выступает как ипостась Вишну. В чужеродности этих интерполяций невозможно усомниться. Нигде в древних частях поэмы, обычно легко отличимых по языку и стилю, нет и намека на божественное происхождение Рамы. В тех эпизодах, где Рама предстает перед нами как бездушное воплощение религиозной идеи, как недоступный человеческим чувствам носитель брахманской морали — такова сцена его повторного отречения от Ситы в седьмой книге, — образ его утрачивает художественную убедительность. К счастью, эти эпизоды занимают в «Рамаяне» относительно немного места — почти исключительно в первой и последней книгах — и не заслоняют живого человеческого образа, созданного Вальмики.

С наибольшей же полнотой жизнеутверждающее человеческое начало, составляющее пафос «Рамаяны» Вальмики, проявилось в прекрасном образе Ситы — образе, принадлежащем к числу ярчайших созданий индийской поэзии.

Сита — образ художественно наиболее цельный. Нравственной силой и душевным благородством она превосходит остальных героев, не исключая и Рамы. В этом образе особенно полно выразилось народное представление о человеческой красоте.

Образ Ситы восходит к мифологической фигуре древнего земледельческого божества («Сита» означает «борозда»), и отголоски этого мы находим в первой и седьмой книгах, где она выступает как дочь Земли. Тем не менее в образе ее нет ничего «божественного». Сита предстает в поэме как земная женщина с земными, человеческими чувствами и чертами характера.

Сита изображается в поэме как идеал индийской женщины — жены (подобно тому как Рама — идеал воина и государя). В ней мы также находим черты, обусловленные эпохой. Сита — послушная дочь, преданная, добродетельная супруга. Она выходит замуж за Раму, еще не зная его, повинаясь древнему обычаю. Но величие образа Ситы раскрывается позднее — во всезабвенной самоотверженной любви ее к Раме, которую она пронесит через все испытания.

Полюбив Раму за его человеческие качества, за его отвагу, мужественность и доброту, Сита следует за ним в изгнание и не оставляет его во всех невзгодах не ради исполнения предписанного ей обычаем долга, но по велению сердца. И в проявлениях своей любви она удивительно лирична и убедительна. Замечателен по своей психологической правдивости эпизод охоты на золотого оленя в третьей книге, когда Сита заставляет Лакшману оставить ее и поспешить на помощь Раме; в этот момент ярко и живо проявляется в ней любящая женщина, в которой страх за любимого затемняет рассудок.

Великолепны своей психологической убедительностью и сцены с Раваной, в которых душевное благородство и мужество Ситы раскрываются необычайно сильно. Один из напряженнейших моментов — тот, когда Сита говорит Раване, что он властен над нею, но не над ее жизнью. И наконец, апогеем в раскрытии ее образа является сцена отречения Рамы и вхождения Ситы в огонь — в шестой книге «Рамаяны».

Образ Ситы сохраняет свою цельность даже в седьмой,

поздней книге. Следует сказать, что, если повесть об изгнании Ситы в этой книге и является поздним добавлением, сущность характера героини схвачена безвестным автором удивительно верно и передана в совершенном соответствии с образом, созданным Вальмики.

В «Рамаяне» мы находим поэтический гимн во славу чистой и самоотверженной любви, единственный в своем роде в древней литературе. Античная поэзия при всех своих великих достоинствах не знает в этом отношении ничего подобного тому, что с таким художественным совершенством и силой воплощает индийский эпос.

Народное эпическое творчество прославляет вместе с любовью и дружбу как одно из высших проявлений духовной красоты человека. Носителями идеала человеческих отношений являются в «Рамаяне» Лакшмана и Хануман. Самоотверженность и бескорыстие в дружбе возвышают эти образы; они нарисованы поэтом с тем же мастерством и выразительностью, что и образы Рамы и Ситы.

Необычайно трогательна братская привязанность и преданность Лакшманы Раме. Он живет жизнью своего старшего брата и друга, воспринимает печали и радости его как свои собственные. Всякая обида, нанесенная Раме, вызывает неуправляемый взрыв гнева Лакшманы; с юношеской порывистостью и непосредственностью он откликается на всякое его горе и, не задумываясь, готов отдать жизнь за освобождение Ситы, дорогой его брату.

Донныне одним из любимейших героев народных индийских сказаний является Хануман, верный друг и союзник Рамы, без чьей мудрости, ловкости и отваги герой не отыскал бы и не освободил из плена свою похищенную подругу.

Силам добра, воплощенным в образах Рамы и Ситы и их друзей — Лакшманы, Ханумана, Сугривы, Бхараты и др., —

противостоит в поэме злое начало, олицетворенное в образе Раваны, десятиглавого повелителя людоедов-ракшасов, царя мифического острова Ланки, главного антагониста Рамы. В изображении его особенно ясно проявляется характернейшая черта эпоса — своеобразное сочетание элементов реального и фантастического. Образ Раваны имеет мифологическое происхождение, как и большинство других образов поэмы, но в нем элементы мифа наиболее сохранились. В большинстве сцен Равана выступает как человек, прекрасный обликом витязь, пленяющий сердца женщин; временами же он превращается в многорукого великана с десятью головами, выступает как оборотень, принимающий любую личину. Здесь мы часто сталкиваемся с противоречиями, характерными для сказочного эпоса. Так, в одном месте Равана изображается десятиголовым (в третьей книге) и эпитет «десятиглавый» постоянно прилагается к нему, в сцене же последнего поединка с Рамой (в шестой книге) у него одна голова, которая всякий раз, когда Рама отсекает ее стрелами, вырастает снова, — мотив, известный мифологии и фольклору многих народов.

Но и в Раване преобладает человеческое начало, и образ его столь же правдив жизненно, как и образы положительных героев. Характер его обрисован с замечательным искусством — самовлюбленный и взбалмошный деспот, коварный обольститель, раб своих страстей, готовый на любое злодейство и подлость, он противостоит Раме во всем — и как человек, и как правитель государства. В то же время он наделен и определенными достоинствами, которым автор воздает должное, — отвагой, умом, обаянием, завоевывающим ему сердца его жен; а его отцовская привязанность к Индраджиту, неподдельная искренность его неистового горя после гибели сына вызывают невольное сочувствие читателя.

Враг богов и людей, Равана оскорбляет святыни, дерзко

бросает вызов всему миру; и в этой дерзости его бунта, в его гордом богоборчестве заключено известное обаяние. В поздних книгах могущество Раваны объясняется даром, полученным им от Брахмы за великое подвижничество. Парадоксальное противоречие, содержащееся в этой легенде, бросается в глаза — святость и нечестие сочетаются в одном образе, и одно проистекает из другого. Более того, в брахманской интерпретации сюжета «Рамаяны» Равана похищает Ситу ради того только, чтобы умереть от руки Вишну, т. е. Рамы, и тем обрести бессмертие в ином мире. Нелепость этих толкований еще более оттеняет человеческий характер Раваны у Вальмики; в древнем сказании антагонист героя, очевидно, добывается власти и могущества благодаря природной силе и отваге.

В образах братьев и сыновей Раваны, его сестры Шурпанахы, в ракшасах, обитателях острова Ланки, царства Раваны, мы видим то же смешение реального и фантастического, что и в образе их повелителя. Ракшасы, появляющиеся в поэме как бесы и оборотни, в эпизодах пятой и шестой книг выступают чаще всего как люди, приобретая черты какого-то реального народа, народа, стоящего на высокой ступени культурного развития, о чем свидетельствует описание столицы ракшасов, укрепленного города Ланки. Исследователями «Рамаяны» уже давно высказывалась мысль, что в ракшасах Ланки и обезьянах, населяющих сказочное царство Кишкиндха, следует видеть реально существовавшие аборигенные народности и племена Южной Индии, борьба которых между собой и с ариями, продвигавшимися с севера, составляет историческое основание изображенных в эпосе событий.

Художественная ткань поэмы Вальмики, сочетающей элементы сказочные и реальные, мифологические образы и мотивы, исторические реминисценции, материал, заимствованный из фольклора, и элементы индивидуального поэтического

творчества, естественно, отличается большой сложностью и разнообразием. Даже если не говорить о чужеродных обрамляющих книгах, каждая из оригинальных книг «Рамаяны» при определенном стилистическом единстве поэмы имеет свои особенности, обусловленные характером ее содержания. Так, во второй книге преобладает реалистический элемент в изображении событий и характеров. Сказочные мотивы здесь почти полностью отсутствуют. Двор царя Дашаратхи, интрига, которая привела к изгнанию Рамы, — все это изображено очень живо, с большой достоверностью; здесь нашли особенно отчетливое отражение некоторые характерные черты эпохи. Отметим, в частности, любопытный эпизод в начале книги: Дашаратха собирает совет из своих приближенных и представителей городского населения, для того чтобы объявить об избрании Рамы на царство и испросить у собравшихся одобрения своему решению. В эпоху Вальмики царская власть, очевидно, давно уже была наследственной. Но здесь мы видим пережиток тех отдаленных времен, когда царь был еще всего лишь военным вождем племени и избирался племенным советом.

В третьей книге преобладает элемент лирический, изображение любви, поэтическое описание природы; в нее вторгаются и сказочные мотивы. Сказочный по преимуществу характер носит четвертая книга. В пятой книге сочетаются элементы волшебной сказки с яркими картинками природы и города Ланки и психологически достоверными сценами в ашоковом лесу, раскрывающими характеры Ситы, Раваны и Ханумана.

Наконец, шестая книга — описание битвы, но битвы сказочной, фантастической, описание, весьма далекое по характеру от героических сцен эпоса «Махабхараты», где картины сражения, несмотря на все гиперболы, которыми они изобилуют, представляются более близкими жизненной правде.

В последних книгах «Рамаяны» наиболее ярко проявилась

характерная для древнеиндийской литературы необузданная игра воображения, богатство фантазии, особенно в изображении ужасного, чудовищного. И эти порожденные необузданной фантазией гротескные образы и картины резко оттеняют лиризм и глубокую человечность основного содержания «Рамаяны».

Высокое совершенство художественной формы, богатство выразительных средств поэмы, неизвестное литературе предшествующих веков, обусловили огромное влияние «Рамаяны» на развитие индийской поэзии. Индийская традиция называет Вальмики «адикави», т. е. «первым поэтом», а «Рамаяну» — «адикавья», т. е. «первой поэмой». Действительно, поэма Вальмики открывает новую эпоху в истории индийской литературы. Все крупные поэты классического периода — Ашвагхоша, Калидаса и др. — испытали на себе ее влияние.

Богатство языка и стиля, сравнений, метафор и других поэтических фигур, разнообразие и изобретательность в выборе изобразительных художественных приемов, картины природы, всегда тонко оттеняющие настроение и служащие поэтическому раскрытию образов действующих лиц, и особенно проникновенное, психологически достоверное изображение человеческих характеров в «Рамаяне» еще далеко не оценены в полной мере в исследовательской литературе. Многие авторы выражали свое восхищение поэтическим гением Вальмики, но до сих пор остается в тени важнейшая черта его творчества — реализм в изображении человека, не затмеваемый сказочными и фантастическими мотивами эпоса. Еще многое предстоит сделать в области конкретного исследования художественного своеобразия произведения, к которому долгое время подходили почти исключительно как к историческому памятнику.

«Рамаяна» — один из замечательнейших памятников мировой литературы — до сих пор остается почти неизвестной советскому читателю. Если вспомнить об огромных размерах

поэмы, не приходится удивляться, что доныне нет ни одного полного художественного перевода «Рамаяны» ни на один из европейских языков. Нет на русском языке и научного прозаического перевода поэмы.

Предлагаемое литературное изложение «Рамаяны» имеет целью ознакомить читателей с образами и содержанием великого памятника индийской эпической поэзии и дать представление о нем как о художественном произведении в целом.

Стремясь сохранить основное содержание поэмы, созданной Вальмики, мы сочли целесообразным опустить в кратком изложении прежде всего позднейшие наслоения, внесенные в текст жреческим редактированием и многовековой традицией устного исполнения поэмы. Естественно было исключить при этом встречающиеся в тексте «Рамаяны» многочисленные повторения и вставные эпизоды, не имеющие прямого отношения к сказанию о Раме.

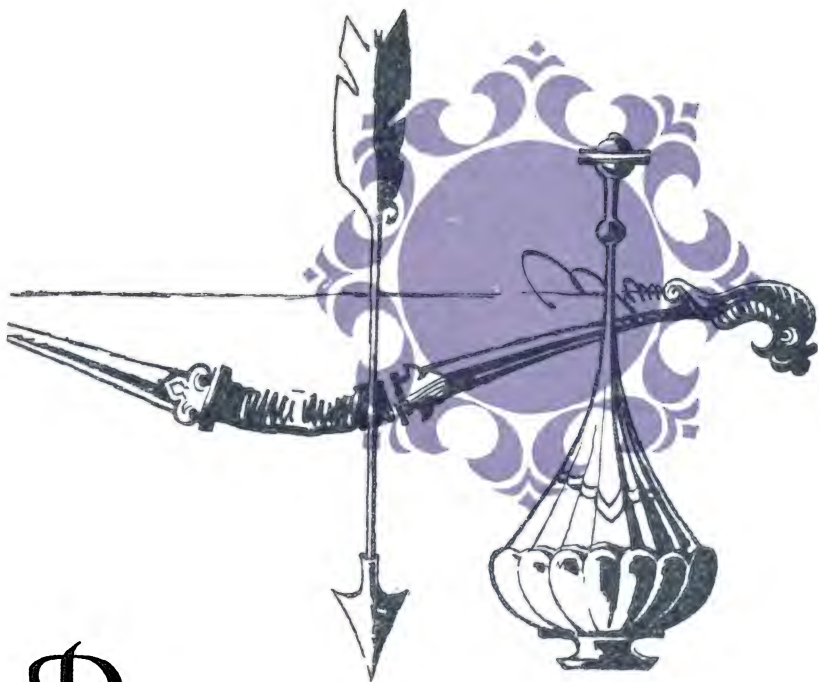
Хотя позднее происхождение первой и седьмой книг считается бесспорным, мы не сочли, однако, возможным нарушить принятое в Индии в течение многих веков традиционное деление «Рамаяны» на семь книг и опустить начальную и последнюю части полностью в нашем изложении. Мы сохранили в этих книгах только то, что наиболее легко вписывается в поэму Вальмики, отвечая ее духу и характеру, отвергнув искажающую центральный образ поэмы брахманскую легенду о земном воплощении Вишну.

Как и в предыдущей нашей работе — изложении «Махабхараты», мы стремились по возможности передать поэтику и стилистические особенности оригинала, донести до читателя хотя бы в отдельных чертах художественное своеобразие замечательного творения великого древнеиндийского поэта.

В. Эрман, Э. Темкин

КНИГА ПЕРВАЯ

Д Е Т С Т В О

К югу от гор Гималаев — обители снегов, на берегах тихоструйной Сарайю и многоводной Ганги лежит страна Кошала, богатая и счастливая, изобильная зерном и скотом, тучными пастбищами и цветущими садами.

В той стране был древний город Айодхья, прославленный повсюду красотой и великолепием своих до-

мов, площадей и улиц. Купола его дворцов и храмов возвышались, как горные вершины, и стены их блистали золотом и драгоценными камнями. Возведенные искусными зодчими, украшенные дивными статуями и росписями, они подобны были небесным чертогам Индры, повелителя богов.

Город был богат и многолюден. В нем было вдоволь питья и пищи, в лавках купцов полно диковинных товаров, и жители Айодхьи не знали ни нужды, ни болезней. Юноши и девушки беззаботно танцевали на площадях, в садах и манговых рощах. И с утра до вечера на прямых и просторных улицах города теснился народ — торговцы и ремесленники, царские гонцы и слуги, странники и скоморохи. И не было в том городе никого, кто предавался бы пороку и безделью, не знал бы грамоты и благочестия. И все мужчины и все женщины обладали добрым нравом, и все поведением своим были безупречны.

Город окружен был крепкими стенами и глубокими рвами; в нем были кони из Камбоджи и с берегов Инда, боевые слоны с гор Виндхья и Гималаев, и, как горные пещеры изобилуют львами, так город был полон воинами, горячими, прямодушными и искусными.

И Айодхья затмевала другие города, как луна затмевает звезды. И правил ею славный царь Дашаратха, справедливый и могучий.

Благочестивому царю служили мудрые и преданные советники, прекрасные жены радовали его своей красотой и кротостью, и все желания Дашаратхи немедленно исполнялись.

Но великое горе давно уже точило душу государя Айодхьи, и ничто не веселило его. Не было потом-

ства у благородного Дашаратхи, не было у него сына, некому было передать власть и государство.

И решил однажды повелитель Айодхьи принести богам великие жертвы в надежде, что смилятся над ним боги и даруют ему сына. Царские советники, благочестивые и всеведущие брахманы, с радостью одобрили желание Дашаратхи, а жены его расцвели от счастья и надежды, как расцветают лотосы с приходом тепла и солнца.

На северном берегу Сарайю, на указанном Дашаратхой месте, главный советник царя Васиштха повелел возвести алтарь, роскошные строения для знатных государевых гостей, удобные дома для брахманов, купцов, земледельцев и царской стражи. «Все должны быть довольны, никто ни в чем не должен терпеть недостатка», — приказал Васиштха царским зодчим и слугам.

Мастера немедленно принялись за дело, а царские гонцы помчались на быстрых колесницах на восток и на запад, на юг и на север. Они везли окрестным государям приглашения прибыть к Дашаратхе на великий праздник.

Когда минул год и все уже было готово к великому жертвоприношению, стали прибывать в Айодхью желанные гости: благородный Джанака, повелитель Митхилы, верный друг царя Дашаратхи; благонравный и красноречивый владыка Каши; Ромапада, отважный царь ангов; доблестные государи Синдха и Саураштры; почтенные брахманы и торговцы, искусные ремесленники и усердные земледельцы.

И в день, когда небесные светила предвещали удачу, царь Дашаратха с женами и домочадцами, со-

ветниками и многочисленными гостями под охраной верного войска выехал из Айодхьи к северному берегу Сарайю.

Три дня и три ночи жрецы Дашаратхи приносили богам великие жертвы, три дня и три ночи шептали они над священным огнем алтаря молитвы и умоляли богов даровать потомство дряхлеющему государю.

По всей земле разнесся слух о великом жертвоприношении на северном берегу Сарайю, и отовсюду стекались к алтарю обездоленные люди. Весь день с утра до ночи там раздавались крики: «Дайте пищу! Дайте одежду!» — и слуги Дашаратхи ни в чем не отказывали пришельцам. Много золота и серебра, драгоценных тканей, ковров и лошадей раздарил щедрый Дашаратха благочестивым брахманам, и жрецы с благодарностью прославляли государя Айодхьи и желали ему многих сыновей и внуков.

Боги тоже остались довольны принесенной им жертвой, каждый из них получил свою долю. И обратились они тогда к богу-творцу, великому Брахме, с просьбой даровать праведному Дашаратхе сына: «Дай, господин, Дашаратхе сына, — просили боги всемогущего Брахму, — надели его необоримой силой, пусть он избавит нас и все живое в мире от Раваны и его злодейства».

Равана в те времена жил на земле. Он был повелителем ракшасов, злых и кровожадных демонов. Некогда достиг Равана суровым покаянием великой святости, и Брахма решил наградить его за благочестивые подвиги. «Выбирай себе любой дар, — сказал ему Брахма, — я выполню любое твое желание». И попросил гордый Равана у Брахмы сделать так, чтобы

ни боги, ни демоны не могли одолеть его в битве и лишить жизни. А про смертного человека ничего не сказал могучий Равана — он не считал его достойным противником. «Да будет так!» — ответил ему Брахма, и с того дня не стало никому — ни богам, ни брахманам — спасения от злой воли безжалостного Раваны. И никто ничего не мог с ним поделать. Только человек мог погубить повелителя ракшасов, да не было тогда на земле такого человека. И когда боги все вместе припали к ногам Брахмы с мольбою даровать Дашаратхе сына и наделить его невиданной силой, великий Брахма согласился выполнить их просьбу.

По знаку всемогущего творца бог Вишну, Хранитель Мира, взял золотой сосуд с серебряной крышкой, наполнил его сладким молоком, божественным напитком, спустился невидимо на землю и возник вдруг перед Дашаратхой в языках священного огня, пылавшего на алтаре. Он был огромен, как горная вершина; на черное тело бога, покрытое львиной шерстью, были брошены малиновые одежды, и лицо его было красно, как пламя. Вишну протянул золотой сосуд Дашаратхе и сказал: «Ты снискал милость богов, благочестивый царь. Отдай сосуд своим женам, пусть выпьют они божественный напиток, и не будет у тебя в сыновьях недостатка».

Вишну исчез, а счастливый Дашаратха передал драгоценный сосуд своим женам, и они выпили божественный напиток. Первой жене Дашаратхи, Каушалье, досталась ровно половина, а Кайкейи и Сумитра пополам допили остальное.

Протекли три дня и три ночи, потух алтарь на северном берегу Сарайю, разъехались по домам гости

Дашаратхи, а он остался у себя во дворце в Айодхье терпеливо дожидаться рождения сына.

Когда прошло одиннадцать месяцев и двенадцатый был уже на исходе, разрешились от бремени царские жены и принесли четырех сыновей государю Айодхьи. Сначала Каушалья родила Раму, потом Кайкейи родила Бхарату, а вслед за ними Сумитра родила близнецов — Лакшману и Шатругхну. Великое веселье началось в тот же час на земле и на небе. Загремели литавры, заиграли гандхарвы, небесные музыканты; заплясали апсары, небесные танцовщицы; вышли на улицы Айодхьи веселые певцы и скоморохи.

Здоровыми, сильными и красивыми удались сыновья царя Дашаратхи, а старший, царевич Рама, превосходил своих братьев разумом, красотой и силой. Глаза у него были розовые, губы — малиновые, голос — зычный, плечи и руки — могучие, как у льва.

Царевичей обучали Ведам, священным и мудрым книгам, великому искусству содержать в порядке государство, вести в ближние и дальние походы войско, управлять в бою колесницей. Все царские и воинские науки братья быстро одолели, и не стало на земле им равных. С гордостью взирал Дашаратха на своих могучих, красивых и благонравных сыновей, и счастьем его не было предела.

Однажды пришел в Айодхью брахман, великий подвижник Вишвамित्रа. Он подошел к царскому дворцу и велел стражам сказать Дашаратхе о своем

приходе. Владыка славной Айодхьи несказанно обрадовался неожиданному гостю и поспешил со своими советниками к нему навстречу. С поклоном проводил его Дашаратха в дворцовые покои, усадил на почетное место и обратился к нему с ласковой речью: «Своим приходом ты обрадовал меня, Вишвамित्रа, как дождь радует земледельца в злое, засушливое время, как радует земного человека божественный напиток бессмертных. Поведай же мне, благочестивый старец, свои заботы, а я исполню все, что ты захочешь».

С радостью внимал Вишвамित्रа приветливой речи государя Кошалы, а потом рассказал ему о своем несчастье. «В глухом лесу стоит моя обитель, — сказал Дашаратхе подвижник, — и священный огонь на моем алтаре не угасает ни днем, ни ночью. Я приношу небожителям жертвы и укрепляю душу суровым покаянием. Но вот пришли в мой лес злые ракшасы Марича и Субаху и по приказу Раваны, их владыки, всячески над моим алтарем надругались: огонь гасили и приносимые богам жертвы пожирали. Твой старший сын Рама уже вырос, отпусти его со мной в лес ненадолго. Только он может защитить мою обитель».

Царь Дашаратха не ждал от отшельника такой просьбы. Он всегда был верен своему слову и горько ему стало оттого, что пообещал Вишвамитре исполнить все его желания. Он боялся отпускать в страшный лес любимого сына и стал уговаривать Вишвамитру не забирать юного Раму из Айодхьи.

«Мой лотосоглазый Рама, — сказал он горестно Вишвамитре, — не стал еще зрелым мужем. Ему не одолеть в битве Маричу и Субаху. Возьми лучше все мое войско, я сам пойду с ним охранять твой алтарь

и твою обитель. Шестьдесят тысяч лет живу я на свете и только недавно обрел сына. Нет у меня силы посылать его на погибель».

Оскорбленный отказом государя Айодхьи, Вишвамित्रа возгорелся гневом. Он сказал Дашаратхе: «Если ты, царь, не сдержишь слова, не будет счастья ни тебе, ни твоему роду; не сохранят твои сыновья царского престола и не уберечься тебе от великого бесчестья».

Едва Вишвамित्रа произнес свою угрозу, как под ногами у всех задрожала земля, царский дворец и все дома в Айодхье зашатались, а Дашаратха и его советники не могли вымолвить ни слова от страха. Видно, не только Вишвамित्रа, но и все боги разгневались на государя Айодхьи.

Тогда перед царем встал благородный Васиштха. Он произнес хвалу благочестивому Вишвамित्रе и обратился к опечаленному Дашаратхе с такими словами: «Тебе не к лицу нарушать свое обещание, государь. Ты напрасно боишься отпустить в лес Раму. Твоя правда, он не стал еще зрелым мужем, но и то правда, что на земле нет человека, который мог бы с Рамой сравниться силой и воинским искусством. Он легко одолеет в битве Маричу и Субаху и вернется в Айодхью невредимым».

Страшно было Дашаратхе отпускать от себя любимого сына, но не хотел он, чтобы сбылись грозные слова Вишвамитры, и скрепя сердце дал государь свое согласие.

На другой день рано утром Вишвамित्रа вышел из ворот Айодхьи и направился в свою обитель, а юный и могучий царевич Рама шел за ним следом. Лакш-

мана, который ни за что на свете не хотел расставаться с любимым братом, нес его лук и стрелы.

К вечеру они пришли к правому берегу Сарайю, и Вишвамित्रа ласково попросил Рама зачерпнуть в ладони речной воды. Рама послушно выполнил его просьбу, и тогда Вишвамित्रа произнес над водой в ладонях у Рама такое заклинание: «Да не коснутся тебя, царевич, усталость, дурной глаз и лихорадка; да не нападут на тебя ракшасы внезапно ни днем, ни ночью; да не сравнится никто с тобою ни в бою, ни в споре, ни в мудрости, ни в удаче; да не потревожат тебя ни нужда, ни холод!» Затем Рама маленькими глотками выпил эту воду, и все трое легли спать на берегу реки, и трава служила им ложем.

Долгий путь прошли царевичи и Вишвамित्रа от берегов Сарайю до великой Ганги, на лодке переправились на другой ее берег и вскоре оказались перед глухим и страшным лесом, полным хищных зверей и ядовитых гадов. «Здесь обитает мать ракшаса Маричи, кровожадная Тарака, — сказал Рама Вишвамित्रа. — Ростом она с великую гору, и тысяча слонов не может сравниться с ней силой. Ни один путник не может от нее укрыться, всех пожирает страшное чудовище. Она сейчас стоит на лесной дороге, и тебе придется убить ее, Рама, чтобы могли мы идти дальше и чтобы здешние люди могли жить спокойно».

«Да будет так», — ответил Рама Вишвамित्रе, и, вступив в лес, они пошли прямо навстречу Тараке. Рама взял в руки лук и стрелы, тронул кулаком тугую тетиву, и звон тетивы разнесся далеко по лесу. Его слышали звери и птицы, донесся он и до ракшасы, стоявшей на дороге. Тотчас великая злоба

охватила Тараку и лишила ее рассудка. В ярости помчалась она по дороге навстречу Вишвамित्रе, Раме и Лакшмане. Со страшным ревом, подымая клубы пыли, неслась безобразная ракшаси и бросала в путников огромные камни.

Царевичи загорелись гневом. Грозно зазвенели тетивы их боевых луков, и острые стрелы отсекали нос и уши у кровожадной Тараки. Но боль только прибавила ей силы. Ливень камней, летевших в отшельника и братьев, становился все опаснее. «Убей ее, — говорил Вишвамित्रа Раме, — убей скорее, пока не наступил вечер. В темноте ее не одолеешь!»

Никогда еще Рама не лишал жизни женщину и теперь не стал бы, да не унималась злобная Тарака, не отступала. Ради Лакшманы, любимого брата, ради святого старца Вишвамитры пришлось Раме сразить Тараку насмерть. Змеей сверкнула в воздухе неотвратимая стрела — и голова Тараки, будто срезанная серпом, покатилась по дороге.

Царевичи и старый брахман провели ночь в лесу, а наутро Вишвамित्रа сказал Раме с ласковой улыбкой: «Я доволен тобою, сын Дашаратхи. Воистину, ты — великий воин. Я подарю тебе сейчас чудесное оружие небожителей, и ты никогда не будешь знать поражений в битвах. Я подарю тебе грозные сверкающие диски, быстрые и меткие стрелы, тяжелые палицы, булавы и секиры».

Вишвамित्रа повернулся лицом к Востоку, шепотом стал читать заклинания, и вскоре перед Рамой, изумленным таким чудом, явилось божественное оружие. Длинными рядами встали перед Рамой мечи, палицы и секиры и человеческим голосом сказали ему: «Ты —

наш господин, великий Рама, а мы — твои слуги. Все, что ты прикажешь, мы исполним». Благодарный Рама низко поклонился Вишвамित्रе и сказал мечам, палицам и секирам: «Явитесь передо мной, когда я позову вас на помощь». И чудесное оружие исчезло.

Вишвамитра и братья-царевичи пошли дальше, миновали дикий лес ракшасы Тараки и вскоре пришли в прекрасную местность, изобилующую благоуханными цветами и тенистыми деревьями. Там весело щебетали певчие птицы, и в прозрачных водах ручья плескались серебристые рыбы. В этом месте была тихая обитель Вишвамитры.

Первую ночь Рама и Лакшмана отдыхали, а на следующую ночь поставил их Вишвамитра охранять священный огонь на алтаре. Пять ночей братья провели у алтаря без тревоги, а на шестую велел им Вишвамитра надежнее вооружиться.

Ярко горел на алтаре священный огонь, брахманы-отшельники вместе с Вишвамитрой шептали молитвы и приносили богам жертвы, и кругом было темно и тихо. Вдруг раздался над алтарем грозный гул, и на священный огонь обрушились потоки черной крови, заливающей жертвенные цветы и травы.

Как лев, бросился Рама к алтарю, взглянул в темное небо и увидел в воздухе кровожадных пожирателей мяса Маричу и Субаху. Юный сын Дашаратхи натянул лук — и смертоносная стрела ударила Маричу в грудь с такой силой, что злобный ракшас пролетел по воздуху сто йоджан и упал в бурные волны океана. Вторая стрела Рамы пронзила насквозь Субаху; ракшас свалился на землю и забился в предсмертных корчах.

Благочестивые отшельники с радостными восклицаниями окружили обоих сыновей Дашаратхи, и Вишвамитра сказал Раме: «Ты могучий и доблестный воин, Рама. Ты исполнил повеление государя Айодхьи и спас от поругания нашу обитель».

Когда наступило следующее утро, братья-царевичи пришли к Вишвамित्रе, почтительно поклонились ему и сказали: «Перед тобой твои слуги, благочестивый отче. Скажи нам, что мы еще должны для тебя сделать?»

Брахман сказал им: «В славном городе Митхиле царь Джанака приносит богам великие жертвы. Отовсюду идут в Митхилу люди, и мы все пойдем туда же. У царя Джанаки хранится чудесный и могучий лук, и никто до сих пор не смог его согнуть и натянуть тетиву. Многие герои, цари и небожители побывали в Митхиле, но никому из них не удалось сделать это».

По знаку Вишвамитры отшельники запрягли быстрых коней в колесницы, и все отправились в Митхилу, а следом за ними бежали звери и летели птицы. Путь их лежал на север, к высокой горе Химават, к могучей реке Ганге, в главный город царя Джанаки — Митхилу.

Окончился день, и дорогу закрыла ночная тьма. Вишвамитра остановил колесницы и велел всем отдыхать на берегу реки Сомы. После вечерних молитв и омовений, когда все сидели на траве вокруг Вишва-

митры, Рама попросил благочестивого старца рассказать ему про лежащие по берегам Сомы земли.

«Некогда, — начал рассказывать мудрый брахман, — жил на земле Куша, сын Брахмы. У него было четыре сына: Кушамба, Кушанабха, Асуртараджа и Васу. Когда они подросли, Куша отправил их в разные стороны света и сказал им: „Добывайте себе царства“. Эти чудесные леса и пашни, луга и реки завоевал Кушанабха, второй сын Куши, и основал здесь свое царство.

Сто прекрасных, как жемчужины, дочерей имел Кушанабха. Юные и прелестные, они резвились в цветущем саду, сверкая, как звезды в облаках. И увидел их там однажды могучий Вайю, бог ветра и дыхания, и сказал: „Вы желанны мне, прекраснотики. Будьте моими женами, и вы обретете вечную юность и бессмертие“. Дочери Кушанабхи почтительно склонились перед богом и сказали: „Ты всевластен, ты — сущность жизни, великий Вайю, но зачем ты предлагаешь нам бесчестье? Нам, целомудренным дочерям Кушанабхи, нельзя слушать такие речи. Только наш отец волен нами распорядиться, он — наш бог и повелитель. У него ты и проси нас себе в жены“.

Гордые слова дочерей Кушанабхи привели божество в ярость, и в гневе не пощадил Вайю целомудрия юных красавиц.

Со слезами стыда на ресницах, со вздутыми животами прибежали царевны к Кушанабхе и с плачем все ему рассказали. Но не стал казнить дочерей благородный Кушанабха, он похвалил их за благонравие и стыдливость и стал думать, что делать с царевнами дальше. И надумал царь отдать своих дочерей в жены юному Брахмадатте, государю города Кампиля.

Кушанабха отправил к нему послов с богатыми дарами, предложил ему своих дочерей в жены, ничего не скрывая, и Брахмадатта с радостью согласился. Кушанабха отпраздновал пышную свадьбу, и, когда Брахмадатта прикоснулся к своим женам, совершилось великое чудо: вздутые тела их распрямились и стали юные царицы еще прекраснее, чем были прежде.

Выдал Кушанабха дочерей замуж и остался опять без потомства. Стал он молить богов даровать ему сына, и боги согласились — через некоторое время родился у него могучий сын, и Кушанабха назвал его Гадхи. Это был мой отец, — сказал Раме Вишвамित्रа, — и весь этот прекрасный край был ему подвластен».

Пока Вишвамित्रа рассказывал, незаметно подкралась ночь: замерли деревья, затихли звери и птицы; яркие звезды — небесные очи — густо усыпали ночное небо, и возшла луна, разрушительница тьмы, радуя своим сиянием сердца всех живущих на земле.

Вишвамित्रа умолк. Братья-царевичи и отшельники воздали мудрому старцу, искусному в речи, великую хвалу, и все легли отдыхать, чтобы не в тягость был им завтрашний долгий путь.

К концу следующего дня зоркие слуги донесли Джанаке, что едет в Митхилу великий Вишвамित्रа и охраняют его два могучих и прекрасных воина. Царь, его жрецы и советники поспешили навстречу благочестивому подвижнику, с низким поклоном отворили перед ним городские ворота и проводили его в цар-

ские покои. Царь усадил желанного гостя на почетное место, велел подать ему сладкие плоды и прохладную воду и, по обычаю, спросил Вишвамитру, здоров ли он и какие заботы привели его в Митхилу. Вишвамитра ответил царю: «Здесь, в Митхиле, великий государь, богам приносят великие жертвы, и слух о них проник в мою обитель. Вместе со мной пришли в твой город славные сыновья Дашаратхи — Рама и Лакшмана. Они спасли мою обитель от ракшасов Маричи и Субаху и сразили их обоих в ночной схватке. Они здесь, в твоей столице, благочестивый царь, чтобы взглянуть на чудесный лук бога Шивы, Разрушителя Мира».

Рассказ Вишвамитры о воинском искусстве и доблести юных сыновей Дашаратхи, о великом подвиге Рамы изумил Джанаку и его советников. Царский жрец Шатананда, воздав хвалу храбрости Рамы и Лакшманы, сказал обоим братьям: «Счастлив тот, кого одарил покровительством и дружбой мудрый Вишвамитра. Послушайте, я расскажу вам о необычайной судьбе великого подвижника.

В давние времена Вишвамитра, сын Гадхи, внук Кушанабхи, правнук Куши, был царем и правил всей землей много тысяч лет. Однажды он объезжал со своим войском города и селения, реки и горы, леса и хижины отшельников. И встретилаь ему на пути обитель подвижника Васиштхи, прославленного благочестивыми подвигами, полная благоуханных цветов, чистых водоемов, ярких лугов, птиц и диких зверей. В этой обители Васиштха и его ученики читали священные книги, возносили к небу молитвы и приносили богам жертвы. Пили они только воду, ели плоды и коренья, и постелью им служили листья и травы.

Отшельник рад был знатному гостю и предложил ему и его войску отдых, питье и пищу. Но царь Вишвамित्रа отказался: не хотелось ему брать пищу для себя и своего большого войска у бедных подвижников, изнуряющих себя голодом и суровыми покаяниями. Только Васиштха не принял государева отказа. Он хлопнул в ладоши и громко крикнул: „Эй, Шабала! Иди скорей сюда и выслушай меня“.

На его зов прибежала Шабала, божественная корова, обладавшая чудесным даром исполнять любые желания, и Васиштха сказал ей: „Я хочу накормить царственного гостя и все его войско. Пусть каждый воин получит все, что пожелает“. И Шабала дала воинам все, что им хотелось: и сахарный тростник, и варенный в молоке рис, и масло, и плоды, и вино, и воду. Гости ели и пили вволю и хвалили гостеприимство Васиштхи. И сказал тогда изумленный царь Вишвамित्रа: „Послушай меня, о благочестивый подвижник, подари мне Шабалу. Воистину, ты владеешь драгоценностью, но хранить сокровища — это дело царей, а не подвижников. Сто тысяч коров я дам тебе за нее, и она будет принадлежать мне по праву“.

„Не расстанусь я, государь, с Шабалой, — ответил ему Васиштха, — ни за сто тысяч коров, ни за десять раз по сто тысяч. Как слава неразлучна с силой, так и я неразлучен с Шабалой“. Тогда царь предложил подвижнику больше. „Я дам тебе за Шабалу, — сказал он Васиштхе, — четырнадцать тысяч слонов в золотом убранстве, восемьсот золотых колесниц, запряженных белоснежными конями, коров и лошадей без счета“. Старый отшельник и на этот раз не согласился. „Я ни за что не отдам тебе Шабалу, — сказал он Вишвамित्रе

сурово. — Она — моя жемчужина, она — все мое богатство. Нет у меня ничего дороже Шабалы, в ней, в Шабале, вся моя жизнь“.

Царь Вишвамित्रа разгневался, велел воинам силой забрать у старого подвижника корову и отправился со своим войском дальше.

Невесело было божественной Шабале идти с войском царя Вишвамित्रы, тоска по обители не давала ей покоя. И не вынесла печали чудесная корова. Кинулась она на воинов Вишвамित्रы, побила их, потоптала и, как ветер, помчалась обратно в обитель. Прибежала Шабала в обитель, подошла к Васиштхе и с обидой спросила: „Чем я провинилась перед тобой, брахман? Зачем ты отдал меня чужому человеку?“ — „Ни в чем ты передо мной не виновата, Шабала, — ответил ей Васиштха. — Державный царь забрал тебя своей волей. Где уж мне равняться с ним силой“. Тогда Шабала сказала Васиштхе: „Не печалься. Пусть злой царь приходит сюда с любым войском. Я всех заставлю уйти отсюда с позором“.

Благочестивый отшельник повелел Шабале сотворить воинов, храбрых и грозных, и поставил их охранять обитель. И когда царь Вишвамित्रа вернулся к Васиштхе, чтобы снова отнять у него Шабалу, его встретило непобедимое войско. Бросились в бой яростные воины Вишвамित्रы, и закипела жаркая битва. Сотнями, тысячами гибли воины Шабалы, а на их место она ставила новых. И не выдержал губительной схватки Вишвамित्रа. Войско его все редело и редело, сто сыновей потерял он в этой битве и, наконец, с позором бежал с поля боя.

И стал тогда Вишвамित्रа как птица без крыльев,

и похолодели, застыли его душа и сердце. Отдал он свое царство оставшемуся в живых сыну, сказал ему: „Правь землей, как кшатрию подобает“, — и ушел в Гималаи. Там он стал жить как отшельник и подверг себя суровому покаянию.

Благочестивые подвиги Вишвамित्रы тронули грозного бога Шиву, и явился он Вишвамित्रе и сказал: „Чего ты добиваешься, благочестивый? Назови мне твоё желание, и я все исполню“. Вишвамित्रа ответил Разрушителю Мира: „Дай мне оружие, которым владеют боги, и пусть оно будет мне подвластно“. — „Да будет так,“ — сказал Шива, и велика стала радость Вишвамित्रы. Он немедленно покинул Гималаи, добрался до обители Васиштхи и стал метать в нее смертоносные божественные диски. Страх овладел подвижниками и учениками Васиштхи, испугались даже птицы и звери. И все бросились бежать куда глаза глядят, и вмиг опустела цветущая обитель. Тогда пришлось сыну Брахмы, благочестивому и мудрому Васиштхе вступить в бой с Вишвамитрой.

Не помогло божественное оружие Вишвамित्रе, и в этой схватке одолел кшатрия брахман и обратил Вишвамитру в бегство.

Дважды был посрамлен великий царь в борьбе с благочестивым подвижником Васиштхой, и решил он снова уйти в Гималаи и добыть себе у богов брахманство. С сердцем, сгоравшим от стыда и унижения, Вишвамित्रа ушел в горы и предался изнурительному покаянию. Тысячу лет он истязал себя суровым подвижничеством, и боги изумились его упорству и силе духа. Они пришли к нему во главе с Брахмой, и Создатель Мира сказал ему: „Перестань истязать себя,

Вишвамित्रа. Отныне ты не просто кшатрий, а царственный подвижник“. Но не к этому стремился Вишвамित्रа, и он не прекратил своих покаяний.

Так прошло еще много лет, и случилось однажды Вишвамित्रе увидеть купающуюся в озере красавицу-апсару Менаку. Прельстительная нагота ее сверкнула перед ним, как луч солнца в облачном небе, и сети Камы, бога любви, опутали душу сурового подвижника. И тогда Вишвамित्रа сказал Менаке: „О апсара, я увидел тебя, и могучий Кама лишил меня стойкости и силы. Я прошу тебя, прекрасная, полюби меня и войди в мое жилище“. И Менака вошла в хижину Вишвамित्रы и прожила в ней пять лет, а потом еще столько же. И так велика была страсть Вишвамित्रы, что десять лет любви показались ему не длиннее одного дня и одной ночи.

А через десять лет стыд и раскаяние одолели его. И прозрел тогда царственный подвижник и понял, что это боги подослали к нему Менаку, чтобы испытать его благочестие и добродетель. Тогда Вишвамित्रа прогнал от себя красавицу-апсару, подавил в себе все мирские желания и подверг себя тяжким мукам. Он стоял, воздев руки к небу, и только воздух один служил ему пищей. Летом он окружал себя пятью кострами, в дождь не укрывался от потоков небесной влаги, а зимой погружался в воду и оставался в воде и днем, и ночью.

Сотни лет простоял Вишвамित्रа с воздетыми к небу руками, и боги снова решили испытать его добродетель. Грозный Индра, Повелитель Небесных Молний, призвал к себе Рамбху, красавицу-апсару, и велел ей соблазнить Вишвамित्रу. „Ступай к нему в горы, — сказал ей

Индра, — и чарующими плясками и пением зажги в подвижнике любовные желания“. Рамбха послушно склонилась перед Индрой и направилась к Вишвамित्रе.

Дрогнуло сердце великого подвижника, когда увидел он танцующую Рамбху, когда услышал ее нежный голос. Он смотрел на нее, не спуская глаз, и страсть проникла ему в душу. Но на этот раз суровый подвижник не позволил одолеть себя коварному Каме, не поддался на хитрые уловки Индры и в гневе проклял Рамбху за лукавство. „Ты хотела смутить мою душу, — сказал ей Вишвамित्रа. — За это на тысячу лет обратишься в камень“. И Рамбха обратилась в камень. Горько стало Вишвамित्रе оттого, что поддался он гневу. „Отныне не будет в моей душе места страсти, — поклялся он. — Отныне я не произнесу ни слова и до тех пор ни есть, ни пить, ни дышать не буду, пока перед всем миром не объявят меня брахманом боги“.

Многие сотни лет простоял Вишвамित्रа, воздевая руки к небу, без дыхания, без воды, без пищи, и столь велика стала его святость, что небожителям стало страшно. Испугались боги, что во всем мире не станет преград могучей воле Вишвамитры. Тогда пришли они к Брахме и попросили его даровать Вишвамित्रе все, что он пожелает. И Брахма согласился. Он явился Вишвамित्रе и сказал: „Отныне ты не кшатрий, не царственный подвижник, а великий брахман, и дни твоей жизни будут бесконечны. Все брахманы в этом мире и даже великий Васиштха будут почитать твою святость“. И всемогущий Брахма примирил Вишвамитру с Васиштхой, и стали они с тех пор друзьями.

С изумлением слушали Шатананду царь Джанака, его советники и гости, и, когда умолк искусный рас-

сказчик, государь Митхилы почтительно склонился перед Вишвамित्रой и сказал: «Необычайна судьба твоя, благочестивый отец, и я рад твоему приходу в Митхилу. Считаю себя здесь господином — все мы в этом царстве твои слуги». Царь Джанака еще раз поклонился Вишвамित्रе и, пожелав гостям доброй ночи, удалился в свои покои.

Когда наступило следующее утро, царь Джанака призвал к себе Вишвамитру и сыновей Дашаратхи и сказал: «Я — твой верный слуга, благочестивый подвижник. Скажи мне, чего ты хочешь в Митхиле?» Вишвамитра ответил царю: «Перед тобой, государь, сыновья Дашаратхи, прославленные в этом мире своим воинским искусством. Они знают, что есть в Митхиле могучий лук бога Шивы. Доблестные царевичи просят тебя, великий царь, показать им этот лук».

Рама и Лакшмана, почтительно сложив перед лицом ладони, низко поклонились повелителю Митхилы, и Джанака сказал им: «Да сопутствует вам счастье, отважные воины! Грозный лук Разрушителя Мира издавна хранится и почитается царями Митхилы. Некогда небожители разгневали Шиву, и решил всемогущий бог наказать их за обиду. Он взял свой лук, натянул тетиву и хотел было отправить обидчиков в царство Ямы, бога смерти, да склонились они с повинной перед Шивой, и сжалился он над ними: сменил гнев на милость. Но столь велик был страх у небожителей перед грозным луком, что они упросили

Шиву убрать его с небес на землю и подарить земному государю. И чтобы не ведали боги страха и жили спокойно, Шива вручил свой лук Деварате, царю Митхилы, и повелел хранить его в нашем роду вечно. Нерушимым обетом связан я с луком Шивы и берегу этот лук, как зеницу ока. Я поведаю тебе, великий Вишвамित्रа, и вам, доблестные сыновья Дашаратхи, о своем обете.

Много лет я царствовал в Митхиле, а боги все не давали мне потомства. И решил я тогда умиловить богов великой жертвой. Всеведущие брахманы, мои советники, выбрали место — поле — для возведения алтаря и велели мне вспахать это поле плугом. И вот, когда я, царь Митхилы, шел за плугом, из борозды мне навстречу поднялась вдруг прекрасная дева. То была Сита, моя возлюбленная дочь, дарованная мне Матерью-Землей. И возрадовался я тогда милости небес и принес богам клятву, что лишь тот станет супругом Ситы, кто сумеет натянуть тетиву на могучий лук грозного Шивы.

По всей земле разнеслась молва о божественной красоте Ситы, и отовсюду шли женихи в Митхилу. Многие цари и знатные воины пожелали натянуть тетиву на лук Шивы и взять себе Ситу в жены, но никто из них даже поднять этот лук был не в силах. Тогда царственные женихи оскорбились — почудилось им, что государь Митхилы только потешался над ними. С огромным войском женихи пошли на Митхилу. Целый год осаждали они мою столицу, и вскоре силы мои истощились. Но великие боги не дали меня в обиду, они прислали огромное войско мне в помощь, и враги мои с позором разбежались.

Я покажу сыновьям славного Дашаратхи божественный лук Разрушителя Мира, и, если могучий Рама согнет этот лук и натянет на него тетиву, прекрасная Сита станет супругой Рамы».

«Да будет так», — сказал Джанаке Вишвамित्रа, и государь Митхилы велел своим советникам немедленно доставить во дворец чудесный лук грозного Шивы.

Царские советники послали за луком Шивы большое войско. Пять тысяч могучих воинов с превеликим трудом влекли по улицам Митхилы тяжелую колесницу. У дворца великого Джанаки воины остановили колесницу, сняли с нее огромный кованый железный ларь и поставили его на землю.

«Здесь, в этом ларе, — сказал Джанака Вишвамित्रе, — лежит лук Шивы, почитаемый царями Митхилы. Пусть увидят его сыновья Дашаратхи».

По знаку Вишвамित्रы Рама открыл ларь, легко поднял одной рукой лук, надел на него тетиву и натянул ее с такой силой, что божественный лук Шивы сломался на две половины. И в тот же миг раздался такой великий гром, как будто огромная гора упала и разбилась на тысячи кусков, и затряслась земля, и в страхе все упали на землю, только Вишвамित्रа, Джанака и сыновья Дашаратхи стояли недвижимо.

Долго Джанака не мог вымолвить от удивления ни слова, а потом обратился к Вишвамित्रе с такой речью: «Великое чудо свершилось сегодня в Митхиле, благочестивый подвижник. Никогда не думал я доселе, что простой смертный может обладать такой дивной силой. Могучий Рама надел тетиву на лук Шивы, и теперь я свободен от нерушимого обета, а прекрасная Сита нашла себе достойного супруга. Она будет преданной

женой доблестному сыну Дашаратхи и прославит во всем мире древний род государей Митхилы. Пусть же мчатся мои послы в Айодхью на быстрых колесницах, пусть расскажут обо всем царю Дашаратхе и пригласят его в мою столицу».

И Вишвамित्रа сказал: «Да будет так», — и послы Джанаки отправились в Айодхью, чтобы поведать обо всем Дашаратхе и привезти его в Митхилу.

Три дня и три ночи провели в пути послы государя Митхилы, а на четвертый день прибыли в Айодхью. Торжественно вступили они во дворец Дашаратхи, низко поклонились повелителю Кошалы и сказали: «Наш владыка, царь Джанака, плет тебе, великий государь, привет и желает тебе и твоим ближним благополучия и долгих лет жизни. Наш господин, царь Джанака, велел нам поведать тебе, владыка, что сын твой, могучий Рама, с братом Лакшманой и благочестивым Вишвамитрой пришел в Митхилу, попросил показать ему лук грозного Шивы и свершил то, что никому на земле до сих пор не удавалось. Он согнул лук Шивы, надел на него тетиву и натянул ее с такой невиданной силой, что лук всемогущего бога сломался на две половины. И государь наш, повелитель Митхилы, верный своему обету, отдает могучему Раме в жены свою дочь, прекрасную Ситу и приглашает тебя, благородный Дашаратха, на свадьбу в Митхилу».

С великой радостью выслушал Дашаратха послов государя Митхилы, щедро одарил их за счастливые вести и сказал своему советнику Васиштхе: «Царь Джанака милостиво встретил сына Каушалы в Митхиле и отдает ему свою дочь в жены. Сита славится во всем мире неземной красотой и добрым нравом,

а родство с государями Митхилы еще больше возвысит наше царство. А посему надлежит нам, мудрый Васиштха, спешить в Митхилу на великий праздник, на свадьбу моего любимого сына.

Приготовь, Васиштха, щедрые дары для Джанаки и Ситы, для всех ближних государя Митхилы. Возьми из казны моей, не жалея, золотые ожерелья и дорогие камни-самоцветы, шитые серебром и золотом ткани; возьми молодых рабынь, красивых и кротких; боевых слонов, грозных и могучих; резвых скакунов из царских конюшен и пошли мои дары в Митхилу под охраной надежного войска. И прикажи моему возничему Сумантре готовить в дорогу колесницы, чтобы выехать нам завтра утром в Митхилу».

На следующее утро Дашаратха, его сыновья, жены и советники взопли на сверкающие золотом колесницы и под охраной большого войска выехали из ворот Айодхьи. С радостным сердцем спешил Дашаратха увидеть Раму, Лакшману и Вишвамитру, и на пятый день пути взору государя Кошалы предстали высокие стены Митхилы.

С великими почестями встретил Джанака благородного Дашаратху у ворот столицы и сказал: «Я счастлив видеть тебя в Митхиле, государь. Чудесный подвиг Рамы породнил нас, преславный Дашаратха, и свадьба детей наших укрепит и возвеличит наши царства. Войди же, государь, в мою столицу и будь в ней не гостем, а полновластным господином».

Дашаратхе по сердцу пришлись и великие почести и приветливые речи государя Митхилы, и он ласково ответил Джанаке: «Мои мудрые наставники, ученые брахманы еще в детстве внушили мне не отвергать

дарованное. Твоя дочь, красавица Сита, — воистину божий дар, а дружба и союз с тобою, благородный Джанака, — великое благо».

Джанака и его советники проводили знатных гостей в отведенные для них покои, и государи, довольные друг другом, расстались до следующего утра.

На другой день во дворце царя Митхилы стали готовиться к свершению свадебных обрядов. Джанака радовался родству и союзу с могущественным государем Кошалы и обратился к Дашаратхе с такой речью: «Есть у меня, великий царь, другая дочь, юная и прелестная Урмила, а у тебя есть сын, доблестный Лакшмана, верный брат могучего Рамы. Я отдам отважному Лакшмане в жены лотосооковую и кроткую Урмилу, и пусть вечной будет наша дружба». — «Да будет так», — с радостью согласился Дашаратха, и тогда в беседу государей вступил мудрый и благочестивый Вишвамित्रа.

«О великий царь, — сказал Джанаке Вишвамित्रа, — у брата твоего Кушадхваджи есть две дочери, прославленные красотой и благородством. Пусть брат твой отдаст их в жены сыновьям Дашаратхи Бхарате и Шатругхне, пусть брахманы, искушенные в свадебных обрядах, соединят завтра сыновей Дашаратхи с прелестными царевнами Митхилы, и да будет дружба двух царств нерушима».

Мудрые слова благочестивого старца Вишвамитры пришлись по сердцу обоим государям, и на радостях они подарили брахманам Митхилы и Айодхьи тысячи коров, сотни лошадей, много золота, серебра и драгоценных тканей.

Для свершения свадебного обряда царские зодчие

построили высокий помост, украсили его цветами и золотом и поставили на нем алтарь. Благочестивый Васиштха прочел над помостом священные заклинания, брахманы развели на алтаре огонь и принесли жертвы богам. Затем брахманы подвели к алтарю Ситу и Раму, одетых в богатые свадебные наряды, и поставили их друг против друга. И Джанака сказал: «Да сопутствует тебе счастье, могучий Рама! Прими дочь мою Ситу, и да будет она спутницей твоей в исполнении жизненного долга. Да будет она предана супругу и да следует она, как тень, за тобой повсюду!»

Потом брахманы подвели к алтарю Лакшману и напротив поставили Урмилу, а против Бхараты и Шатругхны встали дочери Кушадхваджи — Мандивья и Шрутакирти. Джанака каждому из сыновей Дашаратхи сказал те же слова, что и Раме, а затем женихи взяли своих невест за руки и торжественно обошли вокруг священного огня, царственных своих отцов и благочестивых брахманов.

И столь угоден был небожителям свершившийся обряд, что посыпались с небес на землю ароматные цветы, весело заиграли небесные музыканты-гандхарвы и закужились в пляске красавицы-апсары.

Веселый пир устроил в своем дворце щедрый и радостный государь Митхилы, и были на том пиру знатные гости из Кошалы, именитые горожане Митхилы, могучие соседние государи. Красноречивые сказители славил царевичей Айодхьи и царева Митхилы, славил великих государей Джанаку и Дашаратху и желали их детям счастья и удачи.

На другой день после свадьбы Вишвамित्रа удался в горы, в свою обитель, а царь Дашаратха стал

собираться в обратный путь в Айодхью. Джанака подарил сыновьям Дашаратхи, их юнам женам и своему другу, повелителю Кошалы, множество рабов и рабынь, лошадей и слонов, дорогих камней-самоцветов, золотой и серебряной посуды. Он проводил гостей до ворот Митхилы, сердечно с ними попрощался, и Дашаратха с сыновьями направился в Айодхью под охраной грозного войска.

Едва царские колесницы удалились от Митхилы, как Дашаратха заметил, что заметались в тревоге звери и задул, сотрясая землю, могучий ветер. Страшно закричали в лесу птицы. Черная пелена закрыла солнце, и стало вокруг темно, как глубокой безлунной ночью.

Вдруг перед колесницей Дашаратхи из темноты появился страшный и несокрушимый истребитель кшатриев, сын Джамадагни, по имени Рама. Глаза его были красны от гнева, волосы на голове стояли дыбом, а на плече лежал острый топор и за спиной висел губительный лук бога Вишну. Он приблизился к Дашаратхе грозный, как Шива, повергая брахманов и воинов Айодхьи в трепет. Голосом гулким, как раскаты грома, Рама, сын Джамадагни, сказал, обращаясь к Раме, сыну Дашаратхи: «Некий кшатрий несправедно убил моего отца, благочестивого брахмана Джамадагни, и тогда я поклялся, что уничтожу всех кшатриев на земле. Я слышал о твоей удивительной силе; я слышал, что ты сломал могучий лук бога Шивы. Я хочу драться с тобой в честном поединке, но

сначала ты докажи мне, что есть у тебя сила для битвы со мной. У меня за спиной висит лук бога Вишну, он ничем не уступит луку Шивы. Попробуй натянуть его тетиву, прославленный сын Дашаратхи, и, если тебе это удастся, я вступлю с тобой, могучий воин, в единоборство».

Страшная молва катилась по земле о беспощадном губителе кшатриев, сыне Джамадагни. Сердце старого Дашаратхи затрепетало от страха за жизнь его возлюбленного сына, и, смиренно сложив ладони, он стал умолять сына Джамадагни отступиться. «Ведь ты уже утолил свой гнев против нашей касты, — сказал ему Дашаратха, — и давно живешь в лесах как благочестивый подвижник. К чему тебе, о праведник, битва? Возлюбленные сыновья мои еще дети».

Но сына Джамадагни не смягчили униженные слова царя Айодхьи. Тогда Рама, сын Дашаратхи, пришел в ярость. «Ладно, — сказал он сыну Джамадагни, — ты испытаеть сейчас мою силу». С этими словами царевич Рама взял в руки лук Вишну, приладил к нему смертоносную стрелу и, натянув тетиву, выстрелил в грудь сына Джамадагни. И миг не стало страшного истребителя кшатриев, и спала черная пелена с солнца, и все вокруг прояснилось. И тогда Рама сказал изумленному Дашаратхе: «Сын Джамадагни не потревожит нас больше, государь, и мы можем спокойно продолжать наш путь в Айодхью».

С радостью обнял царь Дашаратха своего могучего и непобедимого сына и, успокоенный, поспешил в свою столицу.

Радостными кликами встречали жители Айодхьи своего государя, его отважных сыновей и юных пре-

красных дочерей царя Митхилы. Улицы столицы были чисто убраны и политы водой, дома украшены стягами и цветами, весело гремели трубы и литавры, певцы и сказители громко славили удивительные подвиги Рама, старшего сына Дашаратхи.

Счастливейшим из государей вступил в свой дворец гордый Дашаратха со своими могучими сыновьями, с прелестными царевнами Митхилы. Молодым супругам отвели особые покои, служить им стали послушные рабы и рабыни, и радость воцарилась во дворце повелителя Айодхьи.

Однажды Дашаратха сказал Бхарате, своему сыну, что его и Шатругхну зовет в гости дядя царевичей Ашвапати. Бхарата и Шатругхна поехали в гости к царю Ашвапати, а великий Рама ведать стал царскими делами, помогать отцу править государством.

В радости и согласии жил Рама со своей супругой, красавицей Ситой, и счастлив был ее добротой и любовью.

КНИГА ВТОРАЯ

Айодхья

Когда Бхарата покинул Айодхью, чтобы отправиться в город, где правил брат его матери, он взял с собою юного Шатругхну, не ведающего грехов. Оба царевича были приняты добрым царем Ашвапати в его доме как родные сыновья. Окруженные великим почетом и угождением жили братья в столице Ашвапати, но не переставали помнить о своем престарелом отце.

И царь Дашаратха не забывал своих сыновей Бхарату и Шатругхну, пребывающих вдали от родного дома.

Все четверо сыновей были дороги Дашаратхе как члены собственного тела, но первенец, могучий Рама, был отцу всех дороже.

Никто не мог сравниться с царевичем в силе и отваге, и всех превзошел Рама ученостью и воспитанием и мудрым разумением. Исполненный добродетелей, он никогда не кичился и не выискивал пороков у других. Чистый душою, он был приветлив и кроток в обращении, незлобив, прямодушен, почтителен со старшими. Постоянно в часы отдыха от упражнений в воинском искусстве он вел полезные беседы с умудренными возрастом, наукою и опытом мужами; и не было никого, кто более Рамы был сведущ в делах и обязанностях правителей государства. Он знал Веды и веданги, законы и обычаи, был искушен во владении оружием и верховой езде, был красноречив и рассудителен, проникателен и находчив, неутомим и бесстрашен; и он никогда не уклонялся с пути долга. Он был щедр и милостив к беднякам, почитал брахманов, был сострадателен к несчастным и сурово карал злодеев. Безмерно добр он был к своим подданным, и подданные любили его.

И вот царь Дашаратха, радуясь тому, что сын его наделен столькими достоинствами, и поразмыслив, так сказал себе: «Я должен позаботиться о том, чтобы Рама, любимый сын мой, стал царем еще при моей жизни. Я знаю, что всегда стремится он к благу народа. И народ предан ему еще больше, чем мне. Поставив Раму на царство, смогу я спокойно покинуть этот мир».

Царь объявил советникам о намерении своем и повелел созвать в Айодхью благородных раджей и властителей из различных стран земли. Только Джанаку и царя кекаев второпях не успел пригласить Дашаратха, но решил, что потом пошлет к ним гонцов с добрыми вестями.

И из разных стран пришли в Айодхью во множестве раджи и владетельные кшатрии со своими воинами и слугами и явились в собрание, где восседал могучий Дашаратха, покоритель вражеских городов, и сели по старшинству на те места, которые он указал им. И подвластные Дашаратхе цари, пребывающие обычно в его столице, сошлись там, и в окружении царственных воинов владыка Айодхьи восседал на блистающем троне, как владыка небес в окружении бессмертных богов.

Тогда сказал Дашаратха в собрании раджей голосом, подобным раскатам грома, торжественным и звучным: «Ведомо вам, о мужи, сколь я радею о благе страны и народа, следуя в том славным предкам моим, — ведь все они пеклись о подданных как о собственных детях. Но многие тысячи лет протекли с тех пор, как начал я править землею под сенью белого балдахина государей, старость согнула мои плечи, и бремя царского долга утомило меня. Ныне я стремлюсь к покою, и с согласия всех собравшихся здесь дваждырожденных, ради блага подданных я возлагаю тяжкое это бремя на старшего моего сына, одаренного всеми качествами, какие должно иметь государю. Завтра утром я намереваюсь возвести его на трон. Думаю я, что не только для меня, но и для всей страны будут от этого великая польза и утешение.

Рассудите же, о мужи, прав ли я; ведь беспристрастные мыслят здраво, и лишь свободное суждение ведет к решению, согласному с истиной».

Едва окончил Дашаратха свою речь, как раздались в собрании громкие возгласы одобрения. Цари, военачальники и брахманы, горожане и жители дальних областей выразили непритворную радость; многократно воздали они хвалу благодетельной мудрости Дашаратхи и достоинствам Рама. Воздев над головою руки со сложенными ладонями, они единодушно изъявили свое согласие с решением царя.

Видя эти многочисленные знаки одобрения, царь Дашаратха возрадовался душою и поручил Васиштхе и другим брахманам приготовить на завтра все для обрядов, совершаемых при возведении наследника на трон, и тогда приветственные клики собравшихся сотрясли землю. Дашаратха же, отдав распоряжения Васиштхе, призвал к себе Сумантру, колесничего, и повелел ему немедленно отправиться за Рамой и привести его в собрание.

И Дашаратха, стоя в том блистательном собрании среди царей Севера и Юга, Востока и Запада, среди арийских властителей и вождей варваров, как Индра-громовержец среди Марутов, узрел своего сына, приближающегося ко дворцу в сиянии своей красоты и мужества, обликом подобного повелителю гандхарвов, любезного взорам и сердцам людей как благостный ливень, укрощающий жестокий зной летнего дня.

Сойдя с колесницы, Рама быстро взбежал по ступеням дворцовой лестницы — Сумантра же шел за ним следом — и предстал перед отцом, сложив смиренно ладони. И возгласив имя царя, Рама склонился к его

ногам. Царь Дашаратха взял сына за руки, привлек его к себе и обнял. Потом он указал Раме место, приготовленное для него на возвышении, украшенном золотом и драгоценными камнями, и, возведя сына на возвышение, излучающее золотой блеск, царь обратился к нему с такими словами: «Рожденный первою моею женою, равной мне достоинствами, украшенный высокими добродетелями, ты, о Рама, мой достойный сын, милый моему сердцу! Твое величие и благородство духа принесли тебе славу и любовь народа; поэтому в эти дни, когда луна пребывает в созвездии Пушья, прими звание государя. Да будет правление твоё благим для твоего народа; обуздывая гнев и страсть, избегай зла, храни смирение; верши мудро правосудие над подданными, и тем ты умножишь их любовь и преданность и великое познаешь блаженство, с коим сравнится лишь то, что доступно вкушающим амриту бессмертным богам».

Услышав речи Дашаратхи, друзья и доброжелатели Рамы поспешно покинули собрание, чтобы принести радостные вести царице Каушалье. И эта лучшая из женщин щедро одарила добрых вестников золотом и коровами и всяческими драгоценностями.

Разошлись и другие, присутствовавшие в собрании, воздав почести царю и царскому сыну. Дашаратха же удалился во внутренние покои и там, призвав к себе Раму, сказал ему: «О Рама, я исполнил свой долг в этом мире, и все, что мне еще осталось, — это возвести тебя на трон. В минувшую ночь, о сын мой, я видел зловещие сны. Звезды падали с неба со страшным ревом, и громовые раскаты сотрясали землю. Прорицатели говорят, что звезда моей жизни вошла в со-

четание с враждебными планетами — Солнцем, Мангалой и Раху. Все это предвещает царю ужасное несчастье, грозящее смертью. И в последнее время недобрые знамения появляются всюду — в небе, в воздухе и на земле; тяжкие испытания предстоят государству.

„Завтра луна войдет в созвездие Пушья“, — так говорят звездочеты; завтра при благоприятном положении светил ты будешь возведен на трон. И потому, когда зайдет солнце, ты соверши вместе с Ситой необходимые обряды, и на ложе из травы куша вы проведете ночь в посте и покаянии. И пусть в эту ночь твои друзья бдительно охраняют твои покои, дабы предотвратить все беды, какие могут воспрепятствовать тому, что должно совершиться завтра».

Сказав так, Дашаратха благословил сына и покинул покои, чтобы распорядиться о приготовлениях к завтрашним торжествам.

А весть об избрании Рамы уже разнеслась по столице, и возликовал народ Айодхьи и вышел на улицы, чтобы приветствовать будущего царя, возвращающегося из чертогов Дашаратхи в свой дом.

Мантхара, подруга и наперсница царицы Кайкейи, выросшая вместе с нею, бывшая служанка в доме ее дяди, выглянув из окон дворца, увидела, что улицы Айодхьи украшены стягами и цветами и полны народа. Она услышала музыку и пение ведийских гимнов и радостный говор толпы, мешающийся с ревом

слонов, ржанием лошадей и мычанием коров. Повстречав в дворцовых покоях няньку, одетую в нарядное платье из белого шелка, поспешающую куда-то с радостным лицом, Мантхара спросила у нее о причине всеобщего ликования и узнала, что Рама должен быть возведен завтра на царский трон.

Мантхара, безобразная и завистливая сердцем горбунья, услышав это от няньки, возгорелась потаенной злобой. И, поспешив тотчас же к Кайкейи в ее спальню, где та покоилась еще на своем ложе, не встав ото сна, она обратилась к царице с такими словами: «Вставай, о неразумная! Время ли спать? Великая опасность надвигается на тебя. Ведомо ли тебе, что счастье твое, неверное, как речное половодье летом, ускользает от тебя ныне?»

Встревоженная словами горбуни, Кайкейи спросила, трепеща от страха: «Какая беда случилась, о Мантхара? Что означает твой вид, исполненный смятения и горести?» Мантхара ей сказала: «О благородная, тебе грозит ужасное и непоправимое несчастье. Царь Дашаратха решил возвести Раму на трон. Безмерный страх объял меня, когда я услышала об этом, и, словно горя в огне, я поспешила к тебе, поглощенная заботой о твоём благе. Ведь твоё горе, о Кайкейи, умножает мои страдания, и моё благополучие возрастает вместе с твоим. О несчастная, ты лелеяла на своей груди ядовитую змею — твоего супруга. Речи его источают мед, но сердце исполнено зла. Отослав Бхарату в дом твоих родителей, коварный Дашаратха возжелал отдать Раме царство своих предков. Утешая тебя ласковыми словами, он готовит погибель тебе и твоему сыну; пришло для тебя время помыслить

о том, что ты можешь сделать для своего спасения». Услышав слова горбуньи, прекрасная Кайкейи преисполнилась радости и привстала на своем ложе, подобная ясному лунному свету осенней ночи; и она одарила Мантхара драгоценным украшением как добрую вестницу. «О Мантхара, — сказала она, — новость, которую ты принесла мне, отрадна моему сердцу. Ведь я люблю Раму, как родного сына, и ничто не утешило бы меня больше, чем вступление его на царство. За эту весть, о Мантхара, требуй от меня какой хочешь награды».

В ярости швырнула горбунья богатое украшение наземь и так сказала царице Кайкейи: «Чему ты радуешься, безумная? Или ты не видишь, что ты — на краю бездны? Горько мне, царица, но я смеюсь в душе, глядя на тебя. Какая женщина в здравом уме станет радоваться успеху сына жены-соперницы? Ты будешь служить как рабыня гордой Каушалье, она будет помыкать тобою и нами всеми, и сын твой будет ждать милости от Рамы, словно слуга; я дрожу при мысли об этом».

«Но Рама справедлив и предан истине, благочестив и добродетелен, — отвечала Мантхаре Кайкейи. — Он старший сын царя и наследует царство по праву. Он будет милостив к своим братьям и ко всем своим родным, как и его отец. Почему же ты горюешь, о горбунья, услышав о вступлении Рамы на трон? Минуты годы, и для Бхараты придет время царствовать. Власть же над страной принадлежит ему столько же, сколько и Раме, и я не утрачу почета нимало в сравнении с Каушальей».

Задыхаясь от ярости, Мантхара сказала: «Скуден

твой разум, не отличаешь ты доброго от злого, и тебе не постичь беды, нависшей над тобою. Рама будет царем, а после Рамы — его сын; Бхарата же навсегда отпадет от рода государей. Не могут все сыновья царя быть царями; великая смута возникла бы, когда бы все они взойшли на трон. И потому цари, о Кайкейи, возлагают бремя правления на старшего сына, если он того достоин, или на младшего, когда тот более добродетелен.

Недобрая судьба ожидает Бхарату. Пойми, что сердце мое терзается только из-за тебя. Нет сомнения в том, что Рама, обретя власть, не замедлит отослать твоего сына в отдаленную страну или же в другой мир. Рама не причинит зла преданному ему Лакшмане — эти двое всегда стоят друг за друга; но Бхарата для Рамы соперник и враг, и горе ему, если Рама воцарится на троне. Подумай же о том, что можно сделать для спасения Бхараты и для блага всех твоих родных и близких. Сделай так, чтобы сын твой Бхарата получил царство, а Рама был изгнан в леса; только этим ты избавишь нас от великого несчастья. Иначе Бхарата будет сокрушен Рамой, как слон, преследуемый львом в лесной чаще; а Каушалья припомнит тебе, о гордая жена, все обиды, которые ты некогда нанесла ей. Помысли же о средствах победить и изгнать твоего врага, или ты погибнешь вместе со своим сыном».

Тогда Кайкейи с лицом, пылающим от гнева, сказала Мантхаре: «Сегодня же я пошлю Раму в изгнание и немедленно возведу Бхарату на царский престол. Но скажи, как могу я совершить это?» И Мантхара, злая горбунья, завидующая счастьем Рамы, сказала:

«Есть средство, о Кайкейи, — или ты забыла о нем, или молчишь о нем, чтобы услышать из моих уст то, что сама ты некогда поведала мне?» — «Какое средство?» — спросила Кайкейи, приподнимаясь на ложе.

И вот о чем напомнила ей Мантхара.

«В давние времена, — молвила горбунья, — когда боги воевали с демонами, твой супруг, о царица, взяв тебя с собою, выступил однажды из Айодхьи, чтобы вместе с другими царственными подвижниками оказать помощь в той войне повелителю бессмертных. Далеко на юге, в лесу Дандака, ракшасы, напав внезапно ночью, в кровавом бою истребили много отважных воинов. Царь Дашаратха сражался, не ведая страха, но был сокрушен вражеским оружием и лишился чувств; тогда он был увлечен тобою с поля битвы. В этот миг смертельной опасности, тяжело раненный, царь был спасен тобою, о достойная жена, и в благодарность за это он обещал исполнить два любых твоих желания. Ты же сказала, что примешь дар тогда, когда желание такое у тебя возникнет, на что он отвечал тебе: „Да будет так“. Ты сама рассказала мне об этом когда-то, о благородная, и из любви к тебе я сохранила все в памяти. Заставь же теперь царя отказаться от его решения. Напомни ему о его обещании и потребуй двух даров: избрания Бхараты на царство и изгнания Рамы в леса на четырнадцать лет.

Сейчас удались в дом гнева, о царица, и ложись на непокрытом полу, одетая в запыленные одежды. Не смотри на царя и не говори с ним. Только плачь, когда увидишь, что опечалился владыка земли. Ведь ты его любимая жена, ради тебя он войдет в огонь,

Он будет предлагать тебе золото и жемчуга, и драгоценные камни, но ты будь стойкой и не склоняйся пред ним. Напомни ему о тех двух дарах, которые он обещал тебе во времена войны богов и демонов, и он тебе отказать не посмеет».

И, приняв за добро то, что поистине было злом, Кайкейи возрадовалась при мысли об исполнении своих желаний. Осыпав Мантхару похвалами и обещав щедро одарить ее, когда обретет желаемое, прекрасная Кайкейи последовала за горбуньей в дом гнева. Там, сняв с себя украшения, она опустилась наземь и сказала Мантхаре по ее же наущению: «Ступай, о лучшая из горбуний, и скажи царю, что я не покину этого места, пока не уйдет в леса Рама и Бхарата не сядет на трон». И подстрекаемая вновь и вновь коварной Мантхарой, Кайкейи сказала, дрожа от гнева: «Если не покинет Рама Айодхью, не нужно мне ни ложа, ни украшений, ни еды, ни питья. Или он уйдет в изгнание на долгие годы, или я удалюсь отсюда в обитель смерти». С этими жестокими словами она распростерлась на земле, усыпанной сброшенными ею с себя драгоценными украшениями.

Между тем Дашаратха, отдав необходимые для грядущего торжества распоряжения, отпустил приближенных и слуг и вернулся во внутренние покои. Он вспомнил, что любимая жена его Кайкейи не знает еще об избрании Рамы, и поспешил к ней, чтобы обрадовать ее благой вестью. И он вошел в покои Кай-

кейи, подобные обители бессмертных, украшенные золотом и серебром и слоновой костью, полные карлиц и шуток, редкостных вещей и драгоценных камней, и необыкновенных яств и напитков; там цветущие и отягченные плодами деревья осеняли пруды с прозрачной водою, и оглашались те покои сладкими звуками лютни и криками попугаев, павлинов, лебедей и птиц краунча. Но, войдя во внутренний покой, могучий царь не нашел свою возлюбленную Кайкейи на ее ложе.

Царь, огорченный, — ибо никогда еще в это время дня не заставлял он покой пустым, — выйдя оттуда, спросил стража, стоявшего у дверей, о царице, и тот поспешил ответить ему, что благородная царица, рассерженная чем-то безмерно, удалилась в дом гнева. С тревогою в сердце вступил Дашаратха в дом гнева и узрел жену свою, которая ему была милее жизни, распростершейся на земле в неподобающем ей виде, подобно павшей апсаре или киннари, низринутой за грехи с небес, подобно лани, пронзенной отравленною стрелой охотника.

И царь, пораженный скорбью, нежно коснулся лотосоглазой Кайкейи и сказал: «Я не знаю, за что гневаешься ты на меня. Кто обидел тебя, о благородная? Если злой недуг вселился в тебя, назови его — у меня есть искусные лекари, щедро одарю я их, и они исцелят тебя. Или ты хочешь, чтобы я покарал кого-нибудь? Или кого-нибудь наградил? Не скрывай своих мыслей, о ты, наполнившая мое сердце печалью! Нужно ли предать кого-нибудь смерти? Или отпустить на свободу заточенного в темницу? Сделать бедняка богатым? Или богача — нищим? Ты знаешь, что я ни-

когда не посмею воспротивиться твоему желанию — повелевай мною! Клянусь моими добрыми деяниями, я все сделаю, чтобы развеять твою тоску!»

Так говорил царь прекрасной Кайкейи, она же, тая в душе недобрые желания, отвечала ему: «Никто не обидел меня, о могучий царь. Я скажу тебе о том, чего я хочу, но прежде обещай, что исполнишь просьбу мою без промедления». И Дашаратха сказал: «Клянусь тем, кто мне всего дороже, опорой моей жизни, Рамой, моим ненаглядным сыном клянусь, я исполню желание твоего сердца!»

Тогда сказала Кайкейи, помышляющая лишь о собственной пользе, готовая поразить слух супруга жестокой и губительной речью: «Ты поклялся и ты обещал мне, что свершится то, чего я желаю. Да услышат твою клятву тридцать и три божества с Индрой во главе! Да услышат ее Солнце, и Луна, и Небо, и Планеты, и Ночь, и День, и Страны света, и Земля, и все живые существа! Я призываю богов и вселенную в свидетели твоих слов, о царь, прославленный справедливостью, благочестием и верностью данному слову!» И так заклиная царя, Кайкейи напомнила ему его обещание, данное в дни войны богов и демонов.

«Ныне, о потомок Рагху, — молвила Кайкейи, — я хочу получить обещанные дары. И если ты откажешь мне теперь, презренная тобою, я отрекись от жизни». Затем, опутав царя коварной речью, как петлею оленя, попавшего в ловушку, и подчинив его своей власти всецело, она сказала: «Выслушай же меня, о государь. Дошло до меня, что идут приготовления к свершению обрядов в честь Рамы, вступающего на трон. Повели, о праведный царь, чтобы на трон взошел Бхарата.

Пришло время исполнить и второе мое желание — пусть Рама, одевшись в оленьи шкуры, удалится в леса Дандака и ведет там жизнь отшельника девять и еще пять лет. Ты же отдай Бхарате царство, свободное от посягательств Рамы. Вспомни о своем обещании, о владыка, и, верный своему слову, да будешь ты царем царей».

Внимая нечестивым речам Кайкейи, Дашаратха в смятении сказал себе: «Снится ли мне дурной сон или помрачился мой разум? Или злой дух овладел мною?» И не в силах понять причину происходящего, он лишился чувств. Когда же он пришел в себя и вспомнил слова Кайкейи, сердце его преисполнилось скорби. И с тяжким вздохом, пораженный горем и мукой, словно олень, завидевший тигрицу, царь опустился на непокрытую землю и снова лишился чувств. Нескоро возвратилось к нему сознание; тогда он сказал Кайкейи, пылая гневом: «О ты, губительница рода! Что сделал тебе дурного Рама, злая женщина? Он всегда почитал тебя, как родную мать. За что же ты ненавидишь его? На погибель свою взял я тебя в этот дом, как змею, таящую в себе смертельный яд. Всеми прославлены добродетели Рамы; за что же я отрекись от своего любимого сына? Скорее откажусь я от Каушалы, или от Сумитры, или от царства, но не от Рамы; скорее мир может существовать без солнца, без воды и хлеба, нежели я смогу жить без Рамы, сына моего. И потому, о ты, стремящаяся к несправедливой цели, забудь о своем намерении! Как появилась у тебя эта ужасная мысль? Ты всегда говорила мне, что Рама столь же дорог тебе, как и благородный Бхарата. И доньше ты никогда не

совершала ничего недостойного и никогда не причиняла мне горя. О милая, я не могу поверить, чтобы в здравом уме ты вела когда-нибудь такие безрассудные речи. Опомнись, о Кайкейи! Видишь, я кладу мою голову к твоим ногам. Сжался надо мною! Я стар и стою на краю могилы. Будь доброй матерью Раме и избавь меня от греха!»

Кайкейи, не вняв увещанию, обратилась к царю, терзаемому горем, с речью, еще более жестокой. «Если ты, о повелитель, обещав дар, раскаиваешься после, — сказала она, — зачем похваляешься ты, о могучий, своею праведностью в этом мире? И что скажешь ты святым мудрецам, когда спросят они тебя об этом? Ты скажешь: „Я нарушил свое слово, данное той, кому обязан жизнью“? Ради того чтобы угодить Каушалье, ты покроешь позором род Икшваку? Я же и дня не проживу, если увижу, что Каушалье воздают почести как царице-матери, — смерть я приму тогда как избавление. Если ты откажешь мне, я выпью яд в тот же день и умру на твоих глазах. Клянусь моим сыном, который мне дороже собственной жизни, только изгнание Рамы умиротворит меня».

Сказав так, Кайкейи умолкла. И царь, пораженный услышанным, взирал на нее, не в силах произнести ни слова. Затем, охваченный горестью, он поник, как дерево, подрубленное топором, и чувства в нем помутились, как у безумного. И он сказал Кайкейи такие слова, исполненные печали и отчаяния: «Кто внушил тебе, что достоин избранный тобою путь, нечестивый и гибельный? Или нет у тебя стыда, что ты обращаешься ко мне с речами, словно подсказанными злым духом? Увы! Я не знал доньше,

сколь извращена твоя природа. По неведению я доверился тебе, как ребенок, играющий с ядовитой змеею. Проклятье женщинам, коварным и лживым! Но нет, я говорю не о всех женщинах, лишь о матери Бхараты. О ты, желающая всех лишитъ счастья, о жестокосердая, или бог сотворил твою душу столь подлой для того только, чтобы мучить меня? Но я не переживу изгнания Рамы. Ты останешься вдовою и будешь править царством вместе со своим сыном. Будь тогда счастлива, низвергнув в ад меня и Каушалью и других моих сыновей. Что скажу я теперь царям и моим советникам и народу после того, как, побуждаемый всеобщим одобрением, я объявил об избрании Рамы? Все станут говорить: „Безрассудный и сластолюбивый царь Дашаратха сослал в леса своего сына ради прихоти молодой жены“. О горе мне! Что скажу я Каушалье? Что станет с Ситой, когда услышит она вѣсть об изгнании Рамы? О ты, навлекшая позор на род царей кекаев, о злодейка, не ведающая стыда, ты можешь броситься в огонь, принять яд, скрыться под землею — я не исполню твоего желанія, несущего гибель мне и моему роду. Я не хочу видѣть тебя живой, о ты, испепеляющая мое сердце, отнимающая у меня жизнь! Подумай, как стану жить я без Рамы! Как жить отцу, лишившему сына? О нет, ты не должна, о благородная, причинять мне зло. Я припадаю к твоим ногам — сжался надо мною!»

Но тщетно царь молил Кайкейи; тщетно горькие обращал к ней упреки; она презрела его мольбы и слезы и, упорствуя в намерении своем, замкнулась в безжалостном молчании.

А меж тем солнце село и наступила ночь; но не принес ее приход покоя несчастному царю. Тяжко вздыхая, возвел глаза к небу старый Дашаратха и молвил: «О ночь, блистающая звездами, внемли моим стенаниям — пусть никогда не наступит утро! Будь милостива ко мне и скрой от взора моего ненавистную Кайкейи, ввергшую меня в пучину горя!» И, сказав это, он распростерся на земле, пораженный как ударом грома постигшей его бедою.

Когда минула ночь и настало утро, повсюду зазвучали трубы, и загремели барабаны, и пробудился весь город и наполнился радостным праздничным шумом. Здания украсились стягами; они реяли над кровлями храмов и богатых домов, как белые облака над горными вершинами. Народ собрался на террасах и у дверей домов на пути от жилища Рамы до царского дворца. И с утра потянулись в Айодхью со всех сторон жители окрестных и дальних деревень, прослышавшие о вступлении Рамы на престол.

В это утро, в час благоприятного расположения светил, мудрый Васиштха, сопровождаемый своими учениками, все приготовившими для обряда, вступил в лучший из городов, — Айодхью, — улицы которого, чисто выметенные, политые водою и украшенные, благоухающие сандалом и агуру, заполнены были ликующей толпой. У ворот дворца Дашаратхи Васиштху встретил царский колесничий, и мудрец повелел ему немедленно войти к своему государю и объявить, что все готово для предстоящего праздника.

«Скажи государю, — молвил Васиштха, — что и золотые сосуды с водою из Ганги и из океана, и мед, и молоко, и восемь прекрасных дев, и дикий слон, и колесница, запряженная четырьмя конями, и меч, и превосходный лук, и балдахин, белый как лунный свет, и серый буйвол, спутанный золотой цепью, и могучий лев, и трон, и тигровая шкура, и коровы, и различные священные животные и птицы — все доставлено в надлежащее время и брахманы ждут только царского слова, чтобы начать обряды».

И Сумантра вошел в царские покои, куда он имел доступ во всякое время дня, и стража беспрепятственно пропустила его. Представ перед царем и Кайкейи, он с радостью возвестил о приходе Васиштхи; но ничего не ответил ему Дашаратха, угнетенный отчаянием и скорбью. Тогда, видя, что царь не в силах заговорить, Кайкейи сказала удивленному колесничему: «Сумантра, государь утомился, бодрствуя всю ночь в ожидании счастливого события. Ступай не мешкая и приведи во дворец Раму, достойного сына царя». — «Как пойду я, — возразил Сумантра, — без повеления государя?» И Дашаратха сказал ему: «Ступай за Рамой, Сумантра, я хочу его видеть».

Выслушав эти слова, колесничий удалился, не подозревая дурного, чтобы исполнить волю царя и царицы.

Прибыв ко дворцу Рамы, блистающему великолепием и красотой, подобно белому облаку в осеннем небе, Сумантра увидел у входа толпы горожан, явившихся поутру с дарами, и царских советников на конях и в колесницах, собирающихся сопровождать Раму, и огромного слона, подобного горе, готового

нести царевича к месту торжества. И, вступив во дворец, Сумантра, сведущий в обычаях, приказал стражам, охраняющим покои царского сына: «Пойдите и скажите Раме, что Сумантра ждет у ворот».

Рама, услышав о приходе колесничего, повелел привести его в покои; и Сумантра, войдя, узрел царевича, восседающего с Ситой на золотом возвышении, покрытом дорогим ковром. Узнав от Сумантры, что царь и Кайкейи хотят видеть его, Рама, обрадованный, обратился к Сите и сказал ей: «О милая, нет сомнения, что добрая царица Кайкейи, проведая о моем избрании, торопит теперь государя, отца моего, со свершением торжественных обрядов; ведь она всегда была расположена ко мне и всегда радела о счастье царя и моем. И ныне государь и Кайкейи призывают меня, желая незамедлительно объявить о венчании моем на царство. Я должен поспешить во дворец моего отца, ты же оставайся и развлекись с подругами своими».

И, простившись с синеокой Ситой, Рама покинул свой чертог. У ворот он встретил Лакшману, ожидавшего его, смиренно сложив ладони, и всех своих друзей, явившихся воздать ему почести. Ответив на их приветствия, царевич взшел на свою колесницу, отделанную серебром и покрытую тигровой шкурой, и Лакшмана взшел вместе с ним и встал позади него с белым опахалом в руках как верный его телохранитель; и сотни витязей с обнаженными мечами в руках последовали впереди и позади колесницы Рамы на конях и слонах. И всю дорогу до дворца Дашаратхи народ, теснившийся на улицах, приветствовал Раму громкими кликами, и женщины с террас и из окон домов осыпали его цветами.

Достигнув царского дворца, Рама прошел один во внутренние покои, свита же осталась ждать его у входа.

И, войдя в царские покои, Рама увидел своего отца на богато украшенном троне, печального и с измученным лицом, и рядом с ним Кайкейи. Смиренно поклонившись в ноги царю, Рама приветствовал затем царицу с надлежащим почтением; но не поднял на него взора, затуманенного слезами, и ничего не сказал ему в ответ несчастный царь.

Встревоженный и удивленный необычным поведением царя и никогда не виданной ранее мрачностью его, Рама, бледный и повергнутый в уныние, обратился тогда к Кайкейи и спросил ее: «Не преступление ли какое, совершенное мною по неведению, причина тому, что я вижу отца моего разгневанным ныне? Если это так, прошу тебя, умиловить его и смягчи его гнев. Чем удручен его дух и почему так бледен он, всегда встречавший меня ласковой речью? Не терзает ли его какой-нибудь недуг, душевный или телесный? Не случилось ли беды с ясноликим Бхаратой или с отважным Шатругхной? Или невзгода посетила матерей моих? Скажи мне, о высокочтимая, я жажду знать истину. Какое неожиданное горе омрачило сердце владыки?»

Кайкейи сказала: «Нет, Рама, царь не гневен, и ничто не грозит ему. Но некогда обещал он исполнить два моих желания и теперь боится заговорить, чтобы не промолвить неудобное тебе. Ведь ты — его любимый сын. Я расскажу тебе обо всем, о Рама, коль скоро ты обещаешь сделать все, что повелит тебе царь, будет ли то по сердцу тебе или нет».

Рама, опечаленный, ответил Кайкейи в присутствии царя: «Горе мне, если ты могла усомниться в моей сыновней преданности, о благородная! По единому слову отца моего я войду в огонь, выпью яд, кинусь в море, если он повелит. Поведай мне, о царица, в чем воля государя, и знай, что я исполню ее — еще никогда не отступал Рама от сказанного им единожды».

И Кайкейи поведала о войне богов и демонов, о спасении Дашаратхи и о том обещании, которое он дал ей. И сказала тогда коварная и подлая Кайкейи Раме, справедливому и не ведающему зла, о своих недобрых желаниях: «Пусть взойдет вместо тебя на царство Бхарата, ты же да отправишься в изгнание в леса Дандака сроком на семь и еще на семь лет».

Выслушав эти слова, жестокие, как возвешение смерти, Рама не был повергнут в отчаяние; но старый царь великой был сокрушен горестью при мысли о разлуке с любимым сыном. Рама же, истребитель врагов, отвечал Кайкейи: «Да будет так, как ты говоришь. Ради исполнения того, что было обещано тебе моим отцом за спасение его жизни, я с радостью отправлюсь в леса и пробуду там как отшельник столько лет, сколько ты пожелала. Одно лишь печалит мое сердце. Почему государь сам не объявил мне об избрании Бхараты на царство? Ведь я рад следовать любому его велению. Утешь царя! Почему, потупив взор, он безмолвно проливает слезы? Я же поспешу исполнить волю его».

Кайкейи, обрадованная, сказала: «Слова твои справедливы, о Рама! Не следует медлить с исполнением решенного. Пусть пошлют тотчас гонцов за Бхаратой — да возвратится он немедля в Айодхью. Ты же

прости отцу его молчание — он смущен и потому не может говорить с тобой. И уходи в лес, поторопись, о Рама; царь не будет ни пить, ни есть, ни совершать омовение, пока ты остаешься здесь».

При этих словах царь воскликнул, рыдая: «О горе!» — и упал без чувств на асану, украшенную золотом. Рама, подняв отца и усадив его на асане, приготовился уйти, понуждаемый безжалостными речами Кайкейи, как конь жестокими ударами плети. И, обещав царице покинуть в тот же день Айодхью, Рама испросил у нее разрешения увидеться с матерью и Ситой, поклонился в ноги царю, оцепеневшему в бесчувствии, и удалился.

Выйдя от царя и Кайкейи, Рама направился, сопровождаемый Лакшманой, в покои своей матери.

Когда же распространился слух об его изгнании, женщины во дворце подняли громкий плач. Жалуясь и стеная, царские жены порицали Дашаратху и проливали слезы о горькой участи Рамы. «Увы! Мы лишились опоры своей и защитника», — говорили они. Но сам Рама оставался непоколебим и спокоен, утрата царства не омрачила лица его, прекрасного, как месяц осенней ночью, и речь его, обращенная к друзьям и к слугам, осталась по-прежнему исполненной благоволения и кротости.

У входа в покои Каушалы Рама встретил многих преклонных годами почтенных брахманов и с ними

женщин и детей, которые все воздали ему почести и осыпали его благословениями. И привратницы, охраняющие чертог старшей царицы, приветствовали Раму словами: «Победа тебе!» и немедленно известили повелительницу о его приходе.

Рама, войдя в благословенную обитель своей матери, застал ее у алтаря, возносящей богам молитву о счастливом царствовании сына. Не ведая о беде, она с утра, облачившись в белые одежды, совершала жертвоприношение огню и старалась умиловить божества возлияниями воды, приношениями риса, варенного в молоке и сахаре, зерна, топленого масла и цветов.

Рама приветствовал мать, склонившись до земли, сложив смиренно ладони; она же поспешила к нему навстречу и, обняв его, сказала голосом, прерывающимся от радости: «Да будешь ты долговечен, о Рама, дитя мое! О, не напрасны были мои молитвы и обеты — благо царского рода Икшваку будет твоим уделом». Тогда Рама поведал ей о постигшем их горе, о своем изгнании и о воцарении Бхараты.

Как дерево, подрубленное топором, упала Каушалья на землю, едва эта весть коснулась ее слуха. Рама, видя свою мать, достойную иной участи, распростершейся без чувств на земле, тотчас поспешил поднять ее и, видя, что одежды ее покрылись пылью, бережно их отряхнул.

«О сын мой, — молвила, очнувшись, несчастная царица, сокрушенная гибелью своей радости, — если бы не родился ты на свет, горе быть бездетной не так бы убивало меня, как эта весть, которую ты принес мне. Молитвы богам и посты, раздача милостыни и

соблюдение обетов, и все, что претерпела я ради обретения сына, — все было бесплодным, как семя, брошенное в песок пустыни. Как вынесу я бесконечные дни разлуки с тобою, не видя твоего лица, оскорбленная супругом, презираемая женами-соперницами, когда я, старшая царица, стану последней из рабынь надменной и дерзкой Кайкейи? О, сердце мое, наверное, из железа, если не разорвалось оно при этой страшной вести; нет места для меня в царстве Ямы! О Рама, жизнь моя бесполезна без тебя — и я последую за тобой в леса, как следует корова за своим теленком!»

Так сетовала и плакала Каушалья. Когда она умолкла, обуреваемый гневом, возвысил голос Лакшмана. «Я не знаю, о высокочтимая царица, — сказал он, — за какую вину должен Рама покинуть царство и уйти в леса. Даже враги его не могли бы найти за ним греха. Какому закону следовал царь, отрекаясь от такого сына? Поистине, одряхлев, он впал в детство. Предавшись во власть Кайкейи, он может повелеть все что угодно, но кто посмеет воспрепятствовать Раме взойти на трон, когда я буду рядом с ним, готовый оградить его моими стрелами от любого врага? Клянусь моим луком, я уничтожу всех сторонников Бхараты и, если вся Айодхья поднимется против Рамы, я истреблю без жалости всех ее жителей — кто отважится противостоять нам обоим? Утешься, о благородная, я развею твою горе, даже если для этого нужно будет убить моего отца — поддавшись наущениям Кайкейи, он стал нам врагом и достоин смерти».

Вняв речам высокого духом Лакшманы, Каушалья, плача, сказала Раме: «Ты слышишь, о сын мой, что

говорит твой брат? Ты не должен уходить отсюда, повинувшись воле бесчестной жены твоего отца, и покидать меня, угнетенную горем. В разлуке с тобою я не смогу жить, и ты, виновный в гибели матери, пойдешь после смерти в ад».

Рама отвечал своей матери Каушалье, плачущей и стенающей: «Я не могу пойти против воли моего отца. Древние герои, богоравные воины и святые, покоряясь воле отцов, отдавали жизнь, свою и своих близких. Вспомни сыновей Сагары, погибших под землею, вспомни Раму, сына Джамадагни, по слову отца обезглавившего свою мать в лесу. Уходя от тебя в изгнание, я лишь вступаю на путь, проложенный до меня мужами, достойными подражания». И Рама сказал Лакшмане: «Я знаю твою преданность мне и твою мощь и отвагу, о Лакшмана! Но да будет ведомо тебе, что долг — превыше всего в этом мире, а мой долг повелевает мне исполнить обещанное отцом моим. Поэтому откажись от своего неразумного намерения — я никогда не приму царства, добытого несправедливостью. Лучше ты, о Лакшмана, обуздав свой гнев, распорядись об отмене назначенных на сегодня торжеств и обрядов. Сегодня же я покину Айодхью, как обещал отцу и Кайкейи, и удалюсь в изгнание. Умерь свой гнев, о сын Сумитры, — это Судьба подсказала младшей царице ее желание, Судьба одна — причина моего изгнания, с нею же, всемогущей, напрасно спорить. И потому не печалься и не гневайся на отца и на Кайкейи. Не возлагай вины на тех, чьи слова и деяния определены Судьбой».

Выслушав эти слова, Лакшмана опустил голову, тяжело вздыхая, и затем так отвечал Раме: «Ты ду-

маешь, что следуешь стезей справедливости, повинаясь несправедливым велениям царя и Кайкейи, но ты заблуждаешься, в том нет сомнения. Многие напускают на себя притворное благочестие, чтобы обмануть легковверных; но как ты не видишь порочности этих обоих, наших врагов, называющих себя нашими родителями? Почему ты, исполненный сил и отваги, безропотно следуешь нечестивым словам царя, жалко покорствующего прихотям Кайкейи? Прости меня, о великий воин, но я не могу этого стерпеть. Если это называется добродетелью, такая добродетель мне отвратна. Пусть ты считаешь это неизбежным деянием Судьбы — ты не должен вести такие речи, непостижимые для меня. Только бессильные и робкие следуют покорно воле Судьбы; но тот, чье мужество способно ей противостоять, не дрогнет перед лицом Рока. Да увидят сегодня люди, кто могущественнее — Судьба или мужество человека. Этот лук в моей руке — не пустое украшение, этот меч — не для игры, для истребления врагов. Тучею стрел покрою я небо над полем битвы, и никто — ни конный, ни пеший, ни на колеснице, ни на боевом слоне — не пробьется сквозь смертоносный град моих стрел. Я устелю поле брани телами врагов и разрушу подлые замыслы царя и матери Бхараты. Скажи, на кого обрушить мне гибельные удары моего меча? Я — твой слуга. Повели — и я всю землю покорю и сделаю подвластной тебе!» Так говорил Лакшмана, и слезы лились из его глаз. И Рама обнимал и утешал его, увещывая подчиниться отцовской воле.

И Рама сказал: «Я уйду сегодня. Ты же, матушка, оставайся и позаботься об отце. Неразумно

желание твое последовать за мною в леса. Если после моего ухода и ты покинешь отца, он умрет; из всех деяний женщины нет более жестокого, нежели покинуть мужа. Пока жив царь, мой отец, не оставляй его, ухаживай за ним, и тем обрешь ты нетленную награду в иной жизни».

И, заливаясь слезами, Каушалья благословила Раму. Он же, многократно поклонившись матери в ноги, покинул дворец Дашаратхи, чтобы идти в свой дом, где ждала его Сита.

Сита, свершив поутру надлежащие обряды, поджидала Раму с мыслью о грядущем торжестве и с радостью в сердце, еще не зная и не предчувствуя постигшей их невзгоды. Когда же по возвращении из царского дворца Рама вступил в свой чертог и Сита увидела его, бледного и с поникшей головою, она, трепеща, поднялась со своего места ему навстречу. И сказала прекрасная дочь Джанаки: «Почему ты печален, о господин мой? Ведь сегодня — день твоего воцарения. Почему же лицо твое не осеняет царский балдахин, белый, как морская пена? Почему не окропили волосы твои медом и творогом брахманы, искушенные в Ведах и в обрядах помазания на царство? Почему не предшествуют тебе слуги, несущие золотой царский трон, и с ними слон могучий, подобный горе, и почему не следуют за тобой царские советники и богатые горожане в нарядных одеждах и не звучат, о великий воин,

гимны и песнопения во славу твою? Бледность покрыла черты твои, и никогда я не видела такого смятения во взоре твоём. О чем горюешь ты в день своего торжества?»

«О Сита, о рожденная в благой семье царей Видехи, — отвечал Рама, — мой отец изгнал меня в леса! Так пожелала царица Кайкейи, он же не мог перечить ей, связанный обетом. Бхарата станет царствовать вместо меня, а я уйду в леса, где буду жить отшельником четырнадцать лет. Я уйду сегодня. Живи счастливо и в мире под властью нового царя, повинуйся ему; соблюдай обеты и посты; каждый день, восстав ото сна, возноси молитвы богам; почитай отца моего Дашаратху, владыку народов. Моя мать Каушалья преклонна годами и подавлена горем разлуки со мною — будь к ней ласкова и почтительна. Почитай братьев моих как собственных братьев и превыше всех — Бхарату; помни, что цари не терпят неповиновения. Я уйду в леса, о Сита, ты же оставайся с миром и живи по моему завету».

Выслушав эти слова, сказала Раме царица Видехи голосом нежным и сладкозвучным: «Или я столь ничтожна и низка душою в твоих глазах, что ты говоришь мне это, о лучший из людей? Мне смешны такие речи; к лицу ли они умудренному знанием закона? Нет, их даже слушать зазорно. О дорогой супруг мой, отец, мать, сын, брат, невестка — все они живут плодами собственных деяний, но жена, о благородный, всегда разделяет участь своего мужа. И потому, о Рама, если ты обречен на изгнание, то с тобою и мне суждена жизнь в лесах. И если ты уходишь сегодня, я пойду впереди тебя, ступая по терниям и колючей траве.

Не разубеждай меня. Я не буду бременем для тебя, о герой; в лесном безлюдье, в делях, где бродят дикие звери, под сенью деревьев, напоенною благоуханием лесных цветов, я буду тебе утехой и помощницей; с тобой не страшны мне скитания в глуши, без тебя не нужны мне и небесные чертоги. Сердце мое принадлежит одному тебе, не отвергай меня, жену твою, которая решилась скорее умереть, чем разлучиться с тобою!»

Но Рама, помышляя о тяготах, ожидающих поселившегося в лесу, не хотел брать Ситу с собою в изгнание и, утешая ее, проливающую слезы, так говорил ей: «О Сита, послушайся меня, оставайся здесь; знай, что великие опасности и беды таят дремучие леса! Ты не ищи счастья там, где найдешь одни невзгоды. Тяжко жить в лесу — рычание львов, обитающих в пещерах гор, поражает там слух и гнетет душу; дикие звери, резвящиеся в лесной чаще, завидев человека, приближаются, чтобы напасть на него — лес полон бед! В реках там кипят крокодилы и другие водяные чудовища, ядовитые змеи выползают на тропы и жалят путников, скорпионы, сороконожки, мошкара, москиты, муравьи не дают там покоя людям — лес полон бед! Колочие кусты и лианы преграждают там дорогу; ночь усталый путник проводит на постели из опавших листьев, на прогалинах, оглашаемых криками сов; он питается дикими плодами и кореньями, носит одежду из бересты, терпит голод и лишения — лес полон бед! И потому ты не должна уходить в леса — леса тебе не сулят блага!»

Так говорил Рама, и, как ни умоляла его дочь Джанаки, на все ее просьбы он отвечал отказом. Тогда

сказала Сита, страшась разлуки, с надменною насмешкой: «О чем думал мой отец, о Рама, когда назвал тебя своим зятем, тебя, мужчину обликом, но женщину делами? Горе людям, верящим в твое мужество, — поистине, они заблуждаются. Чего боишься ты, что не хочешь взять меня с собою? Или ты решился уступить другим жену свою — меня, которая всегда была чиста в помыслах своих и верна тебе? И почему столь усердно стремишься ты угодить тому, ради кого лишен ты царства, и хочешь, чтобы я ему угождала? Нет, лучше я умру, чем останусь здесь, с твоими врагами. О Рама, позволь мне сопутствовать тебе! Никогда не услышишь ты от меня ни единой жалобы. Травяное ложе мне будет мягче постели, покрытой дорогими тканями, пыль, которою меня осыплет ветер, мне покажется благоуханным сандалом, а плоды, коренья и листья, которые ты мне дашь, слаще покажутся, чем пища бессмертных. Я не вынесу разлуки с тобою, о Рама! Разве смогу я жить без тебя четырнадцать лет!» При этих словах слезы, чистые, как кристалл, заструились из очей Ситы, словно капли росы, стекающие с лепестков лотоса, и лицо ее побледнело, как увядший лотос, разлученный со своим водным ложем. И она приникла в горе к своему супругу, он же обнял ее и сказал: «О достойная почести, не нужно мне и небесного царства, обретенного ценой твоего горя, и я никого не боюсь! Я не хотел, чтобы ты жила в лесах, но, если ты решилась, я не могу оставить тебя; следуй за мною и раздели мое изгнание».

Слыша эти речи, Лакшмана, вошедший перед тем, поклонился брату в ноги и сказал со слезами на глазах: «Если ты уходишь в леса, населенные оленями и

словами, я пойду с тобою, предшествуя тебе с луком в руке. Без тебя не милы мне все блага небес». Тщетно пытался Рама отговорить его, напоминая ему о его долге беречь и охранять мать свою и поручая его заботам Каушалью. «Бхарата не посмеет обидеть наших матерей, — возразил сын Сумитры, — из страха перед твоею мощью. Если же он не окажет им должного почета и заботы, клянусь, я убью этого нечестивца, хотя бы все три мира встали на его защиту. Поэтому не препятствуй мне следовать за тобою. Я буду указывать тебе путь в лесу, приносить плоды и коренья, и я буду служить тебе и царевне Видехи, вам обоим, бодрствующим и спящим». И Рама, утешенный его словами, позволил сыну Сумитры сопровождать его и Ситу в лесах.

Рама и Сита пришли к царскому дворцу пешком; Лакшмана следовал за ними. Народ теснился вокруг них на улицах; горожане и горожанки, толпившиеся на террасах своих домов, бросали на них скорбные взгляды и громко выражали сочувствие свое изгнанникам и возмущение решением Дашаратхи; и многие из них изъявляли желание последовать за Рамой в леса.

У дверей царских покоев Рама увидел доблестного Сумантру, сидевшего, уныло понутив голову, и послал его к отцу возвестить об их приходе.

Войдя к царю, Сумантра объявил ему о приходе Рамы, «Созови всех моих жен», — повелел ему тогда

Дашаратха. И все триста пятьдесят жен царя пришли, и первая среди них — Каушалья. Тогда царь сказал Сумантре: «Приведи моего сына».

Когда вошли в царские покои Рама, Лакшмана и дочь Джанаки, царь поспешил к ним навстречу, встав со своей асаны, но, не дойдя до Рамы, приближавшегося к отцу, смиренно сложив ладони, рухнул на землю без чувств, поверженный горем. Рама и Лакшмана подняли его и положили на асану, а дворец огласили громкие вопли и стенания женщин, смешавшиеся с нестройным звоном браслетов и золотых украшений на их воздетых к небу руках.

Очнувшись, царь сказал: «О Рама, дар, обещанный мною Кайкейи, лишает меня рассудка. Заточи меня сегодня в темницу и будь царем Айодхьи».

«О государь, — отвечал ему Рама, — правь землею тысячу лет! Не нужно мне царства. Я уйду в леса на четырнадцать лет; позволь Сите и Лакшмане сопровождать меня. Я пытался отговорить их, но они не хотят расставаться со мною. Не печалься и благослови нас — мы уходим сегодня».

И царь, опутанный сетью обета, сказал, подстрекаемый тайно Кайкейи: «Если ты решился твердо, я не смею воспрепятствовать тебе в исполнении твоего долга. Но не уходи сегодня, о сын мой! Ночь уже близка. Останься, ты отправишься в путь завтра!» Но Рама ответил: «Нет, государь, клянусь тебе, что не могу оставаться здесь ни часа более. Я обещал царице Кайкейи покинуть город сегодня, и я сдержу свое слово. О мой отец, не печалься; я вернусь через четырнадцать лет!»

Царь обнял Раму. Тогда поднялся великий плач

в собрании царских жен, и горестные возгласы раздались отовсюду. Только царица Кайкейи среди всеобщих изъявлений скорби осталась невозмутима и в лице не изменилась. Напрасно Сумантра и следом за ним Васиштха обратились к ней со словами осуждения и с увещаниями, умоляя ее не губить супруга своего и отказаться от безумного своего желания; совесть не укоряла ее, и раскаяние ее не посетило. И облик царицы остался безмятежен, как и прежде.

Когда же Дашаратха повелел своим советникам отправить вместе с Рамой войска и сокровища царской казны, Кайкейи восстала против его решения с превеликой пылкостью. «Бхарата не примет царства, — сказала она, — лишенного ценностей своих». И Рама отказался от казны и от войска: «К чему слоновья сбруя тому, у кого слона отобрали? Я отрекся от всего! — сказал Рама. — Пусть принесут мне только одежду отшельника из бересты, пусть принесут мотыгу и корзину». И Кайкейи сама принесла одежду из бересты и подала ее Раме со словами: «Носи это».

И, сняв свой богатый наряд, Рама облачился в грубое платье отшельника; то же сделал и Лакшмана на глазах у отца своего. Но Сита, увидев предназначенное ей одеяние из бересты, пришла в смятение, как лань при виде охотничьей петли. Со слезами приняла она берестяной наряд из рук Кайкейи. Но, не умея надеть его, остановилась в замешательстве. Рама помог ей накинуть бересту поверх шелков, в которые она была одета; а женщины вокруг залились слезами, увидев Ситу в платье отшельницы. И ропот возмущения поднялся в собрании; царь же обратился к Кайкейи

с горьким упреком: «Неужто мало тебе изгнания Рамы? О ты, не ведающая стыда губительница рода, ты вступила на путь бесчестья, он приведет тебя в ад!»

Рама, который безмолвствовал все это время, сказал, обращаясь к Дашаратхе: «О справедливый царь, моя старая мать остается здесь под покровительством твоим и защитой! Да будет обращение с ней достойно ее, царицы древнего рода! О податель щедрых даров, тебе должно еще более почета оказывать ей теперь, когда она будет разлучена со мною; дабы не изнемогла она под бременем горя и не ушла от нас безвременно в обитель Ямы».

В горести поник головою Дашаратха, великой одолеваемый скорбью. Затем, оборотившись к Сумантре, повелел ему снарядить колесницу и запрячь ее превосходнейшими конями, чтобы отвезти изгнанников к южным пределам царства; и повелел ему принести богатые и нарядные платья для Ситы и золотые украшения и драгоценности.

Облачившись в роскошные наряды, Сита озарила своей красотой чертоги, подобная Солнцу, озаряющему вселенную своими лучами. Каушалья, обняв Ситу, сказала: «Женщины, покидающие своих мужей в несчастье, почитаются нечистыми. Такова природа женщин; от тех, кто дарил им счастье в дни благополучия, они отрекаются, когда приходит беда. Женщины неверные, неблагодарные, лживые и бессердечные, чья любовь мимолетна, почитаются нечистыми. Ни происхождение, ни ученость, ни благочестие, ни добродетель не могут привязать сердца женщин; поистине, сердца их нестойки. Но благословенны те чистые женщины,

чья преданность супругу неколебима в день невзгоды. И хотя сын мой уходит в леса, ты не должна выказывать пренебрежение к нему. Богатый или бедный, супруг твой должен быть божеством для тебя».

Сита отвечала своей свекрови, сложив почтительно ладони: «Я внимаю речам благородной царицы. Да не сравнит она меня с женщинами подлыми и нечестивыми. Мне ведом долг мой; о нем говорили мне в родительском доме. Лютня не звучит без струн; колесница не движется без колес; женщина, даже имеющая сто сыновей, не знает счастья без мужа. Я почитаю супруга моего как божество; могу ли я пренебречь моим долгом?» И Каушалья, слыша эти слова, пролила слезы радости и горя.

Рама, Сита и Лакшмана, поклонившись царю, обошли его кругом. И с его соизволения они простились поочередно и с Каушальей, и с Сумитрой, и с другими царскими женами. Покинув дворец, они взошли на блистающую колесницу, украшенную золотом, и Сумантра повел ту колесницу, запряженную отборными конями, быстрыми как ветер.

Великое горе воцарилось во дворце и на улицах города, где собрались все жители Айодхьи, и стар, и млад, чтобы проводить Раму. И народ толпами повалил за колесницей, шумно изъявляя свою скорбь и свое негодование. «Погоди, не торопись, колесничий! — восклицал народ, обращаясь к Сумантре. — Поезжай медленнее. Дай нам в последний раз взглянуть на Раму!»

И Дашаратха вышел из дворца со всеми своими женами. Он услышал плач и стенания, увидел народ, бегущий за колесницей Рамы, и горе его возросло.

При виде царя и цариц, проливающих слезы, толпа разразилась рыданиями, еще более громкими; и пыль от колес удаляющейся колесницы ложилась на землю, прибитая слезами провожающих.

Рама, оглянувшись, увидел, что отец его и мать следуют издали за колесницей. И не в силах более вынести душевной муки, Рама крикнул, обращаясь к Сумантре: «Гони коней!»

Мать Рама бежала за колесницей, восклицая: «Рама, Рама! Сита! Лакшмана!» — и плача об изгнанных; так корова бежит за своим теленком, когда связанного уведут его пастухи. «Стой, остановись!» — кричал царь Сумантре; Рама же повторял: «Гони!» — и колесничий, пребывая в смятении, не знал, кому он должен повиноваться. «По возвращении ты скажешь царю, что не расслышал его приказа, — сказал ему Рама. — Мне же промедление невыносимую причиняет муку». И Сумантра, окриком заставив народ расступиться, погнал коней во всю мочь.

И царь с царицею остановились, глядя сыну вослед. Пока виднелось на дороге облако пыли, поднятое колесницей, Дашаратха стоял там, не в силах отвести от него взора, когда же и оно скрылось из глаз, старый царь пошатнулся и упал бы на землю, если бы не поддержали его Каушалья с правой стороны и стройная Кайкейи — с левой. Но с гневом оттолкнув Кайкейи, Дашаратха сказал ей: «Не касайся меня, я не хочу тебя видеть, о ты, преследующая только собственную корысть и покинувшая стезю добродетели! Ты не жена мне; я отрекаюсь от тебя, и отныне мне ничего не нужно ни от тебя, ни от сына твоего Бхараты!»

Великая скорбь охватила Айодхью и всю землю кругом и небо, когда Рама удалился в изгнание. Солнце закатилось, а вечерние жертвоприношения огню не были совершены. Жители Айодхьи позабыли о своих повседневных делах, о еде и питье, и все пребывали во власти единой мысли о своей утрате; и слоны забыли о корме, и телята не сосали коров. Звезды померкли; тучи, принесенные внезапным ветром, обволокли окрестность, и тьма окутала землю.

И царь Дашаратха и с ним его жены и свита вернулись в город, погруженный в печаль.

Удалившись несколько от города, Рама остановил колесницу и обратился к жителям Айодхьи, которые продолжали следовать за ним, уговаривая их вернуться обратно. И он просил их повиноваться новому царю и воздал хвалу достоинствам Бхараты. Но горожане объявили, что не хотят иного царя, кроме Рамы.

Между тем брахманы из Айодхьи, согбенные под бременем лет, мудрые и ученые, приблизились, умоляя Раму остановиться и не покидать их. И когда царевич увидел, что почтенные старцы следуют за его колесницей пешком, он устыдился и сошел с колесницы и, беседуя, пошел с ними рядом. И когда достигли они реки Тамасы, наступившая темнота воспрепятствовала

им продолжать путешествие. Сумантра распряг усталых коней, напоил их и выкупал, привязал и накормил травой. Рама со своими спутниками расположился на отдых.

Здесь, на берегу Тамасы, провели они первую ночь изгнания. Рама и Сита заснули на ложе, устроенном Сумантрой под деревом, а колесничий и сын Сумитры бодрствовали до утра, беседуя о великих добродетелях Рама. Когда же забрезжил рассвет, изгнанники отправились в дорогу, прежде чем проснулись горожане, дабы не позволить им сопровождать их далее. И горожане, пробудившись, уже не нашли Раму на месте ночлега и, потеряв его след, глубоко опечаленные, поневоле возвратились в Айодхью, в свои дома.

А Рама продолжал свой путь на юг. Переправившись через Тамасу, изгнанники выбрались на большую, надежную дорогу; кони помчались с быстротою ветра, и вскоре они достигли священной реки Ведашрути. Кругом тянулись возделанные поля, и Рама слышал, как крестьяне, работавшие на них, говорили между собою об его изгнании.

Миновав поля, сады и рощи, Рама со своими спутниками покинул пределы Кошалы. И, оставив эту обширную и процветающую страну, Рама остановил колесницу и, повернувшись в сторону Айодхьи, сложил ладони и произнес слова прощания. Затем он повелел Сумантре двигаться дальше на юг.

Они пересекли Гомати, несущую свои воды к океану, и продолжали неспешно свой путь по приветливой местности, мимо красивых и богатых селений, окруженных садами и манговыми рощами. И они достигли берегов прекрасной Ганги, чьи прохладные и

незамутненные воды текут от далеких гор, где излились они с небес по волосам Шивы; текут то стремительно, то медленно, там — низвергаясь с высоты с яростным и диким ревом, отраженным окрестными скалами, здесь — струящиеся мирно и величаво, с радостным плеском, среди лесов и полей, сверкая на солнце, как алмаз; текут то через отмели, оглашаемые криками птичьих стай, то по глубоким местам, минуя тихие заводи, покрытые лотосами и лилиями, унося на волнах своих цветочную пыльцу и опавшие листья прибрежных деревьев.

Рама вышел к Ганге вблизи Шрингаверапуры; он остановился на отдых в тени огромного орехового дерева на самом берегу реки; здесь он решил остаться до утра следующего дня.

Здесь встретились путники с Гухой, царем нишадов, давнишним другом Рамы: прослышав о прибытии изгнанников, Гуха явился к месту их отдыха на берегу Ганги в сопровождении советников своих и родичей и, приветствовав обоих царевичей и Ситу, предложил им свое гостеприимство и услуги. Рама отвечал с благодарностью на приветные речи царя, но отказался остаться у него, поведав ему, что поклялся вести отныне жизнь отшельника. И эту ночь они провели под ореховым деревом на берегу Ганги; и Гуха остался с ними и бодрствовал до утра вместе с сыном Сумитры и колесничим возле ложа Рамы и Ситы, сокрушаясь о печальной участи благородного сына Дашаратхи.

Наутро Гуха призвал своих советников и повелел им доставить крепкий и просторный челн и сильных гребцов для переправы через Гангу. И когда челн и

гребцы прибыли на место, Рама простился с царем Гухой и с Сумантрой, которого он отсылал с колесницей обратно в Айодхью, и поручил Сумантре передать царю Дашаратхе и царицам весть о их благополучном путешествии. Затем он вместе с Ситой и Лакшманой вошел в челн.

Напутствуемые добрыми пожеланиями Гухи, изгнанники пустились в лодке, движимой веслами опытных гребцов, через широкую Гангу. И когда они достигли середины реки, Сита, сложив молитвенно ладони, обратилась к божественной Ганге, испрашивая у нее благополучия для сына Дашаратхи и счастливого возвращения по прошествии четырнадцати лет.

Пристав к южному берегу, путники высадились из челна. И Рама обратился к Лакшмане, призывая его зорко оберегать Ситу в безлюдных лесах, по которым пролегал их дальнейший путь. По велению Рамы Лакшмана первым двинулся по лесной тропе; Сита следовала за ним, Рама же замыкал шествие.

И когда изгнанники исчезли в чаще леса, Сумантра, смотревший им вслед с другого берега Ганги, запряг коней и, удрученный, отправился в обратный путь, в Айодхью.

Изгнанники шли весь день по тропам цветущей и приветливой страны ватсов. По пути братья охотились в лесу на вепрей и оленей; запаслись вдоволь пищей, вечером они сделали привал под сенью большого дерева на лесной опушке. В эту ночь Рама бодрствовал вместе с Лакшманой, охраняя сон Ситы. До рассвета беседовали они, вспоминая близких, оставшихся дома; Раму одолевала тревога за отца, отданного попечению своекорыстной Кайкеи. Но тщетны были

его усилия склонить Лакшману к возвращению в Айодхью.

К вечеру следующего дня достигли они священной обители Бхарадваджи у слияния Ганги с Ямуной. Великий мудрец с почетом принял изгнанников; переночевав у него, наутро они опять собрались в путь. Бхарадваджа уговаривал Раму остаться и поселиться в его обители, но царевич искал место более отдаленное и пустынное. Тогда мудрец указал ему дорогу к горе Читракуте, излюбленной отшельниками и расположенной в десяти крошах от обители Бхарадваджи, в местности, изобилующей дичью.

Распростившись с гостеприимным Бхарадваджей, путники двинулись вдоль берега Ямуны на запад. И в указанном Бхарадваджей месте они построили из сухих деревьев плот и переправились на нем через быструю Ямуну; посреди потока Сита помолилась речной богине, обещав принести ей в жертву тысячу коров и сто сосудов с вином, когда Рама благополучно вернется в Айодхью.

За Ямуной они продолжали свой путь по лесам, не удаляясь от реки. Сита с Лакшманой шли впереди, Рама следовал за ними; и братья заботливо охраняли Ситу. В пути царевна озирала с любопытством лесную окрестность, и, когда видела незнакомый цветок или плод, она указывала на него, и Лакшмана приносил его ей; и Сита спрашивала у Рамы о его названии. Так дошли они до знаменитого священного баньяна, и здесь Сита снова молилась о благополучном возвращении Рамы.

И они пошли дальше; на ночлег остановились они на берегу Ямуны.

На рассвете Рама разбудил Лакшману и Ситу. Коснувшись священных вод Ямуны, они отправились дальше, и нежный щебет птиц улаждал их слух; долго шли они лесною тропой и наконец приблизились к благословенным обителям Читракуты.

«Смотри, о Сита, — молвил Рама, — как пламя, ярко рдеют в густой листве цветы деревьев кимшука. Ветви бхаллатак и билъв клонятся к земле под тяжестью цветов и плодов, и некому освободить их от бремени. Видишь, о Сита, рой пчел, вьющихся над благоухающими цветами? Слышишь, как сладко поет датьяха и откликаются ей из леса павлины? О милая, мы останемся здесь, в этих местах. Взгляни, там, за лесом виднеются горные вершины; высоко вздымаются утесы Читракуты, подобные дворцам, блистающие на солнце то как серебро, то как сапфир, то багрянеющие, как кровь; с них ниспадают десятки водопадов, быстрых горных потоков и ручьев, сбегających по склонам во все стороны. А склоны горы покрыты рощами манго, диких яблонь и билъв, зарослями бамбука, лодхры, ююбы, тростника, нипы и сезама. Там обитают таинственные существа — киннары и видьядхары, избравшие эти прекрасные рощи для игр своих; по ночам на склонах Читракуты, как огоньки, светятся травы и в чаще бродят хищные звери — свирепые тигры, гиены и медведи.

Взгляни, вот река Мандакини с ее пестрыми островками и отмелями, с несметными стаями фламинго и уток на ней, с берегами, поросшими тенистыми деревьями и кустами, покрытыми множеством цветов; стада оленей приходят сюда на водопой, и отшельники свершают здесь свои омовения. О Сита, о Лакшмана,

мы поселимся в этих чудесных краях и будем жить здесь счастливо, позабыв о наших невзгодах!»

И Рама повелел Лакшмане принести дерева, хорошего и крепкого. Выбрав надлежащее место, они выстроили себе на Читракуте хижину. Когда хижина была готова, крытая листвою деревьев, прочная и защищенная от ветра, Лакшмана убил в лесу черного оленя, и, соорудив алтарь, они принесли жертву богам домашнего очага. Рама прочел подобающие мантры и молитвы. И они вступили в свое новое жилище.

И в этой хижине на Читракуте Рама, Сита и Лакшмана зажили счастливо и безмятежно.

Простившись с царем нишадов, Сумантра с тяжелым сердцем пустился в обратный путь и на третий день в сумерки вернулся в Айодхью, безмолвную и безрадостную; и когда он приблизился к ней, ему почудилось, что город пуст и все его жители вымерли. Когда же он въехал в городские ворота, народ толпами устремился к нему, чтобы услышать от него вести о Раме. Ответив на расспросы горожан, Сумантра добрался до царского дворца и, сойдя с колесницы, вступил в чертоги Дашаратхи.

Миновав один за другим семь покоев, Сумантра вошел в восьмой, погруженный в сумрак, и здесь узрел

он царя в окружении его жен, сокрушенного горем о сыне, видом своим внушающего жалость; Кайкейи не было при нем.

Покрытый дорожной пылью, предстал Сумантра перед царем, смиренно сложив ладони, и передал ему слова Рамы. Дашаратха, тяжело вздыхая, обратил взор свой на колесничего и в волнении, со слезами на глазах стал расспрашивать его о сыне: «Где остановился Рама на ночлег? Неужели, о Сумантра, он, царский сын, возвращенный в роскоши, привыкший к ложу, устланному дорогими тканями, проводит ночь под деревом, на голой земле, как нищий странник? И что он ест? Как живет он в глухом лесу, кишящем хищными зверями и змеями, в безлюдье, он, кого сопровождала всегда пышная свита и охрана? Что сказал Рама? И что Лакшмана? И что сказала и сделала, войдя в лес, царица Видехи? Поведай мне обо всем, о колесничий, расскажи, как живут они в лесах!»

И Сумантра рассказал о том, как проводил он Раму до берегов Ганги, как простился с ним и вернулся домой. «И я увидел, о государь, — сказал Сумантра, — что во владениях твоих, покинутых Рамой, царит уныние. Даже деревья поникли в печали, роняя листья; пересохли пруды и ручьи; в реках и озерах завяли лотосы и воды замутились. Леса застыли в немой тоске, ничто не движется в них, звери попрятались в свои норы, умолкли птицы, листья и цветы потеряли свежесть свою и благоухание. Сады и рощи утратили красоту свою. И когда я вернулся в Айодхью, никто не приветствовал меня у ворот. И люди на улицах, встречая мою колесницу, великую выказывали горесть, и всюду я слышал скорбные вздохи и рыдания.

И Айодхья предстала моим взорам тоскующей, как мать, утратившая сына».

Выслушав Сумантру в глубокой печали, царь отпустил его. День угас. Царь в своих покоях, изнуренный горем, отошел ко сну.

Среди ночи Дашаратха пробудился. То была шестая ночь со дня ухода Рамы. И терзаемый скорбью разлуки с сыном, Дашаратха вспомнил давнюю вину свою. Он сказал Каушалье, которая пребывала без сна вместе с ним в эту ночь, тою же томимая печалью: «Поистине, о царица, человек пожинает плоды своих деяний! О я, безумный, я сам навлек на себя несчастье, подобно дитяти, вкусившему по неведению яд.

Это случилось в давно минувшие дни, когда ты не была еще моей женой. Я был тогда юным царевичем, преданным страсти к охоте и воинским упражнениям; и я был прославлен своим искусством в стрельбе из лука. „Царевич попадает в цель на слух, ее не видя“, — так говорили обо мне; и, гордясь этим своим умением, я, кшатрий и лучник, совершил великий грех.

Было время дождей; солнце, высушив землю, вступило в ту мрачную область небес, куда удаляются мертвые; зной спал внезапно, и синие тучи появились на небосводе. Квакуканье лягушек, крики павлинов и антилоп огласили леса, птицы укрылись в своих гнездах в листве деревьев, сотрясаемых дождем и ветром.

В это благодатное время года однажды на исходе дня я взял свой лук, взошел на колесницу и отправился в лес на берегу Сарайю, намереваясь подстрелить буйвола, или слона, или иного какого-нибудь

зверя. Было уже совсем темно, когда я приблизился к берегу реки. В непроглядной тьме я услышал у самой воды неясный звук, подобный крику слона. Я поднял свой лук и пустил стрелу, пустил ее на звук, и тотчас же услышал жалобный крик. Увы, то был не слон, а молодой пустынный, лесной житель, а шум, услышанный мною, был шумом лившейся в кувшин воды.

Когда я услышал человеческий голос, лук выпал из рук моих; испуганный, я поспешил на крик и на берегу Сарайю увидел юношу, распростертого у самой воды, пронзенного моей стрелой. Рядом с ним лежал кувшин. Тело его было покрыто грязью и кровью. Он поднял на меня глаза и сказал: «За что ты убил меня, царевич? Что сделал я тебе дурного? Ведь ты убил вместе со мною и моих родителей, дряхлых, слепых и беспомощных, — я был их единственной опорой. Что станет с ними? Они ждут меня теперь — я обещал им принести воды из реки — и не знают, что я умираю здесь, на глазах у тебя. Ступай по этой тропе, о царевич, она приведет тебя к хижине моего отца. Поведай ему о моей смерти, но будь осторожен — берегись его проклятья. Но прежде чем идти, извлеки эту стрелу, которая мучает меня. И не бойся, что тем лишишь меня жизни, — я не брахман родом, и грех твой не будет тягчайшим».

И, когда я вытащил стрелу из его раны, он испустил дух. Подобрал кувшин с водой, я пошел по тропе и достиг одинокой хижины. Там увидел я престарелых родителей юноши, беспомощных, подобных птицам, у которых обрезали крылья. Я сказал им о смерти их сына; поведал я и о том, как это случилось. И, сра-

женный страшной вестью, отец убитого проклял меня. «Я мог бы испепелить тебя на месте моим проклятием, — сказал он мне. — Но ты погубил сына моего неумышленно и сам пришел сказать мне о его смерти. Поэтому не сразу поразит тебя мое проклятие — ты умрешь от тоски по своему сыну, как умираю я теперь». Затем, свершив поминальные обряды, родители юноши взопли на погребальный костер, и души их отлетели на небо.

Ныне сбывается предсказание старого отшельника, — плача, промолвил царь. — Я умираю от тоски по сыну. О Каушалья, я больше не вижу тебя; коснись меня рукою. Ах, если бы Рама был здесь и коснулся меня сейчас, я, кажется, мог бы еще жить. О, благословенны, трижды благословенны те, кто дождется его возвращения! Чувства мои угасают, как угасают и превращаются в дым лучи светильника, в котором не осталось масла. И как бурный поток разрушает свои берега, горе мое разрушает мое тело. О сын мой, опора моя, ты ушел от меня! О Каушалья! О бедная Сумитра! О жестокая, о враг мой, Кайкейи, ты, что опозорила род свой!» — И с этими словами царь Дашаратха испустил свой последний вздох.

Утром, пробудившись, царские жены нашли его недвижимым на его ложе. Сначала подумали они, что спит он; но, не слыша его дыхания, они затрепетали, как листья на ветру. Когда же истина открылась им, громкие вопли и плач их огласили царский чертог. Видя царя бездыханным, Каушалья обвила его тело руками и разразилась безутешными рыданиями. «Радуйся, о жестокосердная Кайкейи! — восклицала она. — Ты добилаcь исполнения своих желаний». И горько

плакала и убивалась Сумитра и вместе с нею Кайкейи и все жены царя.

Великое горе и смятение охватило Айодхью. Собравшись во дворце, приближенные царя совершили печальный обряд. Но в отсутствие сына царя они не решились предать тело погребальному костру и, поместив его в чан, наполненный маслом, стали держать совет. Они обратились к Васиштхе, вопрошая его о том, как надлежит им поступить далее. «Страна, лишенная царя, — говорили они, — подвержена бедам и мятежам, ей угрожают враги; младшие там не повинуются старшим, жены — мужьям; жители не строят домов, не возделывают полей, не приносят жертвы богам; богатство не имеет надежной охраны; купцы, прибывшие с товарами из дальних краев, не знают безопасности на дорогах; нет защиты от воров и разбойников; никто не может ни приобрести имущества, ни сохранить приобретенное. Люди в такой стране живут как рыбы, пожирая друг друга, и государство идет к гибели. Назови нам нового царя, о Васиштха! Ибо страна без царя — все равно что река без воды, лес без листвы, стадо без пастыря!»

Выслушав эти речи, Васиштха сказал: «Бхарата, на которого государь возложил бремя царского долга, живет сейчас в столице дяди своего вместе со своим братом Шатругхной. Не мешкая, пошлем за ним гонцов». Советники согласились с Васиштхой.

Тогда он призвал к себе четверых приближенных царя и приказал им: «Отправляйтесь сей же час на быстрых конях в столицу царя Ашвапати. Скажите Бхарате, что я и советники просим его и Шатругхну возвратиться незамедлительно в Айодхью, ибо того

требует неотложное дело. Но ничего не говорите ему до времени о бедах, постигших род Рагху, — об изгнании Рамы и о смерти царя».

Гонцы, повинуясь Васиштхе, отправились в дорогу и поздно вечером на седьмой день пути прибыли в Гиривраджу.

В ту ночь, когда гонцы из Айодхьи прибыли в столицу Апшвапати, Бхарате приснился недобрый сон. И на следующий день он был задумчив и грустен, и напрасно, призвав красивых танцовщиц, друзья старались развлечь его плясками, игрой на лютне и веселыми представлениями. Он не рассмеялся ни разу, и печаль не покидала его. Наконец один из друзей спросил: «Почему нерадостен ты сегодня, царевич, здесь, в окружении твоих друзей?» Бхарата сказал: «Этой ночью я видел во сне моего отца, бледного, с развевающимися волосами; я видел, будто он упал с вершины горы в грязный пруд, полный коровьего навоза. Потом я увидел его, покрытого с головы до ног маслом, и смеясь, он черпал масло пригоршнями и пил его. И снилось мне, что месяц упал с небес на землю, и земля разверзлась, и обнажилось дно океана. Листва опала с деревьев, и все горы стали извергать дым. И опять я увидел моего отца; в черной одежде и с венком из красных цветов на голове, он уносился к югу

на колеснице, влекомой ослиами. Женщина в красном платье смеялась над ним; и я видел, как свирепый обличьем ракшас схватил его и поволок за собою. Это мрачное сновидение не идет у меня из ума, и безотчетный страх томит мою душу — вот почему я невесел и не отвечаю на ваши речи. Я не могу избавиться от непонятной тревоги; этот сон предвещает недоброе нашему роду!»

В то время как он говорил это, послы из Айодхьи вступили в царский дворец. Принятые с почетом царем Ашвапати, они принесли богатые платья и украшения в дар ему и царевичам и обратились затем к Бхарате — передали ему слова Васиштхи, как тот повелел им. И на все расспросы Бхараты о здоровье царя и цариц и братьев гонцы отвечали кратко, что все здоровы, но неотложное дело требует возвращения Бхараты и Шатругхны в Айодхью.

Испросив разрешения у царя Ашвапати, Бхарата отправился в путь с Шатругхной. И царь кекаев богато одарил его на прощание; он подарил ему огромных слонов с Ираватских гор, и быстрых коней, и верблюдов, и сторожевых собак с клыками, как мечи, силою подобных тиграм, и две тысячи золотых монет, и снарядил многочисленную свиту сопровождать его. Но щедрые дары не тепшили душу Бхараты, омраченную тревогой.

Нигде не останавливаясь надолго, держал Бхарата путь домой через леса и реки, оставляя позади своей колесницы города и страны, и, когда миновала седьмая ночь пути, на рассвете он увидел перед собой Айодхью. Но, приближаясь к городу, Бхарата был удивлен царящей в нем тишиной. Безлюдны были

сады, обычно полные по утрам любителей развлечений, веселившихся ночь напролет; из городских ворот не выезжали и не въезжали в них колесницы и повозки, не шествовали слоны и вьючные животные, и людей не было видно на дороге. И сердце Бхараты сжалось, предчувствуя беду.

И когда Бхарата въехал в город через ворота Вайджаянта, он увидел приметы, которые, как было ему ведомо, возвещали кончину государя. Дома горожан стояли неубранные, с раскрытыми дверьми; на зданиях не было стягов; лавки купцов были закрыты; храмы — не украшены гирляндами цветов, площади перед ними пусты и неметены, и дым жертвоприношений нигде не поднимался к небу.

Понутив голову, с тяжелым сердцем вступил Бхарата в царский дворец и направился сразу в покои своей матери. Увидев сына, вернувшегося домой после долгого отсутствия, царица Кайкейи, обрадованная, поднялась со своей золотой асаны. Царевич поклонился матери в ноги, и она обняла его. Ответив на расспросы матери о здоровье брата ее и о путешествии, Бхарата с тревогою стал спрашивать об отце. «Я поспешил сюда, чтобы приветствовать его. Ведь это время дня он проводил всегда в твоих покоях, — молвил Бхарата, обращаясь к царице. — Почему его нет здесь сейчас? Где он? Я хочу припасть к ногам его».

И Кайкейи ответила тогда: «Государя, отца твоего, постигла участь, ожидающая все существа в этом мире».

Вняв вести о смерти отца, Бхарата, обуреваемый великою скорбью, упал на землю как подкошенный. И лик его, прекрасный, как месяц осенней ночью, иска-

зился от рыданий, горькие сетования слетели с уст его. Кайкейи, утешая его, помогла ему подняться, и тогда Бхарата спросил: «Какой недуг сразил отца моего? Что говорил он перед смертью? Расскажи мне о последних его минутах». Кайкейи поведала ему обо всем. «„Благословенны те, кто дожждется возвращения Рамы и Лакшманы вместе с Ситой“ — таковы были слова государя перед смертью», — сказала она.

Предчувствуя еще и другую беду, Бхарата спросил печально: «Куда же удалился Рама с Лакшманой и Ситой?» И Кайкейи, тщеславной исполненная радости, рассказала ему о том, как добилась она изгнания Рамы и царства своему сыну.

Бхарата, выслушав ее, сказал горестно: «Лишившись отца и старшего брата, который заменил бы мне отца, что стану я, несчастный, делать с царством? Бремя царского долга не по плечу мне; но даже если бы я был его достоин, я никогда не принял бы его, пока жив Рама, законный наследник царского трона. Как могла прийти в голову тебе эта нечестивая мысль? Что сделали тебе дурного Рама, или Каушалья, или Сумитра, ввергнутые тобою в пучину горя? О ты, убившая своего супруга, о враг мой в образе матери, не говори со мною! Ты не дочь своего отца, ты — демонское отродье, явившееся на погибель нашего рода! Уходи прочь, умри, отправляйся в ад — нет для тебя иного пути! Как смыть мне позор, который ты навлекла на меня? Я тотчас возвращу из изгнания Раму, достойного высочайшей славы, сам же я удалюсь в лесную пустынь». И с этими словами Бхарата, сбросив с себя украшения, снова опустился на землю, вздыхая, как разъяренная змея.

Между тем Каушалья, услышав голос Бхараты во дворце, сказала Сумитре: «Сын коварной Кайкеи вернулся. Я хочу видеть его». И когда Каушалья встретила Бхарату и Шатругхну, оба царевича поклонились ей в ноги, глубокую изъясняя горесть. Каушалья же сказала, обращаясь к Бхарате: «Вот и обрел ты желанное царство, лишенное терния, уязвлявшего твое сердце! Твоя мать коварством добилась этого для тебя. Но ей надлежало отправить и меня в изгнание вместе с моим сыном. Сделай это ты, о Бхарата! Повели, чтобы меня и Сумитру отослали туда, где в лесном безлюдье ведут жизнь подвижников наши сыновья и Сита!»

Пораженный в самое сердце упреком Каушальи, Бхарата упал к ее ногам, восклицая со слезами: «Не укоряй меня, о благородная царица! Я жил в далекой стране, не зная ничего о замыслах моей матери; я никогда не желал царства! Ты знаешь, что я всегда был предан Раме; пусть проклят будет тот, кто рад его изгнанию, пусть не увидит он лица своих детей, пусть кончат дни свои в одиночестве, презренный и покинутый родными и друзьями!» И, смягченная клятвами Бхараты, Каушалья обняла его и обратилась к нему со словами утешения.

И мудрый Васиштха приблизился к Бхарате, призывая его смирить свое горе, и напомнил ему о его долге — свершить над телом отца погребальный обряд. И Бхарата повелел жрецам исполнить необходимые обряды, и те повиновались.

Тело царя извлекли из чана с маслом, возложили на колесницу, и под всеобщий плач и стенания колесница выехала из городских ворот; царские жены и

сыновья, жрецы и советники шли за нею. На берегу Сарайю, у погребального костра, жрецы прочли молитвы и пропели похоронные гимны. И, вернувшись во дворец, все, провожавшие тело царя к месту сожжения, провели десять дней, лежа на земле и предаваясь скорби.

На двенадцатый день Бхарата принес поминальную жертву шраддха и щедро одарил всех брахманов, свершавших обряды. В тринадцатый день он пешком пришел на место сожжения тела царя и здесь долго оплакивал отца.

Когда он вернулся во дворец, Шатругхна, деливший с ним горе, обратился к нему со словами: «Как могло случиться, что Рама, могучий воин, чтимый всеми, был изгнан в леса женщиной? И почему брат мой, отважный Лакшмана не вступился за него перед отцом? Ибо царь, под влиянием женщины поступающий несправедливо, должен быть остановлен в деянии своем». И в то время как он говорил так, в дверях появилась горбунья, богато одетая, увешанная драгоценностями и умащенная благовониями, подобная разряженной обезьяне.

Бхарата, стоявший у двери, схватил злодейку и толкнул ее к Шатругхне со словами: «Вот та, из-за которой изгнан Рама и отец наш лишился жизни. Поступай с нею как знаешь». И Шатругхна набросился на горбунью с великой яростью, она же подняла отчаянный вопль, огласивший покои, а служанки, сопровождавшие ее, разбежались с криками во все стороны.

Когда Шатругхна поволок по земле визжащую горбунью, украшения ее рассыпались повсюду, усеяв пол;

царица Кайкейи, уstraшенная гневом Шатругхны, кинулась к сыну, моля о защите. Бхарата сказал брату: «Оставь ее. Женщину не должно убивать. Если мы убьем горбунью, Рама не одобрит нашего поступка». И Шатругхна отпустил Мантхару, а та, подобно попавшей в силки куропатке, бросилась с жалобным плачем к ногам Кайкейи.

Утром четырнадцатого дня царские советники явились к Бхарате и просили его стать царем Айодхьи.

Но Бхарата отверг их просьбу. Он повелел снарядить войско — пехоту, конницу, слонов и колесницы — и проложить для него дорогу через леса, чтобы идти с ним к месту изгнания Рамы.

И несметные толпы искусных работников явились, чтобы исполнить веление Бхараты. И были среди них умелые строители дорог и мостов, люди, сведущие в качествах почвы, в проведении каналов, землекопы, лесорубы, плотники, тележники, сторожа, корзинщики, повара, проводники по лесным дебрям. Они пришли, снабженные всеми нужными орудиями и принадлежностями, и принялись за работу с усердием и сноровкой. Они расчищали заросли, валили деревья, прорубали просеки в лесу и продвигались вперед, прокладывая дорогу; они срывали бугры на пути и сравнивали почву; засыпали землею ямы и рытвины; мостили дорогу; перекидывали мосты через реки; в местах, бедных водою, рыли пруды, там, где нужно, вырубали лес, в других же местах сажали деревья и разбивали цветники вдоль пути. Так довели они дорогу до берегов Ганги, и чем дальше, тем она выглядела прекрасней, словно тропа небожителей.

И в назначенный день огромное войско двинулось вслед за Бхаратой по этой дороге. Тысяча слонов, шесть тысяч лучников на боевых колесницах, сто тысяч всадников сопровождали славного царского сына в его пути к месту изгнания Рамы. Впереди него на блистающих, как солнце, колесницах ехали верховные жрецы и советники, а позади — царицы Каушалья, Сумитра и Кайкейи; вместе с ними, жаждущие видеть Раму, отправились в путь почтеннейшие из жителей Айодхьи; и за войском следовали тысячи купцов, торговцев тканями и драгоценностями, тысячи золотых дел мастеров, гранильщиков алмазов, искусных горшечников, ткачей, оружейников, стекольщиков, резчиков по слоновой кости, поваров, торговцев вином и благовониями, банщиков, врачей, прачек, портных, певцов, музыкантов и танцовщиц, тысячи горожан всех званий со своими женами.

Войско достигло Ганги и стало многолюдным лагерьем на ее берегу вблизи Шрингаверапуры. По просьбе Бхараты царь нишадов снарядил сотни судов и лодок, больших и малых, чтобы переправить его с войском и свитой на другую сторону. На большом, красиво украшенном судне, с гребцами и музыкантами на борту, Бхарата с Шатругхной, царские жены, советники и жрецы пересекли благополучно Гангу, а на других лодках и плотам переправилось все войско Бхараты со слонами, конями, колесницами, оружием, довольствием и все люди, сопровождавшие войско и царевича.

Со своей многочисленной свитой Бхарата двинулся дальше. И после долгого и утомительного пути, миновав священную обитель Бхарадваджи и переправив-

ишь через Ямуну, в один из дней он завидел наконец перед собою вершины Читракуты.

Дозорные, шедшие впереди войска, заметили дым, поднимающийся на вершине горы, и доложили о том Бхарате. Догадавшись, что они приблизились к обители Рамы, царевич приказал войску остановиться и пошел дальше один, взяв с собою только Шатругхну и Сумантру.

Рама и Сита сидели у очага за полдневною трапезой, когда увидели поднявшиеся над окрестностью тучи пыли и глухой отдаленный шум, подобный раскатам грома, коснулся их слуха. Рама кликнул Лакшману и сказал ему: «Слышишь ли ты этот грозный нарастающий рокот, о Лакшмана? Видишь бегущие в тревоге из леса стада оленей и буйволов, диких слонов и львов? Узнай, кто спугнул их — царская ли охота посетила окрестные леса или некий свирепый зверь рыщет поблизости от нас?».

И Лакшмана пошел и взобрался на вершину дерева шала. Оглядевшись кругом, он обратил взор на восток. Там увидел он огромное войско, движущееся к Читракуте с развернутыми знаменами, — слонов, колесницы, конницу, пехоту — словно волны океана; тучей покрыло оно долины и холмы.

Поспешно возвратившись, Лакшмана сказал Раме:

«Потуши огонь, о Рама, и отведи поскорее Ситу в потаенную пещеру; натяни тетиву на свой лук, приготовь стрелы и надень кольчугу. Бхарата, сын Кайкеи, приближается сюда с несметным войском, намереваясь убить нас обоих, чтобы обезопасить от покушения власть свою над царством.

Ныне, — продолжал Лакшмана, пылая гневом, — я встречусь с Бхаратой, из-за которого ввергнуты мы в эту великую невзгоду! Поистине, я убью его! И я не вижу в том греха, о Рама, чтобы убить того, кто причинил нам зло. Сегодня же увидит Кайкеи, как падет ее сын от руки моей! Я убью и Кайкеи, я истреблю всех наших недругов, и ты обретишь царство, принадлежащее тебе по праву!»

Но Рама, догадываясь об истине, постарался успокоить Лакшману. «Нет сомнения, узнав о нашем изгнании, Бхарата пришел сюда повидать нас. Я не верю, что он может замыслить против нас зло, — сказал Рама. — У тебя нет причины говорить о нем дурно, Лакшмана. Брат не должен восставать на брата в борьбе за царство». И сын Сумитры, устыдившись, понурил голову и сказал Раме: «Быть может, и отец наш пришел вместе с войском, чтобы навестить нас».

Бхарата между тем, оставив войско у подножия Читракуты, отправился к обители Рамы в сопровождении Шатругхны и Сумантры, угадывая путь по дыму, поднимавшемуся над лесом. И, пройдя по лесным тропам, он увидел хижину, крытую листьями пальм и деревьев шала, и горящий очаг, и Раму, Ситу и Лакшману, сидевших у очага на посланных на земле звериных шкурах.

Увидев Раму, одетого в рубище, с оленьей шкурой на плечах, Бхарата зарыдал и бросился к его ногам. «О благородный брат мой! — вскричал он. — Из-за меня ты терпишь эти невзгоды, ты, достойный царской участи! О я, несчастный, презренна жизнь моя, жалок мой удел!»

Рама, едва узнав Бхарату, исхудавшего и бледного лицом, обнял его крепко и, прижав к груди своей, заговорил с ним ласково. «О, как долго я не видел тебя, мой мальчик! — молвил Рама. — Зачем ты пришел сюда, в этот дремучий лес? Ты не должен был делать этого, пока жив твой отец. Здоров ли государь, отец наш? Здоровы ли Каушалья и Сумитра? Благополучна ли царица Кайкейи? И как правишь ты страшною, как живетя под твоею властью народу Айодхьи и окрестных земель?»

Бхарата отвечал: «Наш отец покинул нас, он взшел на небо, сокрушенный горем о сыне. Моя мать Кайкейи тому причиной. Тяжкий грех совершила она, стремясь завладеть царством, и ад будет ее уделом. Я же, раб твой, пришел сюда вместе с советниками просить тебя о милости — вернись в Айодхью и будь нашим царем, о Рама!»

Услышав о смерти отца, Рама, пораженный как ударом грома, упал на землю, словно дерево в цвету, подрубленное топором. Братья его и Сита разразились рыданиями, видя это. Они обрызгали его лицо водою, и, придя в себя, Рама сказал: «О Сита, свекор твой умер; о Лакшмана, ты лишился отца! Что делать мне теперь в Айодхье, когда нет там моего отца и повелителя?! Я не вернусь туда, даже когда истечет срок изгнания».

Вместе с братьями и Ситой, заливающейся слезами, и с Сумантрой Рама сошел к берегам Мандакини, струящейся среди цветущих лесов, и совершил поминальный обряд возлиянием воды. Затем, совершив поминальное жертвоприношение плодами, называемое пинда, братья вернулись к хижине Рамы, оглашая окрестность плачем.

Услышав этот плач, воины и приближенные Бхараты догадались о встрече его с Рамой. Тогда войско двинулось к обители, сотрясая землю своею поступью, и, вспугнутые, бежали при его приближении олени, вепри, львы, буйволы, тигры, гаялы, антилопы, а лесные птицы разлетались во все стороны. И Рама приветливо встретил у своего жилища друзей своих и доброжелателей.

Васиштха привел жен Дашаратхи к хижине Рамы. Видя бедную хижину и Раму в одежде отшельника, горько сетовали царицы; Рама поклонился им в ноги, и вслед за ним поклонились Лакшмана и Сита. Каушалья плакала, увидев изгнанников в лесной глуши, в дикой местности, отдаленной от родного дома.

В присутствии царских жен и советников, почтенных горожан Бхарата опять обратился к Раме, заклиная его вернуться в Айодхью и принять бразды правления государством. Все присоединились к просьбе Бхараты. Но Рама был тверд в своем решении следовать велению отца. «Слово царя должно быть нерушимо, — сказал Рама. — И сын обязан повиноваться велению отца после смерти его, как и при жизни. Отец наш обещал твоей матери, спасшей ему жизнь, исполнить два ее желания. И наш долг, долг сыновей его, — все сделать для того, чтобы обещание его было

исполнено. Поэтому пусть царский балдахин осеняет твою голову; мою же осенит листва деревьев в дремучем лесу».

Ни братья, ни мудрый Васиштха, ни царицы, ни горожане, ни царские слуги не могли поколебать Раму просьбами своими. Тогда Бхарата сказал Сумантре: «Пойди принеси охапку травы куша и положи ее здесь, у дверей хижины». И когда колесничий повиновался его словам, Бхарата лег на траву и сказал: «Я останусь здесь, пока Рама не согласится принять власть над царством. Слушайте меня, советники и приближенные! Если он откажет мне, я и тогда останусь здесь и разделю с ним его изгнание. Я никогда не желал царства отца моего, царства, коего я не достоин. Пусть правит им тот, кому доверит его Рама».

Рама сказал: «Встань, о Бхарата, возлюбленный брат мой! Возвращайся в Айодхью. Ты достоин этого царства, о украшение рода Рагху! Вместе с мудрыми советниками и приближенными ты будешь править им справедливо и со славой. Не порицай свою мать; оказывай ей уважение, которое матери оказывать должно. И знай, что скорее красота покинет луну, Гималаи лишатся снегов и выйдет из своих берегов океан, нежели я отступлюсь от обещания, данного моему отцу и повелителю».

Видя непреклонную решимость Рамы, замолкли все, вторившие Бхарате. И Бхарата сказал тогда сыну Каушалы, тяжело вздыхая: «О благородный, сними с ног сандалии твои, украшенные золотом». И, взяв сандалии Рамы, он поклонился им и сказал: «Я беру их с собою в Айодхью; им я передаю царскую власть. Сам же я, облачившись в одежду отшельника, оста-

нусь за пределами города и, твой наместник, буду ждать твоего возвращения. Если же ты не вернешься через четырнадцать лет, я войду в огонь костра».

«Да будет так», — сказал Рама и обнял Бхарату и Шатругхну. И, простившись с Рамой, Бхарата, Шатругхна, царицы, свита их и войско, глубоко опечаленные, покинули Читракуту.

И вернувшись в Айодхью, Бхарата не остался в ней. Он удалился в Нандиграму, селение, лежавшее к востоку от столицы, и, поместив сандалии брата под царским балдахином как залог возвращения изгнанного, правил страной именем Рамы.

Спустя немного дней после ухода Бхараты стал замечать Рама, что странно переменилось поведение отшельников, живших под его защитой на Читракуте, вблизи его дома. Явно поселилась в них какая-то тревога; и он заметил, что при встрече с ним они переговариваются тихо и бросают на него вопрошающие взгляды.

Тогда, видя по их лицам, что они пребывают в смущении и страхе, Рама обратился однажды к старейшему из отшельников, сложив почтительно ладони: «О премудрый, — сказал он, — не нарушил ли я закона прежних государей в глазах этих святых людей,

что привело в смятение их души? Или брат мой Лакшмана совершил что-либо, его не достойное? Или жена моя Сита не оказала вам должного почтения, как то приличествует женщине?»

И ответил ему старец, дряхлый и согбенный, тряся головою: «Мог ли нарушить закон благочестивый и щедрый покровитель отшельников? Нет, сын мой, причина их тревоги другая. Это страх перед ракшасами угнетает их, об этом ведут они речи между собою. С тех пор как ты поселился у нас, ракшасы, ненавидящие тебя, не дают покоя нашей округе. Кхара, младший брат Раваны, и с ним другие дерзкие и кровожадные демоны-людоеды преследуют отшельников, являясь им в чудовищных и отвратительных личинах, наводящих ужас; они забрасывают святых отшельников нечистотами, во время жертвоприношений опрокидывают сосуды с жертвенной пищей и льют воду на священный огонь. Невидимками подкрадываются они к нашим хижинам и похищают жителей, мучают их и убивают. О Рагхава, мы не можем больше оставаться в лесах Читракуты, кипящих бесами; мы решили покинуть эту обитель! Недалеко отсюда есть цветущая лесная страна, изобилующая плодами и съедобными кореньями. Туда уйду я со своим народом; уходи и ты с нами! Негоже тебе оставаться здесь в безлюдье, среди враждебных духов».

И вскоре отшельники ушли с Читракуты. Тогда Рама стал размышлять и решил, что не останется более в этих местах. «Здесь виделся я последний раз с моею матерью, с Бхаратой и горожанами; память об их слезах и горе не покидает меня. К тому же слоны и кони благородного Бхараты истоптали все кругом,

и местность уже не радует взора. Нам следует уйти отсюда». Так думал Рама, и он поведал о своем решении Лакшмане и дочери Видехи.

В тот же день они оставили склоны Читракуты и к вечеру достигли обители благочестивого Атри, который принял Раму как родного сына. Там провели они ночь, а наутро собрались продолжить путь. У отшельников, свершавших утренние обряды, Рама спросил, кто населяет леса, начинающиеся за оградой обители. И он узнал, что леса кругом полны хищных зверей и ракшасов, питающихся человеческим мясом; что нередко гибнут в лесу путники-отшельники, когда не соблюдают они должной осторожности или пренебрегут обрядами. Жители пустыни указали Раме тропу, проложенную отшельниками, и вместе с Ситой и Лакшманой он углубился в дремучий лес, подобно тому как скрывается солнце в непроглядных тучах.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЛЕСНАЯ

В лесу Дандака на яркой поляне среди прозрачных водоемов, покрытых божественными цветами лотосов, Рама увидел хижины из травы и бересты. В них жили отшельники. Полы и стены хижин были покрыты оленьими шкурами, а по углам лежали связки хвороста, плоды, корни и стояли сосуды с водой. В каждой хижине был небольшой алтарь для разведе-

ния священного огня. Древние старцы, одетые в платье из коры деревьев и оленьи шкуры, нараспев читали молитвы и заклинания, и все вокруг было мирно и тихо.

Рама опустил свой лук и направился к отшельникам, которые с восторгом воззрились на пришельцев: на Раму, подобного луне, на Лакшману, стройного станом и отважного ликом, на Ситу, прекрасную, как Лакшми, богиня счастья. Святые старцы благословили их от чистого сердца, предложили им кров и все, чем были богаты сами. Громко восславили они Раму, своего покровителя и друга.

Рама отдохнул у радушных брахманов, а потом с Лакшманой и Ситой пошел в глубь леса, кишевшего дикими и хищными зверями. Сыро, темно и мрачно было там, и путь им преграждали деревья, опрокинутые свирепой бурей и могучим лесным зверем.

Вскоре в лесной чаще путники заметили людоеда, огромного, как горная вершина. Рык его был подобен грому, и видом он был ужасен: с одним глазом, с бездонным брюхом, с телом, измазанным кровью, с широко раскрытой пастью.

Когда людоед увидел Раму, Лакшману и Ситу, прекрасную дочь царя Митхилы, он пришел в ярость и кинулся на них так, как Разрушитель Мира бросался на все живое в час гибели Вселенной. Воплем своим сотрясая землю, он схватил Ситу, посадил ее к себе на бедро и, отскочив в сторону, крикнул Раме и Лакшмане: «Эй вы, бродяги в берестяных одеждах! Эй вы, слабосильные людишки! Зачем вам, тощим подвижникам, оружие и женщина? Вы — скверные и похотливые нечестивцы! Вы позорите праведных отшельников!

Я — грозный и свирепый ракшас, и зовут меня Ви-
радха. Лес Дандака принадлежит мне, и я брожу по
нему и пожираю дичь и благочестивых отшельников.
Эта неземная красавица не для вас, она станет моей
женой, а тела ваши будут мне сегодня пищей».

Услышав эти речи Вирадхи, Сита затрепетала от
страха, как трепещет дерево, сотрясаемое ветром. Рама
взглянул на нежную Ситу, несомую на бедре крово-
жадным ракшасом, лицо его побледнело от горя, и
он сказал Лакшмане: «О милый брат мой, посмотри
на Ситу, мою верную и непорочную супругу. Прекрас-
ная царевна, вскормленная в роскоши и неге, — на
бедре у людоеда! О Лакшмана! Вот чего добивалась
для нас жестокая Кайкейи! Этой корыстолюбивой ца-
рице, моей второй матери, не довольно было отнять
у меня царство, ей хотелось еще и погубить нас в лес-
ных дебрях. О сын Сумитры! Ничто — ни холодность
отца моего, ни потеря царства, ни жизнь в лесах — не
может причинить мне больше горя, чем прикосновение
чужого человека к Сите, моей супруге».

С глазами, полными слез, говорил Рама эти горест-
ные слова своему верному брату, и Лакшмана заго-
релся гневом. Яростно, как слон, пришедший в не-
истовство, закричал он: «Почему же ты, повелитель
Вселенной, предаешься печали, как будто ты всеми
покинут, как будто нет меня рядом с тобой? Земля
упьется кровью этого мерзкого пожирателя мяса, когда
он падет бездыханным, лишенным жизни моей стре-
лою! Я обрушу на него весь гнев, накопившийся во мне
с того дня, когда лишили тебя родины и власти».

Вирадха, услышав грозные речи Лакшманы, громко
засмеялся: «Эй вы! Оставьте свои надежды и убирай-

тесь отсюда, пока целы. Всемогуший Брахма наградил меня великим даром — никто в мире не может причинить мне вреда оружием. Не берут меня ни мечи, ни стрелы, ни дротики, ни секиры».

Тогда Рама с лицом, пылавшим гневом, ответил людоеду: «Ты, видно, ищешь смерти, и ты найдешь ее сегодня в битве». Он натянул лук и всадил в ракшаса острую стрелу, а за ней еще семь стрел, украшенных павлиньими перьями, блеснувших в воздухе, как языки пламени.

Меткие стрелы Рамы пронзили тело Вирадхи и упали на землю, покрытые дымящейся кровью. Ракшас пришел в ярость от боли, посадил Ситу на землю, и, высоко подняв дротик, метнул его в Раму.

Ливень стрел обрушили Рама и Лакшмана на людоеда, но он только смеялся, отшвыривая от себя стрелы руками. Тогда братья бросились на ракшаса с острыми мечами, подобными черным губительным змеям. И когда они приблизились к Вирадхе, он схватил их своими длинными руками и, посадив на плечи, понес их в глубину леса, сотрясая деревья и землю своим страшным криком.

Сита, увидев, что лесное чудовище уносит ее возлюбленного супруга и его благородного брата, горестно закричала, простирая руки к небу: «О Рама, сын Дашаратхи, сильный, чистый, правдивый! Тебя уносит злой ракшас, тебя и Лакшману! А меня растерзают медведи, тигры и пантеры! О ракшас, возьми лучше меня! Я склоняюсь перед тобою, только отпусти Раму и Лакшману!»

Когда Рама и Лакшмана услышали крик Ситы, их терпение истощилось, и для ракшаса наступил послед-

ний час. Лакшмана схватил Вирадху за левую руку, Рама — за правую и в могучих ладонях братьев-царевичей руки ракшаса переломились, как сухие щепки. Огромный, как туча, он потерял сознание от боли и рухнул на землю, как холм, развалившийся под ударами молний. А Рама и Лакшмана бросились на людоеда и стали топтать его ногами. Они изрубили его секирами, сломали ему ноги, но страшный ракшас все еще оставался живым. Тогда Рама велел Лакшмане вырыть большую яму, чтобы заживо похоронить в ней жестокого пожирателя мяса. И тут Вирадха жалобно сказал старшему сыну Дашаратхи: «Я убит тобой, владыка, и сила твоя подобна силе самого Индры. Только мое неведение помешало мне признать тебя раньше. Теперь же я узнал тебя — ты великий Рама, достойный сын Каушалы. Я узнал и Лакшману, твоего брата, и прекрасную Ситу, твою преданную супругу. О благородный Рама, я — гандхарва. Но проклял меня когда-то бог богатства Кубера: я пытался соблазнить красавицу-апсару Рамбху. И стал я кровожадным ракшасом, но Кубера сжалился надо мной и сказал мне: „Когда Рама, сын Дашаратхи, сокрушит тебя в поединке, ты снова станешь небесным музыкантом и вернешься обратно на небо“. Спасибо тебе, великий Рама. Отныне я свободен от проклятия Куберы и вернусь в поднебесье. Закопайте меня в лесную яму и ступайте себе с миром. Недалеко отсюда есть обитель великого подвижника Шарабханги, идите к нему, он принесет вам благо».

Сыновья Дашаратхи так и сделали — закопали в землю лесного людоеда и, радостные, поспешили к Сите, чтобы обнять ее и утешить.

Затем Рама сказал Лакшмане и Сите: «В этом лесу оставаться опасно — он дик и мрачен и кишит ядовитыми гадами и дикими зверями. Нам неизвестны здесь лесные тропы и дороги, и лучше нам уйти отсюда в обитель благочестивого Шарабханги». Лакшмана и Сита с ним согласились.

Когда все трое приблизились к обители Шарабханги, Рама вдруг заметил в небе невиданное чудо: необыкновенной красоты драгоценную колесницу, запряженную зелеными конями, в колеснице — великого Индру в нетленных одеждах в окружении небесных дев, красавиц-апсар, держащих над ним золотые опахала. Вокруг колесницы Индры были другие небесные колесницы; в них сидели небожители и нежными головами пели гимны, прославляя повелителя небес.

Рама показал рукой Лакшмане и Сите на явившееся им чудо и сказал: «Вы подождите меня здесь, а я пойду к обители. Кажется мне, что сам Индра со своей свитой пожаловал к святому старцу». Рама устремился к хижине отшельника, но, когда подбежал он к обители Шарабханги, необыкновенное видение исчезло — Индра простился с благочестивым старцем, как только увидел бегущего к хижине Раму, и сказал: «До тех пор пока доблестный Рама не сокрушит всех врагов обитателей небес, пока не одержит победу в этой борьбе, он не должен меня видеть».

Когда Рама и Лакшмана вместе с Ситой подошли к обители, они низко поклонились отшельнику и воздали ему подобающие почести. Шарабханга приветливо их встретил и ласково сказал: «Это Индра был у меня в гостях, благородный Рама. Он звал меня к себе на небо. Но я знал, что ты идешь ко мне с бра-

том и супругой, и ожидал вашего прихода. Вы — дорогие для меня гости, и вместе с вами в мою бедную хижину пришла радость».

И Рама ответил радушному Шарабханге: «Мы пришли к тебе, праведный отец, искать у тебя убежища в этом диком лесу». Тогда Шарабханга дал совет благородному Раме идти дальше к обители подвижника Сутикшны, а сам развел на алтаре огонь и бросился в него, чтобы последовать затем во владения Индры. Его дряхлое тело сгорело в священном огне жертвенного алтаря, и стал Шарабханга юным и прекрасным и взлетел в поднебесье, в царство Индры, повелителя молний.

Рама, Лакшмана и Сита остались одни в обители Шарабханги. Но вскоре явились к ним отшельники из окрестных хижин и обратились с мольбой к доблестному Раме: «О могучий стрелок из лука, ты прославлен в этом мире своей силой и воинским искусством. Праведность и правдивость обрели в тебе свою обитель. Мы, отшельники, молим тебя — защити от ракшасов наши алтари, тела и души. Трупам праведных подвижников усеяли злые ракшасы лесные дороги, великие муки терпят живущие на берегах Пампы и Мандакини и обитающие в лесу Читракута. Мы припадаем к ногам твоим, владыка, и ищем у тебя от ракшасов защиты. Освободи же нас от бродящих в ночи пожирателей мяса, великий воин!»

Рама поднял с земли благочестивых старцев и сказал им: «Вам не нужно молить меня об этом: долг мой — быть вам защитой. Я живу в лесу не для своего только, но и для вашего блага. Я пришел в лес по велению моего великого отца и буду охранять вас от

всех напастей». И сопровождаемый Лакшманой и Ситой, окруженный благочестивыми старцами, Рама направился к обители Сутикшны.

После долгого пути через леса и речные потоки Рама увидел украшенную цветами хижину Сутикшны. Сыновья Дашаратхи и Сита почтительно поздоровались с подвижником, и Сутикшна приветливо сказал им: «Добро пожаловать, благородные царевичи. Я слышал, великий Рама, что коварством лишили тебя царства и изгнали из Айодхьи. Живите в моей хижине и будьте в ней хозяевами, не гостями, а меня давно уже зовет к себе Индра».

Рама поблагодарил Сутикшну за гостеприимство, и они провели в обители подвижника ночь, а наутро пошли по лесу Дандака дальше.

Десять лет прожил Рама с Ситой и Лакшманой в лесу Дандака, переходя из одной обители в другую, сохраняя благочестивых отшельников от хищных зверей, ракшасов и ядовитых гадов. А на одиннадцатый год Рама вернулся в хижину Сутикшны и поведал ему о своем желании посетить обитель великого праведника Агастьи. Идти к нему от хижины Сутикшны было недолго — всего один день да еще день. Сутикшна указал Раме дорогу, и все трое отправились в путь. Агастья с радостью встретил великого Раму, его супругу и брата и подарил Раме драгоценное оружие бога Вишну: лук, меткие стрелы, сверкающие, как солнце; могучий меч в золотых ножнах, острую тяжелую се-

киру и сказал: «Да будешь ты, доблестный Рама, непобедим в битвах с врагами».

Рама с благодарностью поклонился благочестивому и щедрому старцу и попросил: «Укажи мне, подвижник, такой край, где могли бы мы жить в мире и довольстве. Жить нам в лесах осталось еще четыре года, а мы очень утомились от многолетних странствий». — «Недалеко отсюда, — отвечал Агастья, — есть место, которое люди называют Панчавати. Там прекрасный лес, полный цветов, плодов и кореньев. Поблизости течет полноводная Годавари, а по берегам ее бродят олени и птицы». Он показал Раме дорогу в Панчавати, и Рама с Ситой и Лакшманой пошли туда искать себе кров.

Долго шли они по лесной дороге, и все время летел над ними огромный ястреб. «Кто ты?» — спросил его Рама, и ястреб приятным голосом ответил: «Я — друг твоего отца, и зовут меня Джатаю. Я буду помогать тебе, если ты этого захочешь, и охранять Ситу, когда ты будешь отлучаться». Рама радостно обнял друга своего отца, могучего ястреба Джатаю, и с веселой душой продолжал свой путь в Панчавати.

Вскоре они пришли в указанное Агастьей место, и Рама сказал Лакшмане: «О Лакшмана, мы пришли в Панчавати. Ступай, милый брат мой, и выбери недалеко от воды красивое ровное место, с цветами, травами и тенистыми деревьями».

Лакшмана быстро нашел такое место на берегу Годавари, нарубил длинных жердей, набрал травы и листьев и соорудил красивую хижину с крепкой крышей и ровным полом. Потом Лакшмана умылся в реке, набрал в лесу плодов и кореньев и принес их в хи-

жину. И Рама сказал ему: «Я доволен тобой, о Лакшмана. Ты хорошо потрудился, и здесь, воистину, прекрасно — светлая река, цветущий лес, разные плоды и корни, гуси, лебеди, утки, олени. Здесь мы будем жить с нашим могучим другом ястребом Джатаю подобно небожителям в небесных чертогах. Прими, Лакшмана, мои объятия, как награду, ибо нет у меня здесь ничего больше».

Мирно прожили они в лесу Панчавати лето и осень, и вскоре наступило желанное зимнее время.

Однажды утром старший сын Дашаратхи пошел к прекрасной реке Годавари, чтобы омыть лицо и тело в ее водах. Смиренный сын Сумитры, благочестивый брат Рамы, пошел за ним следом и сказал: «О сладкоречивый брат мой, наступило время, которое всегда тобою было любимо. Земля полнится зерном, вода в реке свежее, и желанным становится огонь в жаровне. Люди собрали с полей зерно риса и очищаются от грехов, принося богам жертвы, поминая своих предков и празднуя приход нового года. Селения полны зерна, молока и масла. Покрыт снегом и далек от солнца Обладатель Снегов — Химават. И солнце в полдень сейчас греет мягко; и не манят нас тень и речные воды; дни стали прохладными, а леса пустынные, и лотосы на холоде вянут. Темными и долгими стали ночи, лик луны покрыли туманы, и лунный свет уже не кажется приятным. И прекрасная Сита побледнела и не столь красива, как прежде. Неяркое солнце, покрытое туманом, стало подобно луне, и лик земли становится бледнее. И наш бедный брат Бхарата, честный, правдивый и могучий, истязает себя суровым покаянием, искупая грехи матери своей Кайкейи. Говорят,

что люди следуют не за отцом, а за матерью своею, но о Бхарате этого не скажешь. Как же может Кайкейи, мать Бхараты, жена Дашаратхи, идти по дороге зла и неправды?»

Так сетовал добрый Лакшмана, идя следом за старшим братом, и Рама, не питавший зла к Кайкейи, сказал ему: «Не суди, брат мой, так строго Кайкейи, она нам — вторая мать. Лучше нам побеседовать о брате, о правителе царства Кошалы. И хотя не изменяет мне твердость духа, а все же я становлюсь сильнее, вспоминая любимого брата. Я вспоминаю его ласковые речи, берущие за сердце, и радость заполняет мою душу. Когда же встретимся мы с благородным Бхаратой и отважным Шатругхной?!»

Рама и Лакшмана, ведя такие речи, пришли к реке, умылись в ее водах и, чистые душой и телом, вернулись в свою обитель.

В то утро мимо хижины сыновей Дашаратхи проходила ракшаси Шурпанакха, сестра злобного Раваны, повелителя всех ракшасов на земле. Она увидела благородного Раму, и неодолимая страсть охватила ее. И пожелала Шурпанакха стать его супругой. Кровавая ракшаси была страшна и отвратительна, а юный Рама прекрасен, как серебристый месяц в пору полнолуния; стан у сына Дашаратхи строен и тонок, а у ракшаси Шурпанакхи — огромное прожорливое брюхо; на голове царевича Рамы вились красивые волосы, а у мерзкой Шурпанакхи — красная всклокоченная грива; голос у Рамы был певучий и благозвучный, а у ракшаси — пронзительный и скрипучий. Но велика любовь — полонила она Шурпанакху и лишила рассудка, когда увидела ракшаси Раму, прекрасного, как

бог любви Кама, юного война с львиной грудью, могучими руками, с большими продолговатыми, как лепестки лотоса, глазами.

Опьяненная любовью, Шурпанакха подошла к хижине и спросила Раму, благородного сына Дашаратхи: «О могучий муж, прекрасный и желанный, зачем ты здесь, в этом краю, где бродят в ночи беспощадные ракшасы, пожиратели мяса? Скажи мне, какие невзгоды привели тебя в эти пустынные леса?»

Участливые речи безобразной ракшасы не разгневали Раму, и он рассказал ей искренне и правдиво о том, как пришлось ему уйти из Айодхьи с женой и братом и много лет скитаться по лесам. А затем Рама спросил Шурпанакху: «Теперь, женщина, скажи нам правду, кто ты, из какого рода и зачем ты пришла к нам?»

Неодолимая похоть совсем замутила сознание Шурпанакхи, и она, не таясь, сказала Рама: «Я скажу тебе, Рама, всю правду. Я — ракшасы, и зовут меня Шурпанакха. Непобедимый Равана, наш владыка, — родной брат мой. Я могу принимать любое обличье, и всех ракшасов я превосхожу силой, даже многие братья мои меня боятся. Я брожу по лесам, наводя на людей ужас, и питаюсь человеческим мясом. Но я увидела тебя сегодня и полюбила как мужа. Так стань же отныне моим супругом и взгляни на меня с любовью! На что тебе изможденная и уродливая Сита? Она совсем тебя не достойна. Я съем ее сегодня на ужин, а потом мы пойдем с тобой, как счастливые супруги, и обойдем все леса и горы земные».

Спокойно выслушал благородный Рама глупые и хвастливые слова Шурпанакхи, попавшейся в сети

коварного Камы, и ответил ей, улыбаясь: «О благородная ракшаси, я женат уже, и Сита — моя любимая супруга. Разве ты с твоими великими достоинствами согласишься быть второй женой и во всем подчиняться Сите? Но вот перед тобой юный воин, мой брат Лакшмана. Он отважен, красив, обладает могучей силой и тоскует в лесу без супруги. Он сумеет по достоинству оценить твои благонравие и прелесть. Ты его проси стать твоим мужем, и с ним ты не будешь опасаться соперниц».

И так жаждала любви кровожадная Шурпанакха, что, когда Рама отказался стать ее супругом, она обратилась к Лакшмане и сказала: «Воистину, ты молод, красив, силен и достоин быть моим супругом. Со мною, Лакшмана, в этих дремучих лесах ты будешь счастлив».

Лакшмана с улыбкой ответил ракшаси, охваченной страстью: «Не к лицу тебе, красавица, становиться у слуги служанкой. Ведь я — всего лишь раб моего старшего брата. О прекрасноликая прелестная дева, тебе подобает быть царственной супругой. Отбрось страх, будь младшей женой благородного Рамы, и твоя любовь отвратит его от старой и уродливой Ситы. О чарующая Шурпанакха, ни один муж на свете не сможет сохранить любовь к простой смертной, будучи рядом с тобою!»

Так убеждал Лакшмана Шурпанакху, потерявшую голову от страсти, и ракшаси поверила всему до единого слова. И она сказала Раме: «Твой красивый брат сказал правду, но почему же ты все время смотришь не на меня, а на свою уродливую костлявую Ситу? Ну, ладно, я на твоих глазах съем ее сегодня, освобо-

жусь от соперницы, и мы будем с тобой счастливы».

С этими словами обезумевшая от любовного желания ракшаси бросилась на Ситу, но Рама удержал ее могучими руками и, загораясь гневом, сказал Лакшмане: «О сын Сумитры, что толку смеяться над этим глупым лесным чудовищем? Шурпанакха не может понять насмешку. Надо пожалеть Ситу, она почти не дышит от страха. Накажи, брат мой, это похотливое страшилище».

И тогда Лакшмана выхватил свой острый меч и отрубил ракшаси нос и уши. Кровь залила лицо Шурпанакхи; страшно крича от боли, она бросилась бежать в лес к своим братьям, чтобы найти у них утешение и защиту.

Шурпанакха прибежала к брату своему, свирепому Кхаре, пала в слезах на землю, рассказала ему все, что случилось с ней в хижине Рама, Лакшманы и Ситы; рассказала, как надругались над нею — младший брат Рама отрубил ей мечом нос и уши.

Свирепый Кхара пришел в ярость, когда увидел свою сестру Шурпанакху без ушей и носа. «Не плачь, сестра, — сказал ей Кхара, — встань с земли, утри слезы и объясни мне толком, кто они, эти Лакшмана и Рама? Ведь ты — могучая ракшаси, и никто не может сравниться с тобою силой! Я не знаю никого в целом свете, кто мог бы причинить тебе такую обиду».

Утирая кровавые слезы, Шурпанакха послушно поднялась с земли и сказала: «Они красивые, юные,

нежные, сильные, и глаза их огромны и прекрасны, как лепестки белого лотоса. Платье у них из бересты и оленьей шкуры, и питаются они кореньями и плодами. Живут они в бедной хижине, как подвижники, и с ними женщина, прелестная, как Лакшми. И оба сына Дашаратхи, Лакшмана и Рама, величавы и царственны, как Индра. И я не знаю, брат мой, кто они, эти мужи, небожители или смертные люди. Это ради нее, той красавицы — ненавистой мне Ситы, — они обошлись со мной так жестоко, как будто нет у меня ни имени, ни чести. Вся душа моя горит от злобы, и ничего не хочу я больше — только бы напиться мне крови Ситы».

Тогда Кхара кликнул своих братьев, кровожадных ракшасов, и сказал им: «В лесу Дандака, в бедной хижине живут два воина, одетые в оленьи шкуры, и с ними женщина, блистающая красотой. Эти воины оскорбили сестру нашу, отрубили ей нос и уши. Вы ступайте немедленно в лес, отыщите обидчиков Шурпанакхи и доставьте их сюда живыми или мертвыми. Пусть сестра наша отомстит им за свою обиду и утолит свою жажду их теплой кровью».

В тот же день четырнадцать огромных и могучих ракшасов направились в Панчавати, повинувшись велению свирепого Кхары, и злобная Шурпанакха указывала им дорогу. К вечеру ракшасы добрались до хижины Рамы, Лакшманы и Ситы, и Шурпанакха показала им дочь Джанаки и сыновей Дашаратхи.

Братья-царевичи сидели в хижине у открытой двери и вели тихую беседу с Ситой. Вдруг Рама заметил притаившихся за деревьями ракшасов и сказал младшему брату: «О сын Сумитры, к нашей хижине под-

кralись ракшасы и замышляют недоброе. Побудь с Ситой и охраняй ее зорко, а я тем временем расправлюсь с ними».

Рама взял свой лук, украшенный золотом, вышел из хижины и сказал ракшасам, подосланным Кхарой: «Я — сын великого государя, и зовут меня Рама. Я живу здесь, в этой хижине, как подвижник, и со мной младший брат мой Лакшмана и супруга моя Сита. Я провожу в лесу все дни и ночи и охраняю благочестивых отшельников от лихой беды и от вас, кровожадных пожирателей мяса. Что надо вам в Панчавати? Зачем вы пришли сюда и притаились в зарослях, как хищные лесные звери? Эй вы, бродящие в ночи убийцы, стойте там, где вы стоите, и не смейте двигаться с места, если вам дорога еще ваша жизнь!»

Ракшасы слушали Раму молча, дыхание их от злобы прерывалось, и глаза от гнева покраснели; в руках они сжимали острые дротики. Но вот один из них, самый старший, дерзко ответил Раме, не знающему себе равных в битве: «Ты и брат твой надругались над нашей сестрой Шурпанакхой. Вы разгневали владыку нашего Кхару и умрете сегодня все трое: ты сам, и брат твой, и твоя жена. Что ты, слабый человек, можешь с нами сделать один? И хотя в руках твоих могучий лук, сегодня он не спасет тебя от гибели».

Сказав так, старший ракшас подал знак своим братьям — и четырнадцать дротиков полетели в Раму, угрожая ему смертью. Но не помогли ракшасам их острые копы: меткие стрелы Рамы сбили эти копы на землю, и в тот же миг четырнадцать неотвратимых стрел, пущенных Рамой, пронзили кровожадных братьев Шурпанакхи. Ракшасы пали на землю, кор-

чась, как змеи, брошенные в муравейник; ужасно кричали они, обливаясь кровью и в муках расставаясь с жизнью. А Шурпанакха бросилась бежать к брату своему Кхаре, оглашая лес воплями и плачем.

Она прибежала к свирепому Кхаре, упала перед ним на землю, роняя злые слезы, и спросил ее изумленный Кхара: «Почему ты опять в слезах, сестра моя Шурпанакха? Где братья мои, преданные и могучие, непобедимые в битвах? Почему ты извиваешься на земле, как змея, и кричишь в голос, как женщины, потерявшие своих близких?»

И тогда Шурпанакха рассказала ему все: как погубили стрелы Рамы всех братьев Кхары, как охватил ее душу ужас перед Рамой, как устремилась она к брату своему Кхаре сквозь лесные дебри, чтобы найти у него убежище и защиту. «О брат мой, — кричала горестно Шурпанакха, — если жаль тебе сестру твою, если жаль тебе твоих братьев, убитых Рамой, если ты не боишься сразиться с Рамой, вырви с корнем ядовитую колючку, которая выросла в Панчавати! Если ты не покончишь сегодня с Рамой и его братом, если не отведаю я сегодня дымящейся крови Ситы, стыд и позор испепелят мою душу и я на твоих глазах наложу на себя руки!» И страшная ракшаси, охваченная дикой злобой, царапала себе лицо ногтями и била себя кулаками в огромное брюхо, испуская жуткие вопли.

Горестные слова, сказанные Шурпанакхой, жгли душу Кхары, не знающего пощады, как жжет соль открытые раны. Ярости и гневу его не было предела, и он сказал стенающей Шурпанакхе: «Не плачь, сестра, я отправлю Раму, Лакшману и Ситу в обитель Ямы, бога смерти, и ты напьешься сегодня их дымящейся

крови». Затем Кхара призвал к себе Душану, своего искусного полководца, и сказал ему: «Немедля приготовь к битве, победоносный Душана, четырнадцать тысяч ракшасов, преданных, отважных и свирепых, не ведающих страха в бою. Пусть будет готова к походу и моя боевая колесница — я сам поведу войско в Панчавати, чтобы покарать дерзких сыновей Дашаратхи».

Душана поспешил исполнить повеление Кхары, и вскоре огромное войско ракшасов, свирепых и могучих, было готово к походу в Панчавати. Кхара взошел на украшенную золотом колесницу, стоявшую впереди войска, с радостным сердцем оглядел своих победоносных воинов и, тронув с места колесницу, двинул свое войско в поход против двух сыновей Дашаратхи.

Когда грозное и кровожадное войско ракшасов приближалось к Панчавати, в небе появились предвестники несчастья. Большая черная туча повисла над войском Кхары и с громом низвергла на ракшасов потоки крови; черный круг, окаймленный кровавой полосой, появился на небосводе рядом с солнцем, и страшный ястреб с огромным телом опустился на знамя Кхары и уселся на золотое древко; пронзительно кричали хищные звери и птицы, кормящиеся мясом; пугающий душу мрак окутал землю, и завывли над нею злые ветры; падучие звезды проносились по огненным тропам, и, как океан в непогоду, волновалась земля, сотрясая леса и горы.

Но свирепая душа Кхары не ведала страха, и он обратился к своему войску, испуганному недобрыми знаменами, с хвастливой речью: «Братья, сила моя неизмерима, и мощь моя известна всему миру. Мои стрелы могут достать звезды с неба, и не страшны

мне мрачные предзнаменования природы. Самое Смерть я могу отправить в царство Ямы! Ничто не заставит меня повернуть обратно! Мы убьем сегодня гордого Раму, убьем его прекрасную супругу, дерзкого брата, и сестра моя Шурпанакха утолит свою жажду их кровью. Никогда в жизни не знал я поражения в битвах, в гневе могу я убить самого небесного владыку. Братья! Вы знаете, что я говорю вам истинную правду, и не к лицу нам, ракшасам, наводящим ужас на все живое, бояться разгневанной природы!» И, ободрив испуганное войско, Кхара повел его дальше, навстречу битве.

А над Панчавати уже собрались боги, гандхарвы и апсары, благочестивые подвижники, прославленные мудростью и силой духа, и все они хотели посмотреть на битву великого Рамы с кровожадными ракшасами Кхары. Они взирали на Панчавати с небес и желали Раме победы над войском Кхары.

Когда жуткий мрак окутал землю и она заколебалась под ногами, Рама понял, что ракшасы идут войной на Панчавати, и стал готовиться к битве с ними. Он велел Лакшмане надежнее вооружиться, укрыть Ситу в потаенной горной пещере и стеречь ее там от напастей, пока он, Рама, будет биться с войском Кхары. «Я хочу их сам, один, уничтожить», — сказал Рама своему брату, и Лакшмана не стал ему перечить.

Рама надел на себя кольчугу, взял в руки могучий лук и меткие стрелы, ступил из хижины в ночную мглу, и, как языки пламени, сверкнули во мраке его золотые доспехи.

Войско ракшасов быстро приближалось к хижине Рамы, и грохот боевых колесниц Кхары гулко раз-

носился по окутанному тьмой лесу. Небожители, взиравшие на землю с небес, в тревоге спрашивали друг друга, сможет ли сын Дашаратхи один победить огромное войско безжалостных пожирателей мяса.

Вскоре войско ракшасов совсем близко подошло к Панчавати, и Кхара увидел, что около бедной хижины из жердей и листьев стоит с луком в руках одинокий воин. Тогда Кхара крикнул своему возничему: «Г'они!» — и тот направил колесницу прямо на доблестного сына Дашаратхи. Кхара во весь рост стоял на стремительно мчащейся колеснице, и его огромное тело, облаченное в сверкающие доспехи, было подобно огненному светилу на звездном небосклоне.

Ракшасы страшными криками сотрясали землю, тысячи стрел и дротиков полетели в сына Дашаратхи. С пронзительным свистом рассекали воздух сверкающие диски, острые копья и тяжелые булавы — это ракшасы на бегу метали их в Раму. Колесницы и всадники, пешие воины — все огромное войско ракшасов с воем, леденящим душу, устремилось к юному царевичу, сыну Каушалы, угрожая ему смертью. Воины, сидевшие на спинах боевых слонов, обрушили на Раму ливни стрел и дротиков. Но как течение реки не колеблет гладь морскую, так и могучий Рама грудью встретил страшное войско Кхары и ни на миг не сдвинулся с места. И как могучая горная вершина не испытывает боли от ударов молний, так и Раму не тревожили стрелы и дротики, ранившие его тело. В доспехах, обогранных кровью, он был подобен солнцу, прикрытому вечерними облаками.

Нападение ракшасов разгневало сына Дашаратхи, в кольцо изогнул он свой могучий лук и спустил с те-

тivity его сотни и тысячи неотразимых стрел. Насмерть поражали они воинов Кхары. Страшную и нестерпимую боль несли ракшасам эти стрелы, и были они подобны тем роковым силкам, которые расставляет людям сама неотвратимая Смерть. Стрелы Рамы в щепы разбивали боевые луки ракшасов, отсекали воинам Кхары руки, раскалывали крепкие доспехи, крушили колесницы, и падали под их ударами воины, слоны и кони. Страх и ужас сеяли они повсюду и обращали в бегство кроваво-жадных ракшасов Кхары. Один за другим отходили в царство Ямы боевые слоны, кони и воины Кхары, и редеть стало его войско, не знавшее доселе поражений. И стало войско свирепого брата Шурпанакхи подобно объятому пламенем лесу, спасти из которого невозможно.

Дрогнули тогда воины Кхары и, забыв стыд, побежали с поля битвы. Но остановил их громовым кличем храбрый полководец Кхары Душана. Он потрясал над головой боевым луком и, восклицая: «Победа! Победа!» — устремил свою колесницу навстречу Раме. И был он грозен, как Разрушитель Вселенной. Ракшасы, ободренные его отвагой, вслед за ним кинулись к Раме, и вновь разгорелась страшная и кровавая битва. Тысячами слетали в единый миг стрелы с тетивы божественного лука Рамы и несли смерть и уничтожение войску Кхары. Ракшасы даже не успевали заметить, как доставал великий Рама из колчана стрелы, как прилаживал их к тетиве своего лука, они только видели перед смертью Раму, стоявшего у своей хижины с изогнутым в кольцо огромным луком. Тучи стрел сына Дашаратхи закрыли небо, черной пеленой нависли они над полем битвы. Трупы убитых ракша-

сов, слонов и лошадей, брошенное оружие и разбитые колесницы устилали землю, и кровь потоком заливала ее.

Все свое войско потерял в кровавой битве Душана, не знавший никогда поражений. Ярость и отчаяние охватили его, и он направил свою колесницу прямо на Раму, сына Дашаратхи. Но неотвратимые стрелы настигли его быстрых коней и свалили их на землю. Следом за лошадьми пал замертво и колесничий, и сам Душана не сумел уклониться от метких стрел сына Дашаратхи. Тогда Душана бросился к Рама, держа над головой тяжелую палицу, окованную железом, и ударом палицы хотел сокрушить насмерть сына Дашаратхи. Меткими стрелами встретил Рама нападение Душаны и отсек полководцу Кхары его длинные руки. Тяжелая палица, окованная железом, упала на землю, а вслед за ней рухнул на землю и сам Душана, в тяжких муках расставаясь с жизнью.

Все воины Душаны пали мертвыми на этом кровавом поле, и не было предела ярости и скорби Кхары, когда узнал он о гибели своего полководца. Кхара собрал оставшихся в живых ракшасов, пришедших с ним в Панчавати, и повел их снова на бой с сыном Дашаратхи. Но не знал усталости могучий и доблестный Рама. Тучи стрел, острых и метких, встретили воинов Кхары, и новые сотни и тысячи трупов устлали поле жестокой битвы. Вскоре все четырнадцать тысяч ракшасов уснули последним сном на залитом кровью поле битвы. Вся земля в окрестностях Панчавати пропиталась черной кровью ракшасов Кхары, и это побоище, невиданное в мире, совершено было всего лишь одним человеком,

Только сам Кхара и трехголовый ракшас Тришира еще продолжали сражаться с Рамой. С яростным криком кинулся Тришира на сына Дашаратхи, стрелы его впились в светлое чело непобедимого Рамы и окрасили его лицо кровью. И тогда разгневанный Рама сказал Тришире с насмешкой: «А, храбрый ракшас, ты ранил меня стрелами в лоб, и удар твоих стрел был подобен прикосновению цветов. Теперь я угощу тебя стрелами моего лука». И четырнадцать смертоносных стрел Рамы пронзили грудь трехголового ракшаса. Четырьмя другими стрелами Рама свалил наземь четырех коней, запряженных в колесницу Триширы, следом за лошадьми пал возничий, а затем и сам Тришира метким выстрелом Рамы был сброшен с колесницы, и покатались по земле в разные стороны три головы убитого ракшаса.

Страх объял душу свирепого Кхары, когда пал мертвым его последний воин — трехголовый ракшас Тришира. В отчаянии Кхара схватил лук и бросился в последний бой с Рамой; с ловкостью уклоняясь от ударов, погнал он колесницу прямо на сына Дашаратхи. Ливень стрел обрушил Кхара на доблестного Раму, и, воспрянув духом, самонадеянный ракшас снова поверил, что одолеет он сегодня сына Дашаратхи, загубившего все его войско.

Как лев перед прыжком, недвижимо стоял на месте могучий Рама, ожидая последнего нападения Кхары. И как бабочка бездумно летит на огонь, так и Кхара, отбросив осторожность, кинулся к сыну Дашаратхи. Его стрелы разбили в щепы грозный лук доблестного Рамы, и стали подобны солнцу, упавшему на землю, золотые доспехи Рамы, расколотые на куски

стрелами Кхары. Острые стрелы ракшаса впились в могучее тело сына Дашаратхи, и стоял он на поле битвы, как столб пламени, пылающего без дыма.

Тогда Рама, стремясь поскорее закончить битву, взял в руки божественный лук Вишну, Хранителя Мира, и поток смертоносных стрел обрушился на Кхару. Забились в предсмертных корчах быстрые кони Кхары, на куски развалилась колесница, мертвым свалился на землю возничий, а сам Кхара, раненный стрелами Рамы, был весь залит кровью. Лишенный колесницы, Кхара вооружился тяжелой булавой и бросился с нею на сына Дашаратхи. Меткими стрелами Рама выбил у него из рук булаву и сказал с насмешкой: «Ты умрешь сегодня, хвастливый ракшас, и земля насытится твоею кровью. Пораженный насмерть, ты уснешь навсегда в крепких объятиях земли и, как неприступная красавица, никогда не отзовешься на оклик. Все ракшасы в страхе убегут отсюда, слезами и стенаниями поминая погибших братьев, и обитатели лесов будут жить наконец спокойно. И возрыдают в печали твои любимые жены, и не знать им отныне ни радости, ни счастья».

Насмешливые слова Рамы разъярили свирепого Кхару. Он с корнем вырвал из земли огромное дерево и бросился на Раму со страшным криком: «Ты погиб, ненавистный Рама!» — но поток неотвратимых стрел сына Дашаратхи на половине пути остановил Кхару. Пронзенный стрелами Рамы, он зашатался, кровь брызнула из его ран, и Кхара упал на землю — жизнь навсегда покинула его тело.

Великие боги и мудрые брахманы изумились чудесному подвигу сына Дашаратхи и восславили его по-

беду над злобными и нечестивыми ракшасами. Рассеялась тьма, окутавшая землю, ярко заблестало на небосклоне солнце, и цветы, падавшие с неба, усеяли землю. Сита и Лакшмана вышли из горной пещеры, подошли к могучему Раме, и Сита с гордостью и любовью обняла своего победоносного супруга.

Все воины Кхары погибли в битве у Панчавати, только одному ракшасу, по имени Акампана, удалось живым уйти с поля боя. В великом страхе бежал он от губительных стрел сына Дашаратхи на Ланку, под защиту Раваны, его владыки. Акампана поведал грозному повелителю ракшасов о гибели Кхары и его могучего войска, и рассказ его привел Равану в ярость. «Кто же он, этот воин? — вскричал Равана в великом гневе. — Кто сумел так побить мое войско? Да причини мне такую обиду сам Индра, не видать ему радости вовеки! В ярости я могу испепелить самого Агни! Самого Яму я могу уничтожить! Ветры замирают при встрече со мною!» Так кричал разгневанный повелитель Ланки, и Акампана не мог вымолвить ни слова от страха.

Когда утих гнев грозного владыки ракшасов, Акампана осмелел немного и рассказал Раване, что войско Кхары погубил юный сын Дашаратхи, по имени Рама, могучий, как лев, и победоносный, как Разрушитель Мира. И тогда Равана сказал Акампане: «Я пойду в Панчавати и убью сына Дашаратхи». Но Акампана пад на колени перед своим государем и стал просить

Равану не искать битвы с Рамой. «Ни один воин в мире, ни земной, ни небесный, не может одолеть в бою Раму, — говорил Акампана своему владыке. — Не берут сына Дашаратхи ни копыя, ни стрелы, ни тяжелые палицы, ни острые секиры. А стрелы его не знают промаха и несут с собой неминуемую гибель. Стрелы Рамы способны повернуть вспять реки и остановить злые ветры. В битве Раму никто погубить не может, только разлука с Ситой, его любимой супругой, может лишить его жизни. Если Ситу похитить хитростью у Рамы, он без нее жить не сможет».

Так уговаривал мудрый ракшас своего государя не вступать в единоборство с Рамой, и Равана сказал тогда Акампане: «Я отправлюсь один в Панчавати, и будет со мной только мой искусный возничий. Сегодня же утром я вернусь на Ланку вместе с Ситой».

Повелитель Ланки взошел на золотую колесницу, взлетел на ней в поднебесье и вскоре опустился в глухом лесу у хижины ракшаса Маричи, некогда раненного Рамой в обители Вишвамитры. И Марича спросил своего господина: «Все ли спокойно в мире, великий царь? Не случилось ли в нашем государстве несчастия? Ведь не стал бы ты один без причины так спешить в лесную обитель?»

И тогда Равана рассказал Мариче, что в битве с Рамой погиб свирепый и верный ракшас Кхара и с ним вместе погибло огромное многотысячное войско. И Равана попросил Маричу помочь ему похитить Ситу, чтобы лишить победоносного Раму жизни. Речь повелителя Ланки повергла Маричу в ужас: сын Тараки хорошо помнил, сколь могуч и грозен был в обители Вишвамитры сын Дашаратхи. И Марича сказал

тогда своему государю: «Только злейший враг, прикинувшийся другом, мог внушить тебе, великий царь, такую мысль. Только тот, кто жаждет погубить царство ракшасов, мог посоветовать тебе эту опасную затею. Вступать в смертельную войну с великим Рамой — все равно что голыми руками рвать ядовитые зубы у змея. В битве сын Дашаратхи все сметает на своем пути, как слон, объятый неистовой страстью. Не следует тебе дразнить льва, который может погубить все наше царство, не следует тебе, государь, погружаться в эту страшную пучину: крокодилы в ней — это смертоносный лук грозного Рамы, губительные волны — неотвратимые стрелы сына Дашаратхи. Будь, великий царь, благоразумен, возвращайся к себе на Ланку, пусть тебя развлекают твои жены, а прекрасную Ситу оставь ее грозному супругу».

Так говорил Марича своему владыке, и упросил он его вернуться обратно на Ланку.

Могучий Равана сидел на высоком золотом троне перед своим дворцом на Ланке, когда прибежала к нему терзаемая ненавистью и горем Шурпанакха, и окружали его мудрые и льстивые советники. Никто не мог одолеть повелителя ракшасов — ни боги, ни гандхарвы, ни брахманы, и страшен он был, как Разрушитель Вселенной. Тело его было покрыто шрамами от ударов, полученных в битвах, и на плечах его были пышные одежды. Двадцать могучих рук и десять хитрых голов было у владыки Ланки, и украшали его драгоценные браслеты, серьги и ожерелья. Осквернитель алтарей и хулитель благочестия, сеятель зла и ужаса — таков был грозный Равана, и у него стала искать защиты злобная и мстительная Шурпанакха.

Мысли о гибели Кхары и его войска, о победе Рамы и благополучии Ситы не давали ужасной ракшасы покоя. Она подошла к золотому трону своего великого брата и обратилась к нему с бранной речью: «Ты сидишь здесь, в своей мирной столице, государь, хмельной от наслаждений, и не видишь, что надвигается на наше царство грозная опасность. Подданные утратят уважение к такому государю, который, кроме чувственных утех, ничего знать не хочет. О Равана, ты глуп и беспечен, как ребенок! Твои лазутчики погрязли в безделье, ты не знаешь, что происходит в мире, и не сможешь предотвратить опасность, грозящую гибелью нашему царству. Как ты можешь править государством, если неведомо тебе, что творится вокруг Ланки? Разве тебе неизвестно, что случилось в Панчавати с войском Кхары? Или это тебе безразлично? Там лежат четырнадцать тысяч могучих воинов, все до единого погубленные Рамой, и среди них доблестные Кхара и Душана! Тех царей, которые не пекутся о безопасности своего государства, подданные прогоняют с престола. Истинный государь даже спит с открытыми глазами, всегда готовый к защите своего народа».

Дерзкие речи Шурпанакхи не разгневали, но повергли в задумчивость повелителя Ланки, и он попросил сестру свою рассказать о Раме все, что она о нем знает. Тогда Шурпанакха поведала своему державному брату, что могучий Рама — сын Дашаратхи, что он молод, красив и лук его не знает промаха в битве. Ракшасы рассказали государю Ланки, как в единый миг уничтожил Рама огромное войско Кхары и никого не звал себе на помощь; она рассказала Раване, как Рама отпустил ее живую, не желая лишать женщину жизни,

но велел Лакшмане, своему могучему и преданному брату, отрезать ей за грубые речи нос и уши. Ракшаси сказала своему великому брату, что живет в лесу с Рамой его супруга, не знаящая по красоте себе равных. «Зовут эту женщину Сита, — говорила Раване Шурпанакха, — и она достойна быть тебе женою. Тот, кто будет иметь Ситу супругой, тот, кого будет обнимать она жарко, проживет в мире дольше, чем сам небесный владыка. Только ты, великий брат мой, достоин владеть красавицей Ситой. Стрелы Камы поразят тебя навечно, лишь только раз ты на нее посмотришь. И если ты, повелитель Ланки, желаешь стать супругом Ситы, то отправляйся в путь и не медли».

Равана молча выслушал Шурпанакху и не сказал ей ни слова. Затем он отправился в свои конюшни и велел возничему готовить в путь золотую колесницу. Слуги облачили Равану в крепкие воинские доспехи, поверх кольчуги наделили богатые одежды, и, готовый к великой битве, грозный владыка ракшасов вошел на свою чудесную колесницу. Дивные кони вознесли колесницу в поднебесье, и взору повелителя Ланки открылась вся земля с реками, лесами и горами.

Вскоре показалась бедная хижина ракшаса Маричи, и колесница опустилась перед нею.

Марича почтительно встретил своего государя и спросил, все ли ладно на Ланке и почему так скоро вернулся к нему повелитель.

В ответ Равана обратился к нему с такими словами: «О Марича, брат мой, я охвачен печалью и в тоске моей ищу у тебя утешения. Я поведаю тебе, Марича, о моем несчастье.

В лесу Джанастанхана жили мои подданные и

братья — Кхара, Душана и Тришира. Там жила сестра моя Шурпанакха и четырнадцать тысяч могучих и свирепых ракшасов, неистовых в битве. Они жили там по моему приказу и отбирали у брахманов приносимые богам жертвы. И вот они встретились в лесу с Рамой, старшим сыном Дашаратхи. И Рама, охваченный гневом, своими огненными стрелами погубил мое войско, брата моего Кхару, отважного Душану, искусного полководца, и грозного Триширу, не знавшего поражений. А Лакшмана, юный брат Рамы, оскорбил сестру мою Шурпанакху, отрезав у нее нос и уши. Так сын Дашаратхи, будучи всего лишь человеком, избавил лесных обитателей от страха и погубил мое отборное войско. Рама глуп, жесток и лишен достоинств, душа его и тело погрязли в пороках, и он заслуживает самой лютой казни. Недаром старый Дашаратха изгнал его из своего царства.

Я решил отобрать у него супругу, прекрасную Ситу, и мне нужна твоя помощь. Ты, Марича, неукротим в битве и можешь по своему желанию принимать любое обличье. Обратись, Марича, в золотого оленя и пойди к хижине Рамы. Там увидит тебя красавица Сита, ей полюбитися чудный зверь с золотой шкурой, и попросит она Раму поймать его. И когда братья-царевичи, сыновья Дашаратхи, пойдут, ловить чудесного оленя, я схвачу Ситу, унесу ее на Ланку, и не будет для Рамы беды ужасней, чем эта».

Когда Марича услышал слова повелителя Ланки, душа его затрепетала от страха, и он сказал коварному Раване, почтительно сложив ладони перед лицом: «О царь! Редко встречаются храбрые люди, которые не боятся говорить государям правду. Льстецов, уго-

ждающих властелинам, всегда бывает гораздо больше. Я же предан тебе, государь, без корысти и скажу тебе сейчас истинную правду, хотя она и будет тебе неприятна.

Ты, о великий Равана, не посылал лазутчиков в Панчавати и потому не знаешь, как опасно гневать сына Дашаратхи. И сказал ты о нем неправду — Рама добродетелен и благочестив, как подвижник, и всемогущ, как Индра, повелитель молний. Велик разум сына Дашаратхи, и стоек он в исполнении обетов. Его душа и тело не знают людских пороков, и не ведает греховных помыслов его разум. Берегись, Равана, причинить горе сыну Дашаратхи — ты погубишь и себя, и царство, и все ракшасово племя. Царь, греховный и капризный, не взвешивающий на весах разума своих поступков, и себя и народ свой доводит до несчастья. Великий грех ты совершаешь, государь, когда говоришь о Раме дурное, и еще более ты будешь грешен, если похитишь Ситу у сына Дашаратхи. Мощь доблестного Рамы безгранична, и час твоей битвы с Рамой будет последним твоим часом. Да не коснется твоя рука, государь, прекрасной Ситы! Ведь она супруга великого воина, и он дорожит ею больше, чем жизнью. Рама добровольно ушел в леса и живет как бедный отшельник, чтобы помочь своему отцу не нарушать данного им когда-то слова. Сита последовала в лес за любимым супругом, и Рама с ней ни на миг не расстанется. Сохранить жизнь, счастье и царство — нелегкое дело, и потому тебе надлежит все хорошо обдумать, прежде чем ты решишь причинить великому Раме такую обиду.

Послушай, великий государь, я расскажу тебе о том, что случилось со мною когда-то, и мой рассказ

будет тебе полезен. Еще недавно я скитался по лесам, питаюсь мясом и кровью и наводя на людей ужас. Тело мое было огромно, и силен я был, как тысяча могучих змеев. В руках я держал тяжелую палицу, окованную железом, в ушах моих висели золотые серьги, и тело мое было голубое, как облако на ярком солнечном небе. Днем и ночью я бродил по лесу Дандака, пожирал благочестивых отшельников и съедал приносимые богам жертвы. И тогда великий подвижник Вишвамित्रа пошел к царю Кошалы Дашаратхе и упросил его отпустить в лес юного Раму охранять жертвенный алтарь от бродящих в ночи пожирателей мяса. Царь долго не соглашался, предлагал Вишвамित्रе большое войско, но твердо стоял на своем подвижник, и пришлось Дашаратхе отпустить с ним в лес юного Раму. И вот сын Дашаратхи стал по ночам охранять алтарь Вишвамитры. Он был еще очень молод, и лицо его было чисто, на щеках его еще не вырос ни один волос. На шее у него висело золотое ожерелье, голова была покрыта золотым шлемом, и в руках он держал тяжелый лук и острые стрелы. И красота его сияла в темноте ночи, как молодая луна на звездном небосклоне.

Я был неразумен и весел и непомерно горд своей силой. Огромный, как туча, я вступил в обитель Вишвамитры и беспечно прошел к алтарю мимо сына Дашаратхи, как проходит могучий лев мимо котенка. И когда я занес руку на приготовленные богам жертвы, Рама нанес мне удар в грудь с такой силой, что в единый миг я пролетел над землей сто йоджан и упал в океан с помутившимся от боли рассудком. Но удар оказался не смертельным — видно, Рама не хотел ли-

шать меня жизни. Когда же я очнулся, то ушел из леса Дандака подальше.

Но послушай, великий государь, что случилось потом со мною. Злобный дух мой не унялся от неудачи, душа моя и моя ненасытная утроба тосковали по людскому мясу, и решил я пойти в лес Дандака снова. Я принял другое обличье, и страшный лик мой наводил ужас на все живое. Из моей разверстой пасти торчали огромные зубы и полыхало пламя, а острые рога упирались в небо. Два быстрых оленя бежали по лесу рядом со мною — то были свирепые ракшасы, мои товарищи по охоте. Мы бродили по ночному лесу, пожирали благочестивых отшельников и мешали им совершать жертвенные обряды. Вскоре я совсем одичал от человеческой крови и столь ужасен стал видом, что даже хищные звери стали меня бояться.

И однажды я встретил в лесу Раму, Лакшману и Ситу. Страшный гнев овладел мною, когда я увидел сына Дашаратхи. Жажда мести затуманила мне рассудок, и, обратившись в могучего оленя, я кинулся к Раме, стремясь пронзить его острыми рогами. Тогда сын Дашаратхи натянул свой огромный лук и пустил в меня и моих товарищей три острые стрелы. Спутники мои погибли, а мне и на этот раз посчастливилось избежать смерти. И тогда я поклялся оставить ночную охоту, не есть больше человеческого мяса и предался покаянию, как подвижник. С тех пор только вода, плоды и корни служат мне пищей, а молитвы укрепляют мою душу. Но ни на минуту не покидает меня великий страх перед Рамой. В каждом кусте, в каждом дереве мне чудится грозный сын Дашаратхи, и кажется мне, что он повсюду, как Смерть с неотвратимой

петлей в руках. Даже во сне я вижу Раму и так боюсь его, что все слова, которые начинаются на „ра“, внушают мне смертельный ужас.

И я предостерегаю тебя, великий государь. Нет большего греха на земле, чем похищение жены, которая принадлежит другому. В твоём дворце тысяча прекрасных женщин, и пусть развлекают тебя твои собственные жены. Не покушайся на супругу Рамы, если хочешь сохранить наше племя, свой царственный род и все наше государство. Я — твой друг и вновь умоляю тебя не причинять вреда Раме. Если ты не последуешь моему совету, то неминуемо погибнешь; я же не пойду с тобой, государь, против всемогущего сына Дашаратхи».

Но как человек, который, не желая звать к себе врача, приближает свою кончину, так и Равана не прислушался к советам мудрого Маричи. Выслушав его правдивую речь, повелитель ракшасов сказал: «Твои слова, трусливый Марича, не принесут плодов, как семена, брошенные в пустыне. Ничтожный Рама — всего лишь слабый человек, погрязший в пороках, и не страшны мне его лук и стрелы. Решение мое твердо — я отберу у него прекрасную Ситу. И даже Индра, повелитель молний, с его небесным войском не заставил бы меня отступить. А тебе, моему подданному, не подобает так непочтительно говорить со своим государем. С царем следует беседовать смиренно и говорить ему лишь то, что ласкает его слух. Только восхваления выслушивает повелитель без гнева. Ты, Марича, запутался в сетях заблуждений и совсем разучился почтительно держать себя с государем. Я не нуждаюсь, раб, в твоих советах, я сам знаю, что должно делать вели-

кому владыке Ланки. Мне нужны не советы, а помощь. Запомни, Марича, хорошенько, что надлежит тебе сделать. Ты отправишься со мной к хижине Рамы и обратишься в золотого оленя с серебряными пятнами. На поляне перед хижинкой сына Дашаратхи ты станешь играть на траве и прыгать. Там тебя увидит прекрасная Сита и попросит Раму поймать для нее золотого оленя. Сын Дашаратхи погонится за тобою, а ты заманивай его в лес все дальше и дальше, а потом громко крикни голосом Рамы: «О Сита! О Лакшмана!» Сита пошлет Лакшману на помощь Раме, а я схвачу ее без всякой опаски и унесу на Ланку. Тогда ты ступай своей дорогой и делай что хочешь. Если ты исполнишь мое повеление, я пожалую тебе половину царства, а не захочешь мне подчиниться, я убью тебя, не сходя с этого места. Ты боишься потерять жизнь, приблизившись к сыну Дашаратхи, но погибнешь здесь, вдали от Рамы, если откажешься выполнять мою волю. Выбирай же, болтливый Марича, что для тебя будет лучше».

Марича знал, что свирепый повелитель Ланки без жалости исполнит свою угрозу, и смирился. Он сказал своему государю: «Мои советы, великий царь, тебе пришлось не по вкусу, и я подчиняюсь твоей воле. Я знаю, что живым не вернусь из Панчавати, но и ты проживешь недолго, похитив супругу сына Дашаратхи».

Равана, довольный, ласково обнял Маричу и сказал: «Ты порадовал меня, брат мой, своим согласием. Теперь ты снова стал ракшасом, доблестным и отважным. Взойди же скорей на мою колесницу, она мигом перенесет нас в Панчавати».

Чудесные кони Раваны подняли золотую колесницу в поднебесье и понесли ее над горами и лесами, над царствами и городами, над реками и озерами — в Панчавати. Вскоре колесница повелителя Ланки уже летела над лесом Дандака. Вот она незаметно опустилась на землю недалеко от хижины сына Дашаратхи. Ракшасы сошли с колесницы, спрятались в кустах, и Равана сказал Мариче: «Ступай и делай то, что я тебе велел».

Великий страх перед Рамой охватил душу Маричи, но он безропотно повиновался государю Ланки. Обернувшись золотым оленем, выпрыгнул Марича на поляну перед хижинкой Рамы, Лакшманы и Ситы. Он обежал вокруг хижины сына Дашаратхи, а потом принялся резво прыгать и скакать на поляне. Он то вдруг замирал на месте, изогнув длинную шею, то начинал весело бегать по поляне, то падал на спину и перекатывался по траве с боку на бок. Побегав и поиграв на поляне, Марича вдруг исчезал в лесу и не показывался долго, а потом снова выскакивал на поляну и весело прыгал по ней у дверей хижины сыновей Дашаратхи.

И случилось так, что Сита вышла из хижины собирать цветы и плоды манго и увидела золотого оленя с серебряными пятнами на шкуре. Прекрасный олень подбежал к ней и стал весело играть с ней и лизать теплым языком ее руки. Широко раскрыла Сита от удивления свои, подобные лотосам глаза — никогда раньше не видела дочь Джанакки такого чуда. Золотом и серебром блистала шкура дивного оленя, на кончиках его рогов сверкали драгоценные камни; мордочка его была как красный лотос; как сапфир, голубело его брюшко, и ярким огнем горел на голове его драгоценный венец.

Восхищенная красотой золотого оленя, Сита стала звать сыновей Дашаратхи: «О Рама! О Лакшмана! Идите сюда скорей, поглядите на чудесного оленя!» И когда сыновья Дашаратхи вышли из хижины и увидели оленя, Лакшмана сказал Раме со страхом: «Мне кажется, брат мой, что это ракшас Марича прикинулся золотым оленем. Этот кровожадный пожиратель мяса и раньше оборачивался оленем и убивал царей, приезжавших в лес на охоту. Этот олень необычен своей красотой и драгоценным убранством. Таких оленей не рожают в лесу дикие лани. О мудрый брат мой, это, наверное, Марича, злобный и коварный оборотень».

С улыбкой на устах слушала Лакшману Сита; и сказала она своему благородному супругу: «О великий Рама! О доблестный сын Дашаратхи! Поймай для меня чудесного оленя. Я никогда еще не видела такого красивого и ласкового зверя. Поймай его мне, и он будет играть со мной на лесной поляне. Золотой олень пленил мое сердце, и, когда мы вернемся в Айодхью, он будет украшать древний дворец государей Кошалы. О Рама, любимый супруг мой, если ты не сможешь поймать живым прекрасного оленя, то пусть его чудесная шкура радует нас в нашем лесном жилище».

С восхищением взирал доблестный Рама на дивного оленя, и радость Ситы тронула его. И он сказал младшему брату: «Нигде в мире, Лакшмана, ты не увидишь такого прекрасного оленя. Красота его и убранство в каждом человеке вызовут удивление и радость. И боюсь я, что убьют его в этом лесу царственные охотники для забавы и заберут себе золотую шкуру и камни-самоцветы. Сита, моя любимая супруга, хочет

сидеть на золотой шкуре оленя, и я добуду для нее эту шкуру. А если это не просто олень, а Марича, коварный ракшас-оборотень, то его непременно надо убить. Два раза я сохранил ему жизнь, а на этот раз уже не прощу ему хитрости и обмана. Ступай в хижину, Лакшмана, и зорко стереги Ситу, а я пойду ловить золотого оленя».

Рама опоясался острым и длинным мечом, через плечо повесил свой могучий лук и пошел по зеленой поляне к дивному золотому оленю. Но олень ему в руки не дался, а пугливо побежал от него в лесную чащу. Рама бросился за ним следом, но густые кусты скрыли чудесного зверя от зорких глаз сына Дашаратхи. Потом олень снова появился Раме на лесной опушке, постоял там недвижимо некоторое время, и, когда Рама был уже совсем рядом с оленем, тот сорвался с места, и снова скрыла его лесная чаща. Все дальше и дальше в глубь леса увлекал прекрасный олень сына Дашаратхи, а Рама все не мог его настигнуть. Быстрее ветра мчался могучий сын Дашаратхи по дремучему лесу, но чудесный олень не подпускал его близко к себе. И тогда разгневался Рама, достал из колчана огненную стрелу и выстрелил в золотого оленя из своего грозного лука. Неотвратимая стрела сына Дашаратхи сверкнула в воздухе, как ядовитая змея, и впилась в грудь Маричи, обернувшегося золотым оленем. От смертельного удара огненной стрелы Рамы Марича подскочил высоко в воздух, до самой вершины могучей пальмы, а затем рухнул на землю, испуская страшные вопли. Упав на землю, Марича вспомнил наказ Раваны, своего владыки, и закричал громко голосом Рамы: «Ах Сита! Ах Лакшмана!»

Стрела Рамы вернула Мариче его настоящий облик ракшаса, наводящего ужас. И когда Рама подбежал к тому месту, где упал золотой олень, сраженный его огненной стрелой, он увидел, что в луже крови лежит отвратительный Марича, ракшас злобный и коварный, и корчится в смертельных муках.

Тревожное беспокойство закралось в душу доблестного Рамы, и он быстро побежал обратно к своей хижине, где оставил Ситу и Лакшману. И пока он бежал по лесу, вспомнились ему слова младшего брата, говорившего Раме и Сите, что золотой олень сулит им несчастье и что не олень это вовсе, а Марича, ракшас-оборотень, не с добром пришедший к ним. «Я, поистине, убил коварного Маричу, — думал про себя сын Дашаратхи, — а перед тем как расстаться с жизнью, Марича моим голосом вскрикнул: „Ах Сита! Ах Лакшмана!“ Что, если услышала его крик преданная и любящая Сита? И как поступил могучий Лакшмана, отважный и прямодушный, когда крик ракшаса достиг его слуха?» И сжалось сердце у Рамы, не ведавшего страха в битвах, от тревоги за жизнь Ситы и Лакшманы.

Когда Сита услышала голос Рамы, звавший ее и Лакшману на помощь, силы оставили ее нежное тело, и великий страх за жизнь супруга сковал ее душу. «Милый Лакшмана, — сказала она юному брату Рамы, — ты слышал горестный крик моего супруга. Наверное, с ним случилось несчастье и ему нужна твоя помощь. Так не медли же ни минуты, беги и помоги ему, о сын Сумитры!» Но Лакшмана помнил наказ старшего брата и не двинулся с места. И тогда дочь Джанаки в гневе сказала ему: «Теперь я узнала тебя, сын Сумитры. Ты вовсе не друг моему благородному супругу. Ты — враг,

спрятавшийся за личиной брата! Уж не из-за меня ли ты жаждешь гибели родного брата? Ты, нечестивый Лакшмана, пожелал жену своего старшего брата и, не боясь позора, не идешь Рама на помощь! О Рама, любимый, с тобой случилось несчастье, и ни к чему мне сохранять свою жизнь!» Так причитала Сита, охваченная горем, и заливалась горячими слезами.

И тогда Лакшмана, любящий и верный брат Рамы, сказал стонающей Сите: «О Сита, нет никого на свете, кто мог бы нанести поражение великому Рама, и ты не должна сомневаться в этом. Ты — моя царица, и я преклоняюсь перед тобою, о благородная супруга моего брата. Твои горькие упреки мне обидны, но я не смею оставить тебя одну. Отбрось, госпожа моя, тревогу и успокойся. Рама скоро убьет оленя и вернется. Не верю я, чтобы всемогущий Рама звал нас с тобой на помощь. Это, наверное, кричал Марича, коварный оборотень. После гибели Кхары и его войска ракшасы стали нас ненавидеть, и не могу я бросить тебя одну в лесу».

Но Сита не поверила мудрым словам младшего брата Рамы, глаза гордой дочери Джанаки покраснели, и она грубо крикнула Лакшмане, сказавшему ей правду: «Позор тебе, о подлый! Ты хочешь быть со мной, когда Раму лишают жизни. Я вижу, что несчастье брата приносит тебе радость. Не из любви к брату ты последовал в лес за нами, а снedaемый вожделением к его супруге. Уж не сговорился ли ты с завистливой и жестокой Кайкейи? Только напрасны ваши коварные надежды, не видать вам успеха в ваших греховных замыслах! Да разве я могу пожелать кого-либо другого, я, любящая и любимая супруга прекрасного и доблестного Рамы? Скорее я наложу на себя руки, чем буду принад-

лежать другому мужчине. О Лакшмана, без Рамы я ни минуты жить на земле не буду!»

Лакшмана смиренно отвечал разгневанной Сите: «Я не смею спорить с тобою, Сита, и ты для меня не женщина, а богиня. Но я не в силах вынести твои несправедливые упреки, они ранят мою душу. Быть может, боги были сейчас вместе с нами, и они будут мне защитой. Я говорил тебе истинную правду, а ты ответила мне жестокой обидой. Да, будет тебе, дочь Джанаки, стыдно! Я пойду на поиски Рамы, и да хранят тебя боги! Увижу ли я тебя снова, когда с Рамой вернемся мы в хижину?!»

Сита со слезами ему сказала: «Я жить без Рамы не буду. Я выпью яд, брошусь в костер, или утоплюсь в быстрых водах Годавари, или повешусь, или брошусь на землю с утеса. Мне нестерпимо подумать о прикосновении другого мужчины», — и дочь Джанаки поникла, подавленная тяжким горем.

Тогда Лакшмана низко поклонился Сите и пошел в лес на помощь своему старшему брату.

Долго прятался в кустах десятиголовый Равана и терпеливо ждал той минуты, когда Сита, прекрасная супруга Рамы, останется в лесной хижине одна, без защиты. И едва скрылся могучий Лакшмана в глубине леса, как грозный повелитель Ланки вышел из своего лесного убежища и в обличье брахмана направился к хижине Ситы. На нем было одеяние из шелка, на ногах — сандалии из кожи, в руках он держал крепкий

посох. И застыло, замерло все кругом, когда страшный Равана подошел к дверям хижины. Утихли ветры, и деревья стояли не шелохнувшись. Даже быстрые воды Годавари остановились, когда налитые кровью глаза коварного ракшаса обратились на печальную царевну Митхилу, потемневшую от горя, как вечернее безлунное небо.

С восхищением смотрел на Ситу повелитель Ланки, и возрадовалось сердце кровожадного хищника ночного, и neodолимая страсть наполняла его душу. Розовые губы Ситы были прекрасны, зубы ее сверкали белпзноу, и лепесткам лотоса были подобны большие глаза царевны. Одевание из желтого шелка покрывало ее стройное тело, и даже тяжкое горе не могло скрыть божественной красоты благородной супруги Рамы.

И Равана, охваченный любовью, сказал Сите, прекрасной, как Лакшми: «О красавица, на тебе одеание из желтого шелка, и блеском ты серебру и золоту подобна. Ты как нежный цветок лотоса, окруженный лепестками. Зубы твои, как тычинки цветка кунда, а глаза твои — ясные и большие, и зрачки их чернее ночи. Бёдра твои широки и округлы, тяжелы и упруги. Твои юные перси с острыми сосцами пленительны и прохладны, как плоды кокосовой пальмы. Локоны твои прекрасны, грудь упруга, и стан твой столь тонок, что его можно охватить ладонью. О красавица, улыбка твоя чарует, и ты похитила мое сердце, как река, которая смывает и уносит берега своим потоком. Нет на земле женщины, которая была бы по красоте тебе равной! О синеглазая, все в тебе прелестно — и аромат твой, и локоны, и тело. О милая дева, твоя юность, твоя улыбка взволновали мою душу! Обликом ты бо-

гиня, но небожители здесь не бывают, здесь обитают только злые ракшасы, пожиратели человеческого мяса. Как ты, прекрасная, здесь очутилась? Разве не страшны тебе львы и тигры, кровожадные гиены и шакалы? Не подобает тебе, божественная дева, жить в диком лесу, в этой хижине, бедной и ветхой. Тебе нужно жить в городе богатом, нежиться в дворцовых покоех, гулять по цветущему саду. Ступай со мною в мой великий и богатый город, и там тебе, красавица, будет благо! Скажи мне, прелестная, кто ты, чья ты дочь, чья супруга?»

Доверчивая Сита оказала брахману должное почтение, с поклоном попросила его войти в ее лесную хижину и угостила его кореньями и плодами. А затем Сита ему сказала: «Благо тебе, досточтимый брахман! Я — дочь Джанаки, царя Митхилы, и супруга Рамы, сына Дашаратхи. Двенадцать лет я жила в царском дворце в Айодхье, и все мои желания исполнялись. А на тринадцатый год царь Дашаратха захотел передать престол моему супругу, доблестному и мудрому Раме. И когда все было уже готово для венчания Рамы на царство, Кайкейи, вторая жена государя, потребовала, чтобы Дашаратха исполнил данное ей когда-то слово. И захотела Кайкейи изгнать Раму из Айодхьи, а престол передать Бхарате, своему сыну. Не думал царь Дашаратха уступать бессердечной Кайкейи, но Рама не желал отцу бесчестия и сам ушел вместе со мною и братом Лакшманой в изгнание.

Ты можешь жить здесь с нами вместе, благочестивый брахман, только скажи мне, как тебя величают, какого ты племени и какого рода?»

И тогда брахман сказал ей: «О прелестная Сита!

Я — грозный Равана, великий и всемогущий, и боятся меня небожители и люди. Царство мое лежит в океане, и все ракшасы на земле — мои слуги. Я увидел тебя, прекрасная царица Митхила, и все жены мои мне постыли. Стань моей супругой, желанная дева, и ты будешь первой царицей в моем государстве. Пышна и обширна моя столица, стоит она на вершине горы в океане; люди зовут ее Ланкой. Я увезу тебя туда на золотой колеснице, в золотом дворце будут твои покои, и слуги мои станут твоими рабами. Там, в цветущих дворцовых садах, ты забудешь свои лесные беды».

Греховные речи повелителя Ланки разгневали целомудренную Ситу, и она, отойдя от Раваны подальше, сказала: «Я — верная супруга Рамы, не ведающего страха. Мой любимый Рама подобен непоколебимой скале, он подобен могучему океану и равен самому великому Индре. Ты, нечестивый Равана, — всего лишь тигр, а пожелал себе в супруги львицу! О подлый ракшас, я для тебя как луч солнца, которого ты и коснуться не смеешь! Уж не задумал ли ты вырвать зубы у льва голыми руками? За непосильное дело ты взялся: не обнять тебе Гималаи, не гулять тебе по земле, выпив яду. Уж не хочешь ли ты переплыть океан со скалой на шее? Уж не думаешь ли ты тушить огонь клочком ткани, снять руками солнце и луну с неба? Как не сравнить ручей с океаном, а шакала — со львом могучим, так и тебе, Равана, не сравниться с великим сыном царя Дашаратхи! И ты, низкий ракшас, задумал добыть себе жену могучего и благородного Рамы?!»

Вysłушал владыка ракшасов Ситу и понял, что не прельстить ему верную супругу Рамы ласковыми речами. И тогда Равана задумал напугать Ситу своей

грозной силой. И он сказал ей: «Послушай меня, земная женщина, во всем мире нету никого, кто мог бы сравниться со мной силой. Не только смертные люди, даже небожители меня боятся. И в страхе бежит от меня воинство Индры, когда ярость охватывает мою душу. Сводный брат мой, бог богатства Кубера, и тот не смеет мне перечить. Силой добыл я себе золотую колесницу, и завидуют моему богатству великие боги. Ветры дуют осторожно, и солнце светит боязливо там, где ступает нога великого владыки Ланки. Столица моя красива и богата. Желтые крепкие стены со всех сторон окружают Ланку, и тысячи ракшасов стерегут ее днем и ночью. Золотые дворцы, цветущие сады и чистые водоемы украшают город и радуют мою царственную душу. О дочь Джанаки, ты будешь счастлива со мной на Ланке и вскоре забудешь о своей прежней жизни. Дни твои потекут там в роскоши и веселье, и там ты не станешь думать о Раме, обреченном на короткую земную жизнь. Бхарата, любимый сын Дашаратхи, будет править Айодхьей, а постылого, недостойного Раму царь-отец навсегда лишил власти и отправил в изгнание. Что ждет тебя с несчастным Рамой, лишенным престола и богатства? О прекрасная дева, стрелы Камы, бога любви, пронзили грозного властелина Ланки. Не отвергай же меня, желанная царица! Я добыл тебя, и ты сейчас в моей власти. Я пришел к тебе, охваченный любовью, для твоего же блага».

Сита, преданная своему супругу, с гневом ответила повелителю Ланки: «Воистину, ты, Равана, — царь неразумный, необузданный и похотливый. Ты приведешь свое царство и все свое племя к неминуемой гибели

и позору. И тебе самому не избежать страшной кары, если ты посмеешь меня похитить».

Смелые речи Ситы привели Равану в ярость. С гневом ударил в ладоши повелитель Ланки, и обличье благочестивого брахмана исчезло. Равана принял свой прежний образ, и тело его стало огромным. Двадцать рук его крепко сжимали оружие, и десять его голов грозно глядели на Ситу налитыми кровью глазами. И страшный повелитель ракшасов с великим гневом сказал отважной Сите: «Ты, верно, лишилась рассудка, глупая Сита, и не знаешь, что всемогущ в этом мире владыка Ланки. Если встану я во весь рост на своде небесном, то могу достать землю руками. Всю воду в океане могу я выпить, и сама Смерть погибнет, если вступит в схватку со мною. Если я выстрелю из лука, то стрела моя пронзит солнце и сбросит его на землю. И ты решила напугать меня ничтожной силой твоего супруга, недолговечного земного человека! Верно, красота твоя совсем лишила тебя рассудка. Ты взгляни на меня, неразумная дева, все подвластно мне в этом мире!»

И поистине, огромный Равана страшен был, как Яма, бог смерти. Глаза его сверкали, как пламя, и неотрывно глядели на Ситу, драгоценную жемчужину среди женщин. И Равана сказал нежной Сите: «Предайся мне, красавица-дева, если хочешь иметь своим супругом воителя, прославленного в мире. Ты будешь угождать мне, твоему супругу, достойному восхвалений, а я буду радовать тебя богатством и всемогущей властью повелителя Ланки. Только на меня обрати ты свою любовь, прекрасная Сита!»

С этими словами Равана, охваченный страстью, по-

дошел к супруге Рамы. Одной рукой он схватил Ситу за волосы, а другой обнял ее бедра. И когда добрые лесные божества увидели Ситу в объятиях ракшаса, они разбежались во все стороны в великом страхе.

Через миг у хижины Ситы появилась чудесная колесница владыки Ланки. Равана усадил в нее горестную Ситу, сам сел рядом с нею, и зеленые небесные кони подняли колесницу в поднебесье. Благородная супруга Рамы боялась оскверниться, прикасаясь к кровожадному властелину Ланки, и забилась в угол колесницы. Охваченная горем, с помутившимся рассудком дочь Джанаки громко закричала: «Ах Лакшмана, не ведаешь ты, что коварный Равана прикинулся праведным брахманом и меня похитил! О милый Рама, из любви к отцу ты отринул счастье и богатство, и не видишь ты, как уносит меня злая сила! О супруг мой, о могучий сокрушитель вражеских ратей, ты всегда карал преступников и злодеев, почему ты не наказываешь похитителя твоей Ситы? Ах, я — преданная жена могучего и прославленного Рамы, а подлый ракшас меня уносит! Так вот когда исполнилось сокровенное желание Кайкейи! Я молю вас, деревья Джанастханы, я умоляю вас, нежные цветы лесные, расскажите Раме, что Равана похитил Ситу! О лес, о лесные боги! О птицы, олени и все живые твари! Я ищу у вас от Раваны защиты. О друзья мой, поведайте Раме, что силой унес Равана его любимую Ситу. И тебя, быстрая Годавари, я прошу рассказать моему супругу, как унес меня злой ракшас в свое царство. Я верю, что Рама найдет свою Ситу, и если даже Яма заберет меня к себе, то великий сын Дашаратхи вызовет меня и оттуда».

На вершине дерева сидел царь ястребов, древний Джатау, и горестная Сита к нему воззвала: «О достойный Джатау, ты видишь, как Равана уносит меня от любимого супруга, похищает меня, как деву, не имеющую мужа. Ты уже стар, благородный Джатау, и не можешь сразиться с этим хищником и злодеем. Так поведай, Джатау, Раме, кто нанес ему смертельную обиду».

Верный друг царя Дашаратхи, царь ястребов Джатау, спал глубоким сном, но горестные крики Ситы разбудили его. Он очнулся от сна и увидел, что коварный Равана похитил супругу Рамы и уносит ее в золотой колеснице на Ланку. И тогда Джатау крикнул повелителю ракшасов: «О Равана, мне известны древние предания, я знаю все, что предписывают живым существам священные законы. Ты совершил недостойный поступок. Это говорю тебе я, повелитель ястребов Джатау. Великий Рама, почитаемый людьми сын Дашаратхи, сурово накажет тебя за это. Он полон любви и дружбы к людям, перед ним склоняются лесные подвижники, но в гневе страшен непобедимый и грозный супруг царевны Митхилы. Войско Кхары испытало на себе его силу.

Ты, Равана, — сам государь и властитель и должен следить, чтобы законы соблюдались. Как же ты будешь блюсти священные законы, если сам их преступно нарушаешь? Ты, Равана, — сам великий царь, а жену похитил у другого царя! Благородный муж не взглянет на чужую жену, а ты посягнул на супругу великого сына Дашаратхи. Все у людей исходит от царя — и низкий грех и праведная добродетель. Послушайся, Равана, доброго совета, верни Ситу скорей обратно.

Жизнью ты заплатишь за нее могучему Раме! Ужели не чувствуешь ты, как Смерть обвила тебя своей петлею? О коварный ракшас, я — старый ястреб, шестьдесят тысяч лет я живу на свете, но не дам я тебе в обиду нежную супругу Рамы. Ты будешь, трусливый вор, сражаться со мною в поединке! Подожди, подлый Равана, немного, и земля обнимет тебя так же крепко, как обняла она брата твоего, свирепого Кхару. Стой же, десятиголовый пожиратель человеческого мяса, я спасу от тебя царевну Митхилы! И хотя нету со мною рядом ни Рамы, ни Лакшманы, я сброшу тебя с твоей золотой колесницы».

И в небе началась горячая битва благородного ястреба Джатаю с подлым и коварным властелином Ланки.

Равана метал в ястреба дротики и острые стрелы, противники сближались в рукопашной схватке, и удалось наконец Джатаю нанести Раване кровавые раны. Царь ракшасов, разъяренный болью, натянув свой лук со всей силой, пустил в Джатаю десять острых стрел и пронзил ими его тело. Но горькие слезы нежной Ситы ранили могучего царя ястребов сильнее, чем стрелы владыки Ланки. Джатаю взлетел высоко в небо, а затем ринулся вниз на Равану, сидевшего в колеснице, и сломал острыми когтями могучий лук повелителя Ланки. Тогда Равана, вне себя от гнева, схватил другой лук, еще более прежнего грозный, и острые стрелы сотнями, тысячами полетели в отважного Джатаю. Стрелы Раваны покрыли все тело Джатаю и торчали со всех сторон, как острые иглы дикобраза. И казалось, что старая грозная птица лежит в гнезде, свитом из прутьев.

Могучим взмахом огромных крыльев сбил Джатаю со своего тела стрелы, бросился без страха на владыку Ланки, когтями сломал на куски лук и щит похитителя Ситы. Не избежали когтей Джатаю и чудесные зеленые кони, запряженные в золотую колесницу. Доблестный царь ястребов нанес им смертельные раны, и они пали на землю и забились в предсмертных судорогах. Ударом крепкого, как железо, клюва Джатаю убил возницу, а затем на куски разбил колесницу. И не стало тогда у Раваны драгоценной колесницы, которая быстро, как ветер, носила царя ракшасов по земле, по воде и в поднебесье.

И остался Равана без лука, без щита, без доспехов, без своей чудесной колесницы и полетел на землю, держа на груди трепетную Ситу. И когда увидели это звери и птицы и все живые существа, то трижды восславили они отважного Джатаю.

Но царь ястребов был очень дряхл, и яростная битва истощила его силы. А десятиголовый Равана усталости не ведал, и по-прежнему могучи были его длинные руки. На земле, отойдя в сторону от Ситы, Равана снова бросился на Джатаю. Тогда царь ястребов вцепился ему в спину и стал наносить Раване удары крыльями, клювом и когтями. Он рвал ему когтями тело, долбил голову острым клювом, и клочьями летели волосы ракшаса на землю. Доблестный защитник Ситы отрывал когтями Раване руки, а они вырастали снова.

Лютая злоба охватила повелителя Ланки. И бросился он на изнемогшего Джатаю и отрубил острым мечом крылья и ноги храброй птицы. И пал на землю доблестный Джатаю, обливаясь кровью. Безутешно за-

рыдала Сита, подавленная тяжким горем. Она подбежала к распростертому на земле другу и горестно закричала: «О могучий Рама, ради нас с тобою погибла в жестокой битве эта добрая и сильная птица! О Рама! О Лакшмана! Спасите меня!»

Жалобные крики Ситы разнеслись далеко по лесу, и слышали ее все звери и птицы. Несчастливая супруга великого Рамы прильнула к дереву всем телом, обхватила его руками и плакала, заливаясь горячими слезами. А в злобном Раване еще не остыла ярость жестокой битвы. Он подбежал к Сите, схватил ее за волосы мощной рукою и рванул ее к себе с такой силой, что у бедной царевны Митхилы все завертелось перед глазами: и земля, и лес, и небо.

И непроглядная тьма покрыла все вокруг, и застыли недвижимо ветры, и солнце яркое померкло.

Равана крепко сжал руками Ситу, птицею взвился в небо и полетел на Ланку, унося с собою супругу Рамы.

Через леса и горы, через реки и озера летел царь ракшасов на Ланку, и некому больше было защитить прекрасную Ситу. Но вдруг заметила царевна Митхилы, что стоят на вершине горы пять больших обезьян, смотрят в небо и видят, как Равана уносит Ситу. Тогда бедная Сита оторвала шелковый лоскуток от своего платья и бросила его вниз обезьянам. «Может быть, — подумала Сита, — обезьяны увидят Раму, отдадут ему этот клочок от моей одежды и расскажут сыну Дашаратхи, как нес над землею могучий демон его верную супругу».

Вскоре Равана уже был у океана, пролетел над его бурными волнами и опустился у золотого дворца на Ланке. Повелитель ракшасов быстро прошел в дворцовые покои, посадил на золотую асану Ситу и приказал страшным демоницам: «Ни женщины, ни мужчины, — никто не должен видеть Ситу без моего согласия. Все, что прекрасная Сита пожелает, доставьте ей немедленно — и золото, и драгоценности, и ткани. И если кто-либо нанесет ей обиду, да не проживет он долее ни часу. И пусть все во дворце помнят об этом». Так сказал грозный Равана слугам и удалился в свои покои. Затем он призвал к себе восемь могучих ракшасов-людоедов, дал им в руки грозное оружие и приказал поспешить в Джанастанхану и быть там вместо войска Кхары, убитого великим Рамой.

«Я не могу быть спокоен, — сказал своим воинам повелитель Ланки, — пока не уничтожу Раму и его брата. Только тогда жизнь моя станет радостной и веселой. Будьте моими ушами и глазами в Джанастанхане и доносите мне все, что узнаете вы о сыновьях Дашаратхи. Могучий Рама опасен в битве, и вам надлежит соблюдать осторожность. Постарайтесь напасть на него внезапно, когда Рама не будет ждать нападения, и смело лишайте его и Лакшману жизни. Мне известна ваша хитрость и доблесть в битвах, и во всем я на вас полагаюсь».

Ракшасы низко поклонились своему владыке, молча вышли из дворца государя и ночью покинули Ланку,

направив свой путь в Джанастанху. А коварный и безрассудный Равана веселился, похитив Ситу, и не ведал он, что надвигается на него грозная опасность и что жить ему осталось недолго.

Гордый Равана был доволен собою. Прекрасную Ситу он похитил, восемь коварных ракшасов-людоедов отправились в Джанастанху подстергать сыновей Дашаратхи, и радовался повелитель Ланки своим успехам. Теперь он желал поскорее жениться на Сите, и, отбросив в сторону все заботы, Равана направился в покои Ситы, охваченный неодолимой любовью.

А Сита, подавленная горем, плакала, не переставая, и страшные ракшасы, глядевшие сурово, окружали царевну Митхилы. И была прекрасная супруга Рамы как утлая ладья в бурном море, как трепетная лань, которую затравили собаки. И не замечала Сита роскошных чертогов, не видела она ни золота, ни серебра на дворцовых стенах и колоннах, не смотрела на золотые решетки на окнах, на цветы и водоемы в дворцовых садах. Опустив голову, стояла горестная Сита и не поднимала головы, когда приблизился к ней владыка Ланки.

Тогда Равана сказал ей: «Ты видишь, желанная дева, царство мое богато и огромно, и все это твое, синеглазая царевна, и моя жизнь принадлежит тебе вместе со всем моим богатством. Тебя окружают мои прекрасные жены, и я прошу тебя, будь им госпожой. Ради своего же блага стань, Сита, моей супругой. Обрати ко мне свои мысли! Полюби меня, сторающего от страсти! Почему ты отвергаешь меня, неразумная дева? Царство мое необъятно, его омывают морские волны, его окружают неприступные стены, и никто

в мире не сравнится со мною могуществом и богатством. На что тебе нищий Рама с его короткой земною жизнью? Так склонись же ко мне, милая дева, ты найдешь во мне достойного супруга! Ведь юность и красота не вечны, робкая царевна! Развлекайся, веселись со мною, и ты скоро позабудешь Раму. Никакая сила не сможет привести на Ланку жалкого сына Дашаратхи. И нет никого в мире, кто мог бы забрать тебя отсюда. Правь, Сита, вместе со мною этим царством, и все живое и неживое будет тебе подвластно. Радуйся богатству, которое тебя окружает, и наслаждайся всем, чем я владею. Здесь, на Ланке, все к твоим услугам».

Так говорил Равана верной супруге Рамы, а Сита, закрыв лицо руками, плакала и роняла на землю горючие слезы. И тогда повелитель Ланки сказал Сите: «Я склоняюсь к твоим ногам, прекрасная дева, и ты можешь попать мою голову твоей ступнею. Ты видишь, Сита, я готов быть твоим слугою, но подари и ты мне свое расположение, свою улыбку и взгляни на меня благосклонно. Да не будут мои слова, слова любви и кротости, бесплодны. Ни одна женщина в мире не может похвалиться, что склонялся перед ней с мольбою гордый и могучий повелитель Ланки. Помни, Сита, ты будешь моей женой!»

Горе терзало Ситу, но не испытывала страха отважная царевна Митхилы. Она бросила между собою и Раваной травинку, и понял повелитель Ланки, что это не просто травинка, а неприступная стена между ними. И сказала Раване Сита: «Был на земле царь по имени Дашаратха. Был он могуч, как горная вершина, и служил справедливости. У него есть сын, и

зовут его Рама, и доблесть его прославлена во всем мире. У него большие глаза и могучие руки, и обликом он подобен небожителям. Как лев, могуч Рама, рожденный Дашаратхой, и лик его лучезарен. И брат его Лакшмана так же силен и прекрасен. Как трусливый вор, ты меня похитил, выбрав час, когда я была беззащитна. Будь сын Дашаратхи в то время со мною, ты лежал бы сейчас на земле Джанастханы мертвым, как лежит там твой свирепый брат Кхара и его четырнадцать тысяч ракшасов, страшных своим обличем. Украшенные золотом стрелы Рамы сокрушили бы тебя и твоё войско так же, как сокрушает берега великая Ганга. Пусть ни боги, ни асуры не могут лишить тебя жизни, но не спасись тебе от руки моего супруга. Дни твои сочтены, владыка Ланки! Тот, кто в силах осушить великий океан и достать рукой луну с неба, избавит верную Ситу от жестокого плена. И горькое вдовство и сиротство постигнет жителей Ланки, и ты, Равана, будешь тому виною. А я, твердая в обетах царевна Митхилы, гордая и верная супруга Рамы, я готова за любовь свою на подвиг! Я недоступна для тебя, Равана, и ты не коснешься меня, нечестивец! Может быть, я не смогу защитить своё тело, но жизнью своей я распорядиться сумею. Опозоренной я жить не буду». Так сказала повелителю Ланки прекрасная Сита и больше ни слова не отвечала ему.

И тогда свирепый ракшас пришел в ярость и сказал Сите с угрозой: «Запомни мои слова, царевна Митхилы. Если ты, о красавица со сладостной улыбкой, не станешь ко мне благосклонной, мои повара тебя изрубят на куски и подадут мне на золотом блюде на завтрак. А вы, — обратился Равана к дэмоницам,

страшным обличем, которые окружали супругу Рамы, — вам я велю сломить ее гордость. Уведите Ситу в ашоковый лес и зорко ее там стерегите. И то бранью жестокой, то лаской постарайтесь приручить непокорную деву, как приручают дикую слоницу».

Злобные демоницы увели Ситу в ашоковый лес, радуясь тому, что царевна Митхилы оказалась в их власти. Благоуханные цветы и деревья с прекрасными плодами окружали Ситу, зеленая трава расстилалась у нее под ногами, и ласково светило над головой солнце. Но горестная Сита была там, как лань среди тигров, как бедная самка оленя, которую гонят без отдыха собаки. Зорко следили за Ситой злые чудовища, и не знала супруга Рамы от них покоя. И только думы о любимом муже и о Лакшмане, его брате, утешали Ситу в ее несчастье.

И боги сжалились над горестной Ситой. По воле всемогущего Индры в глубокий сон погрузились однажды жители Ланки, и перед Ситой в ашоковом лесу явился владыка небесных молний. И сказал печальной супруге Рамы великий Индра: «Не печалься, царевна Митхилы. Придет время, и сын Дашаратхи все узнает. И он явится за тобою на Ланку и вызволит тебя отсюда. И ничто Раму не удержит — ни горы, ни реки, ни великий океан». Владыка небесный подарил Сите горсть риса, варенного в масле, и сказал ей, что рис этот не простой, а чудесный, что избавит он ее, царевну Митхилы, от голода и жажды на долгие годы. С радостью приняла этот дар Сита, низко поклонилась всемогущему Индре, и на душе у нее стало веселее.

Быстро, как ветер, мчался Рама в свою лесную хижину, и тревога за Ситу терзала его душу. Ему хотелось скорее увидеть любимую супругу, и нетерпение заставляло его бежать еще быстрее. Сокрушая кусты и деревья, бежал домой могучий сын Дашаратхи, а за ним следом бежали лесные шакалы и так страшно выли, что у людей волосы становились от страха дыбом. Их крик напугал и бесстрашного Раму. «Ведь Марича моим голосом звал на помощь Лакшману. и Ситу, — думал с тревогой сын Дашаратхи. — И Лакшмана, поверив этому крику, мог оставить в хижине Ситу и поспешить ко мне на помощь. А лес полон ракшасов, злых и кровожадных, и они давно мечтают о том, чтобы отомстить мне за погибшее войско Кхары».

Вскоре Рама вбежал в свое лесное жилище, но Ситы в хижине не оказалось, не было там и Лакшманы, верного брата Рамы. Встревоженный, выбежал из хижины сын Дашаратхи, обошел ее вокруг еще и еще раз, но пусто было на лесной поляне. Страх за жизнь любимой Ситы охватил его душу, когда приблизились к нему лесные звери и, обратив свои морды к Востоку, громко и жалобно завывали. И совсем горько стало Раме, когда увидел он Лакшману, выходящего из леса, и увидел, что был его брат один, без Ситы. Рама схватил Лакшману за плечи и вскричал с вели-

ким беспокойством: «Где моя Сита? Что с ней? Жива ли моя любимая супруга? Да как ты мог, безумец, ее оставить! Ее могут убить или похитить, или она заблудилась и бродит где-то одна по дикому лесу! О Лакшмана, увидим ли мы с тобой ее еще? Так тревожно кричат птицы, так жалобно воют лесные звери, что смертельная тоска охватывает душу».

«Где же та прелестная дева, — продолжал выпрашивать Лакшману Рама, — та, что покинула дворцовую роскошь и последовала за мной в изгнание? Где она, моя прекрасная супруга, моя опора в печали и невзгодах? Где же моя любимая Сита, без которой я ни минуты жить не в силах? Где же Сита, мое утешение в изгнании, где царица Митхилы, прекрасная, как богиня? Ничего мне в жизни без нее не надо — ни власти, ни богатства! О сын Сумитры, когда я умру вслед за Ситой, радоваться будет бесцельная Кайкейи. Вот теперь она своего добилась! Ценой наших жизней добилась она власти и богатства для своего любимого сына. Я теперь понимаю, что здесь без меня случилось. Сита испугалась за мою жизнь и послала тебя ко мне на помощь, но ты, сын Сумитры, поступил неразумно, ты не должен был Ситу слушать. Лес полон нашими врагами, и я всегда опасался, что может случиться такое несчастье. Неужели боги уготовили мне такое испытание?»

Опечаленный сын Дашаратхи вошел в хижину, взглянул на опустевшее ложе Ситы, и ноги Рамы подкосились от горя. Он побыл в хижине недолго, а потом вышел на поляну и сказал сыну Сумитры: «Я доверился тебе, Лакшмана, поручил тебе охранять в лесу мою супругу. Как же ты смел ее оставить? Когда я

увидел, что ты выходишь из леса, выходишь один, без Ситы, в голове у меня помутилось от обиды и сердце мое затрепетало».

И тогда Лакшмана, сам охваченный неизмеримой скорбью, ответил Раме: «Я не хотел уходить отсюда и не думал оставлять Ситу без охраны. Но она заставила меня идти к тебе на помощь. Крик Маричи дошел до ее слуха, и она задрожала от страха за твою жизнь. Горькие рыдания сотрясали ее плечи, соленые слезы бороздили ее щеки, и она сама хотела бежать вслед за тобою. Я старался ее успокоить, я говорил ей, что ничего не может с тобой случиться, что не твой крик до нее донесся, но Сита ничего не хотела слушать. Благоразумие совсем ее покинуло, и она сказала, нанеся мне жестокую обиду: „Ты, Лакшмана, мечтаешь о гибели своего брата. Ты хочешь получить меня в супруги, но я ею никогда не стану. Если ты не хочешь идти на помощь Раме, значит, ты пошел с нами в изгнание с корыстной целью“. После такой обиды я не мог оставаться в хижине и побежал вслед за тобою, дрожа от гнева».

И могучий Рама, подавленный несчастьем, ответил брату: «Ты поступил плохо, когда ушел и оставил Ситу без охраны. Ведь ты же знал, что со мной ничего плохого случиться не может. И ты, грозный воин, не должен был обращать внимания на гневные слова Ситы. Я недоволен тобой, сын Сумитры, ты поддался гневу и обиде и оставил жену мою без присмотра. Ты, Лакшмана, не смел ослушаться моего приказа! Золотой олень заманил меня в лес далеко, а когда я убил его своей стрелою, я увидел, что это был ракшас, страшный обличьем, — Марича. И когда этот ракшас рас-

ставался с жизнью, он моим голосом крикнул те слова, которые обманули Ситу и тебя вместе с нею.

Горе так истерзало Раму, что отказывались ему служить ноги и судорога свела левое веко. Сильная дрожь сотрясала его тело и никак не унималась. Как в тумане ходил вокруг хижины горестный Рама и повторял неустанно: «Что с Ситой?» Все окрестности обошел в тревоге сын Дашаратхи, но нигде вокруг не было Ситы, и отчаяние охватило Раму. Он снова и снова обходил все кругом, но нигде не было видно Ситы, и все казалось ему опустевшим, как водоем без лотосов зимою. И сам Рама с глазами, покрасневшими от горя, казался человеком, потерявшим разум. Он пошел в лес и обратился к деревьям: «О кадамба, не знаешь ли ты, где Сита? Если знаешь, скажи мне, где сейчас моя супруга? О билья, поведай, не видало ли ты где-нибудь Ситу? Она в желтой шелковой одежде, и дыхание ее, как твои плоды, благоуханно. Она очень тебя любила; скажи мне, жива ли стройная царевна Митхилы? О прекрасный апока, говорят, ты печаль устранишь. Докажи это мне, подавленному горем, дай увидеть мне мою любимую Ситу! О карникара, ты прекрасен с твоими цветами! Скажи, не видал ли ты мою супругу? Она очень любила твои цветы!» Так спрашивал у деревьев Рама и бегал по лесу, как человек, которого оставил разум.

Рама спрашивал и животных: «О лань, не знаешь ли ты, где моя Сита? У моей жены глаза похожи на твои. О слон могучий, может быть, ты знаешь что-нибудь о Сите? Бедро ее прекрасны, как твой хобот. Скажи мне, не видал ли ты где-нибудь Ситы? О тигр, скажи мне без страха, может быть, ты видел мою любимую

супругу? Она, как луна, прекрасна! О милая, о лото-соглазая, где ты? Увижу ли я тебя снова? Скажи мне, где ты укрылась? Нет у тебя жалости ко мне, Сита! Никогда раньше ты не смеялась так жестоко надо мною. Почему же теперь ты не бережешь мою душу от страданий? Я вижу, ты уходишь от меня все дальше и дальше. Не спеши, подожди немного, если ты меня еще хоть чуточку любишь! О Сита, о дева с милой улыбкой, неужели ты не та, что была прежде? О нет, наверное, с тобой случилось несчастье! Ведь не могла же ты шутя причинить мне такое горе! Злые ракшасы унесли тебя, наверное, в неведомые земли. Моя Сита, царевна Митхилы с прекрасным лицом и стройным телом, верно, стала добычей кровожадных ракшасов, врагов моих лютых. Шея ее, как ствол сандала, украшенный ожерельем. И, быть может, прекрасная шея Ситы прокушена ракшасом-кровопийцей! О Сита, моя любимая супруга, я оставил тебя, слабую и беспомощную, на съедение бродящим в ночи убийцам. И осталась ты без охраны и оказалась у ракшасов во власти, будто ты была одинока, не имела ни друзей, ни мужа. О Лакшмана, о могучий воин, где моя Сита? О Сита, любимая, где ты? Что с тобой приключилось?»

Так кричал Рама и бродил по лесу, горько плача, и казалось, разум навсегда его покинул. Он не в силах был стоять на одном месте, он бегал по лесу и вдоль быстрой реки Годавари, подымался на холмы и пригорки и осматривал каждый куст в поисках любимой Ситы.

Тогда Лакшмана сказал старшему брату: «О Рама, у тебя могучий разум, не надо так предаваться печали. Будем вместе искать нашу Ситу. Ты видишь, вдали за

деревьями высокий холм — в нем много пещер, больших и глубоких. Может быть, Сита ждет нас в какой-нибудь пещере. Ведь она так любит любоваться лесом и бродить по нему, собирая цветы и травы. Сита очень любит лесные водоемы; в них много лотосов, белых и красных. Может быть, она сидит сейчас у водоема в какой-нибудь пещере и связывает лотосы в гирлянды. А может быть, она просто шутит и спряталась где-нибудь в лесу или у реки и хочет немного напугать нас и посмотреть, как мы ее ищем. Если ты думаешь, брат мой, что Сита в лесу непременно, мы обыщем каждый куст, каждый клочок земли. Не нужно, мой мудрый брат, отчаиваться напрасно».

И сыновья Дашаратхи принялись тщательно искать Ситу. Они заглянули повсюду, обошли все холмы и плоскогорья, обшарили все кусты и пещеры, осмотрели реки и озера, но нигде не нашли прекрасной Ситы, и снова отчаяние овладело Рамой. Его сознание помутилось от горя, стало ему чудиться, что Сита стоит рядом с ними, и стал Рама разговаривать с нею: «О моя милая! Ты так любишь цветы лесные. Ты украсила себя веточками ашоки, и еще больше возросло мое горе. Бедра твои, как стволы банана, и сама ты спряталась в банановой роще. Но я найду тебя, любимая Сита, тебе не удастся от меня укрыться. Но только не шути со мною так больше. О милая, не доводи меня до смерти. Так шутить в обители негоже. Я-то хорошо знаю, что ты всегда любила игры и шутки. Но хижина эта без тебя пустынна, тебе следует скорей сюда вернуться».

А потом Рама очнулся от видений и сказал Лакшмане печально: «Я думаю, что злые ракшасы похитили

Ситу. Не случись такого несчастья, Сита была бы с нами. Я ушел из Айодхьи с Ситой, а возвращаться придется одному. Как войду я без нее в свои покои? Все добрые люди меня осудят, и не станет у меня сил объяснять им, как это все случилось. Что скажу я царю Митхилы, когда кончится мое изгнание? Нет, я не вернусь в Айодхью! Пусть правит там Бхарата. Так ты, Лакшмана, ему и скажешь. А теперь ты возвращайся в Айодхью, а я навсегда останусь в лесу. Я жить не могу без Ситы, и без нее мне нечего делать в Айодхье. Поклонись, Лакшмана, матерям нашим и береги их от напастей. А Каушалье, моей родной матери, расскажи без утайки, что случилось здесь с нами и Ситой».

Побледнел Лакшмана, когда слушал Раму, и сердце его наполнилось печалью. А Рама продолжал горестные речи: «Кажется, полюбили меня все беды на свете. Все несчастья идут за мною следом. Но я не знаю за собой прегрешений. Видно, просто судьба меня невзлюбила. Я утратил власть и богатство, потерял родного отца, оставил мать и друзей своих в Айодхье. Жизнь в изгнании, лесные беды не причиняли мне тяжких страданий, но когда я утратил Ситу, все несчастья мои поразили меня с новой силой, и, как огонь, жгут они мне тело и душу. Наверное, ракшасы схватили Ситу и унесли ее по воздуху отсюда. Ты помнишь, Лакшмана, Сита любила сидеть здесь с тобою и вести душевные беседы. Ее доброта, ее ласковая улыбка украшали нам с тобою жизнь. Вот течет Годавари перед нами! Как любила глядеться в ее воды Сита! Может быть, Сита пошла по берегу речному? Но она сюда никогда одна не ходила. Может быть,

царевна Митхилы пошла собирать лотосы для гирлянды? Но она никогда их без меня не собирала. Может быть, она пошла гулять в лес, полный цветов и трав ароматных? Но Сита боялась гулять без меня по лесу.

О солнце! Тебе все про людей известно. Скажи мне, убитому горем, жива иль мертва моя Сита? О великий ветер, от тебя на земле ничего не скроешь. Расскажи мне, что случилось с Ситой? Погибла ли моя супруга, оберегая доброе имя моих предков, или ушла куда-нибудь далеко?»

Так убивался, рыдая, великий Рама, и Лакшмана сказал ему, пытаясь утешить брата: «Не позволяй печали завладеть твоим сердцем. Ты лучше примись за поиски Ситы. Людей, у которых сильны разум и воля, трудности и несчастья не ввергают в отчаяние».

Тогда Рама послал Лакшману к реке Годавари спросить у нее, не знает ли она, где сейчас Сита. Но Лакшмана не получил ответа. Годавари боялась Равану и не посмела ничего ответить. Тогда сыновья Дашаратхи спросили лесных оленей, не видели ли они, куда пошла Сита. Ничего не сказали им олени, только подняли к небу свои морды, повернулись и побежали к югу — туда Равана унес прекрасную Ситу. Так олени поступили трижды, и Лакшмана догадался, что хотели поведать им добрые лесные звери. И он сказал своему горестному брату: «Ты видишь, Рама, что показывают нам олени? Нам следует пойти к югу, может быть, в пути мы что-нибудь узнаем о Сите».

И сыновья Дашаратхи пошли к югу. Рама шел впереди, а Лакшмана следом, и оба пристально смотрели на землю — они искали следы царевны Митхилы. Долго шли они на юг по лесу, и вдруг Рама заметил цветы, разбросанные на лесной поляне. Рама подобрал их и сказал брату: «Взгляни на цветы, сын Сумитры, я узнал их сразу. Эти цветы я подарил Сите, чтобы она украсила ими свои волосы. Благодарение солнцу, земле и ветру, что они сохранили эти цветы для нас с тобою». А затем Рама повернулся к горе, стоявшей перед ними, и сказал ей, как лев олененку: «Покажи мне золотоликую Ситу, не то я сокрушу твою вершину». Но гора не показала ему Ситу. И тогда Рама сказал ей снова: «До подножия испепелят тебя мои огненные стрелы, и никто тебе помочь не сможет». А потом, обернувшись к брату, он сказал: «О Лакшмана, если Годавари не скажет мне правду о Сите, я осушу эту лживую реку». Ярость затуманила рассудок Рамы, и он взирал на все таким грозным взглядом, как будто хотел все окрест испепелить своим огненным взором.

Оглянувшись кругом, Рама вдруг увидел, что на земле остались следы ног ракшасов, которые прошли здесь недавно. Недалеко от сыновей Дашаратхи валялись на земле сломанный лук, колчан и стрелы, а рядом с ними лежали обломки золотой колесницы. Раму

все это напугало очень, и он сказал своему верному брату: «Ты только взгляни, сын Сумитры, вот лежат золотые украшения Ситы, и земля покрыта каплями крови. Кажется, ракшасы ее украли и на куски разорвали ее тело. О Лакшмана, здесь из-за Ситы была кровавая битва. О брат мой, чей это лук лежит на земле, украшенный жемчугом и самоцветами? Чьи это золотые доспехи, сверкающие, как солнце, и украшенные благородным сапфиром? Только великие государи обладают таким богатством! О сын Сумитры, кому принадлежали эти зеленые кони с мордами, наводящими ужас? И сверкающая золотом колесница? И золоченые, с перьями стрелы? И чей это колесничий, который лежит здесь, лишенный жизни? Здесь на земле ступали чьи-то ноги, такие следы только ракшасы оставляют. О боги! Я сделал ракшасов своими врагами, и они так страшно мне отомстили. Моя бедная Сита либо убита, либо похищена. Благочестие и непорочность не спасли ее от несчастья. Но если праведность и целомудрие не смогли избавить ее от несчастья, то что же может сейчас помочь мне? Воистину, небожители решили, что я уже утратил свою силу! Но я им покажу ее сегодня. Никто отныне не узнает счастья — ни гандхарвы, ни ракшасы, ни боги. Я заполню своими стрелами все небо, и все живое станет сегодня недвижимым! Все планеты прекратят свое движение, и луна покроется тенью. Утихнут ветры, и погаснет солнце, мрак окутает нашу землю, рухнут горы и высохнут озера! И если небожители не вернут мне Ситу, я весь мир целиком разрушу! О Лакшмана, все небесные боги и с ними Индра столкнутся сегодня с моей мощью, если они не вернут мне любимую суп-

ругу! Все живое на земле погибнет, и я на куски разнесу все небесные чертоги».

Лакшмана был спокойнее, чем Рама, и он сказал старшему брату: «Ты всегда умел владеть собою и не давал воли своим чувствам. Ты всегда был добр и милостив ко всему живому. Почему же ты сейчас на весь мир ополчился за преступление одного злодея? Ты видишь здесь обломки колесницы, лук и стрелы, боевые доспехи, но всем этим мог владеть только один воин, здесь не было большого войска. Вот нам и надо отыскать хозяина золотой колесницы! И если боги не помогут тебе в этом, тогда только ты можешь гневаться на небо. Пойдем искать, великий брат мой, и мы найдем того, кто похитил Ситу».

Сначала сыновья Дашаратхи стали искать Ситу в лесу Джанастанана и вдруг увидели лежащего в луже крови великого царя ястребов Джатаю. Его огромное тело возвышалось над землей, как горная вершина, и Рама показалось, что перед ним ракшас-оборотень. И он сказал младшему брату: «Смотри, Лакшмана, там на земле лежит кровожадный оборотень. Это он, наверно, похитил Ситу, обернувшись ястребом, могучей птицей. Я убью его, и этот день будет для него последним».

Но когда Рама положил стрелу на тетиву лука, умиравший ястреб сказал сыну Дашаратхи: «Да живешь ты на земле много лет, доблестный Рама. Равана, повелитель ракшасов-злодеев, унес по воздуху твою супругу. Я хотел спасти от него Ситу, но умираю от ран, которые он нанес мне. Я с ним храбро сражался, я разбил золотую колесницу Раваны, убил его коней и лишил жизни возничего, но царь демонов,

Равана, мечом отрубил мои крылья и ноги, и теперь старый Джатаю умирает».

Горе охватило Раму с новой силой, когда узнал он Джатаю, старого друга Дашаратхи в полумертвой птице. И Рама то обнимал Джатаю, то катался по земле в великой скорби и горестно жаловался своему брату: «О Лакшмана, я лишился царства, и бедный отец мой скончался; ракшасы похитили мою супругу, и я чуть не убил своей рукой лучшего друга, отдавшего за меня свою жизнь. Воистину, злая судьба моя преследует меня неотступно!

Благо тебе, Джатаю, верный друг мой! Может быть, ты сможешь рассказать мне, как похитили мою Ситу? Как совладал Равана с тобою, могучим царем ястребов? Почему Равана похитил Ситу силой и тайно? Что плохого я ему сделал? Скажи мне, здорова ли была Сита, что она тебе говорила? Поведай мне, Джатаю, кто он, этот Равана, откуда? Где мне искать злодея?»

Доблестный Джатаю ответил: «Равана, могучий повелитель ракшасов, похитил твою супругу. Когда я упал на землю недвижимый, он поднялся с Ситой высоко в небо и полетел с твоей супругой к югу. Я знаю, что ты повергнешь Равану в битве и вернешь себе свою супругу». Тут глаза старого ястреба закрылись, кровь хлынула у него из клюва, и жизнь навсегда покинула Джатаю. Отважного и благородного друга потерял великий Рама, и печаль снова терзала его душу. Полный любви и благодарности к Джатаю, Рама решил похоронить его, как великого героя. Лакшмана принес из лесу сухие поленья, разжег костер, и братья с почестями, подобающими герою, в последний путь проводили своего друга.

Когда сыновья Дашаратхи простились с Джатаю, они пошли на юг по нехоженным лесным тропам и вскоре оставили пределы Джанастханы. По дороге они искали всюду следы прекрасной царевны Митхилы и все дальше продвигались к югу. Вскоре на пути их встала высокая горная вершина, а в ней была глубокая и темная пещера. Когда братья подошли поближе, то увидели, что в пещере сидит ракшаси, страшная обличьем. У нее были острые зубы, огромное брюхо, и шкура у нее была грубой и жесткой. Когда она увидела двух воинов, идущих к пещере, то выступила им навстречу и сказала Лакшмане, который шел первым: «Пойдем со мною, прекрасный воин, я хочу насладиться с тобой любовью». Она обняла Лакшману за шею и ласково с ним заговорила: «О милый воин, я рада твоему приходу. Меня зовут Айомукхи, и мы будем любить друг друга вечно на этих горных зеленых склонах, на берегах веселых горных речек».

Великий гнев обуял младшего брата Рамы, и он острым кинжалом отрезал чудовищу нос, уши и отвисшую низко грудь. Со страшным воплем ракшаси бросилась прочь от сыновей Дашаратхи, а они пошли своей дорогой дальше. Все вокруг было тихо и спокойно, но вскоре дурные предзнаменования встревожили Раму и Лакшману. Закричали лесные птицы, налетел вихрем могучий ветер, и густая тьма опустилась на землю. Что-то страшное надвигалось на сыновей Дашаратхи, и предчувствие беды томило душу юного брата Рамы. Вскоре братья увидели огромного ракшаса, стоявшего посреди дороги. У него не было

головы и шеи, и смотреть на него было страшно. Пасть его с острыми клыками была посредине огромного брюха, и добычу он загребал длинными руками. И все, что ему попадалось в руки, он отправлял в свое прожорливое брюхо. И когда братья-царевичи подошли к нему поближе, он схватил их своими могучими руками и потянул к своей раскрытой пасти. Ракшас обрадовался добыче и сказал Рама и Лакшмане: «О прекрасные воины, я ждал вас, я давно хочу утолить голод. Сама судьба прислала мне вас на ужин». Но Рама и Лакшмана достали из ножен острые кинжалы и одним взмахом отсеки чудовищу длинные алчные лапы. Ракшас заревел от боли и, обливаясь кровью, крикнул сыновьям Дашаратхи: «Кто вы такие?»

Лакшмана рассказал ракшасу, которого звали Кабандха, что они царевичи из Айодхьи, что жестокая Кайкейи отправила их в леса в изгнание, что ракшасы похитили прекрасную супругу Рамы и что они идут на юг искать Ситу. «А ты кто такой?» — спросил его младший сын Дашаратхи, и страшный ракшас ему ответил: «Благо вам, доблестные герои. Я счастлив и рад, что встретил вас на лесной дороге. Послушайте, я расскажу вам, что со мною однажды случилось.

Некогда я был юн и прекрасен, и красота моя славилась повсюду. Но я любил забавляться, пугая попочам благочестивых отшельников. Я принимал разные обличья, одно было страшнее другого. И однажды некий отшельник, которому я помешал совершать жертвенные обряды, проклял меня: „Да будешь ты вечно страшилищем ужасным и да возненавидят тебя люди“. Тогда я стал умолять его снять с меня проклятие, и подвижник сжалился надо мною. Он сказал

мне: „Твоя красота к тебе вернется, когда Рама, сын Дашаратхи, отсечет тебе руки и на костре сожжет твоё тело“. Но на этом не кончились мои несчастья. Я разгневал непомерной своей гордыней Индру, и он ударом молнии вогнал мне голову в брюхо и отнял у меня ноги. А чтобы я с голоду не умер, он удлинил мне на йоджану руки. А пасть мне Индра сотворил в брюхе. Так я и жил долгие годы, загребая добычу длинными руками и отправляя ее прямо в брюхо. Но Индра сказал мне напоследок: „Когда придут сюда сыновья Дашаратхи, когда они отсекут тебе руки и сожгут на огне твоё тело, тогда ты достигнешь, гордый ракшас, неба“.

Жалко стало Раме лесное чудовище, и он обещал ему сжечь на костре его тело. А потом Рама спросил у него, не знает ли он, кто такой Равана и где он, и какая к нему ведет дорога. Но страшный ракшас ничего не помнил, Индра отнял у него вместе с головой и память. И он ничего не смог сказать сыновьям Дашаратхи. Только, прощаясь перед смертью, он прибавил: «Ты сожги меня, Рама, скорее, и тогда я вспомню, кто может оказать тебе помощь».

Рама и Лакшмана разожгли большой костер в глубокой пещере, бросили ракшаса в жаркое пламя, и тело его вспыхнуло, как масло. И вскоре в пламени костра появился высокий муж, красивый и стройный. На нем были белые одежды, и гирлянды украшали его шею. Он медленно стал подниматься в небо, и там ждала его небесная колесница, запряженная белыми лебедями. И он сказал сыновьям Дашаратхи из поднебесья: «Вам нужны помощники и друзья в борьбе за Ситу. Ступайте к озеру Пампа. Там на горе Ришь-

ямука живет могучий царь обезьян Сутрива и с ним его четыре друга. Сутрива утратил свое царство, и сейчас он в горе и печали. Идите, воины, к Сутриве, он поможет вам отыскать Ситу». И колесница, запряженная лебедями, умчалась в чертоги Индры.

Рама и Лакшмана пошли на запад, к озеру Пампа. Из леса в лес вела их длинная дорога, от одной горной вершины к другой. На склонах холмов проводили они ночи и питались кореньями и плодами. Долго шли сыновья Дашаратхи к озеру Пампа, и наконец берега его открылись перед ними.

Прекрасно было озеро Пампа. Вода в нем была тихая, чистая и голубая. Красные и белые лотосы цвели на спокойных водах Пампы, и плескались у берега лебеди и утки. Вкусная, чудесная рыба водилась в озерных глубинах, и непуганные звери приходили к нему утолять жажду. Желтый нежный песок покрывал берега Пампы, и кругом благоухали ароматом дивные цветы и зеленые деревья.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

К и ш к и н д х а

Начиналась теплая весна, когда Рама и Лакшмана пришли на чудесный берег озера Пампа. Все кругом расцветало, и нежная зеленая трава расстилалась под ногами сыновей Дашаратхи. Цветы повсюду раскрывали свои бутоны и сладостно благоухали. Легкий и нежный ветерок, подобный дыханию прекрасной Ситы, овеивал братьев чудесным ароматом. Птицы радостно

порхали с ветки на ветку и весело резвились, предаваясь любви и забавам. Пчелы неугомонно вились над цветами, пили радужные капельки росы из бутонов и томно жужжали. Прекрасная весна пробудила к любви на земле все живое.

Печальный Рама сидел на берегу озера Пампа и вспоминал, как любила приход весны Сита, как оба они радовались первым весенним дням. Горестные слезы текли по щекам сына Дашаратхи, и он говорил Лакшмане печально: «Я не могу жить без Ситы, о сын Сумитры; не могу дышать, не видя глаз ее, удлинённых, как лепестки лотоса; не могу пить, не могу есть без улыбки ее и ласковых прикосновений. И дивно, о верный брат мой, все, что любил я раньше, все, что радовало мою душу, мне теперь, без Ситы, постыло: и эта весна с ее красою, и цветов душистый запах, и вся эта красота, что нас окружает; и птицы эти, и звери, и пчелы, которые полны сейчас любовной неги. Воротись, друг мой, в Айодхью. Бхарата своих братьев любит, он тебя ласково встретит. А мне теперь ничего не нужно — ни царства, ни власти, ни богатства. Была бы только рядом со мною Сита, и жили бы мы с нею в этом краю чудесном, и ничего мне больше не надо».

Лакшмана, любящий и верный, горевал вместе со своим старшим братом, утешал его ласковым словом и просил быть твердым и терпеливым в случившемся с ними несчастье.

Братья отдохнули на берегу прекрасного озера Пампа и пошли к горе Ришьямука.

И увидел их повелитель обезьян Сугрива, лишенный власти своим братом Валином. Сугрива сидел

со своими друзьями на вершине горы Ришьямука и со страхом смотрел на сыновей Дашаратхи, идущих по лесной дороге. В руках у них были луки и стрелы, у пояса висели кинжалы, на плечах были оленьи шкуры. Одежда на них была из бересты, и волосы, как у подвижников, заплетены в косы. Когда Сугрива увидел этих грозных воинов, он стал бегать по горной вершине и от страха не мог найти себе места. Бедный Сугрива подумал, что это брат его Валин прислал к нему беспощадных убийц под видом благочестивых подвижников.

Неизвестность и страх истомили испуганного Сугриву, и тогда он сказал Хануману, сыну Вайю, бога ветра, своему верному советнику и другу: «Спустиись, Хануман, в долину и узнай, кто эти воины и куда они свой путь держат».

Хануман умел принимать любое обличье, огромным прыжком он спустился с горы в долину и обернулся нищим бродягой. Он подошел к сыновьям Дашаратхи, с почтением им поклонился и обратился к ним с вежливой речью: «По виду вы подвижники лесные, и люди вас, должно быть, почитают за святость. Но в руках у вас грозное оружие, и оно внушает страх обитателям леса. У вас могучие и длинные руки, как у львов, крепки ваши плечи, и поступь ваша царственна и властна. Лица у вас обоих прекрасны, и облик ваш говорит мне, что ваш род знаменит и знатен. Скажите мне, кто вы, о воины, и откуда. Меня послал к вам благородный Сугрива, еще недавно он был царем грозным и могучим, но коварный брат лишил его престола. В окружении своих верных друзей Сугрива живет на горной вершине

Ришьямука. Я — Хануман, сын бога ветра и первый советник Сугривы».

Братья немного помолчали, а потом Рама велел Лакшмане ответить Хануману. И Лакшмана свой рассказ начал такими словами: «Наш отец — царь Кошалы Дашаратха, а мы его сыновья — Рама и Лакшмана. Мы добровольно ушли в леса, в изгнание, чтобы избавить отца от бесчестья. Равана, владыка ракшасов, похитил Ситу, прекрасную супругу Рамы. В поисках Ситы мы шли на юг по лесным дорогам, и встретился нам ракшас по имени Кабандха. Он сказал, чтобы мы шли к озеру Пампа, к горе Ришьямука, к повелителю обезьян Сугриве. „Он поможет вам, — сказал Кабандха, — отыскать путь в царство Раваны и вызволить из плена Ситу“. И вот мы пришли к озеру Пампа, к горе Ришьямука и хотим найти Сугриву и просить его оказать нам помощь». Так говорил Лакшмана, вспоминая все, что с ними случилось, — горькие слезы текли у него из глаз не переставая.

Мудрый Хануман ответил Лакшмане: «Мой повелитель Сугрива, как и вы, пребывает в печали и несчастье. Его лишил власти и богатства его могучий и жестокий брат Валин. Но сын Солнца, великий Сугрива, поможет вам вместе с нами отыскать прекрасную Ситу и вызволить ее из плена». И Хануман вместе с сыновьями Дашаратхи направился к господину своему Сугриве, а Рама и Лакшмана радовались встрече с благочестивым Хануманом, и на душе у них стало веселее. Хануман говорил с ними искренне и правдиво, и сыновья Дашаратхи поверили его обещаниям.

Когда они поднялись на вершину Рипьямуки, первый советник Сугривы доложил своему государю: «О мудрейший владыка, один из тех воинов, что пришли к нам, — это Рама, сын Дашаратхи, из рода царей Айодхьи; с ним Лакшмана, его младший брат. Они ушли из Айодхьи в изгнание, чтобы славный отец их не нарушил данного им слова и не навлек на себя позора. Сыновья Дашаратхи пришли сюда для встречи с тобою, они ищут твоей дружбы и союза с тобою. Когда Рама и Лакшмана были на охоте, коварный Равана похитил прекрасную Ситу, нежную супругу Рамы. Братьям надо отыскать к Раване дорогу и освободить царевну Митхилы. Сыновья Дашаратхи — могучие воины, не знающие поражений. Ты должен принять их, владыка, ласково и дружелюбно».

Слова Ханумана успокоили Сугриву. Он с радостной улыбкой вышел к сыновьям Дашаратхи и молвил с почтением Раме: «Государь, сын Ветра сказал мне, что ты ищешь дружбы со мною, что нет у тебя враждебных мне намерений. Великая честь для меня — союз с тобою. Ведь ты, о Рама, — великий воин из древнего и славного рода, а я — всего лишь бедная обезьяна без царства, без власти, без богатства. И если Хануман сказал правду, то я протягиваю тебе руку дружбы и предлагаю скрепить наш союз клятвой».

Рама с радостью пожал руку Сугриве, и они договорились о союзе, а затем по-братски обнялись. Хануман взял две сухие дощечки, стал тереть их одну о другую и добыл огонь для совершения жертвенного обряда. Друзья принесли богу огня, великому Агни, жертвы ароматными цветами, а затем Хануман поставил Сугриву и Раму у костра, одного против другого.

Сугрива и Рама обошли вокруг огня, пылавшего ярко, и обряд заключения союза завершился. «Ты друг моего сердца, — говорил ласково Сугрива Раме, — и одни у нас отныне радости и беды».

Друзья сели на траву на вершине горы Ришьямука, и Сугрива рассказал сыновьям Дашаратхи печальную историю своей жизни: «Уже много лет я живу под гнетом вечного страха за свою жизнь. Меня всего лишили — царства, жены и богатства. Одно за другим преследуют меня несчастья, и в этом диком краю я спасаю свою жизнь. Мой злейший враг — могучий брат мой Валин, и он неустанно ищет моей смерти. Избавь меня, великий Рама, от страха перед Валином, от страха перед смертью, которой он мне угрожает. О Рама! Помоги мне избавиться от страха!»

Благородный Рама ответил Сугриве: «О могучий вождь обезьян! Я свято исполняю все законы, которые предписывает дружба. Похититель твоей супруги погибнет. Ты сегодня увидишь его мертвым. Мои стрелы, подобные ядовитым змеям, лишат жестокого Валина жизни». Слова доблестного сына Дашаратхи вдохнули в печального Сугриву радость и надежду, и он с благодарностью сказал Раме: «О Рама, ты — великий витязь! И среди воинов ты могучему льву подобен! Твоя сила вернет мне жену и царство! О божественный, непобедимый Рама, исполни свое обещание!

Послушай меня, о великий Рама, я знаю, какие беды привели тебя к озеру Пампа на поиски несчастного Сугривы. Хануман рассказал мне об этом. О всемогущий сокрушитель врагов, поверь мне, мы отыщем твою супругу, куда бы Равана ее ни спрятал. Когда

коварный Равана уносил в поднебесье твою супругу, бедная Сита горестно кричала: „О Рама! О Лакшмана!“ Увидев меня и моих верных друзей на горной вершине, она сбросила вниз лоскут своего платья. Я подобрал и сохранил тот лоскут. Я передам его тебе, могучий Рама, и ты его, наверное, узнаешь». Сугрива побежал в горную пещеру и быстро вернулся с лоскутком желтого шелка. Рама взял его бережно в ладони, и на глазах его заблестали слезы. И стало лицо Рамы как луна, покрытая росой. Рама сел печально на землю, устремил глаза на клочок платья Ситы и не мог отвести от него взора. Наконец Рама спросил Сугриву: «Скажи мне, Сугрива, когда ты видел бедную Ситу; скажи мне, где живет этот ракшас-похититель. Он совершил тяжкое преступление, он нанес мне смертельную рану, и все ракшасы на земле вместе с ним от моей руки погибнут».

Сугрива отвечал Раме, что не знает он, где живет и прячется Равана и каковы его оружие и войско. «Но ты не печалься, — сказал Сугрива Раме, — я честно клянусь помочь тебе вызволить Ситу. Но ты, могучий витязь, не предавайся так постигшему тебя горю. Ты — великий воитель, и крепка твоя воля, и негоже тебе, как женщине, проливать слезы. Когда горе целиком захватит человека, он уже не может бороться с врагами».

Слова Сугривы ободрили Раму, он вытер краем одежды лицо, залитое слезами, ласково обнял своего друга — обезьяну и сказал: «Скажи мне, Сугрива, что нужно сейчас для тебя сделать? Ты утешил меня своею дружбой и вернул мне бодрость и силу. С моей помощью ты всего достигнешь, я исполню все твои

пожелания. Никогда в жизни не говорил я неправды, и ты сам в этом убедишься».

Так они беседовали друг с другом и радовались своему союзу и дружбе. А затем Рама сказал Сугриве: «Теперь ты мой верный друг и союзник. Расскажи мне все без утайки, почему возникла у тебя вражда с твоим братом. Если я буду знать правду о ваших раздорах, если будет мне доподлинно известно, в чем твоя правота перед братом, легче мне будет помогать тебе добиться справедливости и счастья».

И Сугрива стал рассказывать Рама, как случилась у него вражда с братом Валином, как потерял он жену, престол и богатство: «Когда скончался наш великий родитель, царем стал мой старший брат Валин, а я был ему верным другом и слугою. Но однажды пришла беда к воротам Кишкиндхи, нашей столицы. Пришел туда могучий асура по имени Маяви, постучал кулаком в ворота и, страшно рыча, вызвал Валина на поединок. Это случилось ночью, и все обитатели Кишкиндхи спали. Страшное рычание Маяви разбудило моего царственного брата. Горестно заплакали его жены, они просили Валина не вступать с асурой в схватку ночью, но храбрый брат мой их не послушал и бросился асуре навстречу. Жены царя Кишкиндхи преградили ему дорогу, бросились с мольбой перед ним на колени, но Валин отстранил их и пошел в гнев к воротам Кишкиндхи. Я был преданным и любящим братом и пошел за государем следом. Но, когда асура увидел, что нас перед ним двое, он испугался и обратился в бегство. Полная луна ярко блистала на небосводе, и дорога была светла и пустынна. Мы побежали за ним в погоню. Вскоре он добежал

до большой норы, которая вела в глубокую подземную пещеру, вскочил в нее, а мы с Валином остались снаружи. Царем Кишкиндхи овладела ярость, и он сказал мне: „Ты, Сугрива, постой на страже у входа, а я полезу в подземелье и убью там дерзкого Маяви“. Целый год я простоял на страже у входа в подземелье, а брат мой все не появлялся. А потом я увидел, что из норы кровь потекла ручьями, и до слуха моего докатилось рычание асуры Маяви. А голоса брата моего не было слышно. Горькая печаль тогда меня охватила. Я подумал, что брат мой, наверно, погиб в этой подземной битве, и я вернулся в Кишкиндху, завалив большой скалой вход в пещеру.

Когда я, охваченный горем, рассказал о случившемся несчастье царским советникам в Кишкиндхе, они решили посадить меня на царство. Я старался править мудро и справедливо, но вдруг однажды приходит в Кишкиндху Валин, живой и невредимый. Он убил своего врага в битве, и глаза его покраснели от гнева, когда он увидел меня на престоле. Своих советников он предал страшной казни, обвинив их в коварной измене, а на меня набросился с бранью. Валин всегда был для меня господином, и я покорно слушал его упреки. Я радовался его победе и счастлив был, что он вернулся в Кишкиндху. Я почтительно перед ним склонился и поставил себе на голову его ногу. Но злоба и ярость Валина не утихли. Он не хотел мне больше верить, и я стал опасаться за свою жизнь. Я хотел умилостивить Валина и сказал ему искренне и правдиво: „Какое великое счастье, государь, для Кишкиндхи, что ты вернулся здоровым и невредимым, уничтожив своего врага в кровавом

поединке. Ведь ты для нас — прибежище и защита, и беспомощны мы, когда ты не с нами. Я буду счастлив, великий царь, служить тебе снова верой и правдой. Целый год я ждал тебя у входа в пещеру, не отходя от него ни на минуту. А потом я увидел кровь, текущую из пещеры, услышал победные крики Маяви, а твоего голоса не слышал. В великом горе я оплакал твою кончину, завалил скалой вход в пещеру и пошел в печали в Кишкиндху. Твои друзья, советники и родные, оставшись без великого государя, заставили меня править страной. Но вот к радости всей Кишкиндхи ты вернулся, победоносный, и правь теперь ты нашей державой, а я снова буду твоим верным слугою“.

Но Валин мне больше не верил. Он осыпал меня жестокой бранью, обвинял меня в предательстве коварном и причинил мне смертельную обиду. А затем он собрал в дворцовом зале своих приближенных и рассказал им, как преследовал он асуру Маяви, как искал его год целый в подземелье и убил его в жестокой битве. А потом Валин стал выбираться из пещеры и не мог никак оттуда выйти. Он звал меня на помощь и не мог дозваться, и с большим трудом ему удалось кое-как отодвинуть скалу от входа и выбраться из подземелья. И вот он пришел к себе в столицу и застал другого на престоле. И Валин сказал своим приближенным, что он обвиняет меня в измене. Он сказал им, что я нарочно не стал его дожидаться, что я покусился на его жизнь, завалив вход в пещеру, чтобы захватить власть в Кишкиндхе. А затем Валин с одобрения своих приближенных отобрал у меня дом, жену и богатство и выгнал меня из Кишкиндхи.

И стал я бродить по свету и нигде не мог найти

безопасного места. Мне нужно было где-нибудь укрыться от Валина, чтобы оградить себя от его злобы и мести». Так закончил свой печальный рассказ Сугрива, и Раме стало жалко несчастную обезьяну. Жестокость и несправедливость Валина разгневали благородного сына Дашаратхи, и он обещал Сугриве достойно наказать его злого брата.

Неведомо было печальному Сугриве, как могуч был старший сын Дашаратхи. Он боялся, не случится ли так, что Валин окажется сильнее Рамы. И тогда Сугрива решил рассказать Раме о том, как Валин сражался с асурой Дандхуви: «Асура был огромного роста, и сила у него была неизмерима. Он со многими вступал в единоборство, но достойного ему соперника не находилось. Дандхуви с корнем вырывал из земли деревья, играл скалой, как деревянным мячиком, и мог по желанию обращаться в свирепого буйвола с острыми и крепкими рогами.

И вот однажды сведущие люди сказали асуре, чтобы он направился в Кишкиндху и вызвал на поединок Валина. Они рассказали ему, что Валин обладает непомерной силой и с охотой вступит с ним в единоборство. Асура так и сделал. Обернувшись свирепым буйволом, он подошел к воротам Кишкиндхи, страшно заревел и стал рыть копытами землю, с нетерпением ожидая битвы.

В этот час Валин был в своих покоях, и его окружали прекрасные и юные жены. Яростный крик буйвола его растревожил, и Валин помчался к воротам Кишкиндхи. Битва между ними была недолгой. Страшным ударом в темя Валин лишил буйвола жизни, а труп его забросил в лес, где жил отшельник

Матанга. Тело буйвола пролетело по воздуху несколько йоджан, упало на землю рядом с хижинкой Матанги, и на одежду подвижника брызнула кровь Дандхуви. Мудрый Матанга знал все, что творится на свете, и понял, что это Валин виноват в том, что его одежда окропилась кровью. И тогда благочестивый подвижник сказал, что, если Валин посмеет вступить в его лес хоть однажды, не избежать тому страшного проклятия. Поэтому, — сказал Сугрива Раме, — я и обитаю здесь, у леса Матанги, — Валин не решается и подходить к нему близко.

Я рассказал тебе все это, Рама, чтобы знал ты, насколько силен грозный Валин, чтобы ты еще раз подумал, можно ли тебе вступать с ним в единоборство. Хватит ли у тебя, благородный сын Дашаратхи, силы справиться в битве с Валином. Докажи мне чем-нибудь, что силы у тебя больше!»

Тогда Рама достал стрелу, натянул лук и спустил с тетивы стрелу. И та стрела насквозь пробила стволы семи деревьев, как масло, пронзила горную вершину и вернулась к Раме в колчан обратно. И Сугрива не мог сдержать своего восторга — от радости он пустился в пляс, сравнивая сына Дашаратхи с Индрой, воителем небесным. Более не сомневался Сугрива в победе доблестного Рамы.

Друзья собирались в путь недолго и вскоре отправились в Кишкиндху. Когда они подошли к городским воротам, Рама и Лакшмана укрылись в лесу,

а Сугрива остался один у ворот и стал рычать громко и страшно. Заслышав это рычание, означавшее вызов на поединок, Валин выбежал из ворот Кишкиндхи, и началась смертельная схватка между братьями — обезьяньими вождями. А Рама стоял в лесу с луком и стрелами наготове, но стрелять не решался: он боялся попасть стрелой в своего друга Сугриву. Два брата были очень похожи друг на друга, и в бою нельзя было их отличить одного от другого. Бой недолго продолжался — Валин вскоре одолел Сугриву, и тот побегал в лес разгневанный и побитый. Лес принадлежал Матанге, и Валин боялся преследовать Сугриву, боялся, что проклянет его мудрый отшельник.

Сыновья Дашаратхи окружили Сугриву, успокоили бальзамом его раны, и Рама в ответ на упреки Сугривы объяснил ему, почему он стрелять не решился. «Вас нельзя было отличить друг от друга, — сказал ему Рама. — Я мог убить тебя своею стрелою и лишиться союзника и друга».

Рама велел Сугриве снова вызвать Валина на поединок, но попросил Сугриву надеть на себя что-нибудь, что отличало бы его от брата. Тогда Сугрива надел на шею цветочную гирлянду, и все трое опять пошли к воротам Кишкиндхи. По дороге из лесу Сугрива обратился к Раме с просьбой: «Я боюсь, великий сын Дашаратхи, снова вступать в битву с Валином. Брат мой превосходит меня силой и опять побьет меня пре-
вально. Все тело мое ломит от его могучих ударов. Я прошу тебя, Рама, на этот раз ты помоги мне одо-
леть его в поединке. Без твоей помощи я не справлюсь с Валином, и я боюсь, что ты снова останешься безу-

частным». Но Рама успокоил своего друга и уверил Сугриву, что Валин будет сурово наказан.

Царь Кишкиндхи забавлялся игрой в женских по-
коях, когда снова раздался у ворот столицы боевой
клич Сугривы, призывавший государя на битву. Валин
поднялся с ложа, гнев охватил его душу, и глаза от
ярости налились кровью. Шерсть на теле его встала
дыбом, пасть оскалилась в грозной улыбке, и острые
клыки кровожадно обнажились. Тара, любимая суп-
руга Валина, побежала за ним следом, обняла его
крепко и, томимая тяжелым предчувствием, с трево-
гой в сердце сказала государю: «Успокой свою ярость,
великий! Она стремительна, как воды горного потока,
и быстро проходит. Ты отбрось свой гнев, как ночной
венчик, который снимают, подымаясь с ложа. Отложи,
повелитель, поединок до завтра. Сегодня я тревожусь
за твою жизнь. Твоя гордость воина и честь полко-
водца не могут пострадать нисколько — ведь ты побил
его в поединке сегодня. Сегодня я боюсь несчастья.
И вот что меня тревожит: совсем недавно была между
вами схватка, ты победил Сугриву и сильно ранил,
но он снова вернулся и требует продолжения по-
единка. Значит, он не один вернулся, значит, он на-
деется на чью-то помощь, раз, будучи битым, решил
снова с тобою драться. Я слышала, что Сугрива за-
ключил союз и дружбу с сыновьями Дашаратхи, с мо-
гучим Рамой и его верным братом, а они не знают по-
ражений в битвах. Я хорошо знаю Сугриву: он сна-
чала узнал, сколь сильны сыновья Дашаратхи, а потом
уже вступил с ними в союз и дружбу. Великий Рама
по силе и воинскому искусству не знает себе равных,
и все слабые и обиженные в этом мире находят у него

помощь и поддержку. Ты не должен вступать в борьбу с сыновьями Дашаратхи, с ними надо искать союза и дружбы. Смирись, подави в душе своей вражду к Сутриве. Он — твой младший брат, он был тебе всегда предан и служил тебе верно. Поверь, любимый супруг мой, что я тебе только добра желаю, и последуй моему совету».

Но Валин не последовал совету Тары, он весь был во власти гнева. Он не прислушался к мудрому слову и пошел навстречу своей смерти. Он отстранил от себя рыдающую супругу и сказал ей: «Какой бы я был воин, если бы я уклонялся от вызова на поединок? Что сказали бы обо мне обитатели Кишкиндхи? Кто стал бы уважать трусливого государя? Для настоящего воина лучше смерть, чем позорное бегство с поля битвы. Но я даю тебе, Тара, слово. Убивать я Сутриву не буду. Я лишь поколочу его крепко, усмирю его гордыню, но жизни его лишать не стану. А ты, милая супруга, сейчас не мешай мне, если ты истинно меня любишь, и ступай к другим женщинам моего дома. Я уйду ненадолго и вернусь обратно очень скоро».

Обливаясь горькими слезами, Тара крепко обняла своего супруга, благословила его на битву с Сутривой и, охваченная горем, ушла на женскую половину.

Валин быстро выбежал за ворота Кишкиндхи и встал, сжимая могучие кулаки, напротив яростного Сутривы. И Валин сказал младшему брату: «Один лишь раз я тебя ударю, и ты расстанешься, подлый изменник, с жизнью».

Братья стали наступать друг на друга и наносить друг другу жестокие удары. Они сражались кулаками,

ногами и зубами. Шерсть клочьями летела в стороны, и кровь заливала землю. Однако вскоре государь Кишкиндхи стал одолевать Сугриву. Рама заметил из своего лесного убежища, как слабеют силы у его союзника и друга. Тогда он взял в руки лук, достал из колчана острые стрелы и одну положил на тетиву. Затем Рама прицелился хорошенько в царя Кишкиндхи и выстрелил меткой стрелою. Молнией блеснула золоченая стрела сына Дашаратхи и впилась прямо в грудь несправедливого Валина. Государь Кишкиндхи зашатался, стал хвататься руками за воздух, рассудок его помутился от великой боли, и, как дерево, подрубленное дровосеком, Валин рухнул на землю.

Тогда Рама и Лакшмана вышли из засады и вместе с Сугривой подошли к умирающему царю Кишкиндхи. Могучий владыка обезьяньего царства обратился перед смертью к Раме с такою речью: «Люди говорят про тебя, сын Дашаратхи, что ты правдив, благороден и честен, что ты — прибежище и защита для всех, кто слаб и обижен. Теперь я знаю, что люди говорили неправду. Ведь я ничем тебя не обидел, не причинял зла твоим друзьям и близким. Я — всего лишь бедная обезьяна, которая живет в лесах и питается кореньями и плодами. Открыто я вышел на бой с Сугривой, и не я первый эту битву начал. Сам Сугрива дважды послал мне вызов. Я думал, что у нас будет честный поединок. И хотя я знал, что ты, Рама, находишься рядом, я полагался на твое благородство. Видно, права была Тара. Теперь я знаю, что старший сын Дашаратхи коварен, хитер и нечестен. Ты стрелял в меня, укрывшись в засаде, когда я сошелся в честном поединке с Сугривой».

Так сказал Валин великому союзнику Сугривы и замолк, не добавив больше ни слова.

Тогда Рама ответил умирающему Валину: «Все земли, леса, горы и реки, и все люди, живущие на этих землях, все лесные звери и птицы, все, что простирается отсюда на юг и север, на восток и на запад, — все это владения моего царственного рода, и правит этим обширным государством мой брат, благородный и справедливый Бхарата. Он сам наказывает сурово и велит наказывать нам, своим братьям, всякого, кто покусится на сестру, на жену отца или брата. Ты же отнял у Сугривы супругу и наслаждаешься с чужой женой грешной любовью. Потому ты, Валин, наказан мною. Так велит поступать закон, таков долг благочестивого кшатрия. Но ты забыл еще, Валин, что ты просто зверь, а я охотник. Закон позволяет бить зверя из засады. Это вечный закон охоты. Ты не должен роптать на законы — их нам устанавливают боги. Поэтому я твоих упреков не приемлю, и несправедливы были твои речи».

Умирающий Валин не стал перечить сыну Дашаратхи, он только сказал великому Раме: «Есть у меня любимая супруга, есть у меня любимый сын Ангада. Я прошу тебя, сын Дашаратхи, позаботься о них после моей смерти». И Рама обещал ему их не оставить.

Вскоре Тара узнала о гибели своего супруга. Слуги рассказали ей, что царь Кишкиндхи убит великим Рамой, и она, охваченная горем, как безумная, выбежала из Кишкиндхи. Там она увидела сыновей Дашаратхи, стоявших с луком и стрелами у тела Валина, и в страхе убежала обратно. Потом она снова выглянула за ворота и увидела с болью в сердце, как раз-

бегаются во все стороны перепуганные обезьяны, — они потеряли своего могучего вождя и теперь боялись потерять свою жизнь. И тогда благородная Тара, скорбящая о погибшем муже, сказала напуганным Рамой обезьянам: «О верные подданные моего супруга, почему вы бежите в страхе, покинув своего умирающего государя? Вы все дрожите от испуга, ваши души потрясены несчастьем, но разве вам не стыдно бросать своего господина, за которого вы должны сражаться?»

Но упреки Тары не остановили бегущих. Они так были напуганы сыном Дашаратхи, что только сказали своей царице: «Беги и ты с нами и спасай от гибели своего сына. Сама Смерть в облике Рамы пришла сюда за нами. Если мы останемся в столице, то все погибнем, и дети наши погибнут вместе с нами». Но печальная Тара ни на шаг не сдвинулась с места и горестно вздохнула; она сказала бегущим в испуге обезьянам: «Валина, государя нашего, нет с нами, и не знаю я, что мне делать? Кто будет править в Кишкиндохе, кто будет охранять меня и Ангаду? И что теперь будет с нами? Я не покину Кишкиндху, а пойду, преклонюсь головою к стопам доблестного Валина». И молодая вдова зарыдала, стала царапать свое лицо ногтями и направилась к мертвому телу своего супруга. Около Валина в глубоком молчании стояли сыновья Дашаратхи, и с ними стоял брат умирающего государя — Сугрива. Скорбно прошла мимо них плачущая Тара, и рассудок ее помутился от горя, и упала она на землю, когда увидела убитого супруга.

Вскоре Тара очнулась и, поднявшись с земли, громко и горестно закричала. Она крепко обнимала погибшего в бою Валина и стонала в печали: «О мо-

гүчий воин, ты наводил на врагов ужас в битвах, но зачем ты не послушал меня сегодня? Встань с сырой земли, могучий Валин, у тебя в Кишкиндхе есть лучшее ложе! Не подобает великому государю почивать на сырой земле. Я вижу, что ты меня не любишь уже больше, холодная земля стала тебе дороже. Ты ее согреваешь своим телом, а меня ты навсегда отвергнул. О горе! Ты убит, наш мудрый владыка, а я навсегда лишилась радости и надежды. На части разрывается мое сердце от скорби, когда гляжу я на тебя, повергнутого врагами. Не надо было тебе отнимать у Сугривы супругу! Видно, боги нам этого не простили. На вдовство ты обрек меня, неистовый в гневе, и станет беззащитным сиротой наш сын Ангада. Я всегда жила в роскоши и неге, а теперь позорная нищета выпадет на нашу долю. Младший брат твой Сугрива стал совсем бессердечным от злобы, мне и Ангаде будет плохо, когда он станет государем Кишкиндхи. О милый сын мой Ангада, взгляни на отца своего, могучего государя! Ведь ты никогда не увидишь его больше. О Сугрива, ты дождался наконец своей победы и вернул себе Руму, твою любимую супругу. Можешь теперь радоваться, Сугрива! С помощью великого Рамы ты погубил своего родного брата и сам теперь будешь править Кишкиндхой».

Всех обитателей Кишкиндхи тронули рыдания Тары, и они вместе с ней горестно причитали: «О могучий Валин! О доблестный воин! Ты уходишь в далекую страну, а нас не берешь с собою. Ты оставил свою супругу Тару, ты покинул сына Ангаду, и вся Кишкиндха стала сиротой. Мы склоняемся перед тобой с мольбою, прости нам, государь, грехи наши!»

Тогда Хануман, благородный и мудрый, обратился к рыдающей Таре с речью: «Перестань причитать и плакать, царица. Твой супруг немало совершил преступлений. Он отобрал прекрасную Руму у брата, прогнал преданного Сугриву из Кишкиндхи, оставил его без семьи и богатства. Долгие годы Валин преследовал Сугриву и угрожал ему неустанно смертью. Теперь твой супруг наказан за это. И наказали его справедливо. Тебе нужно о себе подумать и о сыне своем Ангаде. Валина мы с почестями похороним, а твой сын станет наследником престола. Это будет справедливо и тебя, наверное, утешит».

Тара лежала на земле рядом с Валином, как звезда, низринутая с неба. Она так ответила мудрому и справедливому Хануману: «Сын мой мал, чтобы править царством, а мне, женщине, это не подобает. Престол надо передать дяде Ангады, Сугриве, брату убитого государя. И не о том вовсе моя печаль, я скорблю по убитому супругу. Нет у меня теперь радости в жизни, мне остались только молитвы».

Еще раз открыл Валин глаза перед смертью, посмотрел вокруг последним взглядом и сказал младшему брату: «Я часто бывал неразумен и совершал греховные поступки. Ты прости меня, Сугрива, я причинил тебе немало беды. Прими после меня мое царство, правь им мудро и справедливо и не забудь сына моего Ангаду. Пусть он найдет в тебе родного отца, и пусть он вырастет мужем разумным и храбрым. Не забудь, Сугрива, и прекрасную Тару, любящую мать и верную супругу. А ты, Ангада, во всем слушай Сугриву, почитай его как родного отца. Теперь он тебе отец, а ты ему сын».

Сугрива был бледен и печален, слушая последние слова государя Кишкиндхи. Вскоре Валин вздохнул последний раз и замер. Потускневшие глаза его закрылись, отвисла могучая челюсть, и государь Кишкиндхи скончался.

Прощальные ласковые речи Валина и безграничное горе Тары потрясли душу Сугривы. Он подошел к старшему сыну Дашаратхи и сказал ему печально: «О великий Рама, ты выполнил свое обещание, но я лишился всех радостей в жизни. Царица Тара убивается от горя, доблестный и могучий Валин оставил сына сиротой, и ни к чему мне стало царство; какая мне теперь от него радость? Прежде я желал смерти Валина. И вот мечта моя стала явью, а сердце мое разрывается от печали. Лучше мне уйти и жить на горе Рипьямука, не нужно мне власти и богатства, добытых такой дорогой ценою. Брат сказал мне перед своей кончиной: „Я не искал твоей смерти, Сугрива“. И Валин говорил правду. Всякий раз, когда мы вступали в схватку, он наносил мне жестокие удары, но всегда сохранял мне жизнь. А я дал волю страсти, злобе и чувству мести. И вот теперь великий грех лежит на мне, и нет оправдания моему поступку, не найти мне утешения в этом мире. Ангада еще малый ребенок, ему не отец, а мать сейчас нужнее. А я взойду на костер вместе с братом, и на небе возродятся наша дружба и братство». Так говорил благо-

родный Сугрива Раме, и сын Дашаратхи удивлялся доброте младшего брата Валина.

А потом и Тара подошла к Раме и попросила убить ее той же стрелой, от которой погиб ее супруг, могучий Валин: «Я не смогу жить на земле без мужа, и Валину без меня на небесах будет одиноко, а других женщин он не захочет. Горе разлуки со мною будет там терзать и мучить его душу».

«Если ты убьешь меня, великий Рама, — говорила прекрасная Тара сыну Дашаратхи, — греха на твоей душе не будет. Ты сделаешь доброе дело, ты соединишь на небесах жену с мужем, и боги тебя за это не осудят».

Раму растрогали речи Тары, но он ей ответил сурово: «Все совершается на земле по воле богов — и рождение, и расцвет, и кончина. Мы, смертные люди, над своею жизнью не властны. А ты, Тара, молода и красива, и жизнь твоя Ангаде нужнее. Валин умер, и теперь ему не нужны твои слезы. Тебе надлежит думать о погребальном обряде. Государя Кишкиндхи надо проводить в последний путь с почетом. И не следует тебе с этим медлить. Необратимое время — первопричина всего в этом мире, оно источник свершения действий. Движению времени даже вечность противостоять не может. Оно конца не имеет, и никто не в силах остановить его течение. Оно не владеет державой, нет у него друзей, могучих и верных, нету племени, нету рода, а никто не может с ним совладать. Время даже себе не подвластно. Только мудрый может постигнуть сокровенный смысл его течения. Но на земле все в его державной воле — и любовь, и труд, и богатство.

Повелитель Кишкиндхи — Валин получил то, чего добивался. Он пожинает плоды своих деяний. И когда тело его будет предано огню, душа его вступит в небесные пределы. Он был прежде благочестивым и мудрым государем и, несомненно, заслуживает неба. Я говорю тебе, Тара, еще раз, совершайте погребальный обряд». Но Тара не могла остановить рыданий. Тогда Лакшмана сказал Сугриве: «Не медли, государь, с погребением Валина. Ты сам, царица Тара и сын Валина — Ангада должны обо всем распорядиться. Но сначала пусть успокоится Ангада, он совсем потерял голову от горя. Прикажи, Сугрива, сложить погребальный костер, и пусть слуги положат в него куски благовонного сандала. Поручи Ангаде приготовить цветы, гирлянды, благовонные масла и драгоценные ткани. Пусть Тара пошлет слуг за носилками для Валина. Отберите могучих и крепких обезьян, оденьте их в белые одежды, они будут нести погребальные носилки. Приготовьте деньги для раздачи народу. Ты, Сугрива, сейчас государь в Кишкиндхе и сам должен обо всем подумать».

Носилки для погребения Валина были подобны небесному трону, украшенному изображениями птиц и деревьев. Они были убраны дорогими тканями и цветами, и решетчатые окошки на носилках блистали серебром и золотом. Сугрива и Ангада положили на них мертвое тело Валина, и могучие обезьяны в белых одеждах понесли умершего государя к погребальному костру.

Как великого и знатного владыку, хоронили царя Кишкиндхи. Тара сидела с ним на носилках, и голова его покоилась у нее на коленях. Впереди бежали

слуги и бросали деньги жителям Кишкиндхи, а позади шли несметной толпой обезьяны. Тара громко и горестно рыдала, с нею вместе плакали все жители столицы; сотрясались от рыданий плечи воинов, несших носилки.

«О повелитель обезьян, — причитала Тара, — о мой господин, о милый, взгляни на меня. Ты лежишь, как живой, и на лице твоём улыбка. Сама Смерть в облике Рамы пришла в Кишкиндху, и от удара одной стрелы мы все осиротели. О царь, вокруг тебя твои друзья, твои советники, твои вдовы, и все они рыдают. О сокрушитель врагов, о любимый, отошли всех обратно в город, а мы останемся здесь в лесу с тобою и будем любить друг друга». Так горестно причитала Тара, и все жены обезьяньих вождей вторили ей.

У высокой поленницы носилки с телом Валина остановились, и сошла с них на землю скорбная царица Тара. Вскоре слуги разожгли погребальный костер, на него поставили носилки с телом Валина, и владыка Кишкиндхи, казненный Рамой, отправился в благое путешествие на небо.

Жители Кишкиндхи в последний раз простились с Валином, омыли свои тела в речных водах и с печалью воротились в свои жилища.

После совершения обряда Хануман низко поклонился сыну Дашаратхи и обратился к нему с почтительной речью: «Войди, великий Рама, в гостеприимную Кишкиндху и возведи на престол своего союзника и друга Сутриву». Просьба Ханумана и Сутривы была приятна непобедимому Раме, но он отказался. Пока длились четырнадцать лет его изгнания, Рама не мог вступить ни в одно селение, ни в один город. Только

в лесу он мог остановиться. И потому Рама ответил Хануману: «Вы сами посадите на престол Сугриву и вручите ему державную власть и богатство. Доблестный Сугрива пусть правит могучей Кишкиндхой, а наследником престола провозгласите Ангаду. Этого хотел сам Валин, и так будет справедливо. Скоро наступит дождливое время, четыре месяца оно продлится — для поисков Ситы не годится это время года. Вы ступайте себе в Кишкиндху, займитесь делами государства, а я и Лакшмана будем жить пока в горной пещере. Здесь кругом воздух свежий и чистый, есть вода, плоды и коренья, и жить нам здесь будет приятно».

Рама и Лакшмана простились с Сугривой и Хануманом и ушли в горную пещеру, а обезьяны направились в Кишкиндху.

Торжественно вступил Сугрива в свою столицу, полномочным властелином вошел в дворцовые покои и сел на престол государя Кишкиндхи. В руке он держал золотой жезл, над головой его был золотой зонт — царское отличие, а перед ним лежали дорогие подарки. Жители Кишкиндхи пришли поздравить нового государя и принесли ему лекарственные травы, воду в золотых кувшинах, плоды, коренья, зерно и масло, цветы, дорогие ткани и тигровые шкуры. Шестнадцать молодых и красивых дев поднесли довольному Сугриве подарки, брахманы прочли священные молитвы, и Сугрива был признан всеми законным государем. Советники Сугривы объявили Ангаду наследником престола, и начались в Кишкиндхе великое ликование и радость. Рума с любовью и восторгом вернулась к прежнему супругу, и снова стал радоваться жизни благородный Сугрива. Хануман послал

гонцов к великому Раме, и они доложили обо всем происшедшем доблестным сыновьям Дашаратхи.

Долгих четыре месяца надо было ждать Раме и Лакшмане, когда закончится дождливое время и наступит желанная осень. Осенью сыновья Дашаратхи решили продолжать поиски прекрасной Ситы. Рама и Лакшмана выбрали себе сухую и светлую пещеру и поселились в ней. Густой лес расстился вокруг. Леса и зеленые поляны тянулись чередой, и в лесах обитали львы, слоны и тигры. Кругом было много птицы и зверя, в водоемах водилась вкусная рыба, а в лесных плодах и кореньях не было недостатка. Здесь решили братья дожидаться осени.

Когда Сутрива стал государем Кишкиндхи, он не стал заниматься царскими делами, а передал управление царством своим советникам. Они вершили суд и собирали налоги, охраняли границы Кишкиндхи от набегов, понуждали подданных соблюдать законы. А Сутрива предавался забавам и утехам со своей женой Румой и Тарой, которая давно была ему желанной. Тара тоже стала супругой Сутривы, и он со своими женами не расставался. Все дни и ночи проводил он с ними, предаваясь любви и не ведая огорчений. В пирах и веселье проходило время государя Кишкиндхи, и он не замечал его течения.

Однажды Хануман напомнил Сутриве, что пора дождей подходит к концу и надо будет исполнять обе-

щение, которое государь дал сыновьям Дашаратхи. «Пора нам, государь, — говорил Хануман Сугриве, — подумать о том, как помочь Раме в поисках Ситы. Дело это будет не простое, борьба с Раваной будет опасной. Но сначала нам надо найти его. А чтобы найти и одолеть похитителя Ситы, нужно огромное войско».

И Сугрива повелел созвать в Кишкиндху всех обезьян, живущих в этом мире, обучить их воинскому искусству и послать на поиски Ситы. Так сказал государь Хануману, удалился в свои покои и с женами опять не расставался.

Вскоре кончилось дождливое время, и нестерпимо стало Раме ожидание. Тоска по Сите становилась все сильнее, и однажды Рама сказал младшему брату: «Ты видишь, Лакшмана, отступает дождливое время. Земля уже насытилась влагой и принесла богатый урожай. Гром уже не грохочет так громко — тучи плывут к горным вершинам с тихим рокотом и, приблизившись к ним, затихают. Они уже отдали земле всю влагу, посветлели и стали спокойнее, как слоны после весенней течки. О сын Сумитры, затихли уже грозные бури и ливни, не слышно грома, успокоились птицы и звери. Вершины холмов, омытые дождями и залитые лунным светом, так прекрасны в эти светлые ночи! Воистину, наступает желанная осень и всему придает очарование: и зеленеющему лесу, и ласковому дневному солнцу, и лунному свету, и небесным звездам. Лотосы раскрываются с зарею, томно и приятно жужжат трудолюбивые пчелы, цветы наполняют воздух сладостным ароматом. Яростные слоны затихли, а лебеди слетелись к берегам рек отовсюду, и, попавшись

в сети великого Кама, весело играют. Гордые павлины гуляют, глядя в небо, как подвижники, созерцающие бога, отвергшие любовь и женщин. Золотые деревья с отяжелевшими от плодов ветвями согнулись и смотрят в землю. Успокоились речные потоки, просветлело небо, и веет тихий ветер, насыщенный ароматом лилий. Как красавицы в светлых одеждах, приходят ночи с серебряной луной, с яркими звездами, усеявшими все небо. И чистые воды Пампы с белоснежными лилиями, спящими на водной глади, подобны безоблачному ночному небу, украшенному звездами и луною. Легкий ветер колышет яркие цветы у берегов тихих речек, земля разрешилась от бремени богатым урожаем, и величавым спокойствием дышит вся природа. Это значит, о Лакшмана, что к нам пришла желанная осень, а она дожди надолго прогоняет.

О доблестный сын Сумитры, это время удобно для враждующих государей, которые ищут войны друг с другом. Осень — лучшее время для боевых походов, но не вижу я, чтобы Сугрива помнил о своем обещании. О сын Сумитры, я весь во власти тоски и горя, и эти четыре месяца дождей и грома показались мне столетием. Сугрива забыл обо мне, разлученном с дорогой супругой, лишенном царства, убитом горем. Не сочувствует он моему несчастью; ему, счастливому, оно сейчас непонятно. Уж не думает ли он, что я уже для него не опасен, что оградят его от меня крепкие стены Кишкиндхи, что я без престола и власти для него недостойный противник? Уж не думает ли Сугрива, что Рама, оскорбленный похитителем Ситы, погруженный в мечты о любимой супруге, уже не

в силах стрелять из лука? Видно, Сутрива забыл, кому он обязан своим счастьем!

Настало время приступить к розыску Ситы. Ступай, Лакшмана, в Кишкиндху и передай этому неразумному обезьяншему государю: „Тот, кто нарушает слово, данное могучему покровителю и другу, не заслуживает снисхождения. Тот же, кто держит свое слово, доброе оно или дурное, славится людьми повсюду. Тот, кто принимает от друзей помощь, любовь и ласку, а сам к несчастью друзей равнодушен, считается неблагодарным, и нет ему прощения в этом мире“. И еще спроси, Лакшмана, у Сутривы, уж не хочет ли он увидеть на поле боя, как летят стрелы из моего золотого лука; уж не хочет ли он послушать, как в разгаре боя гудит, как гром небесный, тетива моего лука. Передай Сутриве, что, если он не выполнит свое обещание, с ним случится то же, что случилось с его братом Валином. Пусть государь Кишкиндхи вспомнит, что союз и дружба нужны нам обоим. Четыре месяца провел Сутрива в наслаждениях и забавах, а я томился в тоске и горе. И еще скажи нечестивому Сутриве, что, если он не приступит к поискам Ситы, Рама все его царство уничтожит, и ни одной обезьяны на земле живой не оставит».

Лакшмана загорелся гневом, слушая речь старшего брата. Он очень любил великого Раму, вместе с ним тосковал о пропавшей Сите, делил с Рамой все радости и несчастья, и равнодушие Сутривы к их бедам приводило его в ярость.

«Сутриву надо убить и отправить на небо к Валину, — сказал Лакшмана горестному Раме. — Не следовало давать ему престол в Кишкиндхе». Но Рама

успокоил разгневанного брата: «Ты ступай к Сугриве без ярости и злобы и напости ему о его обещаниях».

И Лакшмана пошел в Кишкиндху. С грозным луком в руках, с глазами, покрасневшими от гнева, сын Сумитры шел через лес, как разъяренный слон, ломая деревья и дробя на куски камни, попадавшие ему под ноги. Но когда Лакшмана подошел к Кишкиндхе, то понял, что пройти в нее будет не просто. Кругом ходили дозором огромные, как горные вершины, обезьяны с могучими лапами и острыми клыками. Они испугались, когда увидели Лакшману, идущего к Кишкиндхе, с грозным луком и красными от гнева глазами. Дозорные схватили в руки большие каменные глыбы, вырвали с корнем из земли деревья и приготовились к битве. Но Лакшмана увидел у ворот Ангаду и сказал ему строго: «Пойди и скажи Сугриве, что Лакшмана, сын Сумитры, удрученный несчастьем своего брата, пришел к государю Кишкиндхи и ожидает его у ворот столицы. Пусть Сугрива вспомнит о том, что он обещал великому Раме». Ангада почтиительно поклонился Лакшмане и пошел в Кишкиндху. Он прошел через городские ворота, вступил в дворцовые покои и нашел Сугриву в объятиях Румы. Опьяненный вином и любовью, Сугрива сладко спал на богатом ложе. Спящий, он не понял того, что сказал ему сын Тары, и долго еще не мог проснуться. И только когда завывали от страха перед сыном Сумитры могучие дозорные обезьяны, лишь тогда проснулся Сугрива, и его охватило беспокойство. Он спросил своих советников в тревоге, почему так страшно кричат дозорные, и друзья Сугривы все разъяснили ему. Советники дали разумный совет хмельному царю Киш-

киндхи: «Пойди, государь, к воротам, почтительно поклонись брату Рама и проводи его в свои покои. Успокой гнев Лакшманы и досаду и скажи, что Сугрива своих друзей не забывает, что он свои обещания исполняет, что Рама напрасно на него в обиде».

Тогда Сугрива ответил своим советникам: «Я не сделал сыновьям Дашаратхи ничего дурного, ни Лакшмане, ни Раме. И потому у меня нет страха перед ними. Мои враги не видят моих достоинств, они видят только мои пороки. Наверное, они Лакшмане сказали, что я совсем незащищен. Однако опасны друзья, гневающиеся без причины. С ними нужно быть осторожным».

Хануман, первый царский советник, склонился перед Сугривой и почтительно сказал ему: «О владыка Кишкиндхи, все мы многим обязаны сыну Дашаратхи. Твой верный союзник, благородный Рама помог тебе, государь, вернуть власть и богатство. Он избавил тебя от угрозы смерти, вернул тебе прекрасную Руму. Уже четыре месяца ты — господин Кишкиндхи, ты живешь в роскоши и богатстве и с тобою твои любимые жены. А великий Рама живет в холодной пещере, и нет у него ни власти, ни богатства. Злобный Равана похитил у него Ситу, и горе истерзало его душу. Нас всех в Кишкиндхе истомило дождливое время, а несчастному Раме оно показалось вечностью. Давно уже дожидается сын Дашаратхи, что ты, Сугрива, вспомнишь о нем и его несчастье. Он надеется, что ты помнишь свои обещания и твердо держишь свое царское слово. Великий Рама верит, что ты поможешь разыскать его супругу, а ты об этом даже не вспомнил. Давно уже кончилось дождливое время, уже насту-

пила благодатная осень, а ты еще ничего не сделал для своего союзника и друга. Поэтому и пришел сюда Лакшмана в гневе и требует от тебя ответа. Рама и Лакшмана гневаются справедливо, и нам надо свою вину исправить.

Ты выйди, великий царь, к Лакшмане с ласковым приветом, проводи его в свои покои с почетом и будь с ним кротким и терпеливым. Пусть Лакшмана выскажет тебе свои упреки, а ты прими их, государь, без гнева. Упреки сыновей Дашаратхи не должны тебя обидеть. Кротостью и лаской ты успокой младшего брата Рамы и обещай ему сделать все, как должно. Ты скажи ему, Сугрива, что мы немедленно приступим к розыску прекрасной царевны Митхилы».

Мудрая речь благородного Ханумана понравилась Сугриве, и он во всем согласился со своим другом.

Сугрива велел своим дозорным обезьянам поклониться Лакшмане с должным почтением и немедленно пропустить его в Кишкиндху. Крепкие ворота, ведущие в столицу Сугривы, широко распахнулись перед доблестным братом Рамы, и Лакшмана вошел в прекрасный пещерный город. Земными поклонами встречали Лакшману напуганные обезьяны, а он гордо шел по Кишкиндхе, сжимая в руках лук и стрелы.

Вскоре Лакшмана остановился перед огромной и светлой пещерой — то были чертоги государя Кишкиндхи. Все в этой пещере было прекрасно: и колонны, и драгоценности, и утварь. Цветущие сады украшали пещеру, и на стенах ее сверкали драгоценные камни. Редкие цветы насыщали воздух нежным ароматом,

а чистые водоемы давали обитателям пещеры спасительную прохладу. И роскошное жилище царя Кишкиндхи было подобно чертогам Индры, повелителя молний. Приближенные Сугривы, знатные обезьяны, потомки гандхарвов и великих богов, в прекрасных одеждах и с гирляндами на шее наполняли пещеру. Семь покоев прошел сын Сумитры и остановился наконец перед опочивальней Сугривы. Двери в нее были открыты; и взору Лакшманы представились золотые и серебряные ложа повелителя Кишкиндхи. Звуки музыки и чарующего пения доносились из опочивальни, и юный Лакшмана не решился войти в нее сразу. Он увидел в опочивальне Сугривы красавицу, гордую молодостью и красотой, и была она из знатного рода. Драгоценные камни и золотые ожерелья, серебряные серьги и браслеты украшали ее, а на голове у нее был венок из прекрасных цветов, источающих благоухание. Лакшмана увидел красавицу и смутился. Он все еще гневался на Сугриву, но ему стало стыдно, что прошел он без спросу на женскую половину царского дома.

Перед смутившимся братом Рамы стояла прекрасная царица Тара. Это Сугрива послал ее Лакшмане навстречу, когда, услышав грозный звон его тетивы, почувствовал великий страх перед могучим сыном Дашаратхи. Государь Кишкиндхи знал свою вину перед Рамой и страшился его гнева. Он помнил, как стрела Рамы покарала несправедливого Валина, и не хотел расставаться с жизнью. Хитрый Сугрива попросил Тару выйти Лакшмане навстречу и умиловить его своей обходительностью и красотой. Сугрива сказал ей: «О прекрасная, выйди к младшему брату Рамы и

успокой его искренними речами. Когда увидит тебя юный воин, то гнев скоро его оставит. Лакшмана добр и благороден, он никогда не скажет тебе, красавица, грубого слова».

Воистину, Лакшмана обуздал свой гнев, когда увидел Тару, и встал перед ней, опустив голову на грудь, как подвижник. А прекрасная и хмельная Тара смело спросила у сына Сумитры: «О сын великого Дашаратхи, кто посмел тебя разгневать? Кто ослушался твоих повелений? Кто может пройти равнодушно мимо огня в лесу, полном сухих деревьев?» Лакшмана ей ответил приветливо и дружелюбно: «Ты хочешь блага своему супругу, прекрасная Тара, и не хочешь видеть, как он погружается в пороки. Сугрива так отдался любовным забавам, что благочестие и благородство скоро его покинут. О Тара, сыновья Дашаратхи живут в тоске и печали, а государь Кишкиндхи живет в роскоши и неге и совсем забыл о своем долге. Он не хочет помнить, что обещал помочь моему великому брату разыскать Ситу. Он забыл о том, что Рама — его благодетель и что Сугрива обязан моему брату дружбой. Давно уже прошло время дождей, давно наступила осень, а твой супруг не вспоминает о своем долге».

Тара ласково ответила сыну Сумитры: «Нехорошо тебе, Лакшмана, испытывать злобу к своему верному другу. Только добра желает вам Сугрива, и ты должен простить ему оплошность. Вам, сыновьям Дашаратхи, истинным подвижникам и праведным людям, должно проявить милосердие к Сугриве и не взыскивать с него строго. Ты, Лакшмана, сказал истинную правду, уже давно наступила осень, уже пора идти на поиски Ситы, и Рама гневается справедливо. Воистину, наш госу-

дарь, благородный Сугрива, свой долг союзника и друга не исполнил. Но ты, сын Сумитры, должен простить своего друга. О великий воин, тебе, наверно, известна непреодолимая сила Камы, бога любви. Это из-за него, из-за Камы, сердце и мысли Сугривы далеки были от деяний. Ведь даже человек, охваченный любовью, забывает обо всем на свете. А Сугрива — всего лишь обезьяна. Будь к нему, Лакшмана, милосерден. Буйная страсть завладела повелителем обезьян Сугривой, и он, утратив стыд, забыл о своем долге.

Да и мог ли он не поддаться великой силе могучего Камы? Ведь даже великие подвижники иногда не в силах устоять перед властью страстей. А наш государь, царь Кишкиндхи, воин простой и веселый, и он безмерно счастлив, вернув себе царство и богатство. Но любовь не совсем завладела Сугривой, наш благородный государь думал о вашем благе и готовился к поискам Ситы. Уже все обезьяны мира знают, что им нужно идти на помощь сыновьям Дашаратхи. Десятки тысяч обезьян, могучих и быстрых, собрались в Кишкиндху по повелению Сугривы. О грозный Лакшмана, будь милостив к нашему государю и войди к нему без обиды и гнева».

Лакшмана вошел в опочивальню и увидел там Сугриву, сидевшего на роскошном ложе в окружении красавиц. пышные царские одежды облекали государя Кишкиндхи, и драгоценные камни как солнце сверкали в его короне.

Тяжело дыша, с вздымающейся грудью вступил разгневанный Лакшмана в опочивальню Сугривы и остановился, сжимая в руках лук и стрелы. И страшно

стало государю Кишкиндхи. Он вскочил с золотого трона и, окруженный красавицами, поспешил навстречу посланцу могучего Рамы. Тогда Лакшмана сказал Сугриве: «Ты лжив и бесчестен, царь Кишкиндхи. Ты не помнишь добра, Сугрива, и не знаешь, что такое благодарность. Ты весь во власти греха и порока, ты даже царством своим не правишь, и нет у тебя сочувствия к чужим бедам. Напрасно великий брат мой помогал тебе сражаться с Валином, напрасно он взял тебя под свою защиту, ты не достоин дружбы сыновей Дашаратхи. Ты словно змея, которая квакает, как лягушка, чтобы заманить к себе в пасть глупых лягушек, и не знает об этом могучий Рама. Тебе, Сугрива, следует помнить, как меткие стрелы Рамы отправили твоего брата на небо. Тебе придется немедленно свой долг исполнить и не нарушать больше своей клятвы, не то ты не останешься государем Кишкиндхи надолго и немедленно встретишься со своим братом Валином».

Царь Кишкиндхи был так напуган гневной речью сына Сумитры, что не мог вымолвить ни слова. И тогда лунноликая Тара обратилась к Лакшмане с такими словами: «Ты не должен, доблестный брат Рамы, говорить с Сугривой так сурово. Государь Кишкиндхи — великий повелитель, и он не может слушать такие оскорбительные речи. Не настолько грешен владыка обезьян Сугрива, чтобы ты его так порочил. Наш государь правдив, простодушен и всегда платит добром за добро. И не забыл он, как великий Рама помог ему овладеть Кишкиндхой. И Сугрива, и все его жены, и все советники государя — все мы знаем, что счастьем, радостью и богатством мы обязаны могучему сыну

Дашаратхи. Ты не думай, Лакшмана, что Сутрива уже забыл долгие годы изгнания, нищеты и страданий. Еще нет и полугода, как Сутрива стал государем Кишкиндхи, и счастье помрачило его рассудок. И не столь уж велик его проступок, прославленные подвижники совершали грехи потяжелее. Я расскажу тебе, Лакшмана, как случился грех с Вишвамित्रой.

Некогда Вишвамित्रа отказался от царства и ушел в горы, чтобы жить как подвижник. Сотни лет он подвергал себя суровому покаянию, чтобы добиться большей святости, чем Васиштха. Неколебимо тверд был в своих обетах Вишвамित्रа, но и его опутал своими сетями могучий Кама. Вишвамित्रа влюбился в небесную деву и даже не заметил, как десять лет в грехе пролетели.

Так разве можно так строго судить Сутриву? О Лакшмана, о доблестный сын Дашаратхи, пусть великий Рама простит своего друга, который долгие годы жил без любви и ласки. Не подобает вам, воителям благородным и знатым, гневаться на государя Кишкиндхи. Я клянусь тебе, Лакшмана, что ради вашего блага, ради блага Ситы, прекрасной царевны Митхилы, Сутрива откажется и от жен, и от богатства, и от власти.

Ракшасов у Раваны десятки и сотни тысяч, и надо их всех уничтожить, чтобы освободить Ситу из плена. И трудно будет великому Раме справиться с ними со всеми и одолеть Равану в битве, если не поможет ему Сутрива и его бесчисленное обезьянье войско. Пока Рама будет сражаться с Раваной, храбрые рати Сутривы уничтожат всех ракшасов, хищных пожирателей мяса.

Ко всем племенам обезьяньим уже мчатся посланники Сугривы. Всех обезьян на свете они приведут в Кишкиндху, чтобы идти походом на поиски Ситы. Потому и не торопился царь Кишкиндхи, что ожидал, когда придут в столицу обезьяны. А сегодня они все уже собрались, и не окинуть взором несметное войско Сугривы. С ними вместе пришли и медведи лесные, и все они хотят помочь великому сыну Дашаратхи.

Вот почему, Лакшмана, ты не должен давать волю ярости и гневу и бранить строго ни в чем не повинного царя Кишкиндхи. В ярости лицо твое страшно, сын Сумитры, и, как Смерть, пугает оно обитателей Кишкиндхи».

Лакшмана был доволен словами Тары, и гнев его утих понемногу. Сугрива заметил, что Лакшмана стал добрее, и отбросил страх, как отбрасывают промокшие от дождя одежды. Царь Кишкиндхи снял с себя пышные царские одежды; снял драгоценные украшения и золотые ожерелья и почувствовал себя бодрым и сильным, как прежде. И радуя Лакшману, обладателя грозного оружия, мощью своих рук и силой духа, Сугрива, повелитель обезьян, сказал ему: «О сын Сумитры, милость и дружба Рамы помогли мне вернуть все, что я утратил, — и власть, и царство, и богатство, и жен моих любимых. Благо великому сыну Дашаратхи! Теперь я — владыка вечного царства обезьян — Кишкиндхи, и слава моя никогда отныне не померкнет. Все обезьяны мира придут на помощь благородному Раме, обладателю несравненной мощи, и мы скоро найдем прекрасную супругу сына Дашаратхи. Все мои подданные, все обезьяны на земле готовы выполнить

любое повеление твоего великого брата, способного одной стрелой пробить семь могучих деревьев. О сын Сумитры, скажи мне, что надо сделать для прославленного сына Дашаратхи, который звоном тетивы своего лука сотрясает землю и горные вершины? Пусть прикажет Рама, мой друг и союзник, и я пойду для него на край света. Ради блага великого Рамы я брошу моих жен, брошу царство, расстанусь с роскошью моих чертогов и буду, как раб, служить сыну Дашаратхи».

Слова Сугривы, государя Кишкиндхи, успокоили гневного сына Сумитры, в душе его пробудилось чувство дружбы к Сугриве, и он сказал: «О брат мой, повелитель обезьян Сугрива. Горе Рамы испепелило мою душу, и я пришел наказать тебя за измену. Но я ошибся, и ты прости мне обидные речи. Я не гневаюсь на тебя больше. Такова, я вижу, твоя природа — и в любви и в дружбе ты все забываешь. Но ты наделен самоотверженностью, мужеством и силой, и на тебя можно опереться в несчастье. Несомненно, ты достоин быть повелителем Кишкиндхи».

Встреча с гневным братом Рамы, грозным сыном Сумитры, которого так испугался вначале Сугрива, закончилась миром и согласием, и царь Кишкиндхи шепнул на ухо Хануману: «Немедля разошли гонцов в Гималаи и горы Виндхья. Пусть мчатся наши гонцы ко всем обезьянам и медведям на западе и на востоке. Пусть вожди со своими племенами поспешат в Кишкиндху. И чтобы сегодня все были в моей столице. А тех вождей, тех обезьян, которые посмеют ослушаться моего приказа, пусть тотчас покарают смертью».

Хануман, сын могучего Вайю, выслушал приказ своего государя и немедленно отправил гонцов во все стороны света. И вскоре сотни тысяч обезьян, малых и великих, слабых и могучих, отовсюду поспешили в Кишкиндху. С ними вместе бежали грозные лесные и горные медведи, и земля затряслась под ногами подданных Сугривы, мчавшихся в Кишкиндху по зову своего государя. И вскоре под стенами Кишкиндхи собралось несметное обезьянье войско, и с ними были друзья Сугривы — лесные и горные медведи. Сотни тысяч, миллионы подданных царя Кишкиндхи окружили его столицу, готовые идти по приказу своего государя на край света. И все они явились с великими дарами, они принесли с собой плоды и корни, чтобы подарить их своему владыке. Вожди обезьян и медведей с почтением пошли навстречу Сугриве и сыну Сумитры; склонив головы, поднесли они великие дары своему господину со словами: «Ты повелел, великий царь, и мы здесь, в твоей столице. Приказывай, о великий Сугрива, мы все — твои покорные слуги».

И тогда Сугрива приказал подать ему золотую колесницу, приказал, чтобы запрягли в нее горячих и быстрых коней. А потом государь Кишкиндхи попрощался со своими женами, сел вместе с Лакшманой и Хануманом в колесницу, и отправились они к пещере, в которой Рама ждал возвращения Лакшманы. Владыку обезьян и сына Сумитры провожали обитатели Кишкиндхи; музыканты трубили в раковины и били в барабаны, а сказители возносили хвалу своему властелину и могучему брату Рамы.

Быстрые кони рванулись с места, в воздухе раздались прощальные крики жителей Кишкиндхи, и несметное войско обезьян и медведей двинулось вслед за колесницей. Топот воинов Сугривы сотрясал землю, пыль поднялась столбом до самого поднебесья, и ни зги вокруг не стало видно. Все окрестности заполнило несметное войско Сугривы; не перечесть и не окинуть взором было это обезьянье и медвежье войско. И Лакшмана, верный брат Рамы, был доволен.

Вскоре Сугрива прибыл к пещере Рамы и сошел с колесницы на землю. Он подошел к великому сыну Дашаратхи, встал перед ним на колени, сложил перед лицом ладони и опустил голову к ногам своего могучего друга; и все обезьяны и все медведи сделали то же. И возрадовалось сердце тоскующего Рамы. Он поднял с земли Сугриву, ласково обнял, посадил его с собою рядом и сказал ему: «Благо тебе, Сугрива! Ты хорошо сделал, что пришел ко мне на помощь. Давно уже кончились дожди, давно уже наступила на земле осень, и нельзя нам пропускать благоприятное время. Мы, о государь Кишкиндхи, не можем больше медлить, нам нужно идти на поиски Ситы. Тоска и горе, великая тревога за жизнь беззащитной Ситы ни на миг не дают мне покоя. Не влекут меня к себе ни вода, ни пища, не радуют меня ни солнце, ни цветы и птицы, и нет мне даже ночью покоя. Я должен

разыскать царевну Митхилы, мне нужно рассчитаться с Раваной за обиду, и я не могу больше здесь оставаться. Нам с тобой, славный повелитель Кишкиндхи, пора приняться за дело, иначе мы уподобимся тому человеку, который однажды заснул на дереве, а проснулся только тогда, когда упал на землю».

Царь Кишкиндхи ответил Раме так, как должно отвечать преданному другу. Он сказал благородному сыну Дашаратхи: «Я — твой верный друг и союзник, великий Рама. Ты видишь, я свой долг исполняю — я привел сюда к тебе несметное войско, во главе этого войска стоят искусные полководцы. Владей нами! Поступай с нами, как ты сочтешь нужным!»

Рама снова обнял Сугриву и, восхищенный преданностью царя Кишкиндхи, сказал ему от всего сердца: «Я не дивлюсь сокрушительным молниям Индры, я не дивлюсь лучам солнца, прогоняющим ночь, я не дивлюсь лунному сиянию — все это для меня не диво. Но свет, который приходит от таких друзей, как царь Кишкиндхи, — вот это подлинное чудо. С твоей помощью, великий Сугрива, я уничтожу похитителя Ситы и сокрушу все его царство. И будет на земле наконец спокойно, и не будут ракшасы, бродящие в ночи пожиратели мяса, приносить вред людям».

Так закончилась миром и согласием недолгая размолвка Рамы и Сугривы; друзья и союзники снова обрели любовь и доверие друг к другу, и на душе у них стало спокойно.

Потом Сугрива спросил у великого сына Дашаратхи: «Скажи нам, великий Рама, что нам нужно сначала сделать?» Рама ему ответил: «Нам нужно

узнать, Сугрива, жива ли Сита; нам нужно узнать, где Равана прячет мою супругу. А когда мы это узнаем, мы пойдем туда с тобою вместе и назначим день и час для битвы с похитителем Ситы. Теперь тебе все известно, государь Кишкиндхи, ты сам знаешь, что нужно делать. Прикажи своим полководцам, пусть они найдут то место, где злобный Равана укрывает мою супругу».

Тогда Сугрива призвал к себе вождей обезьян и медведей и сказал им: «Ступайте, мои верные полководцы, на юг и на север, на восток и на запад, обыщите всю землю и узнайте, где живет десятиголовый Равана, который похитил любимую супругу моего могучего друга».

Обезьяны и медведи — а было их много сотен тысяч — отправились в путь по приказу Сугривы и разошлись во все стороны света. Государь Кишкиндхи повелел им искать Ситу повсюду, он приказал им обшарить леса, горы и пещеры, все селения, города, реки и озера, осмотреть каждый куст, все холмы и долины и найти то место, где Равана прячет Ситу.

Полководцы Сугривы, выслушав приказ государя Кишкиндхи, направились на поиски Ситы, и каждый, гордясь своей силой и умом, гордясь мощью своей рати, говорил хвастливо: «Я найду Ситу, убью Равану и принесу Ситу сыну Дашаратхи. Я обыщу всю землю, я обшарю леса и горы, я доберусь до глубин земли и океана, и ничто меня не остановит — ни дремучие леса, ни реки и озера, ни горные вершины, ни бури морские; я непременно найду царевну Митхилью, куда бы коварный Равана ее ни спрятал».

Когда полководцы Сугривы ушли на поиски Ситы,

царь Кишкиндхи спросил у Ханумана: «О сын Ветра, ты могуч, ты ловок, ты быстр, как Ветер, ты не знаешь преград в этом мире, и все тебе на земле известно. Поразмысли, мой мудрый советник, где можно отыскать прекрасную супругу Рамы!» Великий сын Дашаратхи, могучий Рама, почитал достоинства Ханумана и он сказал, обратившись к Сугриве: «Нет никого среди подданных царя Кишкиндхи, кто был бы мудрее Ханумана. Наш друг, повелитель Кишкиндхи, сам почитает разум Ханумана. Я верю, что мы отыщем Ситу, если верный советник Сугривы сам отправится на поиски моей супруги». И Рама, сняв с руки драгоценное кольцо, на котором было написано его имя, вручил его Хануману и сказал ему: «Если ты, мудрый Хануман, найдешь Ситу и покажешь ей мое кольцо, то она примет тебя как посла своего супруга и будет смотреть на тебя без всякого страха. Она смело тебе все расскажет и передаст с тобой все, что нужно. Ступай же, Хануман, на поиски Ситы, а мы будем ждать тебя нетерпеливо».

Хануман взял у Рамы кольцо, почтительно поклонился Сугриве и сыновьям Дашаратхи и удалился. Он пошел на юг вместе с войском, во главе которого стоял Ангада, а Сугрива вернулся в Кишкиндху к своим любимым женам. Сыновья Дашаратхи остались в своей пещере дожидаться вестей от полководцев Сугривы.

Через месяц государь Кишкиндхи поехал навестить благородных сыновей Дашаратхи; золотая колесница принесла его к горной пещере Рамы. Братья сердечно встретили Сугриву и сели вместе с ним у горного ручья с чистой и прохладной водою. Они сидели и мирно

беседовали, и стали в тот день прибывать к пещере доблестные полководцы Сугривы, посланные на поиски Ситы. Они были на западе и востоке, они ходили на север, они обыскали там всю землю, но не смогли исполнить повеление Сугривы. Они подошли к государю, опустили перед ним на колени, сложили перед лицом ладони и почтительно доложили: «О великий царь Кипкиндхи, мы — твои верные слуги и сделали все, как ты нам повелел. Мы обходили леса и горы, осматривали рощи и горные пещеры, мы побывали на всех островах в океане, ни один клочок земли мы не оставили, не обшарив, но не встретилась нам дочь царя Митхилы, прекрасная супруга Рамы. Мы склоняемся перед тобой, великий владыка, мы старались исполнить твое повеление, но, должно быть, не было Ситы там, где мы ее искали».

А Хануман пошел с войском Ангады на юг и все осматривал на своем пути с великим тщанием. Они ничего не оставляли без осмотра, они обошли все горы Виндхья, но тоже нигде не смогли найти Ситу. Тогда они перешли через эти высокие горы, спустились в долину по южному горному склону и пошли дальше на юг к великому океану. Вскоре им встретилась на пути пещера, и перед входом в нее Хануман и Ангада остановили свое войско. Пещера была огромная и глубокая, и в ней было темно, как безлунной ночью, и вступать в нее было опасно. Тогда обезьяны встали друг за другом и пошли в пещеру вслед за Хануманом.

Они шли в темноте, держа за руки друг друга, они спотыкались о камни и падали, сбивая друг друга, но Хануман, мудрый и отважный, смело вел их по

мрачной пещере. Они шли все вперед и вперед, путь их был долгим и тяжелым, и воины Ангады изнемогали от усталости, голода и жажды.

Но вскоре вдруг перед ними мрак осветился солнечным светом — впереди виднелись золотые деревья с удивительными цветами из драгоценных камней, а за деревьями были водоемы, и плавали в них золотые лотосы и золотые рыбки. А еще дальше стояли дивные дворцы из серебра и золота, и стены их были украшены сверкающими самоцветами и жемчугом. Как кораллы, пламенели повсюду дивные плоды и невиданные цветы, у стен стояли золотые скамьи, и все вокруг сверкало, как лучи солнца. Посреди деревьев, укрытая оленьей шкурой, на золотой скамье сидела подвижница и молча глядела на обезьян Ангады.

Роскошь и богатство этого удивительного сада поразили мудрого Ханумана, и он с почтением поклонился подвижнице. А затем он спросил: «Скажи нам, благочестивая подвижница, что это за край чудесный, куда я пришел с моим войском, назови нам свое имя. Никогда раньше мы не видали такого чуда, и рассудок наш от изумления слабеет».

Молчаливая подвижница им сказала: «Зовут меня Свайампрабха; я дочь хранителя этого прекрасного сада. Все здесь принадлежит Хеме, небесной деве. У нее был возлюбленный, божественный зодчий, и его звали Майя. Великий Брахма, бог-созидатель мира, наделил его чудесным даром, и он построил этот дивный сад и дворец из золота и драгоценного камня. А теперь ты скажи мне, могучая обезьяна, кто вы такие, откуда пришли и куда идете?» И Хануман ей ответил, что идет он с войском Сугривы, повелителя Кишкиндхи, на

поиски прекрасной Ситы, любимой супруги доблестного Рамы. Хануман поблагодарил подвижницу Свайампрабху за воду и плоды, которыми она накормила его войско, и просил ее помочь им продолжать их путь.

Свайампрабха сказала Хануману: «Всякий, кто попал сюда в эту дивную пещеру, в золотой сад-небесной девы Хемы, никогда уже не сможет отсюда выйти и должен остаться здесь навечно. Но я помогу вам выбраться из пещеры, если вы согласитесь закрыть глаза и ничего не видеть».

Хануман согласился с требованием Свайампрабхи и приказал своему войску закрыть лапами глаза и слепо довериться благочестивой подвижнице. Свайампрабха взяла за руку Ханумана и повела войско обезьянье к выходу из пещеры. Долго они шли по пещере, а потом вдруг подвижница остановилась, пожелала счастливого пути Хануману и его войску и исчезла. Обезьяны остановились, открыли глаза и удивились: далеко позади были горы, нигде не видно было выхода из пещеры, чудный сад с золотым дворцом нигде не был виден, а перед ними сверкали под лучами солнца бурные воды океана.

Прошел месяц, а обезьяны войска Ангады так и не нашли нигде прекрасной Ситы. Они обошли всю землю у океана, обыскали каждый клочок земли от высоких

гор Виндхья до глубокого моря, но нигде не было супруги Рамы.

Обезьяны Ангады и Ханумана сидели печальные на склоне холма и смотрели на сверкающие воды океана. Они сидели и не знали, что им делать дальше. Сугрива уже ждал от них ответа, но нечего им было сказать своему государю. Они не смели возвращаться без Ситы, Сугрива их отпустил только на месяц, и они нарушили повеление царя Кишкиндхи. Обезьяны боялись гнева Сугривы, и страшно им было возвращаться в Кишкиндху.

Ангада говорил своему войску: «Я боюсь, что Сугрива предаст меня лютой казни. Наш государь неискренен и вероломен, он привык говорить неправду. Однажды он обманул своего царственного брата, а второй раз обманул Раму — он выполнил свое обещание, данное сыну Дашаратхи, только потому, что боялся смерти. Если бы не страшны ему были неотвратимые стрелы Рамы, Сугрива не сдержал бы своего слова. Нет у него в душе благодарности к другу, нет у него милосердия к сыну Валина. Сугрива будет рад избавиться от неугодного ему наследника престола. Поэтому государь Кишкиндхи не простит Ангаде даже малого проступка. Я не сдвинусь с места отсюда, лучше я буду здесь сидеть, страдая от голода и жажды, и дожидаться смерти, но не вернусь в Кишкиндху».

Слова Ангады разжалобили его войско, с плачем окружили обезьяны своего вождя и сказали, что они его не оставят. Напрасно Хануман старался уверить Ангаду, что государь Кишкиндхи милостив к сыну Тары, что несправедливо он обвиняет в жестокости

Сугриву, Ангада ему не поверил и решил остаться на берегу океана.

Усталые и голодные, отчаявшиеся обезьяны сидели на траве вокруг Ангады и тихо между собой говорили. В беседе они упомянули имя царя ястребов Джатаю, и слова их услышал родной брат друга царя Дашаратхи могучий ястреб Сампати. Он уже давно видел обезьян, сидевших у моря, его уже давно мучил голод, и он намерен был съесть всех обезьян до единой, но рассказ о гибели его мудрого брата смягчил его свирепую душу. Сампати подошел, раскинув крылья, к испуганным обезьянам и сказал им: «Скажите мне, кто вы такие. Откуда вы пришли к океану? Что вам известно о моем брате Джатаю? Мой брат любимый дороже мне, чем жизнь. Мой брат обитал в лесу Джанастхана, и я ничего не знаю о его смерти. Расскажите мне все об этом и ничего не таите».

И Ангада рассказал могучему Сампати, как Равана похитил Ситу, как нес ее в золотой колеснице на Ланку, как Джатаю за Ситу вступился и как Равана, кровожадный ракшас, убил Джатаю в жестокой схватке. А потом Ангада сказал Сампати, что в поисках Ситы сыновья Дашаратхи встретили в лесу умиравшего Джатаю. «Благородный сын Дашаратхи, могучий Рама вступил в союз с нашим государем, — продолжал Ангада, — и царь Кишкиндхи послал нас искать похищенную Ситу. Сроку нам дал Сугрива только месяц. Но мы так и не отыскивали Ситу и опоздали возвратиться в Кишкиндху. Мы устали от голода и жажды, нас страшит гнев царя Сугривы, и мы решили домой не возвращаться. Вот мы и сидим здесь на берегу великого океана и ожидаем прихода смерти».

Жалобный рассказ Ангады о поисках Ситы, о гибели Джатаю и беды измученных подданных Сугривы тронули душу свирепого царя ястребов Сампати, и он рассказал им про свою жизнь: «Сто лет тому назад мы были молоды еще и сильны с моим братом, и казалось нам, что нет для нас никаких преград в этом мире. Мы думали, что весь мир воздушный нам подвластен, да и на земле с нами никто соперничать не может. И обуяла нас великая гордыня. И тогда решили мы полететь к самому солнцу и покрасоваться в небе рядом с могучим светилом. Стали мы лететь с Джатаю к солнцу, а лучи его жгли нас немилосердно и не позволяли нам подниматься выше. И тогда я пожалел Джатаю, не хотел я, чтобы солнце его сгубило, и прикрыл его своими крылами. И солнце сожгло мои крылья наполовину. И не стало у меня сил держаться на воздухе в поднебесье, и с большой высоты я упал в горы Виндхья и с тех пор не могу подняться в воздух. И вот однажды встретился мне на пути великий подвижник, прославленный мудростью и святостью. Отшельник почувствовал жалость к моим бедам и сказал мне: „Ты не теряй надежды, Сампати, еще будет в твоей жизни радость, ты еще будешь резвиться в небе и летать над землей. Живи здесь на берегу океана и дожидайся лучшего часа. Настанет день, когда к берегу моря придут друзья и союзники лучезарного Рамы, сына великого Дашаратхи. Они придут сюда на край земли к океану искать прекрасную супругу Рамы, и, если ты им, Сампати, чем-либо поможешь, у тебя снова отрастут твои крылья“. Наконец-то я дождался своего счастья — я встретил вас, друзья и помощники Рамы, и теперь я смог взлететь в небо.

Я могу вам помочь, я могу вам сказать, куда унес ракшас Ситу. Как-то сидел я на берегу океана и видел, как Равана летел по небу, держа в руках Ситу, а дочь Джанаки горестно кричала: „О Рама! О Лакшмана! Где вы? Спасите Ситу!“ Прекрасная супруга Рамы в великом горе срывала с себя золотые браслеты и бросала их на землю, в плену украшения ей были не нужны. Десятиголовый Равана унес Ситу в свою столицу, в большой и богатый город Ланку, окруженный крепкими стенами. Тысячи свирепых ракшасов стерегут его столицу и никого к ней близко не подпускают. Ни один зверь, ни одна птица не могут пробраться на Ланку, злые ракшасы пожирают всех пришельцев. Этот город стоит на острове далеко в море, и окружают его воды морские. Со всего мира тащили ракшасы богатства на Ланку. Дворцы у Раваны золотые, они окружены дивными садами, на крепостных стенах стоят дозорные башни, и в них на страже сидят ракшасы днем и ночью. И есть на Ланке у Раваны прекрасный ашоковый лес. Там в неволе, охраняемая ужасными ракшаси, тоскует и томится прекрасная Сита. В тот лес нет никому прохода, ракшасы никого не подпускают близко, и слуги Раваны мучают там супругу Рамы, истязая ее жестокостью и бранью. Сита же не берет у Раваны ни питья, ни пищи и ни с кем не молвит ни слова».

И пока Сампати рассказывал Хануману и Ангаде и другим обезьянам из их войска, где живет Равана, похититель супруги Рамы, где находится его царство, которое ракшасы зовут Ланкой, у царя ястребов отрастали новые крылья. Они росли у него и крепили и наливались могучей силой. Вот Сампати взмахнул

крыльями, поднялся в воздух и улетел далеко в небо, пожелав обезьянам удачи.

Со вниманием и радостью слушали обезьяны могучего Сампати, и ликованию их не было предела. Наконец-то они узнали, куда спрятал Равана Ситу, где находится его богатое царство. Теперь Хануман и Ангада знали, где томится несчастная Сита, теперь они могли порадовать великого Раму и царя Сугриву, теперь смерть им более не грозила. И обезьяны забыли про жажду, про голод, про усталость, и в сердцах у них воцарилась радость. Но возвращаться в Кишкиндху было еще рано, надо было еще проверить, правду ли им сказал Сампати, надо было побывать на Ланке и постараться увидеть Ситу, надо было передать ей драгоценное кольцо ее супруга. Но обезьяны не ведали, как это сделать, как им добраться через море на Ланку, как пройти мимо крепких стен и дозорных башен, как отыскать на Ланке Ситу. С берега остров Раваны не был виден, он стоял далеко-далеко в море, а по морю до острова обезьянам было не добраться. Только один путь — по небу — мог привести обезьян на Ланку, но так далеко обезьяны летать не умели.

И тогда спросили обезьяны друг друга, кто из них мог бы прыгнуть на Ланку. Одна обезьяна сказала, что может прыгнуть всего на десять йоджан, а другая сказала, что дальше двадцати ей не прыгнуть, третья сказала, что может прыгнуть на тридцать йоджан, но до Ланки было еще дальше. И тогда Ангада сказал своим воинам, что при его искусстве, при его мощи он может прыгнуть вперед на сто йоджан, но для прыжка обратно у него, наверно, сил не хватит. И снова пригорюнились обезьяны. Видно, не судьба им помочь

великому Раме, не обрадовать им своего любимого государя.

Долго обезьяны сидели молча, склонив головы, у берега океана, и наконец одна из них обратилась к Хануману с такими словами: «О Хануман, ты среди нас самый мудрый, ты могучий и отважный воин, ты среди нас самый сильный. Твой отец, бог Ветра, великий Вайю не знает преград своим желаниям. Он мчится над землей, как молния Индры, но и ты, его сын, не уступаешь Ветру силой. Ты своего великого родителя вполне достоин. Никто из нас не может с тобой сравниться могуществом и умением прыгать. Только ты, великий Хануман, можешь совершить этот подвиг — прыгнуть на Ланку и вернуться благополучно обратно».

Радовалось сердце Ханумана, когда слушал он хвалебные речи. Лестные слова приятны были сыну Ветра, и, воистину, он был достоин этих восхвалений. Обезьяна говорила правду о Ханумане, он не знал среди своих сородичей себе равных.

Некогда прекрасная небесная дева, обезьяна по имени Анджана, гуляла на вершине горы, приняв человеческий облик и украсив себя цветами и шелковой одеждой. Внезапно на вершине горы подул ветер, и платье прекрасной Анджаны приподнялось. Пленила красота небесной девы могучего Вайю — воспылал он к ней neodолимой страстью. Вайю обнял прекрасную деву могучими руками и сказал ей, испуганной: «Ты не бойся меня, красавица, я бог ветра, я полюбил тебя, прелестная, пылко и хочу подарить тебе сына, который будет равен мне по силе и умению летать по небу».

Небесная дева Анджана уступила великому богу и вскоре родила могучую обезьяну, сына Вайю, и звали его Хануманом. Он был еще детенышем, совсем малым, когда взвился однажды, играя, в небо и пролетел там три тысячи йоджан. И в небе его увидел великий Индра, царь небесный, рассердился на него и молнией ударил его в челюсть. Хануман упал с неба на горную вершину и долго потом залечивал ушибы. Тогда-то и прозвали его Хануманом, то есть тем, у кого сломана челюсть.

И вот обезьяны сказали Хануману: «Ты держишь, великий сын Ветра, в своих руках нашу жизнь. Только ты можешь прыгнуть на Ланку, и мы обращаемся к тебе с мольбой: сделай это ради Ситы, ради великого сына Дашаратхи, ради спасения наших жизней».

И Хануман дал обезьянам свое согласие.

КНИГА ПЯТАЯ

ПРЕКРАСНАЯ

Став на вершине горы Махендра, Хануман крепко уперся в нее обеими ногами, так что она затряслась, а с деревьев, росших по ее склонам, осыпались листья и цветы; набрал воздуха в грудь, простер ввысь руки и, взмахнув ими, взревев, прыгнул в небо. От могучего толчка гора зашаталась и извергла водопады; звери, обитающие в ее пещерах, устрашенные, подняли дикий

вой и рев, а деревья с ее склонов сорвало вихрем, и они взлетели в небо вслед за Хануманом, как друзья, провожающие друга в далекий путь, и упали в море.

А Хануман, по воле своей выросший до исполинских размеров, понесся по поднебесью как летучая гора, и ветер, рожденный его стремительным полетом, рассеивал облака на небе и гнал по морю бурные валы. Тень Ханумана бежала под ним по волнам, словно судно, движимое попутным ветром. А он летел в вышине, то ныряя в тучи, то снова появляясь из них словно ясный месяц. Боги же, гандхарвы и святые, наблюдая его чудесный полет, преисполнились восхищения и воспели ему хвалу.

Океан, видя удивительный прыжок Ханумана, подумал: «Поистине, я должен помочь вождю обезьян, летящему надо мною. Он свершает свой подвиг ради Рамы, потомка Сагары. Я не должен доводить его в этом чудесном полете до изнеможения». И он повелел горе Майнаке, пребывающей в его глубинах, подняться из воды, чтобы дать отдых Хануману. И воды океана расступились внезапно, и гора Майнака, восстав, подняла к небу свою золотую вершину. Обратившись к Хануману, она сказала: «О лучший из обезьян, опустишь, отдохни на вершине моей, прими дары мои; я рада послужить тебе». Сын Ветра отвечал: «Я благодарен тебе за твою приветливую речь, но не будь на меня в обиде, дело ждет меня, и я должен спешить; я обещал нигде в дороге не останавливаться». И коснувшись вершины Майнаки рукою, он продолжал свой путь. И в короткий срок он пересек необозримые пространства океана.

Вдруг путь ему преградило чудовище. То Сураса, Мать змей, жуткая и уродливая, встала из морских волн перед Хануманом. «О Хануман, — сказала она, — боги определили тебе стать моей добычей. Я хочу съесть тебя — войди в мою пасть». И она широко разинула свою пасть, надвигаясь на сына Ветра. Но Хануман сказал: «Я спешу, чтобы выполнить поручение Рамы — я послан им к его возлюбленной Сите, похищенной царем ракшасов. Когда я увидаю Ситу и принесу весть о ней Раме, я войду в твою пасть, обещаю тебе». Но Сураса отвечала: «Никто не может миновать меня, я проглатываю всех — эту власть даровали мне боги».

Тогда Хануман сказал: «Раскрой же пасть свою так, чтобы я мог войти в нее». И Сураса разинула пасть шириною в десять йоджан. В тот же миг сын Ветра вырос на столько же йоджан. Тогда на двадцать йоджан разинула пасть Сураса; и тотчас на столько же вырос Хануман. И глядя на страшный зев ее, подобный бездне, сын Ветра волею своей достиг тридцати йоджан в высоту. На сорок йоджан раскрыла пасть Сураса; на пятьдесят йоджан вырос Хануман.

Вот уже на сто йоджан разинула свою пасть Сураса, Мать змей. Тут в мгновение ока сын Ветра уменьшился до размеров мизинца и, войдя в ее пасть, тотчас выскользнул оттуда, прежде нежели Сураса успела захлопнуть ее. «О Сураса, — сказал он, — я не миновал твоей пасти; не нарушена власть, данная тебе богами. Прощай, теперь я полечу туда, где томится в плену царевна Видехи».

Он полетел дальше и скоро оставил далеко позади страшную Сурасу. Словно крылатая гора, он продол-

жал полет над океаном по воздушным тропам — там, где летают птицы и гандхарвы, там, где совершали свой вечный путь Солнце и Луна, планеты и звезды, где на блистающих колесницах, влекомых птицами-змеями, львами, тиграми и слонами, странствовали по небу праведные и благочестивые, обретшие горнее царство за добрые дела на земле.

Его, летящего по поднебесью, увидела Симхика, свирепая ракшаси, которой всемогущий Брахма даровал силу ловить живые существа за отбрасываемую ими тень. Она сказала про себя: «Наконец дождалась я добычи!» — и схватила тень Ханумана. Хануман же подумал: «Словно движение корабля, остановленного встречным ветром в океане, полет мой внезапно прервался, и скованы мои силы». Он огляделся по сторонам, глянул вниз и тут увидел чудовище, поднявшееся из соленых вод океана. «Это ракшаси, которая может поймать любое живое существо за его тень; о ней рассказывал мне царь обезьян», — подумал сын Ветра.

С ревом, подобным раскатам грома, бросилась Симхика на Ханумана. Он увидел перед собой ее лапы, подобные извивающимся змеям, ее отвратительную пасть и, миг сократившись в размерах, стремглав бросился в нее. Исчезнув в пасти Симхики, как Месяц, проглоченный Раху, демоном затмения, Хануман проник в нутро свирепой ракшаси и острыми когтями тотчас разорвал ее сердце. И Симхика, испутив дух, свалилась в воду и исчезла в пучине, меж тем как Хануман, выскочив из ее пасти, спокойно продолжал свой путь в небесах.

Пролетев сто йоджан над океаном, Хануман уви-

дел вдали остров посреди моря, увидел горные вершины и берег, поросший деревьями, и понял, что достиг цели. Он подумал, глядя на свое отражение в морских водах: «Столь огромного, меня наверняка заметят ракшасы» — и в тот же миг он принял свой обычный облик. Затем плавно, словно облако, он опустился на вершину горы Трикута, поросшую цветущими кетаками и пальмами, распугивая обитающих на ней зверей и птиц своим внезапным появлением.

Опустившись на вершину горы Трикута, Хануман с высоты стал оглядывать окрестности. Он увидел радующие взор холмы и обширные леса, голубые озера и пруды, покрытые лотосами и лилиями, зеленые луга, рощи и сады в цвету, широкие прямые дороги среди лесов и полей, а на вершине утеса — Ланку, неприступную твердыню Раваны, словно плывущую в воздухе.

Глядя на великолепную столицу ракшасов, опоясанную золотой стеной и словно подпирающую небеса кровлями своих дворцов, подобных белым облакам, с сотнями стягов и знамен на стенах, Хануман преисполнился восхищения. Затем он подумал: «Оставаясь в собственном облике, я не могу войти в город, охраняемый бдительными и коварными ракшасами. Чтобы отыскать Ситу, я должен обмануть их, хитрых и могу-

чих; я должен проникнуть в Ланку незамеченным, ночью». И, вздохнув, Хануман подумал: «Как смогу я втайне от нечестивого владыки Ланки посетить дочь Джанаки и исполнить поручение Рамы? Я думаю, даже ветер не скитается здесь незамеченным. Порученное дело уже накануне успеха может погибнуть из-за неразумения посланца, не сумевшего выбрать надлежащее время и место. Что нужно сделать мне, чтобы избежать опрометчивости? Как должно мне поступить, чтобы дело не пострадало и прыжок мой через океан не оказался напрасным?»

Так размышлял Хануман и, горя желанием увидеть царевну Видехи, с нетерпением ожидал заката. Когда же солнце село и наступила ночь, сын Ветра, уменьшившись до размеров кошки, незаметно приблизился к прекрасной Ланке, озаренной огнями и светом звезд, охраняемой свирепыми ракшасами, окруженной рвом, полным воды, где плавали лотосы, и могучей стеною, которую украшали ворота с золотыми сводами. Перепрыгнув через крепостную стену, Хануман ступил на вражескую землю и двинулся, крадучись, по улицам города, устланным цветами, мимо высоких красивых домов разнообразной постройки с алмазными окнами, разноцветными стенами, дверями из золота и хрусталя. И, пробираясь от дома к дому, он слышал доносившиеся из них сладостные звуки лютней и флейт, перезвон колокольчиков, звуки шагов и хлопанье в ладоши, смех и нежное пение дев, очарованных любовью, подобное пению апсар на небесах. Из других домов он услышал слова молитв и священные гимны, распеваемые благочестивыми брахманами, знаатоками Вед; и здесь и там он слышал рычание львов.

И, освещая путь сыну Ветра, месяц взошел на середину неба, окруженный звездами, и озарил сиянием своим землю, рассеивая мрак и ниспосылая утешение сердцам живущих. Хануман, подняв глаза, увидел его, плывущего по небу над Ланкой, словно лебедь по озеру. И вслед за месяцем явилась благая Полночь, вестница пиров прожорливых ракшасов, прекращающая ссоры влюбленных, низводящая небо на землю.

Заглядывая в дома, мудрый вождь обезьян видел там ракшасов, опьяненных вином и богатством, ведущих беседы между собою, спорящих, бранящихся, насмехающихся друг над другом, вспыльчивых, размахивающих толстыми руками, натягивающих луки, бьющих себя в грудь, обнимающих своих возлюбленных; веселых женщин, натирающихся мазями и благоговениями, опьяняющихся вином; красавиц, улыбающихся, или вздыхающих в гневе, или спящих. И в домах вельмож Хануман видел их добродетельных, восседающих в роскошных покоях жен, прекрасных, как звезды на небе, нарядных, украшенных драгоценностями и цветами; видел сбросивших покрывала — и тела одних подобны были расплавленному золоту, других — лунному свету; видел одних, наслаждающихся радостью в объятиях своих возлюбленных, чаруя их сердца своею красотой, других — печальных, томящихся в разлуке с милым сердцу. Но Ситы не было среди них!

Тогда, прыгая по кровлям семейрусных домов, Хануман стал рыскать по Ланке в поисках царевны Видехи. Он увидел на улицах, мощенных драгоценными камнями, ляпис-лазурью и жемчугом, бурлящие толпы ракшасов и бесов, славящих Равану, на площади перед царским дворцом — множество стражей и

соглядатаев Раваны. И были там ракшасы косматые, с намазанными маслом волосами, и другие — бритоголовые; одни были одеты в коровьи шкуры, другие — в богатые платья, третьи — совершенно нагие; были там красавцы и уроды, страшные великаны и отвратительные карлики, толстые и худые, одноглазые и одноухие; были там воины, вооруженные палицами и топорами, дротиками и петлями, лучники, меченосцы, копейщики, колесничие и знаменосцы. И сотни и тысячи воинов, бдительно стерегущих покои Раваны, увидел там Хануман.

Он увидел роскошный чертог царя ракшасов, возвышающийся на вершине горы, с золотою аркою над входом, с кровлею, украшенной жемчугом и драгоценными камнями, обнесенный высокой стеною и окруженный глубоким рвом. Обыскав в окрестностях царского дворца все дома и сады, побывав во дворцах Прахасты и Кумбхакарны, и Махапаршвы, и Индраджита, и Вибхишаны, и Шуки и других приближенных и родичей царя, сын Ветра, незамеченный, вошел в обитель Раваны, охраняемую грозными ракшасами, как дремучий лес — львами.

Там, на просторных дворах, Хануман увидел неукротимых и быстрых коней — рыжих, белых и черных — и могучих слонов, хорошо обученных, несо-

крушимых в бою; превосходные повозки и колесницы, украшенные изображениями из слоновой кости, золота и серебра, увешанные бубенцами и покрытые львиными и тигровыми шкурами; и угрюмых ракшасов, охраняющих покои Раваны. Он увидел сады, восхитительные строения, предназначенные для дневного отдыха, увеселительные беседки, поляны для павлинов и пруды для лебедей; а в дворцовых покоях, благоухающих сандалом и агуру, оглашаемых звуками лютней и раковин, словно рокотом морских волн, и озаряемых красотою прелестных дев — жемчужин среди женщин, он увидел золотые лежа и асаны, драгоценные сосуды, повсюду бродили разнообразные ручные звери и птицы.

Хануман увидел там чудесную колесницу Пушпака, которую Равана отнял у своего старшего брата Куберы, бога богатства, украшенную блистающими драгоценными камнями, словно небесная твердь луною и планетами, и способную летать по небу с быстротою ветра, повинувшись воле возникшего. Она была так огромна, что на ней смогли поместиться леса и горы, дома из сапфиров и изумрудов с хрустальными и золотыми окнами, золотыми лестницами, искусными изображениями птиц и змей, волков и слонов, сделанными из серебра и кораллов, прекрасное изваяние Лакшми, богини счастья, сидящей у пруда с лотосом в руке.

Обыскав колесницу Пушпака и не найдя на ней Ситы, Хануман пошел дальше. И увидел он перед собою великолепный чертог, озаренный светильниками и факелами, с великолепными прямыми колоннами, возносящимися к небу, с пилястрами и арками, хру-

стальными террасами, лестницей, выложенной драгоценными камнями, со статуями из слоновой кости, кораллов, серебра и золота. И ветер, донеся до Ханумана запах благовоний, вина и яств, шепнул ему: «Войди, Равана здесь!».

Когда на исходе ночи сын Ветра вступил в покои властелина ракшасов, он узрел там тысячи женщин небывалой прелести и красоты.

Изнуренные вином и плясками, они все спали на полу и ложах, покрытых драгоценными тканями; волосы их были распущены и разметались в беспорядке, одежды сброшены, украшения — браслеты, пояса, жемчужные ожерелья — рассыпались и перемешались на полу, цветочные венки — измяты и растоптаны; и были те юные девы подобны лианам, сорванным с дерева и попраным слоновьими ногами. Охмелевшие от вина и любви, они лежали, погруженные в сон, положив головы одна другой на грудь, или на бедра, или на спину, обнимая друг друга, или закинув руки за голову, или сцепившись руками, словно сплетаясь в гирлянды прекрасных тел. Ветерок, пробегая, шевелил и приподнимал их легкие покровы.

И в местах, отведенных для еды и питья, Хануман увидел остатки роскошного пиршества: груды мяса буйволов, оленей и вепрей, куропаток и павлинов на золотых блюдах, козлятину, и зайчатину, и рыбу — все приготовленное искусными поварами — и различные плоды; золотые кувшины и хрустальные кубки были разбросаны повсюду; одни — полные меда, превосходных вин и напитков из сахара, плодов и цветов, другие — наполовину отпитые, и пустые, и опрокинутые.

Хануман вглядывался в лица красавиц, смеживших очи, подобные лотосам, сомкнувшим свои лепестки с наступлением ночи. Здесь были юные ракшасы и чужеземные царевны, плененные Раваной, дочери могучих раджей и брахманов, дайтьев, гандхарвов и нагов. Одни из них были отбиты Раваной силою у их родителей и родственников, другие, обуянные страстью, сами пришли к нему и стали его женами; и ни одна из них не была взята им в жены против ее воли, — все они были покорены достоинствами его. Но Ситы не было среди них!

Оглядев огромный покой, озаренный светильниками и погруженный в безмолвие, Хануман увидел посреди него возвышение из слоновой кости, золота и ляпислазури, с белым балдахином, украшенным цветами, и на том возвышении — золотое ложе, покрытое бараньими шкурами. На ложе покоился спящий Равана, повелитель ракшасов и отрада их дочерей, исполин, подобный облаку на закатном небе. И увидев его внезапно, Хануман отпрянул словно в испуге; но затем взобравшись по лестнице до середины, остановился, рассматривая владыку Ланки, подобного спящему тигру.

Он увидел его огромную голову, увенчанную золотой диадемой и украшенную сверкающими серьгами, его широкие плечи, его руки, подобные булавам или пятиглавым змеям; в ногах его Хануман увидел спящих жен и танцовщиц, обнимающих и прижимающих к груди лютни, флейты и тимпаны, словно матери — любимых детей. И отдельно от всех на богато убранном ложе он увидел женщину, прекрасную обликом, сияющую как золото и украшенную редкими драго-

ценностями. Хануман подумал: «Это, должно быть, Сита» — и, подумав так, он ударил в ладоши, поцеловал свой хвост, издал радостный клич, взлетел по столбу, поддерживающему своды, до самого потолка и соскочил вниз, проявив тем свою обезьянью природу.

Но, приглядевшись, он сказал себе: «Это не может быть Сита. Верная Раме, она не приняла бы участие в пире и не спала бы теперь вблизи Раваны». Та, кого сын Ветра принял вначале за Ситу, была царица Мандодари, любимая жена Раваны, госпожа внутренних псковов.

Убедившись в своей ошибке, Хануман возобновил поиски похищенной супруги Рамы, но, обыскав все дома Ланки и дворец Раваны, обыскав беседки и спальни, он нигде не нашел Ситу. И тогда, охваченный тревогой, он подумал: «Ситы, наверное, уже нет в живых. Чистая и добродетельная, она убита этим владыкой ракшасов, черпающим радость в нечестивых деяниях. Напрасны были мои усилия. Срок, назначенный мне царем Сугривой, миновал. Увы! Что скажут мне обезьяны, когда я вернусь? Они спросят меня, видел ли я дочь Джанаки на Ланке, а что я отвечу им? Что скажет старый Джамбаван, что скажет Ангада? Какой каре подвергнет меня гневный Сугрива?

Но упорство есть источник удачи; поистине, упорный всегда достигает цели. Я обещаю здесь все места, которые я еще не видел. Я снова обещаю все дома, и беседки, и сады, и дороги, и колесницы».

И он снова пустился на поиски, осматривая дворцы и храмы, многоярусные здания и глубокие подземелья,

взлетая на кровли и спускаясь на землю, скача вперед и останавливаясь, открывая двери и закрывая, входя и выходя, — и не было в чертогах Раваны пространства в четыре пальца шириною, которое не осмотрел бы и не проверил мудрый вождь обезьян. Он осмотрел дома знати и горные пещеры, леса и городские улицы, холмы и пруды — он видел повсюду множество ракшасов, угрюмых и безобразных, но нигде не увидел Ситы.

Тогда он предался отчаянию: «Я обыскал горы и реки, леса и болота — весь остров и город, и нигде не нашел дочери Джанаки. Царь коршунов Сампати сказал, что Сита унесена Раваной на Ланку. Почему же я не вижу ее здесь? Наверно, когда Равана летел с нею по воздуху, он выпустил ее из рук, и она упала в море. Или он здесь убил ее, хранящую супружескую верность, и она, невинная, съедена была его злыми женами.

Что мне теперь делать? Я не могу вернуться к обезьянам. Если я скажу Раме, что Ситы нет, он умрет от горя. Тогда умрет и Сутрива, и все его подданные наложат на себя руки, и опустеют леса и горы, и исчезнет с лица земли племя обезьян. Нет, я никогда не вернусь отсюда в Кишкиндху, не повидав дочери Джанаки. Я стану отшельником и буду жить в лесной глуши, питаюсь плодами и кореньями и соблюдаю суровые обеты. И сложив свой погребальный костер, я войду в огонь. Или я брошусь в воду; ибо слава моя погибла, раз я не нашел Ситу. Или я убью злодея Равану и отомщу за нее и за себя».

Затем он подумал: «Я должен снова и снова обыскать Ланку. Вот обширный ашоковый лес, еще не

бсмотренный мною. Я войду в него». И помыслив так, он приблизился к священному лесу, бдительно охраняемому ракшасами.

Поручив себя мысленно защите Брахмы, Индры, Марутов и других богов, Хануман вошел в священный лес. Он вскочил на стену, ограждавшую его, и отсюда взору его открылись густые купы цветущих деревьев — ашок и шала, смоковниц и манго, отягченных плодами, оглашаемых пением птиц и жужжанием пчел; и он прыгнул с ограды в лес, словно стрела, спущенная с тетивы.

Он стал стремительно пробираться сквозь заросли, раздвигая кусты, спугивая птиц с ветвей деревьев, осыпавших его цветами и плодами. И он увидел восхитительные поляны и дорожки, ведущие через лес, выложенные драгоценными камнями. В покрытых лотосами и лилиями прудах с прозрачной водою, с дном из хрусталя, со ступенями из жемчуга и кораллов, бедующими к воде, плавали утки и лебеди. Словно балдахин, осеняли водоемы цветущие деревья, опутанные лианами. Он увидел гору, живописную, покрытую лесом; и водопад вырывался из нее, как дева из объятий возлюбленного; и тихоструйную речку с деревьями на берегах, касающимися воды ветвями.

Вблизи одного пруда с золотыми берегами Хануман увидел могучее и раскидистое дерево сисса, возвышающееся над другими. «С вершины этого дерева, — подумал Хануман, — я могу обозреть чудный лес, достойный того, чтобы скрывать Ситу. К этой реке с чистой и прозрачной водой она приходит, наверно, совершать утреннее омовение». И он взобрался на дерево сисса и обозрел с высоты прекрасную рощу, подобную Нандане, райскому саду бессмертных.

Он увидел поодаль высокий белый дворец, украшенный кораллами и золотом, с тысячью колонн, восхищающий взоры своей соразмерностью. А перед дворцом под деревом сидела Сита, бледная, исхудавшая и грустная, одетая в рубище, лишенная украшений, — окруженная сонмом демонниц, она была подобна лани, окруженной собачьей стаей.

Вглядываясь в Ситу, Хануман подумал: «Она ли это? Я едва узнаю ее. Да, это она! Она истомилась в разлуке с Рамой, и красота ее стала различима не вдруг, подобно пламени, застланному дымом». И горюя об участи Ситы, Хануман сказал себе: «Кто может противостоять судьбе, если Сита, супруга Рамы, никогда не уклонявшегося с пути долга, терпит такую невзгуду? Ради нее были убиты могучий Валин, и Кабандха, и свирепый Вирадха, и Кхара, и Тришира, и Душана, и четырнадцать тысяч ракшасов истреблены были стрелами Рамы в Джанастанхана; она — причина возвращения царства Сугриве; ради нее совершил я свой прыжок через океан. Но она достойна всего этого. Власть над тремя мирами и на сотую долю не стоит Ситы, дочери Джанаки, благочестивого царя Митхилы».

Месяц в это время выплыл из-за облака и, разорвав тьму, осветил бледный, как луна, лик Ситы. И недалеко от нее Хануман увидел в лунном свете стерегущих ее демониц, угрюмых и безобразных ракшаси. И были среди них одноухие, и с длинными чудовищными ушами, и совсем без ушей, и с длинными носами, и безносые, и с носами, растущими из лба; у одних верхняя часть тела была непомерно велика, у других мала; у них были длинные и тонкие шеи; одни косматые, с густыми волосами, покрывавшими все тело, словно одеялом, другие с голыми черепами; были там демоницы с большими головами, с большими животами, с длинными грудями, с длинными лицами, с длинными ногами; были там высокие, горбатые, были и карлицы, были красноглазые, были черные, рыжие, желтые; были вооруженные железными копьями, колотушками и молотками, были и безоружные. И были среди них ракшаси с мордами как у вепря, как у оленя, как у тигра, как у буйвола, как у козы, как у шакала; у одних ноги были как у верблюда, у других как у слона, у третьих как у лошади; и у некоторых головы росли из груди. Там были демоницы с ушами как у лошади, как у коровы, как у осла, как у слона, как у льва; с носами как у слонов. И все они были злы и бранчливы и, сидя вокруг дерева, пили непрестанно вино и пожирали мясо; с ног до головы были они забрызганы кровью. И глядя на Ситу, найденную после долгих поисков смиренно восседающей под деревом и бросающей испуганные взоры на страшных демониц, видя ее грустную и бедно одетую, но все же сияющую красотой, Хануман пролил слезы радости.

Он провел на дереве ночь, скрывшись среди ветвей. Перед рассветом он услышал доносящиеся из дворца Раваны голоса брахманов, читающих утренние молитвы и гимны Вед, и придворных певцов Раваны, поющих ему хвалу.

И Равана пробудился под эти звуки, услаждающие его слух, и помыслил о царевне Видехи. Не в силах обуздать свою страсть, он поднялся с ложа и, облаченный в нарядные одежды с драгоценными украшениями, вышел из дворца и вступил через золотые ворота в ашоковый лес, оглашаемый пением птиц.

Следом за ним шли девы: одни несли в руках опахала, другие — золотые кувшины с водою, третьи — золотой трон, четвертые — белый балдахин, подобный луне. А рядом с Раваной шла его любимица и несла в правой руке кубок, полный вина. И глаза прекрасных жен Раваны были мутны от сна и от вина, волосы растрепаны, одежда и украшения в беспорядке, лица покрыты потом.

Хануман услышал бренчание браслетов и поясов красавиц и, выглянув из листвы, увидел Равану, озаренного огнями светильников, которые несли перед ним ракшасы. В блистательном наряде, украшенном цветами и драгоценностями, воспламененный любовью и гордостью, он вступил в священную рощу, подобный самому Каме, богу любви, только лишенный лука и стрел.

«Это Равана, которого я видел спящим во дворце», — подумал Хануман и спрятался среди ветвей дерева сисса, продолжая следить за приближающимся владыкой ракшасов. А Равана направился туда, где сидела под деревом Сита, охраняемая свирепыми стражницами.

Увидев Равану, царевна Видехи затрепетала словно платановое дерево, сотрясаемое ветром. Она съежилась, поджав колени к животу и закрыв грудь руками, и принялась громко плакать. И Равана, подойдя, увидел ее, исхудавшую, сидящую под деревом на голой земле, в рваной и грязной одежде, словно женщина низкого рода, подобную увядшему лотосу, извлеченному из пруда.

Тогда Равана обратился к Сите с ласковыми речами и движениями, пытаясь соблазнить ее и подчинить своей воле. «О красавица, — сказал он, — почему, увидев меня, ты закрываешься руками, словно боишься меня? Не бойся меня, о робкая, доверься мне и полюби меня, ибо я томлюсь по тебе, о Сита! Ты прекрасна; божественный ваятель, создавший тебя, прекратил свой труд, ибо нигде я не встречал красоты, подобной твоей! Кто может, увидев тебя, устоять перед властью любви? Самого Брахму, прародителя бессмертных, тронет престель твоя. О царевна, я гляжу на тебя, на лицо и тело твое, и куда бы я ни взглянул — я не могу оторвать взора. Ты — жемчужина среди женщин; достойны ли тебя это платье, лишенное украшений, голод, голая земля? Полюби меня и наслаждайся всеми благами в моем дворце — нарядами, украшениями, благоговениями, цветами, роскошным ложем, сладкими винами, песнями, плясками, музыкой. О Сита, прекрасная

юность твоя проходит здесь, словно воды речного потока, чтобы никогда не вернуться! Стань моей женою — и все, чем я владею, будет твоим.

О дочь Джанаки, ты похитила сердце мое, как Гаруда, царь птиц, — змею. С тех пор как я увидел тебя, я не хочу смотреть на своих жен. Равных им красотою нет в трех мирах; но ты прекраснее их. Стань моей женою — и ты будешь повелевать ими, ты будешь первой из цариц. Они будут служить тебе, как апсары служат Лакшми, богине счастья и красоты.

Все сокровища, которые собрал я в трех мирах, будут твоими. Я отдам тебе все мое царство; все, что ты ни пожелаешь, я добуду для тебя. Нет никого во вселенной, кто мог бы противостоять моей воле. Ты увидишь мощь мою и отвагу в битве. Я победил даже богов и асуров. Если ты захочешь, я завоюю всю землю и отдам ее Джанаке. Стань моей женою, и ты будешь повелевать мною. Ты будешь наслаждаться всею роскошью, какая есть в мире, ты сможешь одарить, кого захочешь, землями и богатством, ты сможешь исполнить желания своих друзей. Разве Рама, жалкий изгнанник, одетый в берестяное рубище, даст тебе то, чем я могу наделить тебя? Равен ли он мне в чем-нибудь? Лишенный царства и красоты, он влачит свою жизнь в лесу, как отшельник, преданный суровым обетам. Я сомневаюсь, жив ли он еще. Он никогда уже не увидит тебя. Забудь его, о Сита, стань моей женою, и мы насладимся счастьем в садах, цветущих на берегу океана».

Слыша эти речи страшного ракшаса, Сита отвечала ему, дрожа, слабым голосом: «Оставь меня и обрати

свою любовь на своих жен. Рожденная в царской семье, я никогда не совершу бесчестного деяния. Я не могу быть твоею, ибо я — жена другого, и я верна ему. Ты не соблазнишь меня своими богатствами. Как лучи принадлежат Солнцу, так я принадлежу Раме, и только ему одному. Эти руки мои, которыми я обнимала Раму, никогда не обнимут другого. Откажись от своих нечестивых желаний, вступи на стезю справедливости. Верни меня Раме, оказав мне то уважение, которого я достойна. Примиришь с Рамой, если ты хочешь сохранить свое царство и свою жизнь. Берегись его гнева. Иначе скоро ты услышишь звон тетивы его лука и стрелы с именами Рамы и Лакшманы разрушат Ланку и истребят племя ракшасов. Как псу против тигра, тебе не устоять против сына Дашаратхи. Как некогда Вишну освободил богиню Лакшми, плененную асурами, так Рама исторгнет меня из твоего плена, и ты падешь от руки его, как дерево, пораженное ударом молнии».

Равана сказал: «Повсюду на земле женщина покрывается ласке. Но ты, чем добрее я к тебе, тем суровее меня отвергаешь. Поистине, любовь моя к тебе обуздывает мой гнев, как искусный колесничий взбесившегося коня. Велика власть любви над мужчиной! Поэтому я щажу тебя, достойную быть убитой и обесчещенной. О дочь царя Митхилы, за каждое из этих дерзких слов, обращенных тобою ко мне, ты заслуживаешь смерти!»

И совладав со своим гневом, владыка ракшасов сказал Сите: «Я жду еще два месяца: когда они минуют, ты разделишь со мною ложе, о красавица! Если же и тогда ты будешь упорствовать, мои повара

разрежут твое тело на части и подадут тебя мне для утренней трапезы!»

При этих словах ракшаса вздохи сожаления слышались среди царевен и дочерей гандхарвов, безмолвно выражавших свое сочувствие Сите. Сита же, гордая своей добродетелью и отвагой своего супруга, так отвечала Раване: «Поистине, нет в этом городе никого, кто желал бы тебе блага и удержал бы тебя от пагубного деяния. Как не выпали глаза твои, страшные и кровавые, столь злобно глядящие на меня? Как не отвалился язык твой, с коего слетели столь подлые речи? О ты, подлейший из ракшасов, обращая эти нечестивые речи к супруге могучего Рамы, где надеешься ты найти убежище, которое спасет тебя от его мщения? Ты оскорбляешь его, пока не встретился с ним лицом к лицу; о ты, не ведающий стыда! Он сокрушит тебя, как разъяренный слон — зайца в лесу; ты же и есть заяц. Если ты столь могуч и отважен, как похваляешься, почему похитил ты меня тайком из хижины Рамы?»

Внимая речам Ситы, Равана, повелитель ракшасов, вращая своими налитыми кровью глазами, взирал на дочь Джанаки, мрачный, как надгробие, и золотая диадема дрожала у него на голове. Вздыхая в гневе, как змея, он сказал Сите: «Бесполезно твое упорство. Я уничтожу тебя, как солнце уничтожает тьму». И обратившись к уродливым девицам, окружавшим Ситу, он сказал им: «О ракшаси, сделайте так, чтобы Сита покорилась моей воле. Добром или злом, лаской или угрозами склоните ее к повиновению».

Меж тем прекрасная ракшаси по имени Дханьямалини приблизилась поспешно к Раване, пылающему

гневом, и, обнимая его, сказала: «Идем, ты развlechься со мною, о великий царь. К чему тебе она, эта бледная и жалкая отшельница? Она не достойна того, что ты обещаешь ей. И поистине тот, кто домогается женщины против ее желания, сжигает самого себя, тот же, кто обращается к исполненной желания, обретает наслаждение». И она силою увлекала его за собою.

Рассмеявшись, Равана повернулся и удалился вместе с Дханьямалини, сотрясая землю своей поступью, и следом за ним вернулись во дворец сопровождавшие его жены.

Тогда свирепые ракшасы придвинулись к царевне Видехи и обратились к ней со злобными речами: «Или ты не хочешь стать избранной женою великого Раваны, десятиглавого внука Пуластья?» Одна из них, с кровавыми глазами, сказала Сите: «Пуластья был четвертым из шестерых Владык живущих, первых, сотворенных мыслью Брахмы. Вишравас был его сыном, Равана же — сын Вишраваса. О красавица, тебе подобает стать женою повелителя ракшасов; не пренебрегай моей речью!» Другая, с глазами, как у кошки, сказала: «Ты отказываешь Раване, прославленному своим могуществом и отвагой, победителю тридцати трех богов. Он отверг ради тебя своих любимых жен; он желает тебя и будет

любить тебя больше всего на свете». Третья сказала: «О неразумная, ты не хочешь стать женою царя, победителя гандхарвов и нагов, обладателя великих богатств и сокровищ!» Четвертая сказала: «Ты бежишь любви того, кому повинуются все, по чьей воле цветут деревья и облака проливают дождь. Почему ты не хочешь стать его женою? Мы говорим с тобою ради твоего же блага. Покорись воле Раваны или ты умрешь!» И они все набросились на Ситу с упреками, жестокими и злыми: «Почему не хочешь ты жить во дворце, в царских покоях, наслаждаясь сокровищами трех миров? Ты предпочитаешь быть женою человека. Но ты никогда не добьешься своего! О Сита, забудь о Раме, смертном, лишенном царства, бедствующем, чьи надежды погибли!»

Сита с глазами, полными слез, отвечала им: «Убейте меня, если хотите, но я никогда не последую вашим советам, противным естеству человека. Бедный или лишенный царства, Рама — мой муж, и я всегда буду верна ему, как верна была Шачи Индре, Арундхати — Васиштхе, а Дамаянти, дочь Бхимы, — царю Нале». Вне себя от гнева, ракшасы окружили трепещущую Ситу и, вращая глазами, облизываясь и потрясая оружием, угрожали ей, говоря: «Она недостойна стать женою Раваны, владыки ракшасов!» Одна из них сказала: «О Сита, ты довольно выказала любовь свою к супругу. Но чрезмерность ни в чем не приводит к добру. Забудь о бедняке Раме и стань женою великого царя ракшасов. Послушайся меня; если же ты не последуешь нашим советам, мы съедем тебя». Другая сказала: «О неразумная дочь царя Митхилы, мы терпели речи твои из сострадания; но не доводи до край-

ности свое упорство. Ты — во власти повелителя Ланки, унесенная им за океан, и сам Индра не вызовет тебя отсюда. Послушайся меня, о царевна! Зачем ты проливаешь слезы? Забудь свою горе и наслались счастьем с владыкой ракшасов. Молодость женщин быстротечна. Пока не ушла твоя молодость, вкуси радости, которые принесет тебе супружество с царем ракшасов. Если же ты не послушаешься меня, я вырву и съем твое сердце!» Третья сказала, потрясая копьем: «Когда я гляжу на ее глаза, подобные глазам лани, и на ее трепещущую грудь, меня снедает желание отведать ее мяса, ее глаз, ее печени, ее сердца и головы!» Четвертая сказала: «Я жажду перегрызть горло этой жестокой женщине. Что вы сидите вокруг нее? Мы скажем царю, что женщина мертва, и несомненно он разрешит нам съесть ее». Пятая сказала: «Я не люблю ссор. Разделим ее на равные части. Принесите сюда вина, мы славно попируем!»

Слыша эти речи ужасных ракшаси, Сита, испуганная, начала плакать. Дрожащим голосом она сказала: «Съешьте меня, если хотите, я не последую вашим советам. Женщина не может быть женою ракшаса». И прикинув к стволу ашоки, она воскликнула, заливаясь слезами: «О Рама, я гибну в пучине бед, словно корабль во власти бури посреди океана. О я несчастная, это смерть моя в образе оленя явилась тогда соблазнить меня, и, безумная, я потеряла Раму и Лакшману по собственной вине. Наверное, Рама и Лакшмана не знают, где я, иначе давно уже они явились бы сюда и освободили меня из плена, истребив ракшасов и разрушив Ланку дотла. Или Рама забыл обо мне? Или оба могучих воина были убиты тогда коварным Рава-

ной? Но если так, я не хочу больше жить, я жажду смерти; пусть убьют меня ракшасы или я сама покончу с собою».

Так жалуясь и сетуя, Сита отошла от ашоки и приблизилась к дереву сисса, мысля о том, чтобы покончить с собою, повесившись на ветвях его на собственных волосах.

Между тем Хануман, сидя на ветвях дерева сисса, слышал все — и речи Раваны, и угрозы ракшасы, и сетования Ситы. Он подумал: «Наконец мои глаза видели ее, ту, которую тщетно искали по всему свету тысячи обезьян. Я тщательно осмотрел город ракшасов и узнал силы Раваны. Теперь я должен утешить ее, верную и любящую супругу доброго Рамы. Если я покину Ланку, не сделав этого, я не исполню своего долга. Если я так уйду, царевна, потеряв надежду, лишит себя жизни. Тогда тщетными окажутся все усилия и труды Рамы, и царя Сугривы, и мои. Но как я заговорю с нею? Как обезьяна высокого и благочестивого рода, я обращусь к ней на санскрите. Но если я заговорю как брахман на санскрите, она примет меня за Равану и испугается. Лучше я употреблю язык простонародья. Но и тогда она может меня испугаться, приняв за Равану-оборотня. Она закричит — сбегутся ракшасы и, увидев меня, поднимут на ноги

всю окрестность. Они постараются убить меня или взять в плен. Если же мне и удастся от них отбиться, я обессилею и уже не смогу перескочить через океан. А если меня убьют или пленят, я не знаю, кто тогда поможет Раме, — никто, кроме меня, не сможет пролететь сто йоджан над океаном. Но все-таки я должен заговорить с нею, иначе она умрет. Как же мне поступить, чтобы не загубить плоды моих усилий? Как заговорить с нею и не испугать ее?» И, поразмыслив, Хануман решил: «Я назову сразу имя Рамы, и она поверит мне».

Когда Сита приблизилась к дереву сисса, Хануман, став на ветке, заговорил голосом приятным и негромким, так, чтобы только она могла услышать его: «Был добрый и благочестивый царь Дашаратха из славного рода Икшваку, властитель колесниц, коней и слонов. Его любимым сыном был прекрасный Рама, лучший из познавших науки и сгибавших лук в бою. Изгнанный по велению своего старого отца, он поселился в лесу с женою и братом. Охотясь в лесах, он убил многих храбрых ракшасов. И мстя за избиение ракшасов, Равана-оборотень обманом похитил его супругу. Скитаясь по свету в поисках Ситы, Рама нашел себе друга в Сугриве, царе обезьян. По приказу Сугривы тысячи обезьян отправились во все страны на розыски Ситы. И следуя совету Сампати, я перепрыгнул через океан и наконец нашел ее. Это она. Я вижу все черты и приметы, о которых говорил мне Рама».

Сказав это, Хануман умолк. И Сита, слышавшая его слова, в великом удивлении подняла взор и стала оглядываться по сторонам. И увидев сына Ветра, сидящего смиренно среди ветвей, она, пораженная, по-

думала: «Эта ужаснейшая обликом обезьяна устрашает взор». Испуганная, она воскликнула жалобно: «О Рама! О Лакшмана!» — и заплакала беззвучно. И глядя на лучшего из обезьян, смиренно приближающегося к ней, Сита подумала: «Не сон ли я вижу? — и едва не лишилась сознания от страха. Она сказала себе: «Дурной сон приснился мне сегодня; увидеть обезьяну во сне, говорят, недобрая примета. Но это не сон. Это призрак, созданный моей истомившейся душою. Думая все время о Раме, я всюду слышу его слова. О всемогущий Брахма, сделай так, чтобы это не был призрак».

Сойдя с дерева, Хануман предстал перед Ситой и, смиренно сложив ладони, обратился к ней с такими словами: «Кто ты, о прекрасная, с глазами, подобными лотосам, одетая в рубище? Кого оплакиваешь ты так жалобно? Ты подобна небесной деве, дочери из рода бессмертных; но ты ступаешь по земле, на глазах твоих слезы — значит, ты смертная женщина. Не Сита ли ты, похищенная Раваной из Джанастханы? По твоему печальному облику и несравненной красоте твоей я узнаю в тебе супругу Рамы». Сита, обрадованная именем Рамы, отвечала: «Да, я дочь Джанаки, благочестивого царя Видехи, имя мое — Сита, я — супруга благородного Рамы. Коварный Равана похитил меня в лесу и унес на Ланку; он назначил мне два месяца срока; когда они истекут, я должна умереть».

Хануман отвечал Сите, убитой горем: «О благородная, я пришел сюда по велению Рамы как его посланец. Он жив и здоров, о царевна Видехи, и спрашивает о твоём благополучии. И Лакшмана, пре-

данный спутник твоего супруга, удрученный горем, склоняет голову перед тобою». Сита, объятая восторгом так, словно уже видела Раму и Лакшману перед собою, отвечала: «Теперь я знаю, что правду говорят: раз в сто лет истинная радость посещает человека!»

Но когда Хануман подошел ближе, подозрение опять охватило Ситу: «Увы! Увы! Зачем я говорила с ним? Это Равана, обернувшийся обезьяной, опять приближается ко мне». И она опустила на землю, потупив взор, чтобы не видеть Ханумана. Когда же он поклонился ей, она сказала ему, вздыхая: «Если ты Равана, колдовством меняющий свой облик, и снова хочешь мучить меня — не подобает тебе такая низость. Да, ты — Равана, я узнаю тебя, явившегося ко мне когда-то в образе нищего странника. О ты, оборотень, о бродящий в ночи, довольно тебе терзать меня! Но если ты враг, откуда та радость, которую даровал мне твой приход? Если же ты вестник Рамы, я благословляю тебя. О лучший из обезьян, расскажи мне о Раме! Мне кажется, я вижу сон. Или я одержима бесом? Или сошла с ума? Или это призрак, рождаемый песками пустыни? Нет я в своем уме, я вижу ясно себя и обезьяну». И Сита опять умолкла, терзаемая страхом.

Тогда Хануман сказал ей слова радостные, ласкающие ее слух. «Лучезарный, как Солнце, озаряющее небо, восхищающий взоры, как Месяц, он щедр к поданным своим, как сам Кубера, бог богатства. Он отважен, как Индра, правдив и красноречив, как Вачаспати, прекрасен, как Кама, бог любви. Весь мир прибегает к его защите. Скоро ты увидишь, как гнев

его поразит твоего похитителя. Я послан к тебе Рамой. Он томится в разлуке с тобою, он спрашивает о твоём благополучии. И Лакшмана тоже. И друг Рамы, царь обезьян Сугрива, спрашивает о твоём благополучии, о благородная. Рама, Лакшмана и Сугрива все время думают о тебе. Скоро ты увидишь их здесь вместе с несметным войском обезьян. Я — советник царя Сугривы, имя мое — Хануман. Я пересек океан и проник в Ланку; я обманул бдительность моих врагов и пришел сюда увидеть тебя. Я не тот, за кого ты меня принимаешь. Оставь подозрения и поверь мне».

Сита сказала тогда Хануману голосом нежным и тихим: «Где встретил ты Раму, как узнал ты Лакшману? Как побратались люди и обезьяны? Расскажи мне о царственных знаках, коими отмечены Рама и Лакшмана, — и я забуду мою печаль». И Хануман рассказал ей обо всем: о царственных предметах и достоинствах Рамы и Лакшманы, о встрече их с Сугривой, об убийстве Валина, о поисках, которые вели обезьяны по всему свету, о себе и о своем происхождении.

И Сита поверила ему, и слезы радости пролились из ее очей; прекрасный лик ее просветлел, как лик луны, освободившейся из плена Раху, демона затмения. Хануман сказал: «Я поведал тебе обо всем. Взгляни, вот драгоценный перстень с именем Рамы, вырезанным на нем. Он дал мне его как знак, которому ты поверишь. Утешься, скоро наступит конец твоим бедам».

И когда Сита увидела перстень Рамы и взяла его в руки, ей показалось, что она уже обрела своего супруга. Исполненная радости, она воздала хвалу Хану-

ману. «О лучший из обезьян, — сказала она, — поистине, ты отважен, могуч и мудр, поистине, ты — необыкновенная обезьяна, если, не страпась Раваны, достиг Ланки, перепрыгнув через океан. Прими привет мой и мою благодарность, о посланец Рамы!» И она принялась расспрашивать его о Раме: «Грустит ли он? Очень ли он страдает? Не забросил ли он все дела, томимый печалью и страхом? Окружают ли его друзья? Помогают ли ему боги? Не забыл ли он меня в разлуке? Хочет ли он спасти меня? Не пошлет ли Бхарата, брат его, ему войска для моего освобождения? Помогут ли ему Сутрива и Лакшмана? Не исхудал ли он в разлуке со мною? Помнит ли он меня? Почему он медлит и не приходит мне на помощь? О посланец, поведай мне о моем любимом!»

И Хануман рассказал ей о том, как страдает в разлуке Рама; он утешил Ситу, предсказав ей скорый конец ее невзгод.

«О лучший из обезьян, — сказала Сита, — скажи Раме, чтобы он приходил, пока не кончился год моего пребывания здесь, иначе он не застанет меня в живых. Десять месяцев минуло, остается еще два. Этот срок назначил мне безжалостный Равана». Хануман сказал: «О Сита, едва Рама услышит из уст моих весть о тебе, он явится сюда для твоего освобождения. Но я могу освободить тебя из плена уже сегодня. Садись на мою спину, и я перенесу тебя через океан. Уже сегодня ты увидишь Раму и Лакшману на горе Прасравана, готовых к походу». Слыша эти удивительные речи, Сита улыбнулась и сказала: «Как ты отваживаешься, такой маленький, нести меня так далеко?» Хануман подумал: «Она обижает меня, не ведая моего могу-

щества». И он увеличился в размерах у нее на глазах, уподобившись холму, и сказал: «Я мог бы унести всю Ланку вместе с ее горами, лесами и строениями и ее повелителем. Доверься моей силе, о благородная, и отбрось сомнения». Сита сказала: «О великий вождь обезьян, я знаю твою отвагу и твою удивительную силу. Но я боюсь потерять сознание в быстром полете по воздуху и упасть в море с твоей спины. И ракшасы, хватившись меня, погонятся за тобою, и, когда они настигнут тебя в воздухе, ты будешь безоружен, и как сможешь ты сражаться и защищать меня в одно и то же время? Тогда в страхе я непременно упаду с твоей спины. Поэтому я не полечу с тобою, о лучший из обезьян. О могучий, приведи сюда скорее непобедимого Раму с отважным Лакшманой и утешь меня, истомленную разлукой!»

И она сказала: «Напомни моему любимому о том, что случилось с нами однажды, когда мы жили на Читракуте. Повтори ему этот мой рассказ.

Однажды на берегу реки Мандакини в цветущем лесу ты, мой супруг, уснул, положив голову мне на колени. Злая ворона прилетела и клюнула меня в грудь. Ты пробудился и, увидев меня, испуганно прикрывающую грудь, на которой порвалось платье, рассмеялся. Но увидев кровь на моей груди, ты воспламенился гневом. Ты взял стрелу Брахмы, привязал к ней лист священной травы куша и пустил ее в ворону, сидевшую поодаль. То был сын Индры, обернувшийся вороной. Он полетел по небу, по всему миру, но всюду следовала за ним твоя стрела. Устрашенный, он прибег к твоей защите. Лишив его правого глаза, ты отпустил его, сохранив ему жизнь. О Рама, ты

обратил оружие Брахмы против обидевшей меня вороны; почему же ты медлишь и щадишь моего похитителя?

Скажи это Раме и отдай ему этот драгоценный камень, который носила я в волосах». И Сита вынула драгоценный камень, который был спрятан у нее в одежде, и подала его Хануману. «Этот камень Рама хорошо знает, — сказала она. — Увидев его, он вспомнит о троих — о своей матери, обо мне и о царе Дашаратхе. Ступай, о Хануман, и да послужит твоя отвага и твоя мудрость моему избавлению».

«Да будет так!» — отвечал Хануман и, напутствуемый заклинаниями и благословениями плачущей Ситы, приготовился покинуть Ланкѹ. Он простился с Ситой, ободрив ее и обещав ей снова и снова скорую встречу с Рамой. А затем оставил он священную рощу ракшасов.

Он взошел на гору Аришта и, устремив свой взор на морскую пучину, мысленно измерил предстоящий ему путь над океаном. Затем, издав ужасный крик, потрясший леса и горы и огласивший Ланку, он распростер руки и прыгнул в небо. И от могучего толчка его ног гора Аришта со своими лесами и скалами провалилась под землю.

Перелетев через океан обратно, с юга на север, словно крылатая гора, Хануман увидел перед собой вершину горы Махендра; и, жаждущий встретить по-

скорее своих друзей, он испустил крик, подобный раскату грома. И, казалось, крик тот расколол небесную твердь с солнцем, луною и звездами. И обезьяны, собравшиеся на северном берегу моря в ожидании Ханумана, услышав этот крик, пришли в волнение. Но Джамбаван, лучший из медведей, обрадованный, обратился к обезьянам со словами: «Нет сомнения, сын Ветра возвращается с удачей. Иначе он не издавал бы таких криков, как этот». И обезьяны запрыгали по деревьям и скалам, выражая так нетерпение увидеть Ханумана.

Когда же Хануман появился на небе, они замерли, сложив ладони, и, как только он опустился на вершину горы Махендра, окружили его, шумно изъявляя свою радость, и принесли ему плодов и кореньев, принесли охапки ветвей, чтобы ему было на что сесть.

Хануман приветствовал Джамбавана и царевича Ангаду и остальных обезьян и сказал: «Я видел благородную дочь Джанаки».

Затем, расположившись в живописной роще на горе Махендра, он рассказал обезьянам подробно и по порядку о своем путешествии — и о том, что приключилось с ним в пути, и о встрече с Ситой, — а закончив свой рассказ, воздал великую хвалу добродетелям Ситы.

Обезьяны, выслушав его, торжествуя и радуясь его удаче, восславили подвиг Ханумана. Затем Ангада сказал: «Эти двое — Дживида и Майнда, — могучие обезьяны, сыновья Ашвинов, небесных близнецов, могут в гневе разрушить всю Ланку с ее колесницами, конями и слонами. Что до остальных, я один справлюсь

со всеми ракшасами и с царем их Раваной. Если же вы, доблестные воины, все поможете мне, никто не устоит перед нами. Достоин ли нас явиться к Рама и сказать ему: „Мы видели благородную царевну, но не могли выручить ее из беды“? Нападём немедленно на Ланку и, разгромив ракшасов, вернёмся к Рама и Сугриве с освобожденною нами Ситой!» На это Джамбаван сказал ему, улыбаясь: «О великий вождь обезьян, то, что ты предлагаешь, не следует делать, по моему разумению. Нас послали на юг отыскать Ситу, но ни Рама, ни Сугрива не поручали нам ее привести. Даже если нам удастся это, Рама будет недоволен нарушением его повелений. Он поклялся перед всеми, что сам освободит Ситу. Поэтому нам лучше сейчас же отправиться к Рама и Сугриве и поведать им о том, что мы узнали. Рама же решит, как надлежит нам поступить».

Следуя совету Джамбавана, обезьяны тотчас пустились в путь и вскоре достигли Прасраваны, где ожидали вестей Рама, Лакшмана и Сугрива. Завидев издали обезьян, летящих по воздуху во главе с Хануманом и Ангадой, словно тучи, гонимые ветром, Сугрива сказал Рама: «Утешься. Твоя благородная супруга найдена — иначе Ангада не отважился бы явиться сюда. И по его радостному виду я заключаю, что он несет хорошие вести».

С ликующими криками опустились обезьяны на землю перед Рамой, и Хануман, склонив голову, поведал сыну Дашаратхи, что Сита жива и здорова. Услышав от Ханумана, что он видел Ситу, Рама был охвачен великой радостью. А Лакшмана, обрадованный, с почтением взирал на Сугриву и Ханумана.

И расположившись на лесной поляне, обезьяны принялись наперебой рассказывать Рама о Сите, о жизни ее в плену и о верности супругу. Рама же снова и снова расспрашивал их, желая знать все о Сите.

Тогда обезьяны обратились к Хануману с просьбой поведать обо всем, ничего не упуская. И сын Ветра рассказал о том, как нашел он Ситу, о разговоре ее с Раваной, об угрозах демониц, о сетованиях царевны и о своей встрече с нею; слово в слово передал он все речи Ситы и повторил Рама ее рассказ о дерзкой вороне. Он отдал Рама и драгоценный камень, посланный Ситой, сказав при этом: «Бледная и исхудавшая, она молвила мне на прощание: „Два месяца осталось жить мне, томящейся во власти ракшасов!“ О Рама, я рассказал тебе все; готовься же переправиться через океан».

Рама, прижимая к груди украшение Ситы, заплакал. Он сказал Хануману: «Поистине, сердце мое тает при виде этого камня. Его подарил Сите отец в день нашей свадьбы, и она носила его в волосах. Когда я гляжу на этот камень, мне кажется, что я опять вижу Ситу перед собою. О Лакшмана, есть ли ужаснее участь — держать в руках этот камень, принесенный из-за моря, но не Ситу? О Хануман, повтори мне снова все, что сказала царевна Видехи, ее слова для меня как брызги воды для лишившегося чувств. Она сказала, что ей осталось жить еще два месяца. Но я не могу жить ни мгновения без нее. О Хануман,веди меня немедленно туда, где ты нашел мою возлюбленную. Как живет она одна среди страшных и свирепых ракшасов? О Хануман, поведай мне все, что она сказала тебе.

Ее слова даруют мне жизнь, как целебные травы сраженному недугом. О Хануман, Расскажи мне о ней, разлученной со мною!»

И снова и снова Хануман повторял Раме разговор свой с Ситой, ее слова, слова утешения, которые он тогда обращал к ней: «„Скоро ты увидишь сына Дашаратхи во главе несметных ратей могучих обезьян, — так сказал я ей. — Скоро ты услышишь боевой клич нашего войска, подобный раскатам грома. И скоро ты узришь Раму на троне Айодхьи рядом с тобою, вернувшегося из изгнания“. И речи мои утешили ее».

КНИГА ШЕСТАЯ

Б И Т В А

Выслушав рассказ Ханумана, Рама сказал: «Великий подвиг совершил Хануман! Никто другой в мире не мог бы о таком и помыслить! Одно удручает меня — не могу я воздать ему достойно за ту несравненную услугу, которую оказал он мне и роду Рагху. Но дай мне обнять тебя, о великий духом сын Ветра, и тем изъяснить тебе мою благодарность!» И Рама обнял Ханумана.

Затем, обращаясь к Сугриве и Хануману, Рама сказал: «Поиски Ситы завершились успехом; но теперь другая забота гнетет мою душу. Как минует войско обезьян преграду непреодолимую, как перейдет оно через пучину?» Сугрива сказал: «Не горюй, о Рама! Сита найдена, и мы знаем теперь, где обитает ее похититель, наш враг. Никто в трех мирах не устоит против тебя в бою, и нет неисполнимого для этих преданных тебе могучих обезьян. Но войско наше не перейдет море без моста. И потому, о Рагхава, повели построить мост через океан; когда же мы вторгнемся на Ланку, Равана и ракшасы его падут под нашими ударами и Сита вернется к тебе. Победа будет нашей, великий воин, в том нет у меня сомнения!»

Тогда, ободренный этими речами отважного Сугривы, Рама стал расспрашивать Ханумана о крепости Ланки, о силах, ее охраняющих, и о ее оборонительных средствах и сооружениях. Хануман, сын Ветра, сказал: «Узнай, о Рама, что Ланка, подобная великолепию обители бессмертных, стоит на горе и ее окружает высокая и неприступная золотая стена, выложенная жемчугом, кораллом, ляпис-лазурью и драгоценными камнями; а вдоль стены тянется широкий ров, наполненный водою, бездонный и непроходимый, кишящий рыбами и хищными водяными тварями. Четверо ворот имеет город, огромных и крепких, запертых тяжелыми засовами. Против каждых ворот через ров переброшен мост; и в этих местах установлены сотни железных острых шатагхни, камнеметов и иных боевых орудий, способных отразить нападение и сбросить в ров вражеское войско. Десять тысяч храбрых ракшасов-копьеносцев охраняют Восточные ворота Ланки; сто тысяч — цвет

войска ракшасов — стоят на страже Южных ворот; миллион ракшасов, опытных и неодолимых воинов, вооруженных мечами и щитами, обороняет Западные ворота; и Северные ворота защищают десять миллионов ракшасов. Город полон колесниц, слонов и коней, и несметные полчища неукротимых и бесстрашных ракшасов, отпрысков знатных семей, мириады свирепых демонов, бесов и оборотней стерегут его днем и ночью. Вождь их — воинственный Равана смел и в бою неопрометчив; по единому знаку Раваны повинуются ему его грозные рати. Но, переправившись через море, обезьяны победят ракшасов и покорят их твердыню. Повели войскам выступать, о Рама!»

«Воистину, — отвечал Хапуману Рама. — Настало время свершения наших планов. Сегодня восходит на небе Северная Пхальгуни, созвездие, под которым родилась Сита. Сегодня мы выступим в поход, чтобы освободить из плена царевну Видехи.

Пусть отважный Нила с тысячами быстроногих обезьян идет впереди войска, разведывая путь. О Нила, укажи войску такую дорогу, которая идет по медвяным лугам и тенистым лесам, изобилует плодами и кореньями, источниками чистой воды. И пусть твои проворные воины бдительно высматривают вражеских лазутчиков в лесных зарослях и в горных ущельях и на скалах.

Пусть останутся неопытные и несмелые, ибо поход наш преисполнен опасностей и тягот.

Следом за Нилой двинутся во главе обезьяньей рати могучий Гаджа и предводитель прыгунов Гавакша. И пусть Ришава, украшение обезьяньего рода, ведет правое крыло нашего войска, а неистовый Гандха — левое крыло. Я же буду следовать в середине войска;

могучий Хануман понесет меня, как божественный слон Айравата — Индру. Лакшману понесет Ангада. А с тыла пусть замыкают шествие наше царь медведей — могучий Джамбаван, Сушена и обезьяна Вегадаршин».

Войско построилось в порядке, указанном Рамой, и выступило в поход в час благоприятного расположения светил. И на всем пути все приметы и знамения предрекали ему успех.

Нила шел впереди, расчищая войску дорогу. Следом шли тысячи и тысячи обезьян, испускающих воинственные клики, ревущих, как львы, неистовствующих и изъясняющих радость свою прыжками и кувырканием, стремящихся вперед неудержимо! Одни из них, похвальною силой, хватили и швыряли оземь товарищей своих, другие ломали деревья, кусты и лианы, третьи низвергали камни со скал; и одни двигались прямо, другие — наискось, лакомясь на ходу медом и плодами, купаясь в ручьях и прудах, взбираясь на холмы, прыгая по деревьям, сметая преграды на своем пути, побуждаемые жаждой битвы.

Царь Сугрива, Рама и Лакшмана двигались в середине войска, окруженные толпами обезьян устрашающего вида, могучих, подобно тиграм и слонам; следом за ними шли, замыкая войско, Джамбаван и Сушена, предводительствующие несчетной ратью медведей.

И Нила, и Балимукха, и Гаджа, и Рабхаса и другие военачальники неутомимо обегали ряды идущих, подбадривая воинов. А обезьяны шли и шли, заполонив всю землю на много йоджан вокруг. Иные, вдохновленные тщеславием юности, издавали грозные крики и вопли, иные подпрыгивали высоко в воздух или же стремились вперед, падали на землю и тотчас вскакивали, задирали

хвосты, визжали, топтали землю ногами, вырывали из земли деревья и тащили их на себе, играли деревьями и камнями, выказывая друг перед другом рвение свое и радость. И обезьяны ревели в присутствии Рама: «Мы убьем Равану и истребим всех бесов ночных!»

Так двигалось войско на юг, оставляя за собою леса, поля и холмы, деревни, города и страны. И пыль от идущих обезьян, медведей и тигров — воинов, вооруженных когтями и клыками, поднималась, как туча над землею, и застилала свет солнца.

Миновав гору Сахья, войско пошло, не останавливаясь, поспешая ради освобождения Ситы. Небеса были безоблачны, дул ласковый попутный ветерок, приветно звучали крики зверей и пение птиц в лесах, воды источников были прохладны и усладительны, и ветви деревьев, колеблемые ветром, отрясали на идущих дожди благоухающих цветов. И звезды в небе предвещали удачу.

С вершины горы Махендра Рама увидел наконец вдаль безбрежные просторы океана, обители Варуны. И, построив свои бесчисленные рати, вожди обезьяньего войска вступили в лес, прилегающий к морскому берегу. Рама сказал Сугриве: «О Сугрива, мы достигли океана; прикажи войскам своим стать лагерем на его берегу. Настало время нам поразмыслить и посоветоваться о том, как переправиться через пучину океана, господина рек. И пусть военачальники идут к своим отрядам и воспретят им разбредаться по окрестностям — здесь на каждом шагу следует остерегаться ракшасов, коварных оборотней».

И войско вышло на поросший лесом берег, омываемый волнами, и взорам воинов открылся бескрайний

океан, рокочущий, вздымающий валы, увенчанные пеной, гонимые яростным ветром, океан — обитель бога Варуны, таящая в глубинах своих, населенных чудовищными акулами, китами, тимингалами и морскими змеями, бесценные сокровища и жемчуга. Воды океана прибыли с восходом луны, и беспредельные просторы его подобны были во всем небесам. И волны, то поднимаясь, то падая, словно плясали, словно смеялись, плеща и пенясь, и, ударяясь друг о друга, они рождали шум, подобный грому небес: казалось, гневался океан, с ревом бьющийся о прибрежные скалы; но шум, поднятый обезьяньим войском, хлынувшим на берег морской, разносился далеко окрест и покрывал рев пучины.

И на берегу неоглядного и бездонного моря, за которым жили ракшасы, обезьяны стали лагерем.

Рано утром доблестный Вибхишана, муж, приверженный благоразумию и добродетели, вступил в чертоги Раваны, своего старшего брата, как блистающее солнце в полосу густых облаков. Там, в чертогах, возвышавшихся подобно горным вершинам, в просторных дворцовых покоях, полных украшений, жемчуга и драгоценных камней, жили родовитые царские сановники, многомудрые и благочестивые, и жили там прекрасные жены царя.

Ревом труб и барабанным боем оглашались покои Раваны, и грозные стражи — свирепые ракшасы — охраняли врата в них из чистого золота.

Миновав ряд покоев, где брахманы, знатоки Вед, свершали обряды и распевали священные гимны и молитвы, Вибхишана узрел своего царственного брата, приветствовал его и по знаку его опустился на золоченую асану. И сказал могучерукий Вибхишана царю ракшасов в присутствии его приближенных слова, исполненные здравомыслия и соответствующие месту и времени: «С тех пор как царица Видехи, о победоносный, явилась к нам, похищенная тобою у ее супруга, дурные предзнаменования сулят беду нашему роду. На жертвенных алтарях огни чадят и гаснут, не разгораясь; в жертвенном масле находят муравьев; змеи заползают в храмы. Вороны, каркая, тучами кружат над кровлями зданий, в сумерки слышен зловеющий вой шакалов, и волки прибегают в город из лесов и воют по ночам у ворот дворца. О царь, чтобы предотвратить грозящую нам беду, есть один лишь путь — ты должен примириться с Рамой, вернуть ему его возлюбленную Ситу. Иначе неминуемая гибель ждет наш город и всех ракшасов. В бою неодолим могучий победитель Кхары, и страшным будет возмездие за нанесенную ему тобой обиду».

Внимая этим разумным речам, Равана, ослепленный своею греховною страстью, обуян был гневом. «Страх я не ведаю совсем, — сказал он. — Никогда уже не видеть Раме дочери Джанаки. Пусть сам Индра с небожителями будет помогать ему — против меня он бессилен». И Равана, недовольный, отпустил своего брата Вибхишану, сказавшего ему правду.

Поразмыслив и посоветовавшись со своими приближенными, Равана решил; что время войны настало. И он взошел на колесницу, украшенную жемчугом и

кораллами, с золотою упряжью, и отправился в дом совета, воздвигнутый Вишвакарманом. Могучие ракшасы, вооруженные мечами и щитами, сопровождали его, и подданные склоняли головы перед ним, сложив ладони, и возглашали победу ему, когда он следовал в дом совета, наполняя окрестность громом своей колесницы.

Прибыв во дворец, воздвигнутый Вишвакарманом, Равана вошел и сел на трон, украшенный ляпис-лазурью и покрытый оленьей шкурой. Он разослал гонцов по всей Ланке, повелев им созвать ракшасов, и гонцы вошли в каждый дом и всюду возвестили царскую волю. И со всех концов явились в столицу грозные воины, пешие и конные, на бесчисленных колесницах и повозках и на слонах, готовые исполнить любой приказ десятиглавого владыки.

Когда все воители и военачальники, и среди них — Кумбхакарна, бодрствовавший в тот день, заняли свои места, Равана сказал: «О могучие мужи! Вы, чья отвага помогла мне одержать победу над якшами и данавами и самими бессмертными богами! Ныне снова нужен мне ваш совет и ваша помощь — с ними мне всегда сопутствовал успех. Рама во главе обезьяньего войска идет па Ланку, проведая о том, что сюда унесена мною из леса Дандака его возлюбленная Сита.

Я не знаю в трех мирах никого, кто бы равен был красотою Сите, и нет никого для меня желанней. Она так стройна и нежна, словно сам Майя, небесный художник и зодчий, изваял ее и наделил несметными чарами, пленяющими взор и сердце. Когда я вижу ее ноги, маленькие и нежные, как лепестки цветов, страсть опалает мою душу. И когда я взираю на ее пре-

красное лицо, сияющее, как солнечный свет, я теряю власть над собою. Но непокорная красавица не хочет взойти на мое ложе. И терзаемый неукротимой страстью, одолеваемый и радостью и гневом, я потерял покой, я изнурен, как конь, загнанный в скачке. Год сроку просила у меня царица. Она ожидает супруга своего Раму, на чью отвагу возлагает свои надежды, стремясь избавиться от плена. И хотя не пересечь ему и его обезьянам океана и не страшен мне, одолевшему богов, враг — простой смертный, все же я призвал вас на совет, ибо совет рождает победу, — так говорят мудрые. Обдумайте и рассудите, как защитить Ланку и что нужно для того, чтобы Сита осталась в моей власти и чтобы погибли сыновья Дашаратхи».

И выслушав эти речи Раваны, ракшасы отвечали ему: «У тебя, о царь, достаточно войска и оружия. О чем печалиться тебе, победителю Смерти? Повели сыну твоему Индраджиту, одолевшему властителя небес, стать во главе рати — он без труда справится с обезьянами и с Рамой».

Прахаста сказал: «Я могу одолеть в битве богов и данавов, и нагов, и гандхарвов — что для меня эти двое из людского рода, Рама и Лакшмана? Ханумап обманул пас однажды, но во второй раз он не уйдет отсюда живым. Прикажи, о царь, и я истреблю обезьяний род и очищу от него землю; и не будет у тебя причины для тревоги».

И Дурмука, и Ваджрадамштра, и Никумба, сын Кумбхакарны, и другие военачальники ракшасов, каждый поочередно, поклялись, что в одиночку одолеют Раму и Лакшману и обезьянье войско. И распаленные

гневом ракшасы вскочили со своих мест, и, размахивая неистово копиями, палицами, луками, дротиками, топорами и сверкающими мечами, они выкрикивали угрозы и сулили смерть Раме и его соратникам.

Кумбхакарна же сказал: «О царь, в тот миг, когда похитил ты Ситу из-под стражи Лакшманы, поистине, страсть захлестнула твой разум, как затопляет Ямуна прибрежные поля в половодье. Это деяние было недостойно тебя, о великий царь. Раньше чем совершить его, должен ты был просить нас о совете, а не после того. Тот, кто поступает по справедливости, не имеет причины раскаиваться после. Но тот, кто действует, не рассуждая, и спрашивает совета не в надлежащее время, терпит ущерб.

Но если уж настало время сражаться, я огражу тебя от твоих врагов, о Десятиглавый. Будь покоен — я принесу тебе желанную победу. Я убью Раму и выпью его кровь; я сокрошу и пожру вождей обезьян. И когда я пошлю Раму в страну, которой правит Яма, Сита навсегда пребудет в твоей власти, и ты насладишься ее красотой без помехи».

И Махапаршва сказал, видя гнев Раваны: «О победоносный, поистине, человек, вошедший в цветущую рощу и не отведавший меда, коим она изобилует, дурочит сам себя. Кто может повелевать тобою, о повелитель, кто посмеет противиться твоей воле? Почему не исполнишь ты своего желания, если страсть влечет тебя к Сите, и не вкусишь наслаждения вволю? Чего бояться тебе, когда Кумбхакарна, и Индраджит, и все мы стоим на страже твоего покоя и сам громовержец Индра не в силах помешать тебе в твоих стремлениях?»

Выслушав эти речи, Равана отвечал Махапаршве: «Знай, о Махапаршва, что я не могу сделать того, о чем ты говоришь. Некогда я увидел Панджикастхалу, блистающую, словно пламя в небе, на пути к обители Брахмы. Ее красота ослепила меня, и я наслаждался ею, лишив ее блистательного наряда; подобная сломанному лотосу, удалилась она в чертоги Прародителя. И тогда, узнав о случившемся, разгневанный Владыка сказал мне: „Если когда-нибудь отныне ты возьмешь женщину силой, голова твоя в тот же миг разорвется на тысячу частей“. Вот почему, угнетаемый тайным страхом, я не касаюсь царевны Видехи.

Но Рамы я не боюсь. Этот дерзкий не знает мощи моей, и потому отважился он приблизиться к моим владениям. Кто, безрассудный, смеет тревожить спящего в пещере льва? Он не видел в сражении стрел моих, подобных ядовитым змеям, несущих смерть врагам. Как взошедшее солнце побеждает блеск звезд, так и я со своею могучей ратью одолею его силу».

Тогда сказал царю ракшасов Вибхишана, преданный мысли о благе его: «Воистину, страсть твоя к Сите — это змея, обвившаяся вокруг твоей шеи; она тебя задушит. И на всех нас великую опасность навлекла дочь царя Митхилы — пока не поздно, отдай ее Раме. Пока обезьяны не овладели Ланкой и стрелы Рамы не снесли головы с плеч лучшему из ракшасов, верни ему его возлюбленную супругу». И, обратившись к Прахасте и другим военачальникам ракшасов, Вибхишана сказал: «О бродящие в ночи, мощь вашего врага беспредельна, и ради вашей жизни и блага вы не должны пренебрегать ею. Нет мудрости в том, что сказали вы здесь, как нет у грешника надежды на не-

беспое блаженство. Ни ты, о Прахаста, ни Индраджит, ни Кумбхакарна не в силах устоять против Рамы в бою. И если царь наш неистов и безрассуден и сам стремится навстречу своей гибели, вы должны поступить, как истинные друзья его, а не как враги. Как одержимого злым духом спасают друзья, таща его за волосы, так и вы спасите царя, хотя бы и вопреки воле его! Ради блага царя, и города, и всех ракшасов — возвратите Раме дочь государя Митхилы!»

Со вниманием выслушав Вибхишану, одаренного божественным красноречием, великий духом Индраджит, предводитель демонов, сказал: «К чему, о дядя, ведешь ты эти бесполезные речи, приличествующие трусу? Нет в нашем роду боязливых и слабых; один Вибхишана, брат моего отца, лишен, видно, мужества и силы. Чего боишься ты, о робкий, когда любой из ракшасов справится и с Рамой и с Лакшманой? — Ведь они — всего лишь смертные люди. Повелитель богов, владыка трех миров, был пленен мною и приведен на землю, и небожители разбежались в страхе передо мною. Я вырвал клыки у небесного слона Айраваты и низвел его на землю. Ужели я, сломивший гордость богов и дайтьев, не одолею человека?» Вибхишана отвечал Индраджиту: «О сын мой, ты еще дитя, и ум твой не созрел для совета — оттого и похваляешься ты как безумец на горе себе и отцу своему. Ни тебе, никому другому не устоять против сына Дашаратхи; безрассудны твои слова! О царь, — молвил Вибхишана, — верни Ситу Раме, и да избегнем мы беды и обречем покой!»

На эти слова Вибхишаны, исполненные благоразумия, Равана отвечал, движимый пагубным гневом:.

«Лучше жить среди явных врагов или среди разъяренных змей, чем с теми, которые выдают себя за друзей, будучи врагами втайне. Я хорошо знаю, о ракшас, природу родственников, они одинаковы повсюду — всегда рады несчастьем близкого. И родственники царя, могучего и победоносного, всегда стремятся повредить ему и расстроить его замыслы. Худшие враги — лицемерные родственники, они рады повредить один другому. Знаешь, что в былые времена сказали слоны, заведя охотников? — „Нам не страшны ни огонь, ни оружие, ни даже ужасная петля — мы боимся коварных родичей своих, ослепленных себялюбием. Только с их помощью нас находят и ловят в лесах“. И нет хуже страха, чем страх перед родственниками. Недаром говорят: „В коровах — молоко, в родственниках — опасность, в женщинах — непостоянство, в брахманах — благочестие“. Ты завидуешь моей славе, моему богатству, моему могуществу. Позор тебе, о презренная обезьяна, ты, что бесчестишь род свой! Если бы иной кто-нибудь осмелился произнести то, что я услышал сейчас от тебя, он тотчас лишился бы жизни!»

Оскорбленный суровой речью Раваны, Вибхишана поднялся в гневе со своего места и сказал: «Ты ослеплен, о царь. Только забота о твоём благе понуждает меня говорить. Я не хочу видеть тебя убитым, сраженным золотоперыми стрелами Рамы. Ты — старший брат мой, и я должен почитать тебя, как отца, но ты не следуешь праведным путем. И я не потерплю твоих оскорблений. О царь, тех, кто услаждает твой слух льстивыми речами, ты много найдешь вокруг себя, но редки те, кто может сказать или выслушать слова не-

приятные, но справедливые. Прости мне, о Десятиглавый, то, что я сказал тебе ради твоего блага. Поступай, как хочешь, обороняй, как можешь, себя и этот город. Я уйду, и да будешь ты счастлив без меня».

И Вибхишана и вместе с ним еще четверо высоко-родных ракшасов покинули собрание бесов тьмы.

Покинув Ланку, Вибхишана во мгновение ока достиг тех мест, где расположились с обезьяньим войском Рама и Лакшмана. Вожди обезьян завидели его издалека, летящего по воздуху подобно грозовой туче, сверкающей молниями, и с ним четверых его спутников, могучих и устрашающих видом, с мечами и палицами в руках. И Сугрива, поразмыслив, сказал Хануману и другим обезьянам: «Смотрите, вот летит ракшас и вслед за ним еще четверо вооруженных демонов, чтобы убить нас». И обезьяны отвечали, потрясая каменными глыбами и стволами деревьев: «Прикажи, о царь, и мы сокрушим и уничтожим этих злобных бесов. На горе себе явились они сюда». Вибхишана между тем опустился на северном берегу океана и громким голосом вскричал, обращаясь к Сугриве и его приближенным: «Я — Вибхишана, младший брат Раваны, царя ракшасов, свершившего много нечестивых деяний. Это он похитил Ситу из Джанастанханы и убил коршуна Джатаю; ныне он держит ее в плену на Ланке. Тщетно я увещевал его и умолял

его возвратить Ситу Раме. Он оскорбил и унижил меня, и я покинул Ланку, покинул детей моих и жен и явился сюда искать прибежища у Рагхавы. Поведайте великому духом потомку Рагху, что прибыл Вибхишана, брат царя демонов».

Сутрива поспешил тогда к Раме и сказал ему: «Младший брат Раваны, по имени Вибхишана, явился сюда с четырьмя ракшасами искать твоего покровительства. Остерегайся его, о победоносный; эти ракшасы коварны и опасны. Несомненно, он проник к нам, чтобы посеять смуту в нашем стане или убить нас, воспользовавшись нашей беспечностью, как сова, истребившая спящих ворон. Он — ракшас родом и брат нашего врага, как можем мы доверять ему? О благородный, я думаю, что этот Вибхишана, подсланный к нам Раваной, должен быть убит. Он погубит тебя, если ты поверишь ему».

Выслушав Сутриву, Рама обратился к другим обезьянам, окружавшим его, и сказал: «А что думаете вы об этом и что посоветуете мне, как истинные друзья?» Обезьяны отвечали ему: «О Рама, ты говоришь так для того только, чтобы почтить нас изъявлением твоего уважения. Ты мудр и проницателен и знаешь сам, как надлежит здесь поступить. Но пусть выскажут свое мнение мудрейшие из нас». Ангادا сказал тогда о Вибхишане: «Мы не должны верить ему сразу; ведь он пришел от наших врагов. Злые скрывают истинную свою природу и губят людей, пользуясь их слабостями. Нам должно быть настороже». И Шарабха сказал: «Прежде испытайте его; подошли к нему тайных соглядатаев и, если убедишься, что он не замышляет злого, привлеки его на нашу сторону».

Хануман же молвил, обращаясь к Рама: «Я не думаю, о царь, что есть польза в том, что советуют тебе. И мне кажется, что действовать следует осмотрительно и неопрометчиво. Как можем мы испытать его? И если пришелец явился как друг, наша подозрительность только оттолкнет его. Я же не заметил в нем коварства, когда он говорил. Речь его лишена хитрости; я верю ему. Замысляющий злое не явится так смело и открыто. Не так легко скрыть собственную природу, она всегда выдаст себя. Нет сомнения, Вибхишана слышал о гибели Валина и о воцарении Сугривы; ныне, движимый здравомыслием, он пришел к нам, желая получить царство. Обдумав это, нам следует принять его помощь. Я сказал то, что думаю об этом, о мудрый, теперь тебе надлежит решать».

Рама сказал: «Я мыслю о Вибхишане так же, как и ты, о сын Ветра. Очевидно, он пришел сюда как друг; и я не могу отвергнуть его». Выслушав эти слова и поразмыслив над ними, Сугрива, царь обезьян, сказал: «Пришел ли он к нам как друг или как враг этот бродящий в ночи, нам не следует принимать его, покинувшего своего брата в беде. Почему должны мы верить, что он не предаст и нас в час невзгоды?» Рама тогда, глядя на Сугриву, молвил, улыбаясь: «Мудры слова царя обезьян. Но следует помнить, что есть разные враги — одни приходят извне, другие появляются внутри рода. И если в роду царей братья не верят друг другу — тогда они боятся один другого и меж ними неизбежна война. Мы не родственники Вибхишане; он пришел к нам, чтобы завоевать царство. О Сугрива, не все братья подобны Бхарате, не все друзья — тебе. Намерения Вибхишаны нам ясны, и

нам не следует пренебрегать новым союзником». Сугрива сказал на это: «О благородный, этот демон послан сюда Раваной. Он намеревается погубить нас — меня, и тебя, и Лакшману. Я полагаю, нам лучше умертвить его и четверых его приближенных!»

Выслушав слова Сугривы и взвесив их, Рама сказал: «Вибхишана пришел в наш стан как друг, и нет у нас причины подозревать его в злых замыслах. И даже если мы не знаем его истинных намерений, я не могу отказать в убежище тому, кто просит меня о нем.

К тому же он не сможет причинить нам зла, если он и захочет. Ни пишачи, ни данавы, ни якши, ни все ракшасы на земле не страшны мне — я справлюсь с любым из них. О Сугрива, лучший из обезьян, ступай и приведи сюда Вибхишану; пусть он идет безбоязненно; тот, кто ищет у меня убежища, всегда найдет его, будь то сам владыка демонов».

Сугрива, убежденный словами Рамы, повиновался; и Вибхишана с четырьмя ракшасами предстал перед сыном Дашаратхи и поклонился ему в ноги. «Я — младший брат Раваны, оскорбленный им, — сказал Вибхишана. — Я пришел к тебе искать защиты у тебя, о великий духом, оставив на Ланке друзей моих и мои богатства. Жизнь моя и все, чем я владею, — в твоей власти отныне, о Рагхава». И Рама, ободрив его приветливыми речами и взглядом, сказал ему: «Поведай мне о силе и слабости моих врагов».

Вибхишана сказал: «О царевич, Равана, десятиглавый владыка ракшасов, могуч и непобедим в бою. Милостью Самосущего, дарованной ему за подвиги благочестия, он неуязвим для всех — для богов и ганд-

харвов, для змей и птиц. Второй мой брат, Кумбхарна, в битве равен силою властителю небес. Сын Раваны Индраджит сражается в непробиваемых оружьем доспехах, в перчатках из кожи игуаны и обладает даром становиться невидимым в бою. Прахаста, победитель Манибхадры, предводительствует войском Раваны. Десять тысяч раз по десять тысяч воинов у него под началом — ракшасов, населяющих Ланку, оборотней, кровожадных и грозных. В битве они неодолимы».

Вслушав эти речи и взвесив их в уме, сын Дашаратхи сказал: «Я вижу, сколь велико могущество Раваны, о котором ты рассказываешь, о Вибхишана. Но знай, что я убью Десятиглавого и его соратников и сделаю тебя царем. Ни под землей, ни на небесах не скроется он от меня и не найдет спасения. Клянусь моими братьями, я вернусь в Айодхью, лишь когда убью в битве Равану с его сыновьями, родичами и друзьями».

И Вибхишана сказал: «Располагай мною, о Рагхава; я помогу тебе всей моею мощью в завоевании Ланки. Ты увидишь меня, истребляющего ракшасов, в самой гуще войска Раваны».

Тогда Рама, обрадованный, обнял Вибхишану; затем, обратившись к Лакшмане, он сказал: «О брат мой, принеси воды из океана». И сын Сумитры повиновался; и по велению Рамы он окропил водою голову Вибхишаны; перед взорами обезьяньего войска, при возгласах одобрения и приветственных кликах воинов Рама объявил Вибхишану царем ракшасов. И обезьяны воздали хвалу великодушию и мудрости сына Дашаратхи.

Помазав на царство младшего брата Раваны, Рама вышел на берег океана, господина рек, и стал на берегу над пучиной, рокочущей и вздымающей волны. И узрев Лакшману рядом с собою, Рама сказал ему такие слова: «Говорят, что скорбь утихает со временем; но моя тоска, порожденная разлукою с Ситой, возрастает день ото дня. Увы! Снова и снова слышится мне крик ее: „О супруг мой!“ — в час ее похищения; словно яд, он жжет меня. О сын Сумитры, покинув тебя, я готов низринуться в эту бездну океана, чтобы погасить огонь, испепеляющий мое сердце!

Когда, пронзив стрелами грудь повелителя ракшасов, я развею мою тоску? Когда увижу я лицо моей любимой, сияющее несравненной красотой? Когда она обнимет меня, улыбаясь, и я, подобно умирающему, приникшему к источнику бессмертия, запечатаю поцелуй на губах ее, нежных, как лепестки лотоса?

О Ветер, лети в ту сторону, где томится в плену моя милая, и, коснувшись ее, вернись и поведай на меня, принеси мне радость!

Вдали от меня, ее супруга, она влачит свои дни среди свирепых демонов и девиц, лишенная защиты. Нежная и хрупкая как цветок, она изнурена печалью и невзгодами. Когда же настанет день нашей встречи и горе покинет меня?»

Ракшас Шардула, соглядатай злого Раваны, увидел войско Сугривы на морском берегу. Поспешив на Ланку, он предстал перед своим повелителем и сказал:

«Несметная рать обезьян и медведей приближается к Ланке. Сыновья Дашаратхи привели ее на берег океана. Реши, о великий царь, что должно сделать прежде, чем враг подступит к городу!»

Услышав от Шардулы о приближении неприятеля, Равана призвал к себе ракшаса по имени Шука и сказал ему: «Ступай и, проникнув во вражеский стан, явись к царю Сугриве и передай ему от меня такие слова: „О Сугрива, могучий сын Солнца, отпрыск великого рода! Зачем ведешь ты против меня свое войско? Я не враждовал с тобою. Поистине, я считаю тебя моим братом, о царь обезьян! Я похитил супругу у царевича Айодхьи, но что тебе до этого, о Сугрива? Возвращайся в Кишкиндху. Никому не дано одолеть крепость Ланки. Даже боги и гандхарвы не могли этого сделать — что же говорить о людях и обезьянах?“»

Приняв такое поручение, ракшас тотчас обернулся птицей и взвился в небо. Пролетев над морской пучиной, он опустился на землю и, явившись перед Сугривой, повторил все, что молвил ему коварный Равана. Едва он кончил, обезьяны, слышавшие его речи, повскакали с мест, бросились стремительно на Шуку и схватили его, намереваясь оборвать ему крылья или убить его. И схваченный ими Шука вскричал тогда жалобным голосом, обращаясь к Рама: «О потомок Рагху, не подобает убивать посла. Останови обезьян, о Рама!» И Рама сказал обезьянам: «Не убивайте его».

Снова став на землю, демон молвил: «О Сугрива, что сказать мне Раване, перед которым трепещут все живые существа?» Царь обезьян отвечал: «Скажи ему, о ракшас, мои слова: „О Равана, ты не друг мне и не благодетель мой, и я не питаю любви к тебе. Ты

враг Рамы и потому достоин смерти — как Валин до тебя — с твоими друзьями и родственниками. И потому я убью тебя, о царь бродящих в ночи, с твоими сыновьями, друзьями и родственниками и обращу Ланку в пепел. И ты не избежешь своей участи, даже, если боги встанут на твою защиту. Ни ракшасы, ни пишачи, ни гандхарвы, ни асуры не защитят тебя, Равана. Ты похитил прекрасную Ситу, но ты не соразмерил своих сил, о безумный. Кара настигнет тебя; тебе не устоять перед могуществом Рамы — он возьмет твою жизнь“».

Тогда, обращаясь к Сугриве, заговорил Аганда, сын Валина: «О мудрейший царь, этот ракшас — не посол. Думается мне — и в том у меня нет сомнения, — что это соглядатай. Он явился сюда, чтобы разведать наши силы. Истинно говорю тебе, схвати его. Не давай ему возвращаться в Ланку». И тогда по приказу Сугривы обезьяны схватили Шуку, и он возопил, как погибшая душа. Жестоко сжатый руками безжалостных обезьян, Шукá вскричал, опять взывая к великодушному сыну Дашаратхи: «О Рама, они отрывают мне крылья и выцарапывают глаза! Если я погибну, пусть все грехи, свершенные мною со дня рождения и до смертного часа, падут на твою голову!» И слыша этот жалостный крик, Рама остановил обезьян и сказал им: «Отпустите посла».

И повинувшись слову Рамы, обезьяны пощадили Шуку, но до времени воспрепятствовали ему возвращаться на Ланку и по повелению Сугривы, связав, оставили в плену.

Сугрива и Хануман обратились тогда к Вибхишане и спросили его: «Скажи, доблестный, как переправиться нам с войском через бездну вод — обитель Варуны?»

На это ответил благочестивый брат Раваны: «Пусть Рама прибегнет к милости Океана. Некогда царь Сагара, пращур Рамы, сотворил эту великую бездну — морскую пучину; и ныне могучий Океан не откажет в помощи потомку Сагары».

И по совету Вибхишаны Рама вышел на берег океана. Три дня он оставался там, и три ночи он спал на берегу на ложе из травы куша. На четвертый день он услышал голос Океана; встав из волн в блистающем жемчугом и золотом наряде, окруженный огненными паннагами и женами своими, богинями рек, Океан приблизился к Раме и сказал: «О Рагхава, глубины мои бездонны, и нет предела вечному движению волн. Нет переправы через меня — такова моя природа. Но я помогу тебе и сделаю так, чтобы войско твое могло перейти меня, и свирепые морские чудовища не тронут его. О благородный, в войске твоём есть обезьяна по имени Нала, сын Вишвакармана, зодчего богов. Повели ему построить мост через меня, и воды мои, как твердое дно, поддержат этот мост».

Сказав так, Океан исчез; с ним исчезли Реки и паннаги. Тогда поднялся Нала, достойнейший из обезьян, и сказал: «Истину молвил господин рек. Искусством, унаследованным мною от отца, я воздвигну мост через бескрайнюю обитель дельфинов. Пусть сегодня же примутся за работу могучие обезьяны».

И тогда по велению Рамы сильнейшие из обезьян сотнями и тысячами, не мешкая отправились в лес. Обезьяны-исполины, сами подобные горам, стали вырывать из земли деревья и носить их к океану. И они бросали и валили в море деревья шала и пальмы, ашвакарны, арджуны и цветущие карникары, семилест-

ники, апоки и биллаки, бамбук и бакулы, и гранатовые и манговые деревья. Они валили или вырывали их с корнями, они выламывали громадные утесы и катили или тащили их при помощи хитроумных приспособлений к морю. И когда эти огромные утесы рушились в море, воды вздымались горою до самых небес и опять опадали; и деревья, падая в пучину, рождали смятение волн и водовороты.

И превеликий и оглушающий шум стоял от падения в воду тех скал. Меж тем пока одни обезьяны тащили и рушили в море деревья и камни, другие уже взбирались на них, выступающих из воды, держа в руках палки и веревки для измерения прямизны моста. И с помощью сотен могучих обезьян Нала начал строить мост через океан, мост в сто йоджан длиною.

В первый же день обезьяны, мощью подобные слонам, исполненные рвения и напрягающие силы, закончили четырнадцать йоджан моста. Во второй день, работая быстро и споро, они сделали двадцать йоджан. На третий день могучие обитатели лесов продвинулись на двадцать одну йоджану через море. На четвертый день пылкие и неутомимые обезьяны, трудясь с великим усердием и охотою, продвинулись на двадцать две йоджаны. И на пятый день они закончили двадцать три йоджаны, достигнув дальнего берега. Так могучий сын Вишвакармана, равный искусством своему божественному отцу, построил мост через океан.

И этот мост, сооруженный обезьянами над обителью дельфинов, был прекрасен видом и блистателен, как Млечный Путь на небосводе. Тогда боги и гандхарвы, сиддхи и великие святые появились на небе.

сах, жаждущие увидеть это чудо. И они узрели великолепный мост Налы в десять йоджан шириною, протянувшийся на сто йоджан через море, сооруженный с искусством бесподобным и непостижимым. А обезьяны, прыгая и кувыряясь с ревом и громогласными криками радости, тоже созерцали этот чудесный мост, подобный пробору в волосах на голове Океана.

И сотни тысяч отважных обитателей лесов перешли по воздвигнутому ими мосту через море, и во главе войска Хануман и Ангада перенесли на себе Раму и Лакшману на другой берег океана. И воины шли через мост, скача и прыгая, и взвиваясь в воздух, как птицы, с громовыми кликами и торжествующим ревом, заглушающим грозный рев морской пучины.

Перейдя море, войско стало на поросшем лесом берегу, в местности, изобилующей плодовыми деревьями и пресной водою. Солнце померкло; облака на небе окрасились кровью; красные, как сандал, сумерки опустились на землю, и из окрестных лесов послышался вой шакалов и тоскливые крики неведомых птиц и зверей, предвещающие великое кровопролитие и гибель воинов в грядущей битве.

И построив войска, Рама повел их на Ланку. Сугрива и Вибхишана шли впереди, издавая воинственные клики. И земля дрожала под поступью могучей рати обезьян.

Вскоре Ланка завиднелась впереди, словно гряда облаков; и шум города, звуки труб и литавр донеслись до слуха обезьяньего войска. И услышав их, обезьяны, обрадованные, взревели, покрыв эти звуки своим ревом. Рама же, завидев вдали город ракшасов с его

великолепными дворцами, возносящими стены свои к небесам, с его прекрасными домами, увенчанными знаменами и стягами, — увидев перед собою Ланку, воздвигнутую Вишвакарманом на вершине горы, предался мысли о Сите, томящейся в плену за ее стенами.

Обезьяны меж тем двинулись к Ланке, вырывая на ходу деревья и подбирая камни. Рама сказал Сугриве: «Пусть построится наше войско в должном порядке: пусть Ангада вместе с Нилой станет в середине строя; пусть Ришабха со своими обезьянами станет на правом крыле войска, а отважный Гандхамадана — на левом. Я с Лакшманой стану впереди; медведи во главе с Джамбаваном и Сушеной пусть следуют за Ангадой, а ты, о царь обезьян, прикроешь нас с тыла».

И когда войска, тучей заполонившие подступы к Ланке, построились в указанном Рамой порядке, сын Дашаратхи сказал Сугриве: «Теперь ты можешь освободить Шуку». И Сугрива отпустил посла Раваны.

Освобожденный по слову Рамы Шука, жестоко помятый и оципанный обезьянами, натерпевшись смертельного страха, еле живой возвратился в город Ланку и предстал перед царем ракшасов. Увидев его, Равана разразился смехом и спросил Шуку: «Что стало с твоими крыльями? Ты выглядишь так, словно кто-то хотел их оторвать у тебя. Так, видно, ты попал в лапы

обезьян?» И Шука, трепеща, рассказал о том, что с ним случилось. «С обезьянами договориться нельзя, о государь, — сказал он. — Они свирепы и взбалмошны по природе своей. Рама вступил на остров вместе с Сугривой, тот Рама, который убил Вирадху и Кабандху, и Кхару. Воздвигнув мост через пучину и перейдя океан, Рама стоит теперь у стен города; и с ним пришли полчища обезьян и медведей, подобных горам и тучам. И не может быть мира между ними и ракшасами. О владыка, настало для тебя время — либо отдать им немедленно Ситу, либо сражаться».

Услышав речи Шуки, Равана с глазами, пылающими от гнева, молвил: «Даже если боги и гандхарвы и данавы выступят против меня все вместе, я и тогда не отдам Ситу. Скоро я сожгу своими стрелами Раму, как сжигает молния, упавшая с неба, слона, и рати его истреблю, подобно тому как восходящее солнце поглощает свет звезд на заре. Сын Дашаратхи не ведает силы моей, потому ищет он боя со мною». Затем он обратился к Шуке и Шаране, двум своим советникам, и сказал: «Как перешел Рама с войском через безбрежный и бурный океан — этого не могу я постигнуть; подобного еще не свершалось в этом мире. А сооружение моста через море — это деяние, в которое верить невозможно. И все же враг под стенами Ланки, и я должен знать численность обезьянних войск. Ступайте и, проникнув незамеченными в ряды неприятелей, узнайте число их и силу и кто предводительствует их отрядами, кто — советники и приближенные Рамы и кто — Сугривы, кто из обезьян отважнее других и искуснее в бою, как построили они мост через воды океана, как расположились они здесь, на Ланке, ка-

ково их оружие, кто стоит во главе войска и что замышляют Рама и Лакшмана. Все это разведав поистине, возвращайтесь без промедления».

С этими поручениями Шука и Шарана отправились, обернувшись обезьянами, в ряды обезьяньего войска; но не в силах были они счесть несметные полчища, покрывшие тучею окрестности Ланки, равнину и горы. И одни отряды уже вступили на сушу, другие еще шли по мосту через море, одни двигались во всех направлениях, с ревом и кликами, сотрясая поступью землю, другие стояли, расположившись на отдых. В то время как Шука и Шарана в обличье обезьян наблюдали движение обезьяньего войска, они были обнаружены и взяты в плен Вибхишаной.

Разоблачив их, Вибхишана привел обоих к Раме и сказал: «О победоносный, эти двое — советники царя ракшасов Шука и Шарана. Они пришли как соглядатаи из Ланки». Представ перед Рамой, ракшасы, уstraшенные и отчаявшиеся в спасении жизни, признались, смиренно сложив ладони: «О милостивый, по велению Раваны мы пришли сюда, чтобы разведать силы твои». Рама сказал, улыбаясь: «Если вы достаточно рассмотрели войска наши и успели выполнить ваше поручение, возвращайтесь с миром. О Вибхишана, хотя эти бесы проникли к нам как соглядатаи, отпусти их. Пусть они идут к своему господину и передадут ему мои слова: „Призови всю свою силу, на которую ты надеялся, когда похищал мою Ситу, делай, что хочешь, собери всех своих друзей и соратников, но завтра ты увидишь Ланку, город и крепость в развалинах, и войска твои истребленными моими стрелами. Завтра гнев мой обрушится на тебя и твоих ракшасов!“»

Выслушав эти слова, Шука и Шарана поклонились Раме и, вернувшись в Ланку, сказали владыке ракшасов: «О царь, мы были взяты в плен Вибхишаной, но Рама освободил нас. О повелитель, неисчислимо войско Рамы, и мощь его неизмерима; он и один, без войска, способен сокрушить твердыню Ланки! Ни богам, ни демонам не одолеть его в битве. Склонись к миру, о царь. Верни царевну Митхилы сыну Дашаратхи».

«Никто в мире не принудит меня отдать Ситу», — отвечал Равана и вместе с соглядатаями взобрал на кровлю дворца, чтобы обозреть оттуда неприятельское войско; кровля та возносилась над землею на высоту многих палм, если бы были поставлены они одна на другую. И взойдя на кровлю дворца, Равана увидел море, и горы, и леса. И увидел он, что земля кругом покрыта, словно тучею, полчищами обезьян. «О Шарана, — сказал владыка ракшасов, — скажи мне, кто из обезьян сильнее и отважнее других, кто предводительствует их войсками и чьи советы слушает Сугрива?» На это Шарана, знающий вождей обезьяньих ратей, отвечал Раване: «Вон та обезьяна, что стоит перед стенами Ланки, окруженная сотнями и тысячами военачальников, испуская громовые клики, потрясающие стены крепости и окрестные холмы, — это Нила, отважный предводитель обезьяньих отрядов. А тот могучий, что, потрясая руками, топчет землю ногою и мечет грозные взгляды на Ланку, то Ангада, сын Валина, наследник царства Кишкиндхи. Он вызывает тебя на бой. А там — друг Рагхавы, неукротимый Хануман ведет несметную рать обезьян, грозя тебе поражением. Позади Ангады, окруженный грозным войском, стоит на поле отважный Нала, строитель моста. Там — за

Шветой следуют с ревом и улюлюканьем обитатели сандаловых лесов. Силою одного своего войска надеется Швета покорить Ланку. Вблизи от него — Кумуда, царь лесов, растущих на берегах Гомати. А тот, подобный льву, рыжий, с длинной гривой, — стоя поодаль от других, он пожирает Ланку глазами — это Рамбха, предводитель обезьян с гор Виндхья. Тот же, что стоит, разевая пасть и дрожа от гнева, — смотри, как он хлещет хвостом! — то Шарабха с горы Шалвейя, о царь! У него под началом сорок сотен тысяч обезьянских вождей. А этот, подобный туче, покрывшей небо, испускающий воинственный клич, — Панаша, предводитель обезьянских ратей. Там приближается к стенам Ланки яростный Гавайя во главе могучей дружины. Там возвышается над всеми подобно горе царь медведей мудрый Джамбаван, некогда оказавший помощь Индре в войне богов и демонов. Там — бесстрашный Ришабха ведет тысячи обезьян, влекущих дсревья и огромные камни, готовых идти на приступ. Там — Гавакша со своими быстроногими и свирепыми воинами движется на Ланку, вздымая облака красной пыли. Там — Балимукха, жаждущий сокрушить нашу крепость, там — Кешарин с плодородных холмов, озаренных солнцем, и Кратхана с берегов Ганги, гроза слоновьих стад, и Гандхамадана, и Гайя, и Праматхин, и многие еще вожди, окруженные несметными ратями, и я не могу перечислить, о царь, всех могучих и отважных воинов, предводителей этого войска».

Когда Шарана умолк, Шука молвил, обращаясь к Раване: «Эти воины, которых ты видишь, о царь, стоящие под стенами Ланки, подобные могучим смоковницам на берегах Ганги, храбрые и неутомимые

обезьяны, отпрыски богов и гандхарвов, способные менять свой облик по желанию, трудноодолимы в бою. А эти двое, которых ты видишь, обликом подобные богам, — это Майнда и Двивида, в битве не знающие равных. Милостью Брахмы им дозволено было отведавать амриты — и нет теперь никого, кто мог бы им противостоять. А этот могучий, подобный ярому слону, — старший сын Кешарина, прославленный под именем Ханумана, о нем говорят, что он сын Ветра, — тот, что в поисках Ситы перелетел океан.

А рядом с ним — темнолицый муж, красотою подобный месяцу, — это Рама, о царь, у кого ты похитил Ситу; храбрейший из рода Икшваку, он пришел сразиться с тобою. Справа от него — воин, блистающий в золотой кольчуге, статный и широкоплечий, — это верный Лакшмана, готовый отдать жизнь за старшего брата. Слева от Рамы, в окружении ракшасов, стоит Вибхишана, помазанный Рамою как царь Ланки, — полный гнева, он жаждет сразиться с тобою. А посреди войска, увенчанный золотым венцом, стоит Сугрива, царь обезьян, получивший царство из рук Рамы. Взгляни на его неисчислимое войско, о государь, и приготовься к битве жестокой и беспощадной!»

Глядя на вождей вражеской рати, которых указывали ему Шuka и Шарана, на Раму и Лакшману, Вибхишану, Сугриву и Ханумана, и других, Равана почуял в сердце своем смятение; и когда соглядатаи кончили свои речи, он обратился к ним, в гнев браня их и порицая: «Советники, живущие милостью своего государя, не должны вести речей, неугодных царю и омрачающих дух его. Или я просил вас возносить хвалы врагам, стоящим у стен города и готовым напасть на нас?

Видно, напрасно вы изучали премудрость государевой службы — впустую пошла наука, и невежество владеет вами донныне. Счастлива моя судьба, что, имея таких глупых советников, я до сих пор не потерял свое царство! Или вы не боитесь смерти, что ведете подобные речи в присутствии своего повелителя? Я предаю смерти каждого, кто посмеет славить при мне моего врага. Только память о ваших прежних заслугах смягчает мой гнев. Довольно! Ступайте прочь от меня; я пщажу ваши жизни, но не приближайтесь ко мне более!»

Слыша такие слова, Шука и Шарана, повергнутые в смущение, поклонились Раване и, молвив: «Победа тебе, о царь!» — удалились.

Соглядатаи Раваны донесли своему господину, что воины Рамы взопли на гору Субелу. И встревоженный Равана послал за Прахастой и повелел ему приготовить войска к обороне крепости Ланки. Затем он призвал к себе Видьюдджибху, ракшаса, искушенного в колдовстве, и, войдя с ним на ту половину дворца, где томилась плененная Сита, сказал ему: «О демон, сделай так, чтобы предать дочь Джанаки во власть чар. Сотвори для меня своим волшебством голову Рамы, лук его и стрелы».

Видьюдджибха повиновался и создал волшебством то, о чем просил его Равана. И царь, довольный, одарил его драгоценным украшением. Затем он отпра-

вился в рощу ашок и предстал перед печальною Ситой, сидевшей под деревом на непокрытой земле в окружении свирепых демонич.

Равана приблизился к ней и сказал: «О красавица, тот, ради кого ты меня отвергаешь, убийца Кхары, супруг твой Рагхава пал в бою. Пришел конец твоим надеждам и твоей гордости. Теперь ты станешь моей женой. О неразумная, оставь свое упрямство и стань госпожою всех мои жен! Что тебе до мертвого?

Услышь о гибели своего супруга. С многочисленным войском, собранным царем обезьян, Рама вышел на берег моря, намереваясь достигнуть гибели моей. Когда настала ночь, и войско расположилось на отдых на берегу, и усталые воины заснули, мои соглядатаи проникли в их лагерь. И в полночь мои могучие ратники, предводимые Прахастой, перебили спящих врагов. Свирепый Прахаста отрубил голову спящему Раме; Вибхисхана взят в плен; Лакшмана бежал с остатками войска. Сугриве свернули шею, и Хануман убит ракшасами. Пал и Джамбаван в ночной резне, пронзенный многими стрелами и копьями, и отважнейшие из обезьян — Майнда и Дживида плавают в собственной крови, заколотые мечами. Убиты и Ангада, и Кумуда, и многие вожди обезьянней рати. Другие разбежались, преследуемые ракшасами, как слоны — могучими львами. И одни попадали в море, другие искали спасения в лесах; и берег морской, леса и горы усеяны трупами обезьян, сраженных ракшасами. Супруг твой убит, и войско его истреблено моими слугами; мне принесли его голову, окровавленную и покрытую пылью».

И повернувшись к одной из ракшасы, Равана сказал ей в присутствии Ситы: «Приведи сюда великого

духом Видьюдджибху, принесшего голову Рагхавы с поля битвы».

И Видьюдджибха немедленно явился на зов с призрачной головою и луком в руках и стал перед Раваной, склонив голову. Тогда царь ракшасов сказал ему: «Покажи Сите голову Рамы. Пусть она в последний раз взглянет на лицо своего мужа». Ракшас, бросив голову на землю перед Ситой, исчез. А Равана бросил рядом с головою лук и сказал: «Это оружие Рамы. Прахаста принес его с собою».

Увидев эту голову и этот великолепный лук, вспомнив о союзе между Рамой и Сугривой, о котором говорил ей Хануман, Сита уверилась в правдивости рассказа Раваны. И глядя на лицо, на глаза, чело и волосы, знакомые ей, царица Видехи издала горестный крик и упала на землю без чувств.

Придя в себя, прекрасная Сита взяла в руки ту голову и предалась своему горю. «О, я погибла! — вскричала она. — Увы, супруг мой, ты, стремившийся освободить меня, пал от руки ракшаса! Из-за меня, злосчастной, ты принял смерть — не женою тебе я стала, а злою твоею судьбой! О бедная Каушалья, из троих, кого она проводила в путь, один лишь Лакшмана вернется к ней; и, когда она узнает о смерти Рамы и о моем плене, сердце ее разорвется от горя. Ты добилась своей цели, Кайкейи, — мертв Рама, лучший из рода Икшваку. Предсказатели сулили ему долгую жизнь; но слова их были лживы.

Как это могло случиться? Почему ты ушел из мира, о господин мой, и оставил меня одну? О Равана, убей и меня вместе с Рамой; возврати жену ее мужу, положи голову мою рядом с его головою и

тело — рядом с его телом. О Равана, я хочу последовать за господином моим!»

Так плакала и убивалась прекрасная дочь Джанаки, не сводя глаз с головы и лука супруга. И в это время дворцовый страж поспешно явился перед Раваной, сложив ладони, со словами: «Победа царю!» И сказал страж: «О государь, Прахаста со всеми придворными пришел и хочет видеть тебя. Прости раба твоего, но дело, должно быть, не терпит промедления; он послал меня за тобою».

Вняв словам ракшаса, Десятиглавый покинул рощу ашок. И едва он оставил рощу, голова и лук исчезли! Сараму, супруга благочестивого Вибхишаны, видя, как горюет Сита, приблизилась к ней тогда, чтобы ее утешить.

«О Сита, — сказала Сараму, — презрев ради тебя страх перед Раваной, я подкралась сюда незамеченной и слышала все, что он говорил тебе и что ты ему отвечала. И я успела узнать, почему удалился он отсюда так поспешно. О прекрасная царица, утешься! Рама не убит, его нельзя застать врасплох; и невредимо войско обезьян. То, что видела ты, — призрак, чары, созданные волхованием того нечестивца, враждующего со всеми существами.

Горю твоему скоро конец, и уже брезжит заря твоего счастливого дня. Поистине, богиня Лакшми обратила свой взор на тебя. Узнай, о царица: Рама перешел океан с обезьяньим войском и стал лагерем на южном его берегу! Ракшасы, посланные разведать о движении войска Рамы, донесли о его переправе. И Равана, получив эти вести, совещается со своими военачальниками».

Как только Сарама сказала Сите эти слова, обе услышали клики войска, подобные рыканью львов, и бой барабанов. Сарама сказала: «Этот барабанный бой, о Сита, призывает к оружию! Прислушайся к его раскатам, подобным раскатам грома. Слышишь ли ты грохот колесниц и ржание коней? Войско ракшасов спешит на защиту города. Пришел час испытаний и страха для Ланки; для тебя же наступило время счастливой надежды. Скоро, о царевна Митхилы, Рама, убив Равану в битве, вызволит тебя из плена и вновь обретешь ты счастье с возлюбленным твоим супругом».

И как облака осени освежают благостным дождем опаленную зноем землю, так и добрая Сарама утешила Ситу, повергнутую в отчаяние речами Раваны. Желая оказать услугу Сите, Сарама сказала ей с приветливой улыбкой: «Если хочешь, я могу тайно пробраться к Раме, передать ему твои слова и вернуться обратно». Но Сита сказала: «Если хочешь ты сделать мне добро, о Сарама, прошу тебя, пойди и узнай, что делает и замышляет Равана. Уже много дней живу я здесь в страхе и тревоге, и коварный и злобный владыка ракшасов постоянно меня преследует и угрожает мне. Узнай, что они решили — отдать меня Раме или оставить в плену, — и скажи мне. Это та великая милость, которую я жду от тебя».

Сарама отерла слезы с лица Ситы и сказала: «Если таково твое желание, я иду, о дочь Джанаки». И она отправилась тайно в покои Раваны и, подслушав речи, которые велись на совете ракшасов, вернулась вскоре в ашоковую рощу.

«О дочь царя Митхилы, — сказала она трепещущей

Сите, — советники, умудренные годами, и сама мать Раваны приступили к повелителю ракшасов, убеждая его вернуть тебя Раме. Но он упорствует в своем намерении оставить тебя у себя; и пока он не падет на поле битвы, он не отпустит тебя на свободу».

При этих словах Сарамы до слуха их донесся вселяющий трепет рев обезьяньего войска, сотрясший землю, и звуки труб и бой барабанов. И воинственные клики защитников Ланки раздались в ответ.

В этот час десятиглавый властитель ракшасов, обуянный гибельной страстью, отвергнув благие советы мудрейших из своих приближенных, повелел своим войнам готовиться к битве. Он поставил Прахасту защищать Восточные ворота, Махапаршву и Маходару он послал к Южным воротам, Индраджит стал во главе защитников Западных ворот, сам же Равана взял на себя оборону Северных ворот, где во главе рати стояли Шука и Шарана. В городе во главе войска он поставил Вирупакшу.

И распустив советников, отдав необходимые распоряжения, Равана вошел в свои великолепные чертоги.

Рама и Лакшмана, Хануман — сын Ветра, Джамбаван — царь медведей, Вибхишана — доблестный ракшас, Ангада — сын Валина, Сушена со своими друзьями, Нала, Шарабха, Кумуда и другие вожди собрались на совет: «Ланка, твердыня Раваны, неприступная даже для богов и гандхарвов, исполинов и на-

гов, перед нами. Мы должны ради успеха нашего дела помыслить о предстоящем и принять решение».

Вибхишана сказал: «Мои советники — Анада, Панаша, Сампати и Прамати, — обернувшись птицами, пролетели над Ланкой и, обзрев приготовления врага, вернулись обратно. О Рама, узнай, что Восточные ворота защищает Прахаста, Южные — могучие Махашаршва и Маходара; Индраджит, сын Раваны, с отборными воинами защищает Западные ворота, а сам Равана со своими советниками и бесчисленной ратью ракшасов обороняет Северные ворота. Войско же, оставшееся в городе, возглавляет Вирупакша. Десять тысяч слонов, десять тысяч колесниц, двадцать тысяч всадников и тьма ракшасов, могучих вождей несметных дружин, обороняет Ланку.

О Рама, не гневайся на меня и не думай, что я хочу утратить тебя, перечисляя силы неприятельского войска; я только хочу, чтобы возрос твой гнев против Раваны. Ты можешь одолеть в битве самих богов. С твоим могучим войском ты разгромишь Равану и сразишь его в бою».

Когда Вибхишана сказал эти слова, Рама обратился к вождям и повелел им: «Пусть Нила с войском станет против Прахасты у Восточных ворот; пусть Ангада, сын Валина, с сильным отрядом противостоит Махашаршве и Маходаре у Южных ворот; через Западные ворота пусть пробивается в город Хануман, сын Ветра, с несметною ратью. Я же с сыном Сумитры пойду на приступ Северных ворот, пойду, чтобы сокрушить Равану — того, кто силою, дарованной ему богом, губит богоравных святых и притесняет народы. Могучий царь обезьян, повелитель медведей и младший брат вла-

дыки ракшасов возглавят войска в середине нашего строя».

Сказав так и повелев войскам готовиться к битве, Рама в сопровождении Лакшманы и Сугривы и многих обезьяньих вождей на закате дня взошел на вершину горы Субелы. Там они провели ночь, а наутро взорам их с высоты открылась Ланка на вершине горы Трикуты, словно повисшая в воздухе, окруженная золотым сиянием, неприступная, недостижимая даже в мысли; Ланка, обнесенная золотыми и серебряными стенами, украшенная великолепными воротами, подобными белым облакам, и прекрасными дворцами, с блистающими на солнце кровлями, над которыми вздымался, словно пронзая небо макушкой, тысячеколонный чертог Раваны, подобный божественной горе Кайлаша. И глядя на этот богатый и процветающий город, полный сокуровиц, блистающий красотой и подобный обители бессмертных, Рама преисполнился изумления в сердце своем.

Спустившись с горы, сын Дашаратхи обозрел свои непобедимые войска, построившиеся для битвы, и, отдав распоряжения, он с луком своим в руках направился к стенам Ланки. Вибхишана и Сугрива шли за ним по пятам, и за ними следовали Хануман и Джамбаван, царь медведей, и Нала, и Нила, и Лакшмана, и следом за ними двинулось все огромное войско обезьян и медведей, покрыв землю на много йоджан кругом.

Вскоре они достигли города ракшасов, и войско по слову Рамы остановилось на подступах к Ланке. Рама стал перед Северными воротами. Там увидел он толпы ракшасов, одетых в кольчуги, вооруженных луками,

копьями, мечами, топорами и палицами. И придя к Восточным воротам, Нила, предводитель обезьяньего войска, стал напротив них вместе с Майндой и Дживидой. Могучий же Ангада, сопровождаемый Ришабхой, Гавакшей, Гайей и Гавайей, направился к Южным воротам, а Хануман расположил свои отряды напротив Западных ворот. Сугрива, Джамбаван и Сусхена стали непоколебимо под стенами Ланки с главными силами войска; а Лакшмана и Вибхишана по слову Рамы обходили строй от ворот к воротам, наставляя и ободряя ратников.

И те подобные тиграм обезьяны стояли, потрясая деревьями и скалами, свирепые обликом, готовые сражаться. Одни из них были равны силою десяти слонам; другие были в десять раз сильнее; и одни из обезьяньих вождей были равны силою тысячи слонов; и другие были в десять раз, и еще другие — в сто раз сильнее. И были там такие, чья мощь была неизмерима.

И удивительно и беспримерно было их скопище под стенами Ланки; словно саранча, покрыли они окрестность, и сотни и тысячи их стремились к стенам крепости, стекаясь со всех сторон, наполняя землю и воздух великим и ужасающим шумом, подобным реву морской пучины. И от шума того содрогалась вся Ланка с ее стенами, холмами и садами. Одни отряды приближались к городу, теснясь и напирая, другие стремились вдоль стен вокруг Ланки, они двигались по всем направлениям, словно волны великого водоворота, они тучею облепили склоны горы. Полчища обезьян обложили Ланку кругом, так что даже ветер не мог бы теперь проникнуть в город. И ракшасы

с тревогой и изумлением взирали со стен на неисчислимое вражеское войско, осадившее Ланку.

Но прежде чем вести обезьян на приступ, Рама, следуя совету мудрого Вибхишаны, призвал к себе Ангаду, сына Валина, и сказал ему: «О благородный, ступай сейчас к Десятиглавому и передай ему мои слова: „Я миновал бездну океана и осадил твой город. О ты, тщеславный демон, оскорбитель богов и гандхарвов, апсар и змей, святых и царей. Срок могущества твоего, дарованного тебе всевышним Брахмой, истек. Я стою у ворот Ланки, и жизнь твоя в моих руках. Если ты, о худший из бродящих в ночи, не возвратишь мне дочь царя Митхилы, я разрушу твой город моими стрелами и избавлю мир от ракшасов. Я пощажу тебя, если ты предашься моей милости. Царство Ланки приобретет благочестивый Вибхишана, наш союзник. Ты же, нечестивый и безрассудный, избравший глупцов своими советниками, не достоин царствовать ни на мгновение. Сражайся, ракшас, призвав всю мощь свою и отвагу. Пронзенный насмерть моими стрелами, ты обрешь мир — и то будет благом для тебя“».

Выслушав эти слова Рамы, сын Тары взвился, как огонь, в небо и, перелетев через крепостную стену, опустился на землю прямо перед Раваной, восседавшим в окружении своих советников. И упав с неба, как молния, доблестный Ангада предстал перед повелителем ракшасов и сказал ему: «Я — посол Рамы, царя Кошалы, прославленного своими подвигами. Ангадой зовусь я, сыном Валина; я не знаю, слышал ли ты обо мне. Рама, потомок рода Рагху, говорит тебе: „Выходи на бой, о нечестивый, и докажи свою силу. Я убью

тебя с твоими советниками, твоими сыновьями, родственниками и друзьями, тебя, врага богов и данавов, гандхарвов, змей, святых и демонов. И когда я убью тебя, три мира — небо, земля и подземное царство — обретут покой и избавление от бед. Вибхисана же получит все твое богатство и станет царем Ланки. Только если ты, склонившись передо мною и воздав мне почести, вернешь мне дочь царя Митхилы, я пощажу тебя“».

Когда тот вождь обезьян промолвил такие слова, владыка бродящих в ночи пришел в небывалую ярость и приказал своим советникам: «Схватите этого безумца и убейте его на месте». Тотчас четверо свирепых и мрачноликих ракшасов схватили отважного Ангаду за руки. Но, почуяв их хватку, сын Тары, поведя руками, стряхнул их с себя как букашек и одним прыжком взлетел на крышу дворца, возвышавшегося словно горная вершина. И, сорвав крышу с дворца Раваны и громко выкликнув свое имя, Ангада издал устрашающий рев и взвился в воздух; и повергнув ракшасов в уныние и наполнив ликованием сердца обезьян, он вернулся на сторону Рамы, опустившись посреди своего войска.

И Рама, окруженный обезьянами, испускающими радостные клики, подал знак начать битву. По велению Сугривы Сушена стал обходить войска от ворот к воротам, как ясный месяц звезды в ночи. И ракшасы в тревоге увидели, что все пространство между крепостным валом и рвом заполнилось вмиг обезьянами и они уже толпами лезут на вал. Поднялся оглушительный рев, словно в час кончины мира; и ракшасы, схватив оружие, приготовились обороняться.

По слову Рамы все огромное обезьянье войско, разделившись на отряды, двинулось на твердыню Ланки. Со всех сторон тысячи и десятки тысяч обезьян ринулись, теснясь на приступ, испуская леденящие душу клики. Они забросали рвы, полные прозрачной воды, камнями, землей, соломой и стволами деревьев, а перейдя их, принялись ломать золотые ворота, ударяя в них камнями и бревнами, и полезли сотнями на стены. И обезьяны ревели, вопили и кричали: «Победа Раме, сыну Дашаратхи, победа могучему Лакшмане, победа царю Сугриве!»

Тогда Равана, возгоревшись гневом, приказал своему войску выступать. И бродящие в ночи издали все разом устрашающий вой, а обезьяны под стенами Ланки, услышав его, взревели в ответ. Забили барабаны, затрубили тысячи раковин, и войска, повинуясь велениям Раваны, устремились из города в поле, исполненные жажды боя, словно бурный поток в день всемирного потопа.

Рев труб и барабанный бой, клики воинов, крики слонов, ржание коней, грохот колесниц, топот демонской рати смешались с громовым кличем обезьян и разнеслись по окрестности, наполнив землю, небеса и море.

И началось великое сражение между ракшасами и обезьянами, подобное битве богов и асуров в былые века.

Ракшасы, являя силу свою и искусство боя, разили

обезьян копьями и мечами, палицами и топорами; а неукротимые обитатели лесов убивали ракшасов дубинами, бревнами и каменными глыбами или раздирали их когтями и зубами. И громкий клич «Победа царю Сугриве!» мешался с другим — «Победа тебе, о царь!», ибо каждое войско выкрикивало имя своего государя. И еще другие свирепые ракшасы, стоя на стене, пронзали обезьян стрелами и дротиками. Обезьяны же, пылая гневом, прыгали на врагов и душили и убивали их руками. И битва между ракшасами и обезьянами была ужасной и ошеломляющей, и земля под их ногами скоро стала сырою от потоков крови и покрылась мертвыми телами.

Чем дольше длился бой, тем больше возрастала ярость сражающихся. На конях, блистающих золотой сбруей, на ярых гороподобных слонах, на пламенеющих колесницах, в сверкающих на солнце кольчугах доблестные ракшасы, жаждущие добыть победу повелителю своему Раване, хлынули из города неукротимым потоком. И могучие обезьяны, алкающие битвы, ринулись им навстречу, готовые победить или погибнуть во славу Рамы и царя Сугривы. И меж тем как закипел бой между той и другой ратью, многие высокородные воины того и другого стана сошлись один на один в ожесточенной схватке.

Как некогда демон Андхака с богом Шивой, так встретился Индраджит, сын Раваны, с Ангадой, сыном Валина. Хануман схватился с Джамбумалином, Нила вступил в единоборство с Никумбхой, а царь обезьян Сугрива обрушился на Прагхасу. Четверо могучих ракшасов — Агникету, Рашмикету, Митрагхна и Яджнакопа — напали на Раму; Ваджрамушти встретился

с Майндой, а с Двивидою — Апанипрабха, неодолимый в бою Пратапана сражался с грозным Налой, а с Сушеною, сыном Варуны, бился Видьюнмалин.

И яростной и беспощадной была битва между ракшасами и обезьянами. Кровавая река заструилась по бранному полю, и тела павших воителей были ее берегами со вздыбившимися на них волосами — травами.

Тяжелою палицей яростный Индраджит панес Ангаде удар, подобный удару молнии владыки небес. Ангада же своею дубиной единым ударом разнес на куски золотую его колесницу, сразив насмерть возничего и коней. Джамбумалин на быстрой как вихрь колеснице бурей нагнал Ханумана и копьем нанес ему рану между сосков. Но Хануман, не дрогнув, могучим ударом сокрушил вражескую колесницу с ракшасом вместе. Свирепый Пратапана с ревом набросился на смелого Налу. Пронзенный многими стрелами меткого ракшаса, Нала вскочил на его колесницу и, выдрав когтями ему глаза, бросил их на землю.

Агникету, Рашмикету, Митрагхна и Яджнакопа осыпали Раму дождем стрел. Взъяренный их ударами, сын Дашаратхи четырьмя стрелами, подобными огненным молниям, снес головы всем четверым. Прагхаса, пожиратель вражеских ратей, был убит Сугривой, обрушившим на него ствол семилистника, с корнем выдернутого из земли. Майнда же убил Ваджрамушти ударом кулака, опрокинув его наземь вместе с колесницей и конями.

Никумбха пронзил в сражении Нилу множеством стрел — так солнце пронзает лучами гряды облаков. Мчась по полю на своей колеснице, он со смехом осы-

пал Нилу сотнею стрел. Нила тогда, настигнув Никумбху, ухватился за колесо и, сорвав его с колесницы, срезал им голову Никумбхе, а заодно и вознице его.

Дживида метнул в противника своего каменную глыбу. В ответ Ашанипрабха пронзил Дживиду многими стрелами, подобными молнии Индры. Израненный стрелами Дживида, вне себя от гнева и боли, ухватил могучий ствол дерева пала и сокрушил им Ашанипрабху вместе с его колесницей. И Сушена, отважный воин, был осыпан золотоперыми стрелами Видьюнмалина. Схватив огромную каменную глыбу, Сушена метнул ее в Видьюнмалина; обрушившись, она раздробила на куски колесницу ракшаса, но Видьюнмалин успел соскочить с нее и бросился на Сусену. Тогда медвежий вождь поднял над головою новую скалу, еще тяжелее прежней; и в тот же миг Видьюнмалин нанес ему страшный удар палицей в грудь. Но, не дрогнув, Сушена опустил камень на голову ракшаса и поверг его, бездыханного, на землю.

И одолеваемые могучими обезьянами, ракшасы, опьяненные запахом крови, сражались, теснимые к стенам Ланки, страстно желая заката солнца.

И меж тем как длилось сражение, ужасен стал вид поля битвы, покрытого мертвыми телами ракшасов и обезьян, коней и слонов, обломками разбитых колесниц, сломанными осями, дышлами, колесами, разброшенными по земле стягами и оцетинившегося копьями, дротиками, мечами, палицами и стрелами. И стаи шакалов стали собираться со всех сторон того поля, в небе закружились стервятники, а с приближением сумерек страшные безглавые призраки-кабандхи поднялись в воздух.

День прошел, и наступила роковая ночь. Но и в спустившейся на землю тьме битва продолжалась, и ярость бойцов не угасала. В непроглядном мраке обезьяны и ракшасы стали убивать друг друга, восклицая: «Ты — ракшас!» и «Ты — обезьяна!» И раздавались крики: «Бей!», «Руби!», «Убит!», «Нападай!», «Куда бежишь?». Ракшасы в своих золотых кольчугах казались в той темноте холмами, покрытыми светящимися травами. С наступлением ночи сила их возросла, и, обуянные гневом, они двинулись вперед, истребляя и пожирая обезьян. И обезьяны в неистовом гневном бросались и прыгали на них, раздирая когтями и зубами коней и всадников, слонов и воинов, сражающихся на слонах, и разбивая колесницы, украшенные стягами.

Пыль, поднятая ногами сражающихся, копытами коней и колесницами, забивала глаза и уши. Грохот барабанов, звуки литавр и мриданг раздавались во мраке, мешаясь с грозным пением труб, громоуханьем колесниц, ржанием лошадей, ревом слонов, воем ракшасов и визгом обезьян. И ночь та, гибельная для ракшасов и обезьян, была ужасна; и, казалось, не было ей конца.

В этой глубокой тьме ракшасы толпою напали на Раму. Рама же с Лакшманой меткими стрелами, подобными ядовитым змеям, пронзили многих вождей войска Раваны — и тех, что были различимы, и тех, что скрывались во мраке. В мгновение ока Рама четырьмя стрелами поразил четверых могучих ракшасов — неукротимого Яджнашатру и великого телом Ваджрадамштру и двух советников Раваны — Шуку и Шарану; тяжело раненные стрелами Рамы, они покинули поле боя.

Златоцерые стрелы Рамы, подобные языкам пламени, пронизывали ночную тьму во всех направлениях; и ракшасы, осмелившиеся приблизиться к нему, гибли как мотыльки, налетевшие на огонь.

И страшная ночь той битвы казалась еще страшнее от оглушительного грохота барабанов и рева сражающихся воинов, подобного реву океана.

Храбрый Ангада одолел в бою Индраджита. Покинув свою колесницу, израненный сын царя ракшасов, чьи кони и возница были убиты Ангадой, отступил с поля боя. И все, кто видел тот поединок, наслышанные о воинском искусстве Индраджита, воздали хвалу отваге и мощи Ангады; и обезьяны, ликуя, восславили сына Валина громкими кликами.

Индраджит, потерпев поражение от Ангады, вне себя от ярости, прибег тогда к дару, полученному им от Брахмы. Не в силах одолеть врага в открытом единоборстве, он, склонный к коварству в бою, стал невидимкой и, обратившись против Рамы и Лакшманы, напав на них, сам оставаясь недоступным их взорам, губительный полет своих страшных стрел. И пылая злобой, он уязвлял их непрерывно своими стрелами-змеями; они же оба — Рама и Лакшмана — бессильны были поразить его, неуязвимого, прибегнувшего к чарам ради победы над врагом.

Тогда, стремясь обнаружить своего невидимого противника, Рама призвал к себе на помощь семерых обезьяньих вождей — Ангаду, сына Валина, бесстрашного Шарабху, Дживиду, Ханумана, могучего Санупрастху, Ришабху и Ришабхаскандху. По велению Рамы все семеро взвились в воздух и полетели по всем направлениям, размахивая огромными древесными ство-

лами, рассекая пространство в поисках Индраджита. Но сын Раваны, искусный в стрельбе из лука, встретил их яростный полет неодолимым ливнем стрел; и могучие обезьяны, израненные его оружием, не могли его сокрушить и оградить от его стрел Раму.

И на глазах обезьяньего войска Индраджит продолжал поражать Раму и Лакшману своим ужасным оружием и покрыл их тела стрелами, и кровь потоками заструилась у них из ран. Индраджит же, скрытый от взоров, вскричал, обращаясь к братьям: «Когда я сражаюсь невидимкой, сам владыка богов бессилен против меня — а кто вы, ничтожные? Гневом исполнен мой дух; ныне оружием моим я отошлю сынов Дашаратхи в царство Ямы!» И, вновь пронзив их стрелами, он издал радостный крик. А Рама и Лакшмана не могли уже больше выдержать смертоносного ливня. Жестоко израненные стрелами, торчащими из тел их во все стороны, так что не оставалось места шириною в палец, не пронзенного стрелой, они упали на землю, обливаясь кровью.

Первым упал Рама. Индраджит многократно пронзил его тело стрелами с гладкими наконечниками, называемыми «нарача», и стрелами с наконечниками как пожи, и дротиками, называемыми «телячий зуб», и другими, называемыми «львиный клык». Видя, что Рама пал, Лакшмана отчаялся в спасении своем, и слезы полились из его очей; и пораженный тучею стрел Индраджита, он упал рядом со старшим братом. И обезьяны, охваченные ужасом и скорбью, проливая обильные слезы, испустили горестный вопль и, теснясь, толпой обступили павших героев.

Индраджит, глядя на недвижимые тела Рамы и Лакшманы, преисполнился радости и сказал: «Могучие братья, сыновья Дашаратхи, убившие Кхару и Душану, сами убиты ныне моими стрелами. Тот, кто вселял тревогу в сердце моего отца и лишил покоя прекрасную Ланку, принял смерть от моей руки. Сломлена мощь врагов — лесных бродяг». И, угрожая вождям обезьян, сын Раваны поразил девятью стрелами Нилу, пронзил Майнду и Дживиду тремя стрелами каждого, одну стрелу всадил в грудь Джамбавана и десять послал в сына Ветра; и по две стрелы он послал в Гавакшу и в Шарабху и бесчисленными тучами стрел осыпал обезьян Сутриву и Ангаду, сына Валина.

Обрушив ливень стрел на обезьян и устранив их силой своего оружия, сын Раваны сказал смеясь: «О ракшасы, взгляните на этих братьев, пригвожденных стрелами к земле на виду у своих войск». И ракшасы, видя Раму и Лакшману распростертыми недвижно на земле, сочли их мертвыми и, ликуя, испустили торжествующий рев и восславили сына Раваны. И гордый Индраджит с победой вернулся в Ланку в сопровождении ракшасов.

Возвратившись с отрядами в город, Индраджит предстал перед отцом; приблизившись к нему со сложенными ладонями, он поведал ему о гибели Рамы и Лакшманы. Услышав, что враг его убит, Равана вскочил с места и с великой радостью обнял сына. И поце-

ловав его в голову, Равана спросил о том, как все это случилось, и Индраджит рассказал ему о битве. Тогда, утешенный тем рассказом, повелитель ракшасов прогнал из сердца тревогу и восславил подвиг сына своего, Индраджита.

А обезьяны между тем, окружив кольцом павших сыновей Дашаратхи, стали стражей над их телами, дабы не допустить врага приблизиться к ним. Хануман и Ангада, Нила и Сушена, Кумуда и Нала, Джамбаван, Ришабха, Рамбха и другие, вооружившись стволами деревьев, стали вокруг тесным строем, бдительно и зорко всматриваясь во все стороны.

Долго лежали братья без движения на поле брани, охраняемые обезьянами. Наконец очнулся Рама, чье могучее тело превозмогло недуг от бесчисленных ран. Увидев брата, пронзенного стрелами, покрытого кровью, распростертого без чувств на земле, Рама, сраженный горем, воскликнул: «На что мне жизнь, на что мне возвращение Ситы, если я вижу брата моего павшим на поле битвы? Как вернусь я без него в родной дом? Что скажу я матери его, Сумитре, жадно ждущей возвращения сына? Как утешу ее? Горе мне! По моей вине пал Лакшмана, верный брат мой, бывший мне помощью и утешением в дни невзгод. О Лакшмана, как ты последовал за мною в изгнание, в леса, так и я последую теперь за тобою в обитель Ямы! Я недостойн жить. Погиб доблестный Лакшмана. Не исполнится обещание, данное мною Вибхишане, и не станет он царем ракшасов. О Сугрива, собери свое войско и поспеши покинуть Ланку! Без меня ты будешь разбит Раваной. Уходи скорей через мост, возвращайся в Кишкинду. Никто другой не мог бы сделать того, что

сделал ты в этом страшном бою. И Ангада бился отважно, и Майнда, и Двивида, и Гавайя, и Гавакша, и Шарабха — все сражались за меня, не щадя своей жизни. Но, Сугрива, человек не может одолеть Судьбы. Ты, о благородный мой друг, сделал все, что было в твоих силах. И вы все, о лучшие из обезьян, были мне верными друзьями. Теперь я освобождаю вас от слова, данного мне; оставьте меня и уходите отсюда в ваши родные страны!»

И слыша эти сетования сына Дашаратхи, обезьяны проливали обильные слезы. В это время Вибхишана с палицей в руке, ободрив войска, приблизился к месту, где лежали Рама и Лакшмана. И видя его, быстро приближающегося подобно черной туче, обезьяны, приняв его за Индраджита, в страхе обратились в бегство перед ним.

Сугрива, удивленный, молвил: «Почему это войско, взволновавшись, как море в непогоду, мечется вокруг в непостижимом смятении? Бросая оружие, с вытаращенными от страха глазами, воины разбегаются во все стороны, не оглядываясь, спотыкаясь и перепрыгивая через упавших». Между тем Вибхишана подошел с палицей в руке и приветствовал царя обезьян. Увидев его, Сугрива сказал стоявшему вблизи Джамбавану: «Это Вибхишана, это при виде его лучшие из обезьян, охваченные страхом перед Индраджитом и принимая нашего союзника за сына Раваны, обращаются в бегство. Ступай, Джамбаван, останови бегущих, кричи им: „Это Вибхишана идет!“» И царь медведей повиновался и прекратил бегство обезьян, образумив их и успокоив.

Благочестивый же Вибхишана, увидев Раму и Лакшману, пронзенных стрелами, опечалился и, плача,

разразился горькой жалобой: «Эти ракшасы, прибегая к коварным уловкам в бою, одолели отважных витязей. Мой нечестивый племянник погубил тех, на чье могущество я полагался. Увы! Пришел конец моим надеждам на царство! Враг мой Равана победил!»

Сугрива сказал Вибхишане: «О преданный справедливости, утешься! Не сомневайся, ты будешь царем Ланки! Оба витязя — Рама и Лакшмана — живы и оправятся от ран». И обратившись к Сушене, Сугрива сказал: «Ступай к своим воинам, взяв с собою Раму и Лакшману, и, когда придут они в сознание, возвращайся с ними в Кишкиндоху. Я же останусь здесь и, убив Равану с его сыновьями и друзьями, верну Раме дочь царя Митхилы!» Сушена возразил царю обезьян: «В былые дни я видел войну богов и демонов. Тогда данавы, прибегнув к чарам, нанесли небожителям смертельные раны. Но Брихаспати, божественный мудрец, воскресил погибших заклинаниями и травами. Есть целебные травы в горах, есть волшебные заклинания, которыми можно излечить раны сыновей Дашаратхи. Но кому они ведомы, те травы и заклинания?»

А пока он так говорил, внезапно поднялся ветер, и тучи, сверкающие молнией, появились на небе. И ветер тот взволновал глубины моря и потряс горные вершины. И обезьяны увидели в небе великого царя птиц — Гаруду, сына Винаты, приближающегося в стремительном полете. При его приближении змеи Индраджита, обращенные им в стрелы силою чар, в страхе выскочили из тел Рамы и Лакшманы и скрылись в земле. Гаруда же, опустившись возле раненых, приветствовал Раму и коснулся его лица рукою. И когда Гаруда коснулся перстами их ран, раны за-

жили в мгновение ока, и сила и память вернулись к ним. Оба витязя встали на ноги, и оба почувствовали, что мощь их возросла неизмеримо. И Рама сказал дивному целителю: «По милости твоей мы избавились от великой беды. Ты даровал нам жизнь, как второй отец, и сердце мое исполнено благодарности к тебе. Кто ты, о прекрасный обликом, увенчанный цветами, в блистающих одеждах, не запятнанных земным прахом?»

Царь птиц отвечал ему: «О потомок Рагху, я — друг твой Гаруда, повелитель пернатых, гроза змей — детей Кадру. Услышав о твоей беде, я прилетел сюда с быстротой ветра, чтобы помочь тебе. Никто другой, кроме мсняя, — ни боги вместе с гандхарвами, ни могучие асуры, ни обезьяны — не могут спасти того, кого ранили насмерть заколдованные стрелы Индраджита: то не стрелы, а страшные ядовитые змеи, обращенные в стрелы силою чар. Ты слышал, о Рама, об извечной вражде между детьми Винаты, богини Небосвода, и детьми Кадру, пресмыкающимися на земле. Боги дали мне великую власть над потомством Кадру, некогда низким обманом поработившей мою мать; змеи трепещут и ищут спасения в бегстве при моем появлении. Я исцелил тебя, о сын Дашаратхи, но отныне будь осторожен; берегись коварства ракшасов! Они коварны по природе своей, ты же, простодушный, полагаешься в битве только на силу свою и отвагу».

Сказав это, Гаруда обнял Раму и промолвил: «Ты победишь в этой битве. Враг твой падет от твоей руки, Ланка покорится тебе, и со вновь обретенной Ситой ты счастливо возвратишься в Айодхью. Прощай!» И обойдя обезьянных вождей и обняв их тоже, Гаруда взмыл

в небо, покрыв его своими крыльями, и вскоре скрылся из глаз.

А обезьяны, видя сыновей Дашаратхи исцеленными, испустили радостные клики, подобные рыканью львов. И забили барабаны, затрубили трубы, и обезьяны, вырывая деревья из земли для предстоящей битвы, снова двинулись к стенам Ланки с устрашающим ракшасов ревом, подобным громовым раскатам грозовых туч.

И Равана слышал тот ужасный шум, поднятый обезьянами и ракшасами, ревущими и вопящими. Прислушиваясь к нему, повелитель бродящих в ночи сказал своим советникам: «Этот шум, выдающий ликование обезьяньего войска теперь, когда Рама и Лакшмана сражены на поле боя, тревожит меня». И обратившись к приближенным ракшасам, он приказал: «Ступайте и узнайте о причине радости в неприятельском стане».

И те, поспешно взойдя на стены, узрели на поле войско обезьян, выстроившееся, чтобы идти на приступ, во главе с Сутривой и обоими сынами Дашаратхи, освобожденными от зачарованных стрел. Тогда, удрученные духом, свирепеющие ракшасы спустились со стены, предстали перед своим повелителем с побледневшими лицами и горестно поведали ему ту бедственную новость.

Услышав от них, что Рама и Лакшмана восстали от ран и вновь появились на поле боя, владыка ракша-

сов охвачен был великою яростью и тревогой: «Если, смертельно раненные страшными стрелами Индраджита, дарованными ему богом, восстали эти оба, возвращенные к жизни, я вижу, что бесполезным оказалось мне могущество, и тщетны были удары нашего оружия». И вздыхая тяжело, словно разгневанный змей, Равана обратился к могучему и свирепому ракшасу Ваджрадамштре, восседавшему посреди собрания ракшасов, и повелел ему: «Ступай, о достойный, возьми с собою войско, убей Раму и Сутриву и истреби обезьянью рать!»

«Да будет так!» — отвечал Ваджрадамштра и, выйдя поспешно, приказал военачальникам строить войска. И, одетый в блистающую кольчугу, с золотыми браслетами и поножами, с драгоценной диадемой на голове, с луком в руке, он взшел на золотую колесницу, сверкающую как пламя, и выехал из Южных ворот навстречу обезьянам могучего Ангады. Следом за ним устремились с воинственным кличем, подобным грому, полчища грозных ракшасов, вооруженных копьями и мечами, бердышами, железными палицами, булавами, дубинами, дротиками и пиками, арканами и топорами. Вместе с пешими воинами мчались в бой всадники на быстрых конях, летели колесницы, украшенные стягами, бежали слоны, подобные движущимся горам. И все войско ракшасов наступало на обезьян грозovou тучей, гремющей и мечущей молнии.

Когда Ваджрадамштра выехал из Южных ворот на своей боевой колеснице, недобрые знамения появились в небе перед его взором. Вороны, каркая, закружились над его головою; и отвратительный стервятник опустился и сел на верхушку его стяга. Шакалы в лесах

подняли зловещий вой. Воины Ваджрадамштры стали спотыкаться. И обезглавленный труп с леденящим душу воплем упал прямо на его пути.

При виде этих зловещих примет душа Ваджрадамштры омрачилась тоскою, и войско его дрогнуло. Обезьяны же, видя это, ринулись на врагов с ревом и рыком, потрясающим землю.

И закипел жаркий бой под стенами Ланки между обезьянами и ракшасами, свирепыми и беспощадными, пылающими воинственной страстью, рвущимися уничтожить друг друга. Воины бросались друг на друга, нанося и получая в ответ яростные удары, прыгая, падая, топча друг друга ногами, проливая потоками кровь и сами истекая кровью. Сходясь один на один и отряд на отряд, не отвращая в битве лица, бойцы поражали друг друга палицами и дубинами, мечами и древесными стволами, боевыми топорами и каменными глыбами; и камни и бревна, сталкиваясь в воздухе с мечами и копьями, порождали великий грохот и треск, мешавшийся с барабанным боем и пением труб, громыханьем колесниц, ржанием коней и криками воинов. А некоторые, отбросив оружие, вцеплялись друг в друга голыми руками, и дрались кулаками, и били, и рвали, и раздирали друг друга на части. И многие ракшасы были разорваны на куски обезьянами или сокрушены глыбами скал, и многие обезьяны были убиты оружием ракшасов.

Ваджрадамштра, грозным обликом подобный Шиве, Разрушителю Вселенной, пробивался сквозь ряды неприятельской рати, сея смерть на своем пути и вселяя трепет в сердца обезьян, и следом за ним продвигались воины его, одушевленные жаждой боя. Но отважный

Ангада, обладающий львиною мощью, с глазами, красными и горящими от гнева, ухватив ствол дерева апшвакарна, учинил великое побоище в рядах войска ракшасов. Сотни их полегли от его руки, как лес, вырубленный топором дровосека, и поле покрылось горами трупов с разможженными головами и переломанными руками и ногами, покрылось трупами коней, слонов и обломками сокрушенных боевых колесниц; реки крови заструились по полю брани. И смутилось и заколебалось войско ракшасов под неистовым натиском Ангады, сына Валина.

Видя поражение своего войска, Ваджрадамштра был охвачен гневом. И, натянув свой лук, блистающий как молния Индры, он начал осыпать ливнями стрел ряды обезьян. И сильнейшие из ракшасов, стоя на колесницах, начали посылать во врагов тучи стрел и дротиков. А обезьяны стали метать в ракшасов древесные стволы и огромные камни. И оба войска понесли тут сильный урон, и многие ракшасы и обезьяны, сраженные, полегли на поле.

Тогда предводитель ракшасов, могучий Ваджрадамштра, обрушил на обезьян непрерывный ливень стрел. И он, искушенный в стрельбе из лука, пронзал одной стрелою и восемь, и девять обезьян разом. Воспламененный гневом, Ваджрадамштра опрокинул тогда и рассеял неприятельский строй. И обезьяны, израненные его стрелами, в страхе бежали тогда под защиту Ангады.

Ангада, видя ряды своей рати расстроенными, обратил свой взор на Ваджрадамштру и встретился с его взором. И оба ринулись друг на друга и сошлись в смертельной схватке, словно лев с разъяренным сло-

ном. Сотнями и тысячами стрел, подобных языкам пламени, Ваджрадамштра пронзил тело сына Валина. Обезьяний же вождь, истекая кровью, метнул огромное дерево в Ваджрадамштру. Но, видя это, ракшас, не смутившись и не дрогнув ни на мгновение, рассек то дерево в полете на части своим оружием, и, не долетев до цели, куски его упали на землю. Тогда Ангада, подняв над головою громадную скалу, со страшным криком метнул ее во врага. Но тот, неустрашенный, спокойно соскочил с колесницы и стал поодаль на земле. И каменная глыба, брошенная Ангадой, обрушилась на колесницу и разнесла ее в щепы и насмерть придавила коней.

Схватив тотчас же другой такой же камень — поросшую деревьями горную вершину — сын царя Кишкиндхи обрушил ее на голову ракшаса. И Ваджрадамштра, оглушенный, изрыгая кровь из рта, мгновение стоял недвижимо, опираясь на палицу, чтобы не упасть, и тяжело вздыхая. Придя в себя, он взмахнул своей чудовищной палицей и нанес ею Ангаде удар в грудь; затем, отбросив палицу, он бросился на Ангаду, и оба сцепились врукопашную, нанося друг другу страшные удары кулаками. И ракшас и обезьяна, избивая друг друга, изрыгали кровь из рта и вздыхали тяжело, подобно змеям, и оба, изнуренные тем боем, разошлись наконец, не в силах одолеть один другого голыми руками.

Отступив, Ваджрадамштра взял щит, обтянутый ослиной кожей, и меч с клинком широким и острым и снова напал на Ангаду. Ангада тоже схватил меч, и оба — ракшас и обезьяна — стали кружить друг возле друга, прыгая и отскакивая и соребнуясь в ловкости

и проворстве. И нападая один на другого, оба, жаждущие победы, они испускали воинственные клики; и кровь струилась у них из ран, уподобляя обоих витязей деревьям кимшюка, покрытым алыми цветами.

И оба, вконец изнуренные битвой, уже не могли держаться на ногах и продолжали сражаться, стоя на коленях. Но вот внезапно, в мгновение ока, Ангада вскочил с горящими глазами — с быстротой змеи, прынувшей на жертву! И единым взмахом своего острого меча сын Валина снес голову с плеч Ваджрадамштры; и отрубленная голова, покрытая кровью, покатилась по земле, вращая глазами.

Ракшасы, видя гибель своего военачальника, в ужасе обратились в бегство, преследуемые обезьянами, ища спасения от избиения за стенами Ланки. А сын Валина, сразивший Ваджрадамштру, торжествовал победу, возвышаясь среди обезьян, как Индра среди бессмертных.

Услышав, что Ваджрадамштра пал от руки Ангады, Равана сказал своим военачальникам, стоявшим перед ним со сложенными ладонями: «Пусть победоносные ракшасы, наделенные великою мощью, выйдут в поле под водительством Акампаны, опытного и искушенного в ведении войны. Этот преданный мне и воинственный полководец сумеет покарать врагов и ограбить Ланку от их нашествия. Он победит сына Даша-

ратхи и Сугриву, он истребит свирепых и диких обезьян».

Тогда по велению Раваны лучшие из лучших ракшасы, неистовые и кровожадные воины, мрачноликие, с горящими, как угли, глазами, построились и двинулись в бой, побуждаемые своим предводителем. Акампана, обликом сходный с грозовой тучей, повелевая голосом, подобным раскатам грома, взошел на колесницу, украшенную золотом, и, окруженный ракшасами, выехал в поле через Западные ворота.

В тот миг, когда Акампана, могуществом равный солнцу, выехал в поле, кони его споткнулись, задержался у него левый глаз, и покрылся бледностью лик его, и изменил ему голос. Все вокруг потемнело, и вой хищных зверей и крики зловещих птиц слышались отовсюду. Но, презрев неблагоприятные знамения, Акампана вышел на поле битвы.

С ревом, вселяющим ужас в сердца, могучее войско ракшасов вышло через Западные ворота Ланки. И завязалась жестокая и беспощадная битва между бродящими в ночи и обитателями лесов, между воинами Раваны и славными ратниками Рамы. Облака пыли, поднятые ногами сражающихся, окутали поле боя и все окрестности густой пеленою, за которою скрылись войска, сошедшиеся в битве, только яростные крики и вопли звучали над полем. В этих тучах пыли бойцы перестали различать друг друга и разили врага и друга без разбора. Земля покрылась в тот миг мертвыми телами и стала мокрой и скользкой от крови; и, когда потоки крови увлажнили землю, пыль улеглась. Битва же между ракшасами и обезьянами разгорелась с новой силой.

Ракшасы напирали на обезьян, нанося им удары палицами и мечами, топорами и копьями, а обезьяны, отражая те удары, обрушивали на головы ракшасов утесы и древесные стволы и напирали навстречу, и вожди обезьяньего войска врывались в ряды врагов, убивая, опрокидывая и тесня неприятельских воинов.

Акампана, увидев, что в одном месте войска его дрогнули и отступают под натиском обезьяньих вождей, воскликнул, обращаясь к своему возничему: «Веди мою колесницу туда, где сражаются эти могучие обезьяны. Они истребляют моих воинов в битве, и ряды моей рати редуют под их ударами. Я должен укротить их отвагу! Да падут они от моей руки!» И колесничий направил быстрых коней туда, где ракшасы терпели поражение, и Акампана напал с великой яростью на обезьян, затмив небо тучею своих стрел.

Поражаемые стрелами Акампаны, обезьяны, не в силах противостоять ему, стали разбегаться с его пути. Тогда Хануман, бестрепетный сердцем, видя избиение своих родичей, вступил в бой, и могучие вожди обезьян, сплотившись вокруг него, повернули опять навстречу врагу. Как Индра дождем осыпает землю, так осыпал Акампана Ханумана бесчисленными стрелами. Но не дрогнул сын Ветра и встретил смехом тот ливень стрел, готовясь сразить Акампану. С воинственным криком Хануман бросился на ракшаса; земля загудела под его ногами. Подобный пылающему огню, приблизился Хануман к Акампане; и по дороге, вспомнив о том, что он безоружен, Хануман вывернул из земли огромный холм и поднял его над головой одной рукою.

Завидев тот хойм, вскинутый ввысь Хануманом, Акампана издали пробил его своими стрелами, и холм рассыпался в прах в руках сына Ветра. Тогда могучий Хануман, охваченный гневом, выдернул из земли ствол дерева ашвакарна, вознесшийся выше горной вершины, и, взмахнув им, стал вращать его над головою. Но и ту ашвакарну мгновенно расщепил Акампана своими меткими стрелами.

В ярости бросился Хануман вперед, сокрушая все на своем пути, истребляя врагов, разбивая колесницы и убивая лучников на колесницах, слонов и их седоков, коней и всадников и пеших воинов. Акампана же, видя избиение ракшасов, испустил тревожный крик и пронзил Ханумана четырьмя и еще десятью железными стрелами и множеством острых дротиков. И со стрелами и дротиками Акампаны, торчащими из его тела, Хануман казался холмом, поросшим деревьями.

Взбешенный Хануман вырвал новое дерево из земли. Вне себя от гнева, раздраженный ранами, нанесенными оружием ракшаса, Хануман настиг Акампану, как некогда Индра — демона Намучи, и, изловчившись, с силою опустил древесный ствол на голову предводителя ракшасов. И сраженный страшным ударом, Акампана упал с колесницы и умер.

После гибели Акампаны ракшасы, пав духом, бросились бежать по направлению к Ланке, бросая оружие. Обезьяны преследовали их, поражая камнями и деревьями, истребляя вражеское войско, наголову разгромленное в бою. Устрашенные ракшасы бежали во весь дух с развевающимися волосами, и пот струился потоком по их лицам, и, достигнув Ланки, они, оглядываясь в испуге, теснясь и давя друг друга в смяте-

нии, устремились в городские ворота, спеша укрыться за стенами крепости.

Обезьяны же, ликуя и торжествуя победу, восславили подвиг Ханумана громкими кликами. Рама, и Лакшмана, и Сугрива, и Вибхипана воздали великую хвалу отважному сыну Ветра.

Когда весть о гибели Акампаны достигла слуха предводителя ракшасов, он, разгневанный и ошеломленный, устремил взор на своих советников. Поразмыслив, он в то утро, покинув свой дворец, обошел стены города, проверяя готовность и бдительность защитников Ланки. И окинув взором окрестности Ланки, он увидел их заполоненными бесчисленными ордами обезьян. Тогда Равана сказал Прахасте, искушенному в науке войны: «Кроме битвы, я не вижу иного средства спасти город, осажденный со всех сторон. Эта задача под силу мне или Кумбхакарне, моему брату, или Индраджиту, моему сыну, или тебе, моему полководцу. Возьми войско и выйди против обезьян — нет сомнения, они побегут, едва слышат твой голос. Они — эти неразумные и непостоянные твари — не вынесут твоего боевого клича, как не выносит слон рыканья льва. И когда обезьянье войско обратится в бегство, Рама и Лакшмана останутся одни, лишённые силы и опоры. Ты, легко и не подвергая жизнь свою большой опасности, одержишь победу над ними, Прахаста. Скажи, что думаешь ты об этом?»

Прахаста отвечал царю бродящих в ночи: «О государь, ты всегда был милостив и щедр ко мне. Нет та-

кого деяния, которое я отказался бы совершить ради твоего блага. Смерти я не боюсь. Для тебя я с радостью пожертвую жизнью». И обратившись к своим военачальникам, он сказал: «Соберите войско ракшасов. Сегодня я накормлю досыта стервятников и коршунов телами врагов, сраженных моими стрелами».

Повинуясь словам Прахасты, военачальники построили войска. Вмиг закишела Ланка боевыми слонами, конями, колесницами и полчищами отважных и ужасных ракшасов, вооруженных всеми видами оружия. В воздух поднялся дым жертвоприношений, совершаемых ради победы войска Раваны. Ракшасы, исполненные воинственного духа, надели поверх доспехов освященные и заговоренные цветочные гирлянды, и стали перед Раваной, готовые идти в бой.

Тогда, приветствовав царя, Прахаста затрубил в свой рог и взомел, облаченный в золотые доспехи, лучезарный и прекрасный, как восходящее солнце, на колесницу, управляемую искусным возничим, запряженную быстрыми как ветер конями. Забили барабаны, затрубили трубы, и несметное войско ракшасов во главе с грозным Прахастой, подобным богу смерти, вышло из города через Восточные ворота, сотрясая землю и вселяя ужас во все живое леденящим душу ревом.

И когда войско вышло из города, птицы, питающиеся падалью, рея в безоблачном небе, появились с правой стороны от колесницы Прахасты. В лесу жуткие шакалы, извергая из пастей огонь, пронзительно завывали. Солнце померкло, кровавый дождь пролился на головы идущего войска. Зловещий стервятник с криком опустился на стяг Прахасты и, по-

вернувшись на юг, разодрал его своими когтями и тем лишил украшения колесницу полководца ракшасов. Коня Прахасты споткнулись, и поводья выпали из рук его возничего.

И обезьянны рати встали на пути Прахасты, прославленного своей отвагой и воинским искусством. Вырывая с корнями деревья и поднимая тяжелые скалы, обезьяны, пылая жаждою битвы и бросая вызов врагам, приготовились встретить и отразить натиск ракшасов. И оба войска столкнулись с оглушающим шумом.

Рама, видя, как вышло из города вражеское войско, обратился с улыбкой к Вибхишане и спросил его: «Кто этот славный воин огромного роста впереди всех на колеснице? И какова его сила? Расскажи мне об этом ракшасе, о могучий». Вибхишана отвечал: «О Рагхава, это Прахаста, полководец Раваны, и с ним — треть войска Ланки. Этот ракшас прославлен своей силой, отвагой и воинским искусством. Рядом с ним — четверо его полководцев-советников — Нарантака, Кумбхахану, Маханада и Саммуната — воители опытные и не ведающие страха. Могучую рать выслал Равана в поле, нелегко будет одолеть ее. Смотри, войска сошлись, и битва началась!»

Густые тучи стрел и камней полетели с обеих сторон. Ракшасы напали с яростью на обезьян, поражая их своим оружием, а обитатели лесов отважно противостояли ракшасам, нанося им жестокие удары. Многие тогда были пронзены копьями и стрелами, зарублены мечами и топорами; многие полегли, сокрушенные дубинами и камнями. Одни, оглушенные палицей, валились замертво на землю, другие падали, пронзен-

ные в грудь стрелою; третьи лишались жизни, разрубленные надвое мечом. Ряды обезьян поредели под натиском свирепых ракшасов, и многие ракшасы пали, убитые неистовыми обезьянами. И ракшасы и обезьяны сражались, не ведая страха и усталости, вступив на стезю героев.

Нарантака, Кумбхахану, Маханада и Саммуната — четверо могучих советников Прахасты — пробивались сквозь ряды неприятельского войска, сокрушая и истребляя обитателей лесов. Под их напором стали отступать обезьяны.

Тогда вожди обезьяньего войска пришли на помощь своим воинам. Дживида, стремительно бросившись в гущу боя, воздев над головою каменный утес, обрушил его на Нарантаку и убил его. Майнда могучим стволом ашвакарны сразил Саммунату; Джамбаван каменной глыбою прикончил Маханаду, а Кумбхахану испустил дух, сраженный ударом дубины, нанесенным Тарой.

Но не уstraшенный этим поражением, Прахаста со своей колесницы обрушил тогда на головы обезьяньего войска непрерывный и нескончаемый ливень стрел. И великое смятение посеял он среди обезьян, нанеся им тяжелый урон и принудив их к отступлению.

А земля покрылась телами сраженных обезьян и ракшасов, и река крови, ужасающая взор, потекла по ней: трупы были ее берегами, мечи и копья — деревьями на тех берегах, волосы павших — ее мхом, внутренности, вывалившиеся из распоротых животов, — ее водорослями, коршуны и стервятники — ее лебедями, рыбами плавали в ней отрубленные головы, и стоны раненых были ее журчанием. И как другие

реки текут к океану, так эта страшная река текла в царство Ямы, бога смерти.

Тогда Нила увидел Прахасту, стоящего на золотой колеснице и посылающего тучи смертоносных стрел на войско обезьян. И Нила бросился к нему, сметая ракшасов на своем пути, как ветер разгоняет с неба облака. И Прахаста, лучший из лучников, увидел приближающегося к нему Нилу и, повернув колесницу ему навстречу, направил на Нилу удары своих стрел.

Одолеваемый стрелами Прахасты, Нила остановился, зажмурившись, как буйвол под струями осеннего ливня. Затем, оправившись от ударов вражеского оружия, Нила с криком взмахнул над головою чудовищным стволом дерева шала и, охваченный гневом, сокрушил им насмерть коней Прахасты, предводителя ратей. Вторым ударом он сломал лук в руках Прахасты и вскричал снова и снова. Лишившись лука, ракшас взял палицу и соскочил с колесницы. И оба прославленных вождя стали друг против друга на поле, покрытые кровью, словно лев против тигра, питающие смертельную вражду один к другому, подобные Индре и Вритре, готовым к единоборству, и каждый жаждал победы.

Прахаста, применив все свое искусство, напал на Нилу и палицею угодил ему в висок. Кровь заструилась потоком из раны; вне себя от ярости, Нила поразил древесным стволом предводителя ракшасов в грудь. Не дрогнув под этим ударом, Прахаста снова бросился на Нилу, воздев палицу над головою. Но предупредив его удар, проворный Нила нагнулся и, подхватив с земли огромную скалу, низринул ее на голову Прахасты. Вдребезги раздробил он голову Прахасты, и

полководец Раваны, мертвый, рухнул на землю, словно дерево, подрубленное топором; и кровь рекою хлынула из его разможенной головы.

Когда Прахаста был убит Нилой, несокрушимая рать ракшасов, не ведавшая доселе поражений, отступила к Лапке. Так же как река, когда разрушат плотину, устремляется бурным потоком из запруды, так войско ракшасов устремилось прочь с поля битвы, когда вождь его пал. И войско вернулось в крепость в глубоком молчании, охваченное скорбью; и казалось, сознание покинуло ракшасов, ошеломленных своею утратой.

А победоносный, восславленный обезьянами Нила, совершив свой подвиг и торжествуя, присоединился к Раме и Лакшмане.

Воины, отступившие с поля сражения, явились к владыке ракшасов и поведали ему о гибели Прахасты от руки могучего Нилы. Услышав от них эту недобрую весть, Равана возгорелся гневом. Пораженный скорбью в самое сердце, он обратился к своим военачальникам и сказал: «Не должно более пренебрегать врагом, коим убит был со своими соратниками вождь моих войск, победивший некогда самих небожителей. И потому, не предаваясь долгим размышлениям, я решил ныне сам выйти на поле битвы. Как лесной пожар пожирает деревья, так истреблю я сегодня моими стрелами войско обезьян и убью Раму и Лакшману».

Сказав так, владыка Ланки взошел на колесницу, сверкающую как пламя, и под пение священных гимнов, звуки труб, литавр и барабанов выехал из города через Северные ворота, окруженный полчищами свирепых ракшасов с горящими огнем глазами, ревущих и воющих бесов, пожирателей мяса, словно окруженный сонмищами духов Шива, Разрушитель Вселенной. И выйдя из города, он увидел в поле ряды обезьян, протянувшиеся без конца и края, как волны моря, со скалами и древесными стволами в воздетых руках.

Завидев грозную рать ракшасов, вышедшую в поле из города, Рама обратился к Вибхишане, лучшему из воителей, и спросил: «Кто ведет эти войска, вооруженные копьями и мечами, топорами и палицами, сопровождаемые колесницами, и всадниками, и слонами, подобными горам? Кто эти могучие и доблестные воины, свирепые обликом, бесстрашно выступающие впереди своих дружин?»

Вибхишана сказал: «О царь, тот, едущий на слоне, — Дурмукха, блистающий золотыми доспехами; этот, на колеснице, украшенной стягом с изображением льва, — Индраджит, гордящийся даром, полученным им от всемогущего Брахмы; этот, огромный, подобный Холму Заката в горах Виндхья, сжимающий в руке лук чудовищных размеров, — Вирупакша; этот, с кровавыми глазами, испускающий воинственный клич, — Маходара; этот, неистовый, на быстром коне, со сверкающим дротиком в руках, — Пишача; этот, с копьем, верхом на быке, подобный месяцу сиянием, — знаменитый Юпакша; эти двое — один со змеей на стяге, вооруженный луком, другой с золотой булавою в руке, украшенной драгоценными камнями, — Кумбха и Ни-

кумбха, сыновья Кумбхакарны; а этот, под белым балдахином, в драгоценном венце и с кольцами в ушах, с горящим взором, окруженный ужасными ликами, подобными тигриним, верблужьим, слоновьим, оленьим и лошадиным мордам, возвышающийся над всеми как горная вершина, — это сам владыка ракшасов, сокрушитель гордыни бессмертных!»

Рама сказал: «Блеск его ослепляет глаза, как блеск солнца, и я с трудом различаю его — Равану, царя бродящих в ночи, равного богам сиянием. И войны его подобны движущимся утесам; огненное оружие сверкает у них в руках. Окруженный чудовищными ликами, он воистину как Шива, Разрушитель Вселенной, окруженный призраками. О Вибхипшана, настал долгожданный час — ныне я встречу в бою с похитителем Ситы и обрушу на него гнев свой!» С этими словами Рама взял свой лук и, сопровождаемый по пятам Лакшманой, направился навстречу ракшасам.

Равана обратился к своим воинам и сказал им: «Станьте у стен Ланки, охраняя все входы и выходы, чтобы обитатели лесов, видя, что все вы вышли в поле со мною, не проникли в пустой город и не причинили нам великих бед». Сказав так и оставив войска у стен города, Равана ринулся на вражеское войско и ворвался в его ряды, как огромная рыба, нырнувшая в воды океана.

Сутрива поспешил ему навстречу, воздев над головою горную вершину, поросшую лесом. И он метнул ее в повелителя бродящих в ночи. Но, видя стремительное падение того громадного утеса, Равана своими золотыми стрелами разнес его на части в полете. И Равана взял копьё, подобное пылающему

огню, неотвратимое, как молния Громовержца, губительное, как сам Разрушитель Вселенной, и метнул его с силою в Сугриву. И копьё вонзилось в грудь героя, и, корчась, Сугрива с воплем упал на землю.

Видя царя обезьян распростертым без чувств на земле, ракшасы преисполнились радости. Тогда Гавакша и Гавайя, Сушена, Рипабха и Нала, вырывая скалы из земли, ринулись на Равану. Но сотнями острых стрел встретил их владыка демонов и отразил их натиск; и он нанес им теми золотыми стрелами мучительные раны, и, пронзенные многократно ужасным оружием Раваны, обезьянны вожди дрогнули и бежали, ища спасения и защиты у Рамы.

Тогда Лакшмана, приблизившись к Раме, сказал ему, сложив ладони: «О благородный, только я могу одолеть этого нечестивца. Я убью его. Позволь мне сразиться с ним, о Рама». Рама отвечал ему: «Ступай, о Лакшмана, и употреби все свое умение и отвагу в бою. Равана поистине силен и смел, и удивительна мощь его в битве. Нет сомнения, в гневе он грозен и губителен для всего живого. Будь бдителен и осторожен, оберегай себя и не допускай промахов».

Сын Сумитры обнял Раму и, воздав ему хвалу, отправился в бой. Между тем Равана, истребляя и рассеивая обезьянны рати, продвигался по бранному полю, пока не стал на его пути Хануман, сын Ветра. «О Равана! — воскликнул Хануман, воздев правую руку. — Ни боги, ни данавы, ни гандхарвы, ни демоны не могли одолеть тебя, но ныне, вступив в борьбу с обезьянами, ты найдешь свой конец. Вот этой моей рукою я вырву душу из твоего тела!» Равана отвечал ему, и глаза его налились кровью от

гнева: «Бей же, о грозный противник. Покажи свою удаль, прежде чем я прикончу тебя».

И храбрый Хануман вступил в единоборство с врагом бессмертных богов. Равана сразмаху поразил своею десницею сына Ветра, и Хануман пошатнулся, оглушенный, с трудом устояв на ногах. Но тотчас оправившись, он нанес страшный удар повелителю ракшасов; и содрогнулся Равана под тем ударом, как гора от землетрясения. И сказал он, обрета дыхание: «Неплохо, о обезьяна! По силе ты достойный меня противник!» Хануман же сказал: «Ничтожна моя сила, если ты дышишь еще, о Равана. Бей же ты, о нечестивый! Почему ты медлишь? Следующим ударом я отправлю тебя в царство Ямы!» Тогда Равана, разгневанный его словами, сжал в кулак свою правую руку и с силой опустил ее на грудь Ханумана. И Хануман зашатался, теряя сознание. А Равана, оставив его, обратился против Нилы.

Тучи стрел послал повелитель ракшасов в Нилу. А Нила, взмахнув огромной скалою, запустил ею в Равану; но тот раздробил ее в полете семью стрелами, мгновенно выпустив их одну за другой. При виде своей неудачи взъярился Нила, и стал он метать одно за другим могучие деревья в Равану — деревья шала, и ашвакарны, и манго в цвету, и другие. Но все их расщепил в полете стрелами Десятиглавый и в ответ десятками стрел поразил вождя обезьян.

Увертываясь от метко направленных стрел демона, Нила уменьшился внезапно в размерах и, взвившись в воздух, оказался над колесницею Раваны, а падая с высоты, уцепился за верхушку его стяга. Видя обезьяну над своей головою, Равана был ошеломлен

и разгневан, а Нила испускал насмешливые крики. И Рама, и Лакшмана, и Хануман, пришедший в себя после удара, с изумлением взирали на необычайное проворство Нилы, вмиг перескочившего со стяга на лук Раваны, с лука — на его венец и с венца метнувшегося снова на стяг. И Равана, пораженный увертливостью обезьяны, схватился за лук. А обезьяны, видя растерянность царя ракшасов, веселясь, испускали громкие крики, и раздраженный этими криками Равана, в чье сердце вселилась тревога, не знал, что ему предпринять против Нилы.

Тогда, взяв огненную стрелу и поместив ее на тетиву лука, повелитель ракшасов устремил свой взор на Нилу, восседающего на стяге, и сказал: «Поистине, обезьяна, велико твое искусство менять размеры и облик и твое проворство и ловкость. Но берегись, обезьяна! Эта моя стрела положит конец твоим уловкам!»

Сказав так, могучерукий Равана, властитель Ланки, отпустил тетиву. И Нила, пораженный в грудь стрелой, корчась, еле живой упал на землю, но жизнь не покинула его, и он скрылся с пути колесницы Десятиглавого.

Равана же на своей гремящей как гром колеснице, пылая жаждой битвы, устремился на сына Сумитры. И Лакшмана бесстрашно ринулся ему навстречу, сжимая лук в руке, и вскричал: «О владыка бродящих в ночи, испытай мою силу в бою! Довольно тебе сражаться с обезьянами!» Услышав эти слова Лакшманы и звон тетивы его лука, Равана приблизился к нему, стоящему на поле брани, и в гневе сказал ему: «О потомок Рагху, наконец ты, неразумный, встал на пути

моем, куда привела тебя твоя судьба. Сейчас, пронзенный моими стрелами, ты отправишься в царство Смерти». Но Лакшмана, презрев угрозу, отвечал ему: «Напрасно ты похваляешься своею силою, о царь грешников. Мне ведома твоя мощь и твоя отвага. Здесь стою я с луком в руке. Приблизься! Что толку в пустых речах?»

Властитель ракшасов, принимая вызов, натянул свой лук и выпустил, пылая гневом, семь золотых стрел одну за другой. Лакшмана своими острыми стрелами в тот же миг расщепил их все семь в полете, и, как змеи, рассеченные на части, не долетев, они упали на поле. И снова Равана обрушил на брата Рамы ливень стрел, и снова Лакшмана расщепил их в полете своими стрелами с остриями, подобными лезвиям ножей. И видя тщетность своих усилий, царь ракшасов преисполнился удивления и снова направил острые стрелы на Лакшману, но тот, отразив все удары, сам послал тучи стрел во врага, принудив Равану отбиваться от них.

Отразив стрелы сына Сумитры, Равана поместил на тетиву лука стрелу, подобную истребительному огню в день кончины мира. И той ужасной стрелою, дарованной ему всемогущим Брахмой, он поразил Лакшману в голову. Содрогнулся Лакшмана под ударом стрелы, но, преодолев беспамятство и боль, продолжая бой, нацеленной метко стрелою сломал в руках у Раваны лук и еще три стрелы вонзил ему в грудь. Пошатнулся и Равана, истекая кровью, и, оправившись, схватил копьё, подобное столбу пламени, и метнул в сына Сумитры то чудовищное копьё, вселившее трепет в сердца обезьян.

Лакшмана многими стрелами поразил то копьё в воздухе, но не в силах был остановить его неотвратимый полет. Оно пронзило грудь Лакшманы, и рухнул он, лишившись сознания. И в тот же миг Десятиглавый был возле него, и схватил его, чтобы увлечь за собою. Но тотчас бросился на владыку ракшасов отважный Хануман и с такою силою ударил его кулаком в грудь, что Равана выпустил Лакшману из рук и, обеспамятев, опустился на колени на своей колеснице; и кровь хлынула у него изо рта.

А Хануман взял на руки Лакшману, потерявшего сознание, и отнес его к Раме. И Хануман сказал Раме: «Ты должен покарать нечестивого врага. Садись мне на спину, я понесу тебя, как Гаруда, царь птиц, нес великого бога Вишну на битву с демонами». Рама сел Хануману на спину, и могучий сын Ветра понес его в гущу боя, где Равана, оправившись от удара, уже вновь осыпал стрелами ряды обезьяньего войска.

Приблизившись к Раване, Рама вскричал: «Стой, стой, о нечестивый ракшас! Ты не уйдешь от меня, причинивший мне столько зла. Я, истребивший четырнадцать тысяч ракшасов, отправлю сегодня во владения Ямы и тебя с твоими сыновьями и внуками!»

Равана, повернув колесницу навстречу Раме, поднял свой лук и тучей пылающих стрел осыпал врага. И теми стрелами он многократно поразил Ханумана; но Хануман, сын Ветра, несущий Раму, стойко выдержал все удары.

Увидев, что лучший из обезьян жестоко изранен Раваной, сын Дашаратхи был охвачен гневом. Приблизившись к врагу, он своими острыми стрелами разнес на куски колесницу владыки ракшасов вместе

с бывшим в ней оружием и со стягом Раваны и убил его возницу и коней его. И как Индра разбил громовым ударом великую гору Мёру, так Рама разверз грудь Раваны стрелою, подобною молнии Индры. Поник Досятиглавый под страшным тем ударом, и лук выпал из его ослабевшей руки. А Рама взял чакру — диск, который мечут в бою, — и, метнув ее, сбил драгоценный веноч с головы повелителя Ланки. «Великие подвиги ты совершил в битве, — молвил сын Дашаратхи Раване, — многих доблестных воинов моего войска ты сразил. Ты изнурен боем. Я не буду сегодня биться с тобою. Ступай в свою Ланку, о царь бродящих в ночи. Мы еще встретимся в этом сражении, и ты познаешь мощь моей десницы».

И Равана, израненный, лишившийся оружия, коней и колесницы, поспешно отступил и возвратился в Ланку, укрывшись за ее стенами со своим войском.

Вернувшись в Ланку, Равана, мучимый болью от ран, побежденный в сражении Рамой, как слон, побежденный львом, как змей, побежденный Гарудой, предался скорби. Воссев на золотом троне, Равана сказал, озирая собрание ракшасов: «Поистине, все мои подвиги благочестия и истязания плоти были бесплодны, ибо, вознесясь превыше грозного Индры, ныне я потерпел поражение от смертного. И теперь на память мне приходят зловещие слова Брахмы: „Знай, что опасность грозит тебе от руки смертного. Тебя не одо-

леют ни боги, ни исполины, ни гандхарвы, ни якши, ни ракшасы, ни наги. Но ты не просил неуязвимости от человека“. Мне кажется, этот сын Дашпаратхи и есть тот смертный, от кого грозит мне гибель. И проклятия жертв моих приходят мне на память; все они предсказали мне отмщение. Анаранья, потомок Икшваку, предрек мне, что из рода его выйдет герой, который убьет меня в битве вместе с моими сыновьями и соратниками. Ума же, дочь Химавата, оскорбленная мною, предсказала, что женщина станет причиной моей гибели. И Нандикешвара, коего я унизил, сулил мне претерпеть унижение от обезьян.

Великая опасность грозит нам ныне. Все силы должны мы напрячь, чтобы отвратить ее. Пусть воины станут на стенах и у ворот, пусть будут бдительны, пусть зорко следят за движением врага. И пусть разбудят Кумбхакарну. Он — последняя наша надежда, он — неодолимый в битве, не знающий равных в отваге и мощи, он рассеет полчища обезьян и убьет сыновей Дашпаратхи. Я потерпел поражение — теперь никто, кроме Кумбхакарны, не может помочь мне. Но он спит, он спит месяцы и годы, чтобы бодрствовать один день. Ступайте и разбудите его».

Вняв словам своего владыки, ракшасы, взяв с собою венки, благовония и обильные запасы пищи, поспешно отправились к пещере, где спал Кумбхакарна.

Чудовищным и непостижимым было могущество Кумбхакарны, брата Раваны. Когда в былые времена Кумбхакарна вслед за старшим братом, свершив суровые обеты, пришел просить себе дара у Брахмы, в великое смятение пришли боги, ожидая страшного бед-

ствия для вселенной. И они умолили Брахму позволить им обмануть чудовище. Едва Кумбхакарна раскрыл рот для просьбы, Сарасвати, богиня речи, проникла в гортань ему и оттуда голосом Кумбхакарны попросила у Брахмы вечного сна.

С тех пор Кумбхакарна погружен был навечно в глубокий сон, лежа в просторной пещере, которую отвел ему Равана. Но каждые шесть лет он просыпался на один день, и тогда великая опасность грозила миру.

Подойдя к входу в пещеру, ракшасы были остановлены дыханием спящего Кумбхакарны, которое, подобно бурному ветру, вылетало из его груди; с трудом удержались они на ногах. Но, преодолев встречный ветер, ракшасы вошли в пещеру и узрели Кумбхакарну, лежавшего, возвышаясь, подобно холму, на полу, вымощенном золотом и драгоценными камнями. В золотой диадеме, с золотыми браслетами на руках, он лежал, огромный, как никто во вселенной, и грудь его вздымалась во сне, и запах крови и жира исходил от него.

Ракшасы внесли в пещеру и горою навалили на полу великое множество туш оленей, буйволов и вепрей; там же они насыпали великую гору риса, поставили кувшины с кровью и различными яствами. Они умастили тело Кумбхакарны и окурили его благовоениями и украсили его цветами. Затем, став кругом, они возопили все разом во всю свою мочь, затрубили в трубы, забили в барабаны, захлопали в ладоши, затопали ногами и принялись толкать, тормозить, бить и колотить Кумбхакарну. И столь великий шум возносился к небесам, что птицы, пролетавшие мимо, па-

дали замертво на землю. Но Кумбхакарна не просыпался.

Тогда ракшасы взяли дубины и палицы и, подступив к Кумбхакарне, стали бить его, сладко спящего, в грудь каменными глыбами, дубинами, палицами и булавами, а другие били что есть силы в барабаны и литавры и трубили в раковины. И десять тысяч ракшасов, собравшихся в пещере, не могли разбудить Кумбхакарну.

Тогда ракшасы пришли в ярость. Они пустили скакать по телу Кумбхакарны коней, и верблюдов, и мулов, пустили ползать по нему змей. Они колотили его дубинами и бревнами, резали ножами, хлестали плетью. Они кричали, ревели, рычали, вопили, выли, визжали, били в барабаны, литавры, трубили в трубы, так что вся Ланка с ее лесами и холмами наполнилась оглушительным шумом. Одни заколотили разом в тысячу барабанов, другие заревели разом во всю силу глоток; но Кумбхакарна даже не шелохнулся. Одни рвали его волосы, другие кусали его уши, третьи вылили в его уши тысячу кувшинов воды. Но только когда тысяча слонов ринулась на него разом, топча его тело, Кумбхакарна наконец пробудился от сна.

Не замечая рушащихся на него ударов, он потянулся, раскинул руки, зевнул, разверзнув пасть, подобную входу в подземное царство, вздохнул — словно буря забушевала в недрах горы — и сел, раскрыв глаза, горящие как две звезды, терзаемый муками голода.

Тотчас ракшасы указали ему на груды съестного, и Кумбхакарна накинулся на еду, пожирая мясные туши и запивая их кувшинами крови. Когда он на-

сытился, ракшасы обступили его со всех сторон и стали, склонив головы, он же обвел их взглядом и сказал: «Зачем вы разбудили меня? Пребывает ли в здоровье и благополучии царь? Или стряслась какая-нибудь беда и опасность грозит ему? Если так, я уничтожу любую опасность и отведу от него любую беду. Ни Индра, ни Агни — никто из богов не может противостоять мне. Поведайте мне всю правду. Вы не могли разбудить меня раньше срока по неважной причине!»

Тогда выступил вперед царский советник по имени Юпакша и молвил гневному Кумбхакарне, сложив смиренно ладони: «Нет опасности, которая угрожала бы нам от богов, о могучий! Но, владыка, великая опасность грозит нам от смертного! Ланка осаждена обезьянами, подобными горным утесам. Рама, сын Дашаратхи, привел их, пылая гневом и жаждою мести за похищение Ситы. Ныне в бою он одолел повелителя ракшасов, свершив то, что не по силам было ни богам, ни данавам, ни исполинам-дайтьям. И царь отступил с поля боя, едва не лишившись жизни, — великодушный враг пощадил его».

Услышав о поражении брата, Кумбхакарна, вращая глазами, сказал Юпакше: «Сегодня же, уничтожив вражеское войско и его вождей, я избавлю царя от тревог. Сегодня же я призову ракшасов на пир, — да насытятся они мясом и кровью обезьян! А сам я напьюсь крови Рамы и Лакшманы!» И встав со своего ложа, Кумбхакарна совершил омовение; по его велению ракшасы принесли ему две тысячи кувшинов вина, и, выпив их все, воспрянув духом, освеженный и бодрый, отправился он к Раване.

Возвышаясь над домами и стенами Ланки, грозным обликом подобный смерти, он шагнул, направляясь к чертогам брата, и под ногами его сотряслась земля. Завидев его издалека, дрогнули отважные обезьяны; страх вселился в их сердца. И Рама схватился за лук и сказал, обращаясь к Вибхишане: «Кто этот, подобный горе или туче, таящей молнию, при виде которого дрогнули и подались назад ряды нашего войска, — ракшас или асура? Такого, как он, еще не видели мои глаза».

Вибхишана ответил: «О Рагхава, это Кумбхакарна, сын Вишраваса, брат Раваны, победитель Индры и Ямы. Нет среди ракшасов равного ему могуществом. Едва родившись, он начал тысячами пожирать живые существа; и по воле богов, боявшихся опустошения вселенной, Брахма погрузил его в вечный сон. Но Равана умолил всевышнего Брахму позволить его брату просыпаться каждые шесть лет на один день. Видно, теперь властелин ракшасов, уstraшенный твоею мощью, разбудил Кумбхакарну. Не диво, что обезьяны готовы бежать при его появлении. Разве смогут они ему противостоять? Но они должны будут с ним сражаться!»

Рама промолвил тогда, обращаясь к Ниле: «Пусть обезьяны, вооружившись, станут на дорогах и у мостов, закрывая выходы из города, и пусть приготовятся к битве». И по слову Рамы обезьянье войско, потрясая каменными глыбами и стволами деревьев, приблизилось к городским воротам, возглавляемое Ангадой, Хануманом, Шарабхой и Гавакшей.

А Кумбхакарна между тем достиг чертогов Раваны и вошел в них как солнце в тучи, сотрясая поступью

землю. Он предстал перед Раваной, восседавшим на колеснице Пушпака, и поклонился ему в ноги, приветствуя его. Равана же, обрадованный, сошел с колесницы и, обняв брата, усадил его на драгоценную асану, блистающую золотом.

Кумбхакарна спросил: «О царь, зачем ты повелел разбудить меня? Скажи, кто угрожает тебе? Кого я должен сокрушить?» И Равана, вспыхнув гневом, отвечал, в ярости вращая глазами: «О могучий, ты долго спал и не знаешь о беде, постигшей меня. Рама вместе с Сутривой переправился через океан и ныне истребляет мой народ на поле битвы. Увы! Взгляни на нашу Ланку, осажденную полчищами обезьян, бесчисленными как волны океана! Я не могу с ними справиться. Лучшие из ракшасов пали в сражении, и страх проник в мою душу. Избавь меня от него, о Кумбхакарна! Спаси Ланку! В ней остались одни старики и дети — все остальные бьются, обороняя крепость. Я, никогда еще ни о чем не просивший тебя, ныне прошу тебя, как брата, о могучий победитель небесных воинств, разбей вражеские рати и рассей их, как бурный ветер рассеивает осенние тучи!»

Выслушав сетования Раваны, Кумбхакарна сказал, усмехаясь: «Так беда, которую мы предвидели в день нашего совета, постигла тебя, о безрассудный! Поистине, ты пожинаешь плод своего нечестивого деяния. О великий царь, гордый своим могуществом, ты пренебрег благоразумием и начал тем, чем следует кончать, — деянием, и кончил тем, с чего начинают мудрые, — размышлением. Ты не прислушался к разумным советам — на что же ты жалуешься теперь?»

Равана, нахмутив брови, отвечал на эти слова Кумбхакарны: «Не ради поучений я призвал тебя — что толку теперь в пустых речах? Не время поминать мою гордость и неблагоразумие. Не слов, но дела жду я от тебя. Друг — тот, кто помогает попавшему в беду».

Видя мрачность Раваны, Кумбхакарна сказал ему, утешая его: «О царь, прогони печаль и не гневайся! Выслушай меня. Я истреблю тех, кто причинил тебе горю; покуда я жив, ты не познаешь беды. Но какая бы невзгода ни грозила тебе, я должен сказать то, что мыслю, ради твоего блага. Братская любовь подсказала мне эти речи. И все, что может сделать друг для друга в беде, я сделаю для тебя. Будь покоен! Я принесу тебе с поля боя голову Рамы и проглочу обезьянье войско, утешив сердца тех ракшасов, чьи друзья пали в битве. Мне не нужно ни меча, ни копья, ни палицы, ни стрел — голыми руками справлюсь я с сыном Дашаратхи; да узрят все мощь Кумбхакарны, восставшего от долгого сна! Утешься, о повелитель. Когда я отправлю Раму в царство Ямы, Сита добром уступит твоим желаниям».

Поднялся Кумбхакарна и сказал, готовый отправиться в бой: «Я пойду один. Пусть войско остается здесь. Голодный и разгневанный, я один пожру обезьянье войско». Но Равана молвил: «Ступай вместе с войском, вооруженным копьями и палицами, и вооружись сам. Обезьяны сильны, отважны и искусны в ведении боя; они могут загрызть тебя, если ты выйдешь в одиночку и без оружия».

И Равана, встав с места, надел на шею Кумбхакарне ожерелье из драгоценных камней, золотые укра-

шения и цепь, сияющую как лунный свет. А Кумбхакарна облачился в золотую кольчугу и взял в руки кованое железное копье, позолоченное и сверкающее как пламя. И обняв своего старшего брата, обойдя вокруг него и поклонившись ему, Кумбхакарна покинул дворец. Равана же благословил Кумбхакарну и повелел бить в барабаны и трубить в трубы; и могучее войско ракшасов, вооружившись до зубов, выступило вслед за Кумбхакарной на поле боя.

Под барабанный бой и пение труб, с оглушительным ревом, колеблющим землю и море, вышли в поле из ворот Ланки ракшасы, предводительствуемые Кумбхакарной. Могучие знатные воины войска ракшасов следовали за ним на слонах, конях и колесницах, грохот которых был подобен раскатам грома. Другие ехали на верблюдах, ослах, змеях, львах, леопардах, оленях, птицах, а следом за ними шли бесчисленные отряды пеших воинов, вооруженных мечами, копьями, палицами, секирами, булавами, таласкандами, дротиками, боевыми топорами.

И впереди всех двигался свирепый Кумбхакарна, подобный пылающей горе, одаренный чудовищной силой. Приняв ужасающий облик, он вращал глазами, огромными, как колеса колесницы, и твердил: «Как огонь пожирает летящих в него мотыльков, так пожру я цвет обезьяньего войска!»

Когда же Кумбхакарна выходил из города, ужас-

ные знаменья появились повсюду: затряслась земля, взволновалось море, солнце померкло в небе; шакалы завывали по краям поля, разеваая пылающие пасти, птицы закружились в воздухе по левую руку от Кумбхакарны, и коршун сел на острие его копья. Но, презрев дурные предзнаменования, Кумбхакарна перешагнул через городскую стену и стал на поле перед обезьяньими войсками.

И когда он предстал их взорам, смертельный ужас объял обезьян, и они обратились в бегство; и рати Сугривы рассеялись, словно облака под порывами ветра. Увидев обезьян, разбегающихся с его пути, Кумбхакарна испустил ликующий рев; и заслышав голос его, подобный грому, многие обезьяны попадали на землю как подкошенные. Неодолимый страх овладел их сердцами, и толпами бежали обитатели лесов с поля битвы от Кумбхакарны, как от Ямы, бога смерти, в час гибели вселенной бегут живые существа.

Ангада, сын Валина, видя всеобщее бегство, вскричал, обращаясь к Нале и Ниле, Гавакше и могучему Кумуде: «Куда бежите вы, забыв свой род и стыд, гонимые страхом, словно простые обезьяны? Остановитесь! Это только призрак, созданный чарами ракшасов, чтобы вас напугать. Остановите войско и заставьте его сражаться». И обезьяны, ободренные Ангадой, повернули обратно, хватая древесные стволы и каменные глыбы, и напали с яростью на Кумбхакарну.

Но великан не дрогнул и не шелохнулся под ударами, наносимыми ему обезьянами. И деревья с покрытыми листвой и цветами вершинами ломались

о его тело, и огромные скалы, ударившись о него, рассыпались в прах. Кумбхакарна набросился на обезьян и учинил великое побоище в их рядах, истребляя их и пожирая, как лесной пожар пожирает деревья. Одни обезьяны полегли, истекая кровью, другие бежали стремглав, спасая жизнь. Из бежавших одни укрылись в лесах, другие — в горах, третьи бросились в море, четвертые бежали по мосту, построенному Налой через океан; некоторые же обезьяны попадали на землю, притворившись мертвыми, и некоторые взобрались на деревья.

Видя поражение и бегство обезьяньего войска, Ангада снова вскричал: «Стойте, мы должны сражаться! Стойте, защищайтесь, обезьяны! О вы, трусы, куда вы бежите, дрожа за жизнь свою? Ваши жены будут смеяться над вами — возможно ли перенести такой позор? Что стоят ваши речи о долге знатных и верности своему царю? О низкие, если вы спасете свои жизни, презрение будет вашим уделом до конца дней, о вы, бежавшие толпами от одного. Стойте! Сражаясь, мы либо падем в бою все до единого, если тому суждено быть, и обречем нетленное царство Брахмы, недостижимое для трусов, либо, победив врага, покроем себя славой. Стойте! Обречен на гибель Кумбхакарна, едва он встретится с Рамой!»

Но обезьяны отвечали Ангаде словами, недостойными героев: «Страшное побоище учинил среди нас этот ракшас! Не время стоять — нам дорога наша жизнь!» И они продолжали разбегаться во все стороны при приближении свирепого Кумбхакарны. С великим трудом удалось Ангаде остановить и сплотить вокруг себя отряд из храбрейших и благороднейших

воинов, вдохнув в них речами своими отвагу и надежду. Глядя на них, остановились и вернулись, ободренные, и другие беглецы. И войско обезьян стало вокруг Ангады, опять готовое сражаться, ожидая его повелений.

Воодушевленные речами Ангады обезьяны, исполненные решимости встретить судьбу свою, не отвращая лица, вздымая над головами деревья и утесы, вновь ринулись на Кумбхакарну. Кумбхакарна же, схватив дубину, поверг единым ударом семь сотен обезьян; затем, отбросив оружие, он обрушился на обезьян, пожирая их десятками и сотнями, как Гаруда — змей. И другие ракшасы вслед за ним ворвались в ряды обезьяньего войска, сея среди них смерть своими острыми стрелами. И обезьяны напали на ракшасов, размахивая стволами деревьев, разбивая колесницы, убивая всадников и пеших, и коней и слонов.

Хануман швырнул в Кумбхакарну горной вершиной и вслед за нею стал метать в него без отдыха скалы и огромные деревья; но все их отразил Кумбхакарна своим копьем. Тогда схватил Хануман утес, поросший деревьями, превосходящий остальные размерами, и, приблизившись, с силой метнул его в брата Раваны. Содрогнулся от удара Кумбхакарна и кровь выступила у него на теле. Разгневанный, он ударил своим копьем Ханумана в грудь; Хануман взревел от боли, и кровь хлынула у него изо рта. И видя поражение сына Ветра, многие обезьяны, уstraшенные, обратились в бегство.

Могучий Нила, собрав войска, напал на Кумбхакарну и метнул в него горный утес. Но Кумбхакарна поразил его на лету копьем, и утес рассыпался на

куски; пылая и дымясь, упали они на землю. Тогда пятеро грозных обезьяньих вождей — Нила, Ришабха, Шарабха, Гавакша и Гандхамадана напали на великана, нанося ему страшные удары камнями, деревьями и кулаками. Но те удары были для Кумбхакарны лишь щекотанием и не тревожили его нисколько. Он схватил руками храброго Ришабху и сдавил его и швырнул на землю. И упал Ришабха, и кровь хлынула у него изо рта и ушей. А Кумбхакарна ударами кулаков распхлывал и Нилу, и Шарабху, и Гавакшу, и все они повалились без чувств на землю, обливаясь кровью.

Ангада напал тогда на Кумбхакарну, тщась спасти от истребления обезьян. Он метнул скалу и поразил ею великана в голову. Разъяренный, тот направил на сына Валина удар своего копыя; но быстрый Ангада ловко увернулся и тотчас, подскочив, ударил изо всех сил Кумбхакарну в грудь. Пошатнулся брат Раваны, а придя в себя, сам нанес Ангаде страшный удар, и царевич упал, потеряв сознание.

Кумбхакарна, повергнув Ангаду, устремился на Сугриву, царя обезьян. Завидев Кумбхакарну, покрытого кровью обезьян, приближающегося к нему, размахивая копьем, Сугрива схватил громадный утес и, воскликнув: «Получай, о ты, пожиратель воинов!» — метнул его в ракшаса. Ударившись о грудь Кумбхакарны, утес разлетелся вдребезги, и приуныли обезьяны, а ракшасы вскричали, торжествуя. Кумбхакарна же метнул в Сугриву смертоносное свое копые; но, прыгнув, на лету поймал его сын Ветра, пришедший тем временем на помощь Сугриве, и надвое переломил железное копые о свое бедро. И радостно

закричали обезьяны, восхваляя ловкость и силу Ханумана; а ракшасы повержены были в уныние.

Тогда Кумбхакарна сорвал вершину горы и обрушил ее на Сугриву. Лишившись чувств, упал Сугрива на землю; вновь возликовали ракшасы, а обезьян охватило отчаяние. Кумбхакарна схватил царя обезьян и, пленив, понес его с поля, как буйный ветер уносит тучу с неба.

Неся в руках бесчувственного Сугриву, Кумбхакарна вернулся в Ланку под шумное ликование ракшасов и был осыпан ливнем цветов. Царь обезьян между тем очнулся и увидел, что Кумбхакарна несет его уже по улицам Ланки.

Внезапно рванувшись из рук ракшаса, Сугрива вцепился ему в нос и разодрал его своими когтями и в мгновение ока откусил Кумбхакарне нос и уши. Кровь хлынула ручьями из ран; вне себя от боли, демон схватил Сугриву и, швырнув на землю, придавил его. Но, вырвавшись, Сугрива взвился в воздух и, бежав из плена, вернулся к своему войску.

А Кумбхакарна, лишившийся носа и ушей, с потоками крови, струящимися из ран, уподобился горе с ручьями, стекающими по склонам. Упустив Сугриву, он в ярости ринулся опять на поле битвы. Потеряв копье свое, сломанное Хануманом, он вооружился на этот раз огромною палицей.

Выбежав из города, Кумбхакарна, жаждущий крови и мяса, стал пожирать обезьян, как Смерть пожирает живые существа в день светопреставления. Он хватал их руками по одной, по две, по три, и по многу и запихивал в пасть, не обращая внимания на удары камнями и деревьями, которые ему наносили. Ослеплен-

ный яростью, он порою хватал и ракшасов вместе с обезьянами и пожирал их тоже, не различая. Весь с головы до ног забрызганный кровью и мозгом, он подобен был Разрушителю Вселенной, и кишки и внутренности пожранных свисали у него изо рта. И обезьяны, объятые ужасом, бежали от него под защиту Рамы.

И Рама двинулся ему навстречу, сопровождаемый Лакшманой и самыми отважными обезьянами. И став на поле битвы он вскричал, обращаясь к Кумбхакарне: «Иди сюда, о вождь ракшасов! Вот я стою здесь с луком в руке. Узнай во мне истребителя твоего рода. Ныне пришел час твоей смерти!».

Кумбхакарна, увидев Раму на поле битвы, рассмехался; и подобен раскатам грома был его ужасный смех. «О доблестный, — сказал он, — не принимай меня ни за Вирадху, ни за Кабандху, ни за Маричу, ни даже за Кхару. Я — Кумбхакарна. Взгляни на палицу мою, выкованную из железа. Ею сокрушил я некогда сонмы богов и данавов. Ныне, о тигр из рода Икшваку, ты изведаетшь мощь мою и явишь мне свою силу. А после я проглочу тебя».

Выслушав речи Кумбхакарны, Рама выпустил в него тучу стрел, украшенных золотыми наконечниками. Но, войдя в тело врага богов, стрелы те, хотя и подобны были молниям, не причинили ему ни малейшего вреда. И Кумбхакарна двинулся на Раму, размахивая палицею и сметая обезьян на своем пути.

Тогда Рама поразил Кумбхакарну в грудь семью ужасными стрелами, подобными чудовищным змеям. Остановился Кумбхакарна, и пламя вылетело у него из пасти; и палица выпала из рук его. Истекающий

кровью, он подобен был в этот миг облаку на небе в час заката.

Разъяренный, он ринулся вперед, сокрушая кулаками всех, кто попадался ему на пути, пожирая обезьян, медведей и ракшасов без разбора. Лакшмана сказал тогда обезьянам: «Пока он безоружен, вы можете, напав все разом, одолеть его, опьяненного запахом крови; и больше он уже не будет пожирать обезьян».

Тогда тысячи обезьян накинулись со всех сторон на Кумбхакарну, карабкаясь на него как на гору, терзая его своими когтями и впиваясь в его тело зубами. Но, неуязвимый для их когтей и зубов, Кумбхакарна яростно стряхнул их с себя, как стряхивает седоков взбесившийся слон; он хватал их своими длинными руками и отправлял себе в пасть; они же, проворные, вылезали у него из носа и ушей. Все же великое множество обезьян пожрал тогда Кумбхакарна.

Рама, пылая гневом, устремился на брата Раваны с луком в руке, ободряя обезьян. И Кумбхакарна, подобрав свою палицу, бросился на Раму. А обезьяны, уцелевшие от той ужасной схватки, израненные и изувеченные, расползлись и разбежались во все стороны, уклоняясь от губительных ударов страшной палицы, оставив на поле груды убитых.

И приблизившись к Кумбхакарне, Рама натянул свой лук и пустил в чудовище стрелу, подобную жезлу Ямы, бога смерти, с острием как лезвие ножа. И той страшной стрелою он отсек десницу Кумбхакарны; и громадная рука вместе с палицей, подобной горному утесу, отлетев, упала на поле посреди войска Сугривы, насмерть придавив множество обезьян и медведей.

Взревел Кумбхакарна, оглушая все живые существа, и, выдернув левой рукою огромную пальму, замахнулся ею на Раму. Но тотчас золотой стрелой, подобной оружию Индры, Рама отсек и эту руку, воздетую ввысь, и упала она на землю, как гора, сокрушая деревья и скалы, обезьян и ракшасов.

А Рама двумя остро отточенными стрелами с лезвиями, изогнутыми, как полумесяц, отсек Кумбхакарне обе ноги, и они упали с громом, раздавшимся по всей Ланке и отразившимся в ее лесах и горах.

Упав на землю, Кумбхакарна, разинув свою ужасную пасть, с ревом пополз на Раму, словно Раху-дракон, преследующий Луну на небесах. Рама же, схватив лук, в мгновение ока наполнил пасть его своими златоперыми стрелами. Затем Рама взял копьё Индры, сверкающее как солнце и подобное Разрушителю Вселенной. И, метнув его могучей рукой, он снес тем роковым копьем голову Кумбхакарны, подобную горной вершине, как некогда Индра снес голову великому дракону Вритре.

Голова Кумбхакарны упала на город Ланку, сокрушая дома и дворцы, сравнивая с землею стены и ворота. А тело его обрушилось в океан и наполовину погрузилось в бездну, убивая рыб и морских змей. И возликовали боги на небесах, взиравшие с высоты на битву, и гандхарвы, и якши, и святые, и паннаги, и птицы и восславили мощь и отвагу Рамы.

И обезьяны, радуясь гибели своего врага, вознесли хвалу Раме и преклонились перед ним. А ракшасы, с ужасом взирая на сына Дашаратхи, выпускали горестные вопли, как дикие слоны при виде льва. И великое отчаяние овладело ими!

Ракшасы, вернувшись в Ланку, поведали Раване о гибели Кумбхакарны: «Истребив и пожрав несметное множество обезьян, он пал от руки Рамы и лежит теперь, обезглавленный, с отсеченными руками и ногами, наполовину погрузившись в море, наполовину возвышаясь как гора, загородив ворота Ланки». Услышав эти слова, Равана упал без чувств на землю. Преисполнился скорби Индраджит, узнав о гибели дяди; возрыдали Маходара и Махапаршва, проведая о смерти брата.

Придя в себя, Равана возопил: «О герой! О сокрушитель вражеских ратей! О могучий Кумбхакарна, ты покинул меня, по воле судьбы удалившись в обитель Ямы. С тобою не страшны мне были ни боги, ни демоны. Как удалось Раме сразить тебя, непобедимого? То-то ликуют теперь обезьяны! Но без тебя не нужны мне ни царство, ни Сита, ни жизнь! Если я не убью в битве убийцу моего брата, боги будут смеяться надо мной, победившим их когда-то, и смерть будет мне желанным делом!»

Сетуя так, Равана снова опустился на землю. Тогда Индраджит приблизился к нему и сказал: «О, ты не должен предаваться отчаянию, отец, пока дышит сын твой Индраджит. Завтра же ты увидишь Раму и Лакшману, пронзенных моими стрелами насмерть. Клянусь тебе, они не уйдут от моего мщения!»

Между тем день угас и ночь опустилась на землю. И в эту ночь обезьяны, предводительствуемые Сутривой

и другими вождями, приблизились к стенам Ланки и забросали город пылающими головнями. Они подожгли стены, ворота и строения Ланки, и великое смятение поднялось в столице ракшасов.

Рушились дома, рушились и гибли в огне роскошные чертоги, полные богатств, драгоценных тканей, утвари и оружия; при свете пожара толпами метались по улицам ракшасы и ракшасы с отчаянными воплями, спасая жизни свои и имущество; кони и слоны, сорвавшиеся с привязи, обезумев от страха, давили людей и умножали смятение — Ланка подобна была бушующему в океане водовороту в день кончины мира. Далеко разносились крики жителей, ржание коней, вопли слонов и треск пламени, и воды океана на много йоджан вокруг побагровели, озаренные пожаром Ланки.

А обезьяны при свете пламени пошли на приступ городских ворот. Ракшасы, посланные Раваной на защиту крепости, встретили их копьями, мечами и топорами, и у входа в город завязалась ожесточенная битва.

Как безумные ринулись обезьяны и ракшасы друг на друга, разя мечами и камнями, палицами и дубинами; и, напирая с обеих сторон, они кусались и царапались, рубили и рвали, пронзали друг друга в бою. В этой кровопролитной и страшной резне Ангада, сражающийся в первых рядах обезьяньего войска, встретился с храбрым Кампаной и поверг его на землю, бездыханного, ударом каменной глыбы. Узрев падение Кампаны, могучий Шонитакша на боевой колеснице бесстрашно устремился на грозного сына Валина. И он осыпал Ангаду в мгновение ока сотнями стрел с накопечниками как лезвия ножей, и с крестообразными накопечниками, и с остриями как перья павлина, и как

телячьи зубы, и кованными железными стрелами. Но, не дрогнув под ударами, Ангада сокрушил каменной глыбой колесницу Шонитакши, его лук и стрелы.

И Шонитакша с палицей в руках соскочил с колесницы. Тогда, видя, что Ангада одолевает Шонитакшу, могучие ракшасы Праджангха и Юпакша пришли своему соратнику на помощь, и Ангада меж Праджангхой и Шонитакшей подобен был месяцу между двумя созвездиями. Тут Майнда и Двивида поспешили на выручку Ангаде.

И ужасной была битва между тремя обезьяньими вождями и тремя прославленными ракшасами у врат Ланки, и у тех, кто видел ее, волосы встали дыбом на голове.

Тяжкие удары могучих древесных стволов обрушили обезьяны на ракшасов; но Праджангха отразил их натиск своим мечом. Тогда град огромных камней обрушили Ангада, Майнда и Двивида на вражеские колесницы; но Юпакша отразил те камни в полете своими стрелами. А Шонитакша палицей отбил все камни и бревна, пущенные в него обезьянами.

Праджангха бросился на сына Валина, подняв меч над головою; Ангада же ударил по мечу стволом ашвакарны и выбил его из рук Праджангхи. Тогда безоруженный Праджангха сжал руку в кулак и нанес им сокрушительный удар по голове Ангады. Ангада пошатнулся, но, мгновенно придя в себя, с такою силой ударил Праджангху, что голова у того отделилась от тела, и рухнул он на землю мертвый.

Видя гибель родича своего, Юпакша с глазами, полными слез, соскочил с мечом в руке с колесницы. Двивида бросился к нему навстречу и, оглушив его

ударом кулака, своими могучими руками обхватил ракшаса. Тогда Шонитакша, выручая Юпакшу, приблизился и палицею нанес удар Двивиду. Пошатнулся обезьяний вождь под тем ударом, но оправился тотчас и обратился против нового врага, и вырвал он палицу из рук Шонитакши. Майнда подоспел тем временем и сцепился с Юпакшей. А Двивида разодрал когтями лицо Шонитакши, повалил его и придавил к земле; и ракшас, корчась, испустил дух. А Майнда тогда же задушил Юпакшу в своих неодолимых объятиях.

Ангада между тем устремился дальше, рассеивая и обращая в бегство защитников Ланки. Но на пути победоносного обезьяньего войска стал тогда Кумбха, сын Кумбхакарны, и остановил его натиск. Сгибая до отказа свой могучий лук, он сверкающими стрелами своими, подобными молниям, преградил дорогу обезьянам. Оперенной стрелою, украшенной золотом, Кумбха поразил в грудь Двивиду, и отважный вождь лесных племен распростерся на земле без сознания, раскинув в стороны руки и ноги. Майнда бросился на сына Кумбхакарны и метнул в него громадный утес; но, стрелами отразив его удар, Кумбха пронзил Майнду своим оружием, и тот упал без чувств на землю рядом с братом.

Видя братьев своей матери поверженными в бою, Ангада ринулся в ярости на Кумбху. И сотнями стрел поразил Кумбха царевича обезьян, но не мог остановить его — Ангада приблизился к ракшасу и обрушил на него ствол огромного дерева, подобного стягу Индры, повелителя молний. Но и этот удар отразил Кумбха; Ангада же, пронзенный многократно его стрелами, рухнул на землю и, не в силах вынести боли, лишился чувств.

Рама, услышав о поражении Ангады, послал против Кумбхи Джамбавана и Сушену с медведями и обезьяну Вегадаршина. Но и их яростный натиск отразил сын Кумбхакарны, стоя непоколебимо у ворот Ланки со смертоносным луком в руке. Тогда Сутрива, царь обезьян, выступил против Кумбхи и напал на него, как могучий лев на слона.

Невзирая на убийственный ливень стрел, которыми осыпал его Кумбха, Сутрива приблизился к ракшасу, вырвал из рук его грозный лук, сияющий словно радуга, — небесный лук Индры — и обратился к Кумбхе, подобно боевому слону, у которого вырвали бивни, с такими словами: «О сын Кумбхакарны, велика твоя доблесть и удивительно могущество твое! Славный подвиг совершил ты ныне, отразив нападение нашего войска. Я не хочу подвергнуться порицанию, убив тебя сейчас, утомленного битвой. Отдохни и сразись тогда со мною!»

Но Кумбха, возгоревшись гневом, бросился на Сутриву и обхватил его обеими руками. Сотряслась земля под ногами обоих могучих воинов, извергла из себя потоки воды, когда они словно разъяренные слоны, сошедшиеся в поединке из-за слонихи, кружились, тяжело вздыхая, обхватив друг друга руками, и каждый тщился сокрушить противника своею мощью.

Наконец Сутрива оторвал сына Кумбхакарны от земли и, подняв его над головою, швырнул в море. И воды взметнулись в небо горою в том месте, где упал Кумбха, и вновь опустились.

Вслед за Кумбхой преградил обезьянам дорогу Никумбха, второй сын Кумбхакарны. Но и он был

сражен в жестокой схватке — Хануман свернул ему шею своими руками.

Узнав о гибели своих вождей, Равана заскрежетал зубами от ярости. И стремясь воспрепятствовать врагу ворваться в город, он послал на защиту Ланки Индраджита. Совершив жертвоприношение богу огня и заклиав оружие Индраджита, царь ракшасов благословил сына на битву.

Явившись на поле боя, Индраджит ободрил ракшасов; и, прибегнув к чарам, сражаясь невидимкой, он тучами стрел своих заставил отступить обезьян. Сугриву, и Нилу, и Налу, и Рипабху, могучих вождей обезьяньего войска; поразил он своим оружием. Испытали на себе его удары и оба сына Дашаратхи.

Не в силах победить Индраджита, сражающегося невидимым, обезьяны, утомленные боем, отступили в ту ночь от стен Ланки.

Утром следующего дня Индраджит, сопровождаемый войском ракшасов, выехал через Западные ворота на своей колеснице в поле. Завидев его, обезьяны, пылая жаждой боя и сжимая в руках каменные глыбы, двинулись ему навстречу во главе с Хануманом.

Когда же приблизились обезьяны к Индраджиту, увидели они на его колеснице Ситу, печальную, изнуренную постом, в бедной одежде, лишенную украшений. И Хануман, узрев дочь Джанаки во власти Индраджита, сокрушился в сердце своем, и задумался

он, не умея разгадать намерения ракшаса. В сопровождении отважных обезьян он направился к колеснице сына Раваны.

Индраджит же, видя приближающихся неприятелей, возгорелся гневом. Обнажив свой меч, он схватил Ситу за волосы. И все обезьяны увидели, как заплакала Сита, восклицая: «О Рама! О Рама!» При виде этого Хануман, сын Ветра, в великой скорби пролил обильные слезы. Гневно вскричал он, обращаясь к царевичу ракшасов: «На свою гибель, о нечестивый, ты касаешься ее волос! О, проклят ты, если решился на подлое это деяние! О низкий душою! О злобный! О жестокий и бесчестный злодей! О ты, чья мощь — в пороках! Или не ведаешь ты стыда, что хочешь свершить бесчеловечное дело? Что сделала тебе дочь Джанаки, о бесжалостный, за что ты хочешь убить ее? Ситу изгнали из дома, лишили царства, разлучили с супругом — этого ли не довольно тебе? Если ты убьешь Ситу, недолго продлится и твоя жизнь, о злодей; ты падешь от руки моей! А после смерти ты отправишься в обитель, предназначенную для тех, кто убивает женщин, в обитель, коей избегают и презреннейшие из грешников».

С этими словами Хануман со своими обезьянами, исполненными гнева, устремился на Индраджита. Видя их приближение, ракшасы преградили им путь, и завязался бой. Индраджит же, осыпая обезьян ливнем стрел, отвечал Хануману: «Сегодня я убью на глазах у вас Ситу, ради которой пришли вы все сюда вслед за Рамой. И убив ее, о житель леса, я убью затем тебя, Раму, Лакшману, Сугриву и предателя Вибхишану. Позор же из-за убийства женщин, обезьяна,

меня не волнует! О чем толкуешь ты — что причиняет страдание врагу, то и надлежит свершать!»

И сказав так, Индраджит поразил мечом плачущую Ситу, не ведающую грехов, и голова ее упала на землю. «Смотри, я убил своим мечом возлюбленную Рамы, — сказал Индраджит Хануману. — Тщетны теперь ваши труды». И он, убивший на глазах обезьян Ситу, издал устрашающий вопль и скрылся из глаз.

Обезьяны в ужасе бежали прочь от того места, где это свершилось. Но, обращаясь к бегущим, Хануман вскричал: «Куда вы бежите, о обезьяны? Куда девалась ваша отвага! Остановитесь! Следуйте за мною, я пойду впереди вас в битву!» И обезьяны повернули обратно. Сплотившись вокруг Ханумана, они бросились в бой. И сын Ветра напал на вражеское войско, круша и истребляя ракшасов, словно воплощение смерти. Вне себя от горя и гнева, он схватил огромный утес и метнул его в Индраджита, чья колесница опять появилась на поле. Но возникший сына Раваны, видя полет камня, повернул коней и быстро отъехал. И утес обрушился на поле, насмерть придавив многих пеших ракшасов.

Оттеснив войско ракшасов к стенам Ланки, Хануман сказал своим обезьянам: «Стойте, пока довольно сражаться! Дочь Джанаки, ради которой мы бились не жалея жизни, убита! Теперь мы должны пойти и поведать об этом Раме и Сугриве — как они повелят, так мы и сделаем тогда». И обезьяны отошли вслед за Хануманом.

Между тем, слыша издали громовые клики обезьян и ракшасов и ужасный шум битвы у Западных ворот, Рама сказал, обращаясь к Джамбавану: «О благород-

ный, поистине, Хануман свершает сейчас какой-то великий ратный подвиг — я слышу грозное бряцание оружия. Поспеши, о царь медведей, со своим воинством, окажи помощь лучшему из обезьян!»

«Да будет так!» — сказал царь медведей и со своим войском приблизился к Западным воротам, где сражался Хануман. И там он узрел Ханумана, стоящего в окружении обезьян, отдыхающих после битвы. Хануман же, завидев войско медведей, подобное темным тучам, вышел им навстречу и остановил их. Затем сын Ветра со своими воинами отправился к Северным воротам, в стан сына Дашаратхи.

Представ перед Рамой, Хануман сказал ему со скорбью в сердце: «Сегодня, когда мы сражались на поле брани, Индраджит, сын Раваны, на наших глазах убил плачущую Ситу. О каратель врагов, видя ее гибель, я был сокрушен горем. И я пришел к тебе поведать о том, что случилось».

Услышав слова Ханумана, Рама, сраженный горем, упал на землю, как подрубленное дерево.

Видя богоравного потомка Рагху распростертым на земле, обезьяны сбежались со всех сторон и обступили его. Они обрызгали его лицо водою, благоухающей запахом лотоса, и сознание возвратилось к нему. Тогда Лакшмана, обняв Раму, сказал ему такие слова: «Бесполезны подвиги добра, о благородный, они не спасут от горя тебя, никогда не покидавшего стези справедливости. Не к добродетели, но к счастью стремится все живое, все существа. И я думаю, ее не существует вовсе. Добродетель не ведет к счастью. Если бы это было так, ты бы не был ввергнут в пучину бед. И если бы несправедность вела к несчастью, Равана

уже был бы низвергнут в ад и ты не познал бы невзгоды. Если закосневшие в грехе торжествуют, а добродетельные преданы жалкой участи — значит, нет истины в священном писании. Напрасным было отречение твое от царства, напрасен отказ от богатства: имеющий богатство имеет силу, имеющий богатство имеет друзей, имеющий богатство почитается в этом мире, имеющий богатство умен, имеющий богатство могуч, имеющий богатство наделен всеми достоинствами, все желания его исполняются.

Но если добродетель и существует — значит, она жалка и бессильна и только в силе отважных находит опору. Если же она столь ничтожна и бессильна сама по себе — значит, следовать ей не должно. Следуй отваге, как прежде следовал ты добродетели. Истинная добродетель — отвага. Вставай! Встань, о лучший из смертных, о могучерукий, о верный обетам! Разгневанный убиением дочери Джанаки, ныне я оружием моим сровняю с землею Ланку с ее колесницами, и слонами, и конями, и знатыми ракшасами!»

В то время как Лакшмана говорил это Раме, Вибхишана, расположив войска в надлежащих местах, пришел сюда в сопровождении своих четырех советников и увидел Раму, обеспамятевшего от горя, и обезьян, проливающих слезы. Вибхишана, пораженный, спросил: «Что это?» И сын Сумитры стал рассказывать ему об увиденном Хануманом. Тогда Вибхишана прервал его и сказал, обращаясь к Раме: «О царь, то, о чем поведал тебе сокрушенный скорбью Хануман, я мыслю невозможным. Равана не умертвит Ситу; он никогда не согласится расстаться с тою, ради которой он подверг себя и свой народ страшным бе-

дам. То была не Сита; то был призрак ее, созданный чарами Индраджита, обманувшего обезьян.

А сейчас коварный сын Раваны отправился в священную рощу Никумбхила; там приносит он жертву богу огня, чтобы заковать свое оружие и стать непобедимым в битве. О потомок Рагху, стряхни с себя эту напрасную печаль, навеянную обманом! Видя тебя, повергнутого в скорбь, все войско упало духом. Мы должны непременно помешать жертвоприношению Индраджита. Пошли туда Лакшману с войском, пусть он помешает обряду; иначе великая беда может постичь нас, и мы никогда не победим сына Раваны».

А Рама, ошеломленный горем, слушал и не мог уразуметь смысл слов Вибхишаны. И он промолвил: «О властелин ракшасов, повтори снова то, что ты сказал». И снова Вибхишана повторил свои речи. «Мы все погибнем, если Индраджит завершит свой обряд», — сказал он.

И Рама, воспрянувший духом, повелел Лакшмане идти с Вибхишаной и с войском, предводительствуемым Хануманом и Джамбаваном, к роще Никумбхила и убить Индраджита.

Завидев впереди войско ракшасов, Вибхишана сказал Лакшмане: «Повели обезьянам напасть на вражескую рать — тогда Индраджит придет на выручку своим, прервав обряд». И Лакшмана стал осыпать ракшасов стрелами, а обезьяны и медведи, искусно сражающиеся древесными стволами и камнями, возглавляемые сыном Ветра и Джамбаваном, обрушились на неприятеля. Тучи камней и бревен, стрел и дротиков взвились в воздух с той и другой стороны, затмив

небо над головами сражающихся. Жестокая и кровопролитная битва началась вблизи священной рощи Никумбхила.

Хануман, держа в руках огромное дерево, бился впереди своего войска. Каждым ударом поражал он насмерть сотни ракшасов, невзирая на ливни стрел, которыми осыпали его враги. Словно лесной пожар деревья, истреблял он ракшасов сотнями и тысячами, тесня и опрокидывая ряды их войска. Со всех сторон окружили его враги; они бросались на него, разя его копьями, и мечами, и топорами, и железными палицами; но не могли укротить его неистовой мощи и сами падали под его ударами или обращались в бегство, роняя оружие.

Тогда Индраджит появился из лесной полутьмы и, узрев избиение своей дружины, взошел на колесницу, не докончив обряда, и поспешил на выручку ракшасам. Вибхишана указал на него Лакшмане и сказал: «Это Индраджит, сын Раваны, мчится на колеснице, чтобы отразить бешеный натиск Ханумана. Ты должен убить его, прежде чем он довершит жертвоприношение и станет невидимым даже самим богам».

И Вибхишана указал Лакшмане путь в роще Никумбхила к месту жертвоприношения Индраджита. Оба героя вступили под сень леса, мрачного, подобного темным грозовым облакам. «Здесь, под этим деревом, сын Раваны приносит жертвы духам, — сказал Вибхишана, указывая на огромное дерево ньягродха, широко раскинувшее свои ветви над землею. — Здесь мы подождем его возвращения». И Лакшмана стал возле дерева, натянув свой лук в ожидании сына Раваны,

Вскоре Индраджит показался на своей огненной колеснице, запряженной черными конями, одетый в золотую кольчугу, с мечом в руках. Лакшмана выступил при его приближении из-под дерева ньягродхи и вскричал: «Защищайся! Я вызываю тебя на бой». А сын Раваны, увидев рядом с Лакшманой Вибхиспану, обратился к нему с речами, исполненными злобы: «Рожденный в роду ракшасов, ты, брат моего отца, почему восстаешь против твоего племянника, о бесчестный? Отрекшись от родных, ты предпочел стать слугою их врага. О неразумный, знай, что предавшему своих не доверяет и новый его господин и уничтожает его, когда достигнет своей цели».

Вибхиспана отвечал сыну своего брата: «О ракшас, ты говоришь так, словно не знаешь меня. Рожденный в племени бродячих в ночи, я по природе своей никогда не был ракшасом. Нет мне радости в ужасном, и не любя мне несправедливость. Грабеж, похищение чужих жен, устрашение народа, убийство, гордость, гнев, враждебность, взбалмошность, восстание против богов — от всего этого, ставшего уделом моего брата, я отрекся как от греха. Все это навлечет неизбежную гибель на Ланку, на отца твоего и на тебя. Ты молод и высокомерен, ракшас! Ты можешь говорить мне все, что тебе угодно. Но ты не ступишь за это дерево — тебя сразят стрелы богоравного Лакшманы, и нынче же ты отправишься в царство смерти!»

Индраджит тогда повернулся к Лакшмане и сказал ему: «О сын Сумитры, или ты забыл, как поверг я тебя и твоего брата своими стрелами в первый день битвы? Либо это ускользнуло из твоей памяти, либо ты сам возжелал удалиться в обитель Ямы. Если

в первом бою ты не убедился в моем могуществе, я его явлю тебе ныне; сегодня же коршуны и шакалы отведают твоего мяса!» — «Оставь пустую похвальбу, — отвечал ему Лакшмана, — ты, сражавшийся невидимкой. Сегодня, о людоед, ты падешь от моей руки».

В гнев Индраджит поднял тогда свой лук и обрушил на Лакшману ливень стрел. И Лакшмана натянул свой лук до отказа и выпустил в сына Раваны пять железных стрел, называемых «нарача», — одну за другой. И те стремительные стрелы, подобные огненным змеям, вонзились в грудь Индраджита; и засев у него в груди, они сверкали на ней, как лучи Солнца. И беспощадный и смертельный бой завязался между Лакшманой и Индраджитом, словно между могучими львами.

Семью острыми стрелами пронзил Индраджит грудь Лакшманы, послав в то же мгновение сотню стрел в Вибхисану. Но не дрогнул Лакшмана и сказал, смеясь: «Славные воины в битве не сражаются столь ничтожным оружием. О ракшас, стрелы твои легки и слабы, они только щекочут меня». С этими словами сын Сумитры обрушил на врага тучу губительных и неотвратимых стрел, затмивших небо. Под ударами тех стрел золотая кольчуга Индраджита рассыпалась на куски, и упали они на дно его колесницы как падающие звезды с неба. А сын Раваны, израненный и окровавленный стрелами Лакшманы, уподобился тогда солнцу в час заката. Возгоревшись гневом, Индраджит тысячью стрел поразил доблестного брата Рамы, и стрелы те порвали на куски великолепную кольчугу Лакшманы.

И оба воина — человек и ракшас — стали сражаться с удвоенной яростью, осыпая друг друга стрелами, нанося и получая удары; великое искусство боя и великую отвагу являли оба. Липившиеся оба доспехов, истекая кровью, они сражались, не отвращая лица и не ведая усталости, наполняя пространство вокруг непрерывными потоками стрел. И звук, который издавали те стрелы при полете, как громом оглашал окрестности, вселяя страх в сердце обезьян и ракшасов.

Долго длился их бой. Но ни один не мог одолеть другого.

Вибхишана между тем осыпал стрелами ракшасов, препятствуя им прийти на помощь Индраджиту. И четверо его друзей бились с ним рядом, поражая ракшасов стрелами и копьями. Джамбаван со своими медведями теснил рати бесов, круша их огромными скалами, сражаясь когтями и зубами; Хануман неистовствовал в битве, сокрушая врагов, словно сама Смерть. И реки крови текли по земле. И звери, питающиеся падалью, выли, собираясь стаями по краям поля в предвкушении добычи.

А Лакшмана, отразив удары оружия Индраджита и осыпав стрелами его самого, его возничего и находящихся поблизости ракшасов, схватил копье с широким как лезвие ножа концом и, с силой метнув его, снес голову возничему сына Раваны. Тогда Индраджит, искуснейший в науке войны, продолжая бой и поражая стрелами врагов, сам стал править конями вместо возничего. Он нанес удары стрелами Лакшмане и обезьяньим вождам; тремя же стрелами он поразил в лицо Вибхишану. Тогда Вибхишана, не направ-

лявший доселе оружия против сына своего брата, возгорелся гневом. И бросившись на Индраджита, он палицей сокрушил насмерть четырех его коней.

Лишившись коней, Индраджит соскочил с колесницы и метнул в своего дядю копьё. Но, прежде чем копьё долетело до цели, сын Сумитры поразил его своими стрелами, и, распавшись на десять частей, оно упало на землю.

Тогда Индраджит, разъяренный, взял стрелу, дарованную ему некогда Ямой, богом смерти, и поместил ее на тетиву своего лука. Увидев это, Лакшмана взял стрелу — дар Куберы, бога богатства. И оба они одновременно натянули свои луки со всею силой — и разом обе страшные стрелы взлетели в воздух, озарив своим блеском окрестности, и мгновенно столкнулись они в воздухе с оглушительным громом, как две планеты в час гибели вселенной. Извергнув пламя, разлетелись они на сто пылающих частей и упали, дымясь, на землю.

И каждый был удручен падением своего оружия. Сын Сумитры, охваченный гневом, взял тогда оружие Варуны и нанес сокрушительный удар противнику; но Индраджит отразил тот удар ужасным оружием Рудры. Затем воинственный сын Раваны взял огненное оружие Агни; но отважный Лакшмана отразил его удар солнечным оружием Сурьи. Индраджит направил тогда на Лакшману заколдованную стрелу асуров; Лакшмана же отразил стрелу непобедимым оружием Шивы.

И обезьяны, и ракшасы, и боги на небесах, взиравшие на ту небывалую битву, преисполнились изумления и охвачены были трепетом.

Наконец брат Рамы наложил на свой лук стрелу, сияющую ослепительным блеском, ужасную и неотвратимую, ту стрелу, которою некогда Индра поразил могучих данавов в войне богов с демонами. Направив на врага оружие Индры, Лакшмана произнес такие слова: «Если истинно справедлив и правдив сын Дашаратхи Рама, если нет ему равных в отваге — убей сына владыки ракшасов!» И натянув лук до уха, он спустил стрелу с тетивы.

И она отсекла голову Индраджита — лук выпал тогда из его руки, тело рухнуло с колесницы на землю. Радостные крики испустили Вибхишана и обезьяны. А ракшасы бросились бежать во все стороны без оглядки, бросая копья, мечи и топоры; одни из них скрылись за стенами Ланки, другие бросились в море, третьи искали убежища в горах.

И когда пал Индраджит, возликовали боги на небесах, святые, данавы, гандхарвы и апсары; возликовала вся вселенная. Когда пал Индраджит, улеглась пыль на земле, чистыми стали воды и прояснилось небо. Обезьяны же бросались в объятия друг другу; они вопили и визжали от радости, колотили по земле руками, ногами и хвостами и возглашали: «Победа Лакшмане!» — наполняя страшным шумом окрестности.

Советники Раваны, услышав о гибели Индраджита, предстали перед царем, не ведающим о постигшем его горе. «О великий царь, — сказали они, — сына твоего

на глазах у нашего войска убил Лакшмана с помощью Вибхишаны. Победитель бессмертных побежден был в бою и вознесся в горные царства».

Едва эти слова коснулись слуха грозного царя ракшасов, пораженный ужасом и скорбью в самое сердце, упал он на землю, лишившись сознания. Когда же оно возвратилось к нему, он вскричал, жестоко терзаемый горем: «О сын мой! О первый из славных воинов войска ракшасов! Победитель Индры, как уступил ты Лакшмане в бою? Отдавший жизнь за меня, но не избавивший меня от врагов, ты взошел на небеса. Весь этот мир со всеми лесами и горами, вся вселенная кажется мне пустой без Индраджита. О сын мой, ты должен был свершить для меня последние обряды, когда удалюсь я в царство Ямы! Как могло случиться, что ты опередил меня?»

Но вот горе Раваны сменилось великим гневом: «Сын мой чарами своими обманул обезьян, обезглавив на глазах у них призрак Ситы. Ныне я сам свершу это доброе дело — я убью царевну Видехи!» Сказав это своим советникам, Равана схватил меч и, вне себя от ярости, выбежал из своих покоев. Обуянный гневом, с разумом, помутившимся от горя, Равана устремился к ашоковой роще, где ракшасы стерегли Ситу; и никто не осмеливался остановить его. Завидев Равану, приближающегося с мечом в руке, Сита подумала: «Поистине, он идет сюда, чтобы убить меня, разгневанный моим отказом», — и поникла в скорби, оплакивая свою участь.

Тогда, видя слезы ее, добросердечный и честный советник Супаршва приблизился к Десятиглавому, хотя остальные царедворцы удерживали его, и

сказал: «За что, о царь, забыв о справедливости, ты хочешь умертвить царевну Митхилы? О владыка ракшасов, неужели ты, свершивший великие подвиги благочестия, станешь ныне убийцей женщины? Оставь пока Ситу, о царь, обрати свой гнев на врага своего. Приготовься к битве, о могучий! Когда же, взойдя на колесницу и выехав на поле брани, ты убьешь сына Дашаратхи, Сита будет во власти твоей». И вняв речам друга, Равана опомнился и, повернувшись, возвратился в свой дворец.

Великая скорбь воцарилась между тем в городе ракшасов, лишившемся в эти дни лучших и храбрейших своих защитников. Из каждого дома Ланки слышались жалобные вопли и стенания — жены, сестры и матери павших предавались безутешному горю. И оплакивая своих близких, они проклинали Шурпанакху, чья нечестивая страсть стала причиной ужасных бед, постигших род ракшасов; и ропот поднялся в городе против безрассудства Раваны, навлекшего на Ланку гнев непобедимого Рамы.

А Равана, вернувшись в свой дворец, сел на трон и, вздыхая как разъяренный лев, с горящими от гнева глазами обратился к приближенным своим — Маходаре, Махапаршве и Вирупакше: «Соберите воинов; ныне я сам поведу их в битву. Я отомщу сегодня сыновьям Дашаратхи за гибель Кхары, Прахасты, Кумбхакарны и Индраджита. Я истреблю обезьян моими оперенными стрелами и осушу слезы на глазах тех, чьи родные пали в сражении». Маходара, Махапаршва и Вирупакша поклонились, сложив ладони, и, молвив: «Да будет так!» — поспешили исполнить веление царя.

Они приказали военачальникам собрать и построить для битвы всех воинов, которые еще оставались в Ланке. И огромное войско ракшасов — пешие и конные воины, на слонах и на колесницах — стало у Северных ворот, готовое к бою. Равана же взмошел на свою колесницу, сверкающую как тысячу солнц, и двинулся на поле брани во главе того могучего войска.

Когда он выехал из городских ворот, зловещие знамения явились в небе его взорам. Но, презрев их, безумный Равана устремился навстречу врагам, обреченный на смерть. И войско ракшасов, ободренное примером своего вождя, с громовым кличем ударило по осаждающим.

Дикий рев и вой с обеих сторон вознесся к небесам. Ливень каменных глыб и деревьев обрушился на головы бродящих в ночи. Поражаемые ударами скал, могучие ракшасы шатались и падали с выкаченными глазами, извергая кровь изо рта. И обезьяны падали под ударами копий, мечей и палиц. И бойцы обоих станов сражались и убивали друг друга, не отвращая лица от смерти, покрытые кровью с ног до головы. И разъяренные ракшасы, бросив оружие, хватали убитых обезьян и сражались их телами, и обезьяны мертвыми телами врагов поражали неприятеля. И с неослабевающей яростью длился тот беспощадный бой.

И вот под бурным натиском ракшасов дрогнули и стали отступать обезьяны. Тогда Сугрива, видя замешательство своего войска, ринулся в битву, вращая над головою стволом дерева шала, и принялся крушить им наступающих ракшасов, как буря — лесные

деревья. Отважный Вирупакша выступил ему навстречу, взобравшись на боевого слона.

Издавая воинственные клики, подобные рычанию льва, Вирупакша поразил Сугриву и многих могучих обезьян своими убийственными стрелами. Но, не сокрушенный его ударами, царь обезьян, приблизившись к Вирупакше, древесным стволом нанес сразмаху удар по голове его слона. И ступив вперед еще несколько шагов, громадный слон Вирупакши упал на землю и умер.

Вирупакша, соскочив со слона, бросился на Сугриву с мечом в руке. Сугрива швырнул в него тяжелою скалою, но ракшас ловко увернулся и, приблизившись к царю обезьян, ударил его мечом в грудь. Сугрива упал, но тотчас вскочил и ударом кулака сам свалил с ног Вирупакшу. Но Вирупакша поднялся с земли и, взмахнув мечом, рассек доспехи Сугривы и снова поверг его на землю. И когда тот снова поднялся, в третий раз поразил его своим мечом Вирупакша.

Тогда Сугрива стал осторожнее. Кружа возле вождя ракшасов и уклоняясь от ударов его меча, он улучил мгновение и, подскочив к Вирупакше, изо всех сил поразил его в голову своей десницей.

И с ужасным криком покатился Вирупакша по земле, кровь хлынула у него из разбитой головы, и он испустил дух.

Как воды в прудах убывают в летний зной, так поредели ряды обезьян и ракшасов, истребляющих друг друга в жестокой битве. Равана, видя, что Вирупакша убит и войско его терпит урон, пылая гневом, обратился к Маходаре и Махапаршве и сказал: «Те-

перь на вас одних моя надежда. Настало время вам доказать свою преданность царю ракшасов. Ступайте и бейтесь храбро». И оба они устремились в сражение, как мотыльки, летящие на огонь.

Маходара на быстрой колеснице ворвался в ряды вражеского войска и осыпал стрелами обезьян, отсекая головы и руки, пронзая насмерть вражеских воинов, вставших на его пути; и в страхе бежали от него обезьяны под защиту Сугривы и Ангады.

Тогда Сугрива, подобрав с земли булаву, окованную железом, напал на Маходару. И, выказав необычайное проворство, он насмерть поразил коней ракшаса. Маходара соскочил с колесницы и метнул в царя обезьян палицу; Сугрива подставил свою булаву, но она сломалась под ударом. Тогда он схватил другую палицу и сошелся с Маходарой в единоборстве, и оба нанесли удар одновременно, и палицы у того и другого, скрестившись в воздухе, сломались. Тогда оба могучих бойца схватились врукопашную, нанося друг другу удары кулаками, и оба свалились на землю и снова поднялись не прекращая боя. Изнуренные поединком, они схватили наконец мечи и бросились друг на друга. И Маходара нанес удар, и меч его пронзил доспехи Сугривы и засел в них; и, в то время как ракшас тщился извлечь свое оружие, царь обезьян мечом отрубил ему голову.

А Махапаршва меж тем сеял смерть в рядах обезьяньего войска своими меткими стрелами. Джамбаван, царь медведей, выступил против него и, метнув огромный утес, сокрушил коней его и его колесницу. Но, придя в себя от удара, Махапаршва осыпал стрелами Джамбавана и Гавакшу и других обезьян и медведей

и заставил их отступить. Тогда сын Валина устремился на него, подобрав с земли железную палицу. И схватив ту огромную палицу обеими руками, Ангада взмахнул ею над головой и метнул ее и раздробил лук и стрелы в руках Махапаршвы. Махапаршва, лишившись лука, выхватил меч и поразил приблизившегося Ангаду в левое плечо. Но Ангада, разгневанный, ударил ракшаса в грудь кулаком с такою силой, что тот упал на землю мертвый.

Равана, когда пали лучшие его военачальники, охваченный великой яростью, сам ринулся в гущу боя на своей чудесной колеснице. Под колесницею Раваны сотрясалась земля со всеми горами, лесами и реками. Гролом наполнились окрестности, и страх объял все живое — зверей и птиц.

Приблизившись к вражескому войску, повелитель ракшасов поднял свой исполинский лук — и день померк от непроглядной тучи его стрел, закрывшей небо от взоров над головами обезьян. Врассыпную бежали обезьяны, в ужасе не смея оглянуться, падая сотнями и тысячами под смертельными ударами оружия Раваны.

Тогда Рама выступил вперед, сопровождаемый Лакшманой, и натянул тетиву своего лука. И от звона той тетивы, и от пения пущенных Рамою стрел сотни ракшасов попадали на землю. А Равана, приблизившийся к Раме и Лакшмане, подобен был Раху, демону затмения, пред Солнцем и Месяцем. Тучею огненных стрел осыпал Лакшмана Равану, но Десятиглавый отразил все его удары и обратился против Рамы, посылая в него свои ужасные стрелы, подобные ядовитым змеям. И Рама отвечал ему ливнем стрел,

и оба стали кружить по полю, один против другого, сын Дашаратхи пеший, а царь ракшасов на колеснице, стремясь найти друг у друга уязвимое место и нанести смертельный удар. Небо покрылось их стрелами, словно тучами в дождливое время года, и тьма опустилась на землю.

Не в силах одолеть Раму, Равана, обуянный гневом, прибег к заколдованному оружию асуров. И он выпустил в Раму страшные стрелы с головами, подобными головам львов и тигров, волков и шакалов, ястребов и коршунов, собак и медведей, змей и ящериц, с красными разверстыми пастьми. Но все эти стрелы-чудовища Рама поразил своими стрелами в небе, и, сломанные, они попадали на землю, тысячами давя и убивая обезьян.

А между тем как Рама отражал заколдованные стрелы Раваны, Вибхишана с палицей в руке приблизился к колеснице своего старшего брата и в мгновение насмерть поразил его коней. Равана, рассвирепев вдвое, соскочил с колесницы и, схватив копье, подобное жезлу Смерти, занес его над Вибхишаной. Видя, что смертельная опасность нависла над Вибхишаной, Лакшмана не мешкая натянул свой лук и осыпал владыку ракшасов своими стрелами; в грудь, в плечи, в руки Раваны впились они. Ошеломленный теми стрелами, Равана остановился в замешательстве; и Вибхишана успел отступить за предел досягаемости копья.

Взъярился царь ракшасов, узрев, что Вибхишана ускользнул от него, и вскричал, обращаясь к Лакшмане: «Брат мой избег моего копья, но оно поразит тебя, о ты, гордый своей отвагой!» И, взмахнув копьем,

он метнул его в сына Сумитры. «Да минует оно Лакшману!» — воскликнул Рама, следя за полетом его. Но не исполнилось его желание — глубоко вонзилось то копьё в могучую грудь отважного Лакшманы, и с разверстой грудью рухнул он на землю, обливаясь кровью.

Войско обезьян поражено было скорбью и отчаянием, когда Лакшмана пал под страшным ударом Раваны. Затем Хануман и Сугрива бросились к сыну Сумитры, распростертому без признаков жизни на земле, и оттащили его с поля боя, меж тем как Рама оборонял их своими стрелами от стрел Десятиглавого. Но как ни пытались они, не в силах были вытащить копьё из груди Лакшманы.

Рама, думая, что брат его насмерть сражен Десятиглавым, поспешил к телу Лакшманы, и, опустившись в отчаянии рядом с ним на колени, разразился горькими сетованиями и стенаниями. Сушена, утешая его, сказал: «О лучший из людей, не горюй. Лакшмана не убит. Взгляни, лицо его не исказилось и не почернело. Он тяжело ранен, но исцеление возможно». Тогда Джамбаван, мудрый царь медведей, приблизившись, сказал: «Тяжело ранен Лакшмана, но спасти его можно. Но только сын Ветра может совершить это чудо». И обратившись к Хануману, царь медведей молвил: «О Хануман, настал час тебе снова явить свое могущество. Далеко отсюда, на севере, в Гималаях, меж горами Кайлаша и Ришабха, есть гора, называемая Маходая, на которой растут целебные травы. На ее вершине ты найдешь четыре целебных корня — трав мритасандживани, вишальякарани, суварнакарани и сандхани. О Хануман, лети на север с быстро-

тою ветра и тотчас возвращайся с этими травами. Если ты поспеешь вовремя, Лакшмана возвратится к жизни».

И, услышав слова Джамбавана, Хануман, не медля ни мгновения, взбежал на вершину горы и, оттолкнувшись ногами так, что гора зашаталась, взвился в небо и исчез из глаз. И пролетев с быстротою ветра над океаном, он устремился дальше на север и понесся над горами и равнинами, над озерами и реками, над лесами и полями, над дивными городами и цветущими странами; и, оставив за собою тысячи йоджан в полете, он увидел впереди Гималаи, увенчанные снегами. Там, между горами Кайлаша и Ришабха, он опустился на вершину Маходая и стал искать целебные корни, о которых говорил ему Джамбаван.

Но травы попрятались при его появлении. И тщетно проискав их, Хануман возгорелся гневом. «Промедление грозит бедою, — сказал он. — Я же не могу найти эти травы. Но не могу я и вернуться без них». И, поразмыслив, он обхватил гору обеими руками и, раскачав, выдернул ее из земли. Вместе со всею горою в руках пустился он в обратный путь и, с той же быстротою пролетев над землею и морем, предстал перед изумленными обезьянами на поле у стен Ланки.

Мудрый Джамбаван быстро отыскал травы и дал их понюхать Лакшмане. И тот, мгновенно исцеленный, придя в себя, поднялся с земли. Ликующими криками разразились обезьяны, а Рама со слезами радости на глазах обнял Лакшману, исцеленного от ран, и сказал: «Великое счастье, о брат мой, что я вижу тебя, вер-

нувшего из обители смерти. Без тебя на что мне жизнь моя, и победа, и Сита!» Лакшмана же отвечал ему: «Не говори так, о Рама. Давший обет не должен от него отрекаться, что бы ни случилось. Сегодня, о могучий, ты исполнишь свой обет, убьешь Равану и освободишь Ситу. Я хочу увидеть гибель нечестивца, прежде чем зайдет солнце!»

Вняв словам Лакшманы, Рама взял лук и стрелы и возвратился на поле битвы. И Равана, взойдя на новую колесницу, запряженную свежими конями, обрушился на Раму, как Раху, демон затмения, на Солнце. И как туча проливает страшный ливень на гору, так царь ракшасов осыпал сына Дашаратхи стрелами своими, подобными молниям.

Когда боги, взирая с небес на битву, увидели, что Рама сражается пеший против ракшаса, мчащегося на колеснице, молвил Индра возникшему своему Матали: «Возьми мою колесницу и, сойдя на землю, окажи помощь потомку Рагху!» — «Я иду, о владыка богов», — отвечал Матали и запряг коней в золотую колесницу Индры, увенчанную золотым стягом. И, спустившись с небес, он предстал перед Рамой со сложенными ладонями и сказал: «О потомок Рагху, тысячеглазый бог посылает тебе эту колесницу для того, чтобы ты одержал на ней победу! Возьми этот лук Индры и кольчугу его, подобную огню, и стрелы, блистающие, как солнце. Взойди на колесницу и убей Равану, я же буду твоим возникшим!»

Обойдя колесницу Индры и поклонившись ей, Рама взошел на нее, озаряющую блеском миры, и битва, еще не виданная на земле, завязалась между сыном Дашаратхи и царем ракшасов.

Объятый гневом повелитель ракшасов вновь прибег к заколдованному оружию. Золотые стрелы, слетающие с его лука, превратившись в губительных ядовитых змей, покрыли сына Дашаратхи. Извергая пламя из пасть, те змеи, тучей затмив небо, летели на Раму; и, видя их страшный полет, Рама прибег к оружию Гаруды. И златоперые стрелы, слетающие с его лука, превратились в воздухе в золотых птиц, и, рея в небе, они истребили змеинные стрелы Раваны.

Разъяренный неудачей, Равана обрушил тогда на Раму тысячи стрел и тучею стрел пронзил Матали, божественного возницу. Он сбил стрелою золотой стяг с колесницы и даже небесных коней пронзил и ранил стрелами. И боги на небесах, и чараны, и сиддхи, и святые пришли в смятение и опечалились, видя подвиги Раваны; и опечалились обезьяны с Вибхишаной.

Тогда Рама, истребитель ракшасов, пришел в великую ярость. И при виде его разгневанного лика страх объял все живое, содрогнулась земля, взволновался океан, и бурные тучи помчались по небу. И затрепетало сердце Раваны.

С возросшею силой обрушил Рама на Равану удары своего оружия. Отразив стрелы Раваны своими стрелами, он ранил его коней, пронзил его самого в грудь и тремя остро отточенными стрелами поразила владыку ракшасов в висок. И обезьяны, воспрянув духом, обрушили на Десятиглавого и на его возничего град камней.

И под тучею стрел Рамы и каменных глыб ошеломленный Равана поник на своей колеснице. Видя, что конец Раваны близок, его возничий, не смутившись

духом, повернул коней, и помчали они колесницу прочь с поля боя.

Придя понемногу в себя, Равана воспыал гневом, глаза его налились кровью, и он обратился к своему колесничему с такими словами: «О безумец, или ты считаешь меня лишенным отваги, силы и воинского искусства, что увозишь меня с поля брани перед лицом врага?! О презренный! Ты погубил мою славу! На глазах у доблестного врага ты превратил меня, пылающего жаждой битвы, в жалкого труса. По неразумению ли своему ты увел колесницу из сражения, или ты подкуплен врагом и предал меня?» Возничий отвечал смиренно: «О государь, не из страха и не по невежеству сделал я это, и не подкуплен я врагом! Но я видел, что ты утомился в битве, и судьба в тот миг была к нам неблагоприятна. О могучий, возничий, искушенный в науке войны, должен знать время, когда вести колесницу в битву, когда стать на месте и когда уйти из-под ударов врага. Только ради твоего блага поступил я так, о победоносный! Повелевай теперь, я повинуюсь твоему слову!» И Равана сказал: «О возничий, поверни тотчас колесницу и веди ее туда, где сражается Рагхава. Не повергнув врага, не оставляет Равана поля битвы!»

Рама, завидев стремительно приближающуюся колесницу Раваны, сказал Матали: «Десятиглавый возвращается на поле боя. Поистине, он жаждет смерти моей в этом бою! Направь коней ему навстречу. Будь осмотрителен и бесстрашен; не мне учить тебя, колесничего богов!»

Матали, довольный речами Рамы, повел колесницу навстречу врагу, и, оставив колесницу Раваны по пра-

вую руку, вихрем промчавшись мимо, он запорошил очи Десятиглавого и его возницы пылью из-под колес. И бой начался снова, страшный и беспощадный.

А в небе появились леденящие сердце знамения. Кровавый дождь пролился на колесницу Раваны; стаи стервятников взвились над его головою, и полетели, преследуя его колесницу; и день померк, и красный сумрак опустился на Ланку. И ракшасы оцепенели при виде этих знамений, охваченные ужасом, и оружие выпало у них из рук.

Над войском же сына Дашаратхи повсюду появились добрые знамения, предвещающая победу Рамы.

Ракшасы и обезьяны окружили поле, на котором бились Рама и Равана, и, прекратив сражение, стали недвижно с обеих сторон, словно нарисованные; повергнутые в изумление и ужас, глядели они на тот небывалый поединок. И боги смотрели с небес на единоборство человека и ракшаса.

Равана пронзил своими стрелами коней Рамы. Но не сразили их стрелы Раваны, даже не дрогнули небесные кони, и быстрота и сила их не уменьшились. Тогда повелитель ракшасов затмил небо своими пылающими стрелами, и, сливаясь одна с другою, они нависли над головами сражающихся, как второй небосвод, объятый огнем. И Рама послал им навстречу непрерывный поток своих стрел, и стрелы Раваны и Рамы сталкивались в воздухе с оглушительным громом. И обе колесницы, управляемые искусными возничими, носились по полю, как тучи, извергающие ливни.

И Равана пронзил многократно Раму и Матали

своими стрелами, и Рама поразил Равану и его; колесничего; но оба — и Рама и Равана — стояли неколебимо и продолжали битву, не дрогнув под ударами; и возникшие их продолжали править конями. Колесницы Рамы и Раваны сошлись и снова разошлись, и оба могучих воина непрерывно обрушивали друг на друга удары стрел, и дротиков, и копий, и булав, и палиц; земля сотряслась от их боя, и громом наполнились окрестности.

Наконец Рама поместил на тетиву своего лука огромную и страшную стрелу, подобную чудовищной змее. Натянув свой лук, он послал ту стрелу в Равану — ею снес он голову с плеч повелителю ракшасов. И на глазах обитателей трех миров — земли, и неба, и подземного царства — голова Раваны упала на землю.

Но тотчас на месте ее выросла новая голова, подобная прежней! И эту голову в тот же миг отсек Рама своими стрелами, и мгновенно новая голова появилась на ее месте. И эту отсек сын Дашаратхи. И так одну за другой он отсек сто голов у Раваны, равных сиянием, и всякий раз новая голова вырастала на месте прежней. И семь дней и ночей, не прекращаясь ни на мгновение, длилась эта битва, и Рама не мог одолеть царя демонов, который казался бессмертным.

«Поистине, это те самые стрелы мои, которыми были убиты Марича, и Кхара, и Вирадха, и Вагин, — подумал Рама, — И я не могу постичь, почему бесполезна их сила, обращенная против Раваны».

Тогда Матали сказал Раме: «Почему устранился

ты его, о воин? Порази его оружием, заклятым именем Брахмы. Ибо пришел час его гибели, предсказанный богами». И Матали подал Раме пылающую стрелу, созданную некогда самим Брахмой, Прародителем богов, для Индры. В оперении ее заключен был Ветер, в острие — Огонь и Солнце, в древке — Небо, в тяжести ее — горы Меру и Мандара. Она была ужасна, как смерть, и издавала змеиное шипение.

Поместив ту страшную стрелу на свой лук, Рама выпустил ее в Равану. И стрела Брахмы, посланная Рамой, поразила Равану, разверзла грудь его и, пронзив сердце его, смытая кровью ракшаса, вернулась в колчан. А Равана упал на землю бездыханный.

И бежали ракшасы, лишённые надежды, а обезьяны пустились преследовать их с деревьями и камнями в руках. Оглушительным ревом возгласили обезьяны победу Рамы. В небе зазвучала труба, и дождь цветов упал на колесницу Рамы. Ярче засияло солнце, ветер, напоенный благоуханием, овеял землю, и вселенная обрела мир.

Видя брата своего убитым, Вибхишана сказал со слезами на глазах: «О могучий, то, что я предрекал тебе, свершилось! Ни ты, ни Кумбхакарна, ни Индрад-

жит, ни Прахаста не внимали моим речам, ослепленные высокомерием, и вот исполнилось предсказанное мною. Бык из рода ракшасов сражен тигром Рамою.

Жены Раваны вышли из чертогов, услышав весть о гибели их повелителя, охваченные горем, с распущенными волосами, стона и плача. Выйдя вместе с прочими ракшасами из города через Северные ворота, они, вопя: «О господин наш, о супруг, о жизнь наша!» — побрели по полю битвы, скользя в лужах крови и спотыкаясь о безглавые трупы, словно стадо слоних, лишившееся своего вожака. Увидев мертвого Равану, распростертого на земле, они упали на тело его, подобные срезанным с дерева лианам. И одна обнимала его за шею, другая припала к его ногам, третья схватила его руку, откинувшуюся в сторону, четвертая, рыдая, вглядывалась в его лицо. И Мандодари, первая из жен Раваны, упала на грудь его, восклицая жалобно: «О могучий победитель богов, ты, пред кем трепетал сам Индра! Как позволил ты убить тебя смертному! Нет, я не верю, что это свершил Рама; это сама Смерть, воплощенная в облике Рама, явилась, чтобы забрать тебя от нас. О! Ты не слушал моих слов, когда я предостерегала тебя от вражды с Рамою, и вот ты лежишь, сраженный, на поле боя, и тело твоё, покрытое кровью, уже похолодело! Не слушая советов мудрых, ты привел в свой дом Ситу, к которой воспыلال внезапной любовью, и вот она погубила тебя. Если бы ты вернул ее Рама, когда все просили тебя об этом, ты был бы жив и не случилось бы этой беды. И что ты нашел в ней? В твоём гареме есть женщины, много красивее Ситы. И ни рождением, ни кра-

сотою, ни достоинствами дочь Джанаки не равна мне, но ты не видел этого, о безумный! Теперь она, избавившись от невзгод, насладится счастьем с возлюбленным супругом, а я, я, несчастная, низвергнутая в пучину горя, стала вдовою, лишилась всех богатств и наслаждений, которые разделяла с тобою. О, проклятие неверной судьбе!»

Так вопила и стенала Мандодари, обливаясь слезами. Вибхишана меж тем сказал: «Я не думаю, что должно свершать погребальные обряды ради того, кто при жизни, отрекшись от благочестия, был безжалостен, коварен и лжив и похищал чужих жен. Он — враг мой в образе брата. О Рама, пусть назовут меня люди жестоким, но, хотя он и брат мой, помня о его злодействах, я не могу совершать для него обряд».

Но Рама сказал: «Ты неправ, о царь ракшасов. Хотя и совершил он при жизни много злого, он был воином могучим, отважным и стойким в бою. Он пал в битве — и вражда кончается вместе со смертью. Сверши для него все, что должно свершить для умершего, и мудрые одобрят тебя».

И Вибхишана повелел приготовить все для сожжения тела Раваны.

Брахманы покрыли тело павшего царя шелковой тканью и поместили его на золотое ложе; под звуки труб они воспели ему хвалу. Затем, подняв его, они двинулись на юг, к месту сожжения, и все ракшасы во главе с Вибхишаной последовали за ними, и жены Раваны, и жрецы, знатоки «Яджурведы», с горящими факелами в руках. На месте сожжения жрецы соорудили, согласно обряду, погребальный костер из санда-

лового дерева и благоухающей травы ушира, покрыли его шкурой антилопы и воздвигли алтарь. Поместив тело Раваны на костер, брахманы окропили его плечи маслом.

Затем они совершили возлияние предкам владыки ракшасов; потом заклали жертвенных животных, согласно предписаниям шастр. И, покрыв тело драгоценными тканями и благоухающими цветочными венками, Вибхишана и друзья умершего посыпали его сухими рисовыми зернами. И, согласно обряду, Вибхишана зажег костер под стенания и вопли осиротевших жен Раваны. Затем все вернулись в город.

Доблесть обезьян, советы Сугривы, могущество сына Ветра, преданность Лакшманы, любовь и верность Ситы узнали и восславили боги.

Рама воздал почести Матали и вернул колесницу Индре; простившись с Рамой, Матали на колеснице вернулся на небо. Вступив в Ланку, Лакшмана, исполняя волю Рамы, торжественно, при стечении толп обезьян и ракшасов, возвел на трон Вибхишану. И тогда молвил Рама Хануману: «О благородный, испросив позволения царя Вибхишаны, ступай в Ланку и посети дочь государя Митхилы. Поведай ей о нашей победе и возвращайся ко мне с вестью о ней».

И Хануман, испросив позволения у Вибхишаны, вступил в столицу ракшасов и приблизился к знакомому ему саду. Он увидел Ситу, бледную и печальную, под деревом в окружении ракшасы. Он подошел и стал перед нею, смиренно сложив ладони. Узрев Ханумана, Сита пребывала сначала в молчании, но узнав его, преисполнилась радости. Сын Ветра сказал ей: «О царевна Видехи, Рама, Сугрива и Лакшмана здоровы и благополучны. Могучий Равана пал от руки Рамы, которому помогали и Вибхишана, и Лакшмана, и обезьяны. Услышь счастливую весть о победе и утешься — кончились твои невзгоды».

Когда прекрасная Сита слышала эти речи Ханумана, она хотела заговорить, но голос прервался, и она не могла произнести ни слова. Хануман, видя ее безмолвствующей, спросил: «О чем задумалась ты, о царевна? Почему ты не приветствуешь меня?» Сита же отвечала, сдерживая слезы: «Услышав о победе моего супруга, я не могла заговорить сразу от радости, овладевшей мною. О Хануман, я не знаю такого сокровища на земле, которым я могла бы одарить тебя за эту весть, принесенную мне тобою. Золото, серебро, жемчуга, власть над тремя мирами — ничто не может вознаградить тебя». На эти слова отвечал сын Ветра: «Я видел Раму, поразившего насмерть врага своего на поле боя, — и не нужно мне лучшей награды». И затем он сказал Сите: «Позволь мне убить этих ракшас, мучивших в этой роще тебя, удрученную горем, находившуюся в разлуке с супругом. По велению Раваны они жестоко терзали тебя грубыми речами и притесняли всячески. Я хочу убить этих коварных и уродливых стражниц твоих, карая их за то зло, которое они при-

чинили тебе». Но Сита сказала: «О сын Ветра, не гневайся на этих рабынь; они повиновались чужой воле. Моя несчастная судьба привела меня сюда, она — причина моих страданий. Их же, мучивших меня по велению Раваны, я прощаю; он убит, и они больше не причинят мне вреда. О Хануман, ныне я хочу увидеть супруга моего». Хануман поклонился Сите и отвечал: «Ты — достойная супруга Рамы, увенчанного добродетелью. Позволь мне теперь удалиться. Скоро ты увидишь Раму — сейчас же я отнесу ему весть о тебе». И Хануман покинул Ланку и, возвратившись в лагерь Рамы, поведал ему о своей встрече с Ситой.

«Сита хочет увидеть тебя», — сказал Раме Хануман. И Рама молвил Вибхишане: «Приведи сюда дочь царя Митхилы».

Когда Сита появилась в лагере Рамы, несомая в паланкине, толпы обезьян, медведей и ракшасов бежали со всех сторон, чтобы взглянуть на нее. Вибхишана приказал своим слугам гнать народ прочь, но Рама остановил его, сказав: «Зачем ты обижаешь меня, обижая их? Нет для них греха, если увидят они Ситу в моем присутствии».

И Сита приблизилась к Раме и устремила на него свой взор, полный любви и радости; и, когда она увидела лицо своего возлюбленного супруга, горе ее рассеялось.

Рама сказал ей, стоящей перед ним смиренно: «О дочь Джанаки, я исполнил свой обет, я убил Равану и освободил тебя из плена. Все, что я совершил, я совершил ради тебя. Я смыл оскорбление, панесенное мне моим врагом.

Но кто, о Сита, ведущий происхождение от высокого рода, примет обратно жену, столь долго жившую в доме другого? Равана касался тебя, смотрел на красоту твою греховным взором — могу ли я, приняв тебя теперь, покрыть позором мой великий род? Ступай куда хочешь, Сита, я отпускаю тебя! Оставайся, если хочешь, с Вибхишаной, или с Сугривой, или отправляйся к Бхарате. Ты не жена мне больше!»

Вняв этим жестоким словам, Сита поникла, пораженная скорбью и стыдом, проливая слезы. Затем, вытерев глаза, она сказала: «О господин мой, если другой и касался меня, это было против моей воли. Сердцем я всегда оставалась верна тебе. Ты говоришь со мною, словно с простою женщиной; ты забыл о моем происхождении. Но я — дочь Земли и достойна иных речей. Если же ты решил отречься от меня, почему не поведал ты мне об этом раньше, когда посылал ко мне Ханумана? Я умерла бы тогда от горя, и не пришлось бы тебе терпеть все эти невзгоды ради меня, осаждать Ланку и сражаться с Раваной». И повернувшись к Лакшмане, Сита сказала: «О сын Сумитры, приготовь мне погребальный костер, только он исцелит мое горе. Жизнь больше не мила мне, отвергнутой в присутствии народа супругом, лишенным любви!»

Лакшмана, охваченный гневом, взглянул на Раму. Но, поняв намерения Рамы по знакам, которые тот ему делал, повиновался и соорудил погребальный костер. Никто не смел вмешаться, заговорить или даже поднять глаза на ужасный лик Рамы, подобный лику Смерти в час светопреставления.

Сита приблизилась к костру и сказала, сложив ладони, обращаясь к огню: «О Агни, да будешь ты свидетелем перед народом тому, что сердце мое никогда не отверщалось от Рамы!»

И Сита вошла в огонь, и неслыханные стечения и сетования поднялись и в народе, и среди обезьян, и среди ракшасов.

И когда она скрылась в огне, заколебался костер, и из пламени встал человек исполинского роста в красном платье с золотыми украшениями, с черными вьющимися волосами, и на руках его лежала Сита, целая и невредимая. Бог Агни — все узнали его — приблизился к Раме и сказал: «О Рама, вот твоя Сита. Она чиста перед тобою, грех не коснулся ее — я, бог огня, свидетельствую о том перед народом. Возьми ее — я повелеваю тебе».

И поставив Ситу на землю перед сыном Дашаратхи, он исчез в дыму костра.

Тогда Рама с глазами, полными слез счастья, сказал, обращаясь к народу: «Прекрасная Сита долго жила во дворце Раваны — ей нужно было это очищение на глазах у всех. Я никогда не сомневался в том, что она оставалась чиста и верна мне; Сита принадлежит мне, как солнцу — его лучи. Но она была беззащитна от дурных толков в народе; я же, помня свой царский долг, не мог допустить того, чтобы люди говорили, что сын Дашаратхи презрел закон и добродетель. Теперь же Сита очищена от зла перед тремя мирами, и никто не посмеет упрекнуть ее».

Так Рама, восхваляемый народом, вновь обрел свою супругу, и дни счастья наступили для них обоих.

На утро следующего после победы над Раваной дня Вибхишана предстал перед Рамой и сказал ему: «Отпрыне, о Рама, я — твой слуга, повинующийся твоим велениям. Требуй от меня все, чего ты хочешь! Ты можешь оставаться в моем царстве с Лакшманой и Ситой, сколько пожелаешь, и все, чем я владею, я предоставлю тебе!». Рама сказал: «Благородный Бхарата ждет меня в Айодхье, печалюсь о моем долгом отсутствии. О Вибхишана, устрой так, чтобы мы могли как можно скорее отправиться в Айодхью. Ибо далек туда путь». Вибхишана отвечал ему: «О царь, я могу помочь тебе в этом. Возьми в дар от меня колесницу моего брата Куберы, называемую Пушпака. Эта колесница,двигающаяся по воздуху, повинуюсь желанию того, кто ею владеет, быстро донесет тебя до Айодхьи».

И когда чудесная колесница была доставлена по велению Вибхишаны, царь ракшасов поклонился сыну Дашаратхи и сказал: «О Рама, что еще могу я сделать для тебя?» Рама сказал: «Все эти обезьяны и медведи доблестно потрудились, добывая для нас победу. Одарь их драгоценностями и богатствами, о Вибхишана; и пусть вернутся они, уболаговворенные тобою, в свои страны». И Вибхишана повиновался Раме и щедро одарил обезьян и медведей.

Рама взолел на колесницу вместе с Ситой и Лакшманой и обратился к собравшимся вокруг обезьянам, медведям и ракшасам: «Прощайте! О лучшие из обезьян, вы исполнили долг дружбы! Возвращайтесь с миром в Кишкиндху. О Сугрива, ты сделал все, что

может совершить добрый и преданный друг! О Вибхишана, да будет счастливым и безмятежным твое царствование! Я же хочу вернуться в Айодхью, город моих предков».

Тогда обезьяны и медведи и Вибхишана попросили: «Возьми нас с собою. Мы хотим видеть восшествие твое на трон; лишь тогда возвратимся мы в свои страны». И Рама взял их всех на колесницу Пушпака и поднялся в небо, держа путь на север.

С быстротою ветра полетели они над океаном, над странами и городами. И когда они пролетали над Кишкиндохой, Рама по просьбе Ситы взял с собою на колесницу жен обезьяньих вождей.

И спустя четырнадцать лет с того дня, как он покинул родной дом, отправляясь в изгнание, Рама увидел перед собой Айодхью и опустился на чудесной колеснице Пушпака в окрестностях города, вблизи рощи Нандиграма.

Здесь встретил он Бхарату, одетого в оленьи шкуры, изнуренного и печального. Пребывая все эти годы в обители отшельника, Бхарата правил отсюда страною, поместив сандалии Рамы на троне. И велика была радость братьев, встретившихся после долгой разлуки.

Приняв Раму и спутников его в Нандиграме, Бхарата послал Шатругхну в Айодхью приготовить все для встречи и торжеств в честь воцарения Рамы. И здесь же, в Нандиграме, Бхарата передал Раме власть над страною.

И от рощи Нандиграма до Айодхьи была проложена прямая и ровная дорога. Когда Рама приблизился по ней к Айодхье со своими спутниками, навстречу ему

из ворот вышли толпы народа: горожане, брахманы, кшатрии, люди низших сословий, воины на конях, колесницах и слонах, певцы, танцовщицы, музыканты, царицы и царедворцы во главе с Шатругхной и Сумантрой. И со слезами радости обняла Каушалья Раму, а Сумитра — Лакшману. Великое ликование началось в Айодхье в тот день. В царском дворце Рама с Ситой воссели на золотом троне, украшенном драгоценными камнями; и брахманы во главе с Васиштхой свершили обряды, необходимые при возведении на царство. Возрадовались тогда боги на небесах, и возрадовался народ Айодхьи. И трон Рамы окружили его братья и друзья — Лакшмана, Бхарата, и Шатругхна, Сугрива, Хануман, Вибхишана, Ангада, Джамбаван, Сушена, Нила, Нала, Сумантра, Гуха — царь нишадов; и они приветствовали Раму и Ситу и воздали им царские почести и вознесли им хвалу.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Последняя

Долго ликовали жители Айодхьи, празднуя возвращение и победу Рамы — великого, могучего и возлюбленного людьми сына Дашаратхи. Певцы и сказители воспевали необыкновенные подвиги своего государя, и по утрам, когда благородный Рагхава пробуждался от сна, они приходили в царские покои и возносили ему хвалу, толпой окружая его ложе.

«О победоносный вонтель, — говорили они Раме, — когда сон смыкает твои веки, ночь опускается на землю и вся Вселенная засыпает; а когда ты открываешь свои очи, солнце озаряет небо и землю, и пробуждается все живое.

О владыка, мощью ты подобен Вишну, Хранителю Мира, красотой превосходишь Ашвинов, светлым разумом ты подобен Брихаспати, а искусством править государством — самому Брахме, Создателю Вселенной. Ты непоколебим, как Гималаи, и благороден, как небесное светило, и не было на земле до тебя государя, который мог бы с тобой сравниться, и никогда не будет. Среди отважных мужей ты — первый, ты непобедим, ты благочестив, ты справедлив и милосерден. Слава, богатство и любовь всегда будут неразлучны с тобой».

Так прославляли певцы великого сына Дашаратхи, и он, восстав от сна, поднимался со своего драгоценного ложа, покрытого белым. Искусные слуги стояли перед Рамой, держа в руках серебряные сосуды с прохладной водою.

И Рама, совершив утреннее омовение, возложив на алтарь, где горел священный огонь, приношения богам и прошептав молитву, окруженный советниками и друзьями, выходил из внутренних покоев. Мудрый Васиштха, его помощник, подвластные Раме государи, прославленные воины и соратники Рагхавы ожидали его в роскошном чертоге царя Кошалы. Там были благородные братья Рамы — Лакшмана, Бхарата и Шатругхна и с ними доблестный Сугрива и благородный Вибхишана в окружении преданных ему ракшасов. Все почтительно склонялись перед царственным

владыкой и произносили Раме должные слова уважения и почета.

Так царь Рама из рода Рагху проводил свои дни, окруженный друзьями и союзниками, празднуя победу и проводя время в приятных беседах.

Но проходили дни, и государевы заботы все чаще отвлекали Раму от друзей и увеселений. И поняли тогда друзья и соратники великого царя, что нельзя праздновать победу вечно, что забота о жизни жителей Айодхьи не оставляет Раме времени для веселья. И тогда стали они просить Раму, чтобы позволил он им покинуть Кошалу и отправиться в их собственные царства. И Рама дал им на то свое согласие.

Ласково простился Рама с великим Джанакой, царем Митхилы. Он сказал ему: «Ты, могучий государь, — наше прибежище и защита. Ты помог мне одержать победу над Раваной, коварным владыкой Ланки. Наша дружба с тобой нерушима и никогда не порвется. Прими от меня в дар драгоценные камни-самоцветы, золотые сосуды и юных рабынь, певиц и танцовщиц, быстрых коней из Камбоджи, шелковые и парчовые ткани. Возвращаясь, доблестный Джанака, в Митхилу, а брат мой, Бхарата, будет сопровождать тебя в дороге».

Джанака ответил Раме: «Я радуюсь твоей победе, сын Дашаратхи, я радуюсь, что счастье поселилось в твоём доме. Но даров твоих я не возьму в Митхилу, пусть мои дочери поделят их между собой».

За Джанакой уехал домой царь Ашвапати, а потом отправился в Каши могучий Пратардана, и в пути сопровождали их братья Рамы — Лакшмана и Шатругхна. Цари увезли с собой дорогие подарки; очень

сокрушались они, что не позвал их Рама помочь ему в битве на Ланке. Возвратившись же в свои царства, Джанака, Ашвапати и Пратардана послали Раме дорогие подарки, и братья Рамы привезли с собой в Айодхью коней, горячих и быстрых, боевых слонов, благоуханный сандал, жемчуга, кораллы и драгоценные колесницы. Все это они поднесли царю Айодхьи, но он взял себе немного; остальное же он подарил Сугриве, Вибхишане и Хануману и всем тем предводителям обезьян и медведей, которые помогли ему добиться победы на Ланке. Обезьяны и медведи украсили себя алмазами и жемчугами, набросили на себя драгоценные ткани и веселились, довольные царскими дарами.

Привольно и хорошо жили в Айодхье обезьяны и медведи: их щедро кормили мясом, сладкими плодами, молоком и маслом, и все жители столицы были приветливы и ласковы с верными друзьями государя. Много месяцев прожили обезьяны и медведи в Айодхье, но им казалось, что они были там не долее мгновения.

Но вот наступил день, когда друзьям надо было расставаться. Тогда Рама, сын Дашаратхи, позвал во дворец предводителей медведей и обезьян и сказал им: «Вы все — мои друзья и дороги мне, как братья, как частицы моего тела. Вы, отважные обитатели лесов, спасали меня от невзгод и несчастий». А потом Рама обратился к Сугриве с такими словами: «О благородный, ты возвращаешься в прекрасную Кишкиндху, недоступную для недругов. Да будет царствование твое благополучно. Будь, могучий царь, всегда ласков и справедлив с Ангадой. Да будут счастливы под твоей

защитой могучие вожди — Хануман, Нала, Сушеня, Нила, Майнда, Двивида, Джамбаван и все отважные воины, не жалевшие жизни ради моего блага. Пусть будут мои друзья почитаемы в твоём царстве».

Потом Рама сказал Вибхишане: «О мудрый, ты благонравен и честен. И подданные твои любят тебя. Ступай с миром и правь Ланкой справедливо и рассудительно. Не потакай злу, будь милосерден к подданным твоим. И об одном только я прошу тебя, Вибхишана, — не забывай меня и Сугриву».

Со слезами на глазах слушали Раму его верные друзья, и, когда умолк царь Айодхьи, они трижды восславили его и сказали: «О великий Рама, ты — прибежище мудрости, лик твой прекрасен, и мощь твоя неизмерима!»

Затем выступил вперед Хануман и сказал: «Я хочу, великий царь, чтобы всегда была с тобой моя любовь. И да не поколеблется моя преданность тебе! И пусть мысль моя будет только о тебе, государь! И да хранится жизнь в моем теле столь же долго, сколь будут жить на земле сказания о подвигах великого Рамы. О доблестный воитель, как ветры рассеивают облака, так и я буду разгонять мою тоску о тебе рассказами и песнями о твоих деяниях».

Когда Хануман умолк, Рама поднялся с золотого трона, подошел к Хануману, обнял его: «Да будет так, — сказал он, — как ты хочешь, мудрый воин. И пусть жизнь не покидает твое тело до тех пор, пока жива будет на земле память о наших битвах и нашей дружбе. Я навсегда в долгу у тебя, благородный Хануман, и нет таких драгоценностей в мире, которыми я мог бы воздать тебе за верную службу. Только лаской

и любовью я смогу отплатить тебе за всё, что ты свершил для меня». И Рама снял с шеи своей золотую цепь, украшенную алмазами и сапфирами, и повесил ее, сверкавшую как лучи солнца, на шею Хануману.

С радостным сердцем слушали вожди обезьян приветливые речи Рамы и склонялись до земли перед царем Айодхьи. Не стыдясь слез, плакали отважные воины, расставаясь с сыном Дашаратхи, и великая печаль охватила их души, не знавшие страха в битвах.

Разъехались по домам друзья и союзники благородного царя Айодхьи, а Рама и его братья все свое время проводили в заботах о благе жителей Кошалы.

И вот однажды, когда Рама беседовал со своими братьями, с неба раздался благозвучный голос: «О благородный Рама, взгляни на меня со вниманием. Я Пушпака, о царь. Меня отправил к тебе Кубера и сказал, что ты — мой настоящий хозяин. Ты завоевал меня у Раваны, и только тебе я могу принадлежать по праву. Кубера радуется гибели Раваны, его сыновей, братьев и советников. И Кубера послал меня к тебе и велел служить тебе верой и правдой. И вот, великий царь, я здесь, прими же меня без страха и сомнения. В мгновение ока я могу перенести тебя туда, куда ты скажешь».

Рама Пушпаке ответил: «Что же, если ты говоришь так, значит это правда. Сейчас ты ступай, куда хочешь, но когда я вспомню тебя, будь рядом со мною». — «Да будет так», — сказала Пушпака и скрылась в поднебесье.

И тогда Бхарата, почтительно сложив перед лицом ладони, сказал Раме: «О мудрый, недолго ты правишь царством, по столь много чудес мы видели уже в Айод-

хье! Вещи владеют речью, человеческим голосом заговорили колесницы. Подданные напхи не знают никаких лишений, даже дряхлые животные не встречаются более со смертью. Женщины без страха дают жизнь детям, и все люди сыты и довольны. О царь, благополучие в Айодхье все возрастает. Индра в нужное время посылает дожди на жаждущую землю, ветры дуют легко и приносят людям свежесть. И подданные говорят повсюду: „Да будет наш государь навсегда, вечно с нами!“» И Рама радовался, слушая слова благородного Бхараты, и на душе у него было светло и весело.

Вот Рама ласково простился с братьями и пошел в сад, цветущий и прекрасный, благоухающий сандалом и цветами. Капельки росы сверкали под солнцем на лепестках лотосов и лилий, весело щебетали птицы, и хлопотливо жужжали пчелы. Вокруг были невысокие холмы, поросшие зелеными деревьями, и ручьи, журча, сбегали по их склонам. В прозрачных водоемах резвились диковинные рыбки, и сад был столь пленителен, так радовал душу, что даже боги и с ними великий Индра могли позавидовать государю Айодхьи.

Рама сел на скамью, украшенную вышитым покрывалом, и прекрасная Сита села с ним рядом. Слуги принесли им вкусные яства, ароматные плоды и сладкие вина. Рама и Сита ели, пили и наслаждались беседой. Тихая музыка радовала царя и царицу, красивые танцовщицы тешили их своим искусством. И властители Айодхьи были в том саду, как Индра со своей супругой Шачи.

Спокойно и счастливо жил Рама в Айодхье и каждый день радовал любящую Ситу лаской и заботой.

Так, в наслаждениях и забавах Рама и Сита провели всю зиму, а потом весну, лето и осень, и прожили они в радости и счастье десять тысяч лет.

Однажды вечером Сита, набросив на себя прекрасные одежды, явилась перед Рамой, и радовался он, глядя на божественную красоту своей супруги. И он сказал ей с улыбкой: «О дочь Джанаки, я вижу, что ты ждешь ребенка, и радуюсь этому. Я хочу сделать что-нибудь для тебя, назови мне твои желания».

Сита ответила ему: «О Рама, я хочу навестить бедные хижины благочестивых отшельников, живущих на берегу Ганги. Я хочу провести ночь в обители подвижников, изнуряющих свою плоть, и получить у них благословение». И Рама сказал: «Да будет так, как ты хочешь, Сита! Ты можешь отправиться туда даже завтра». И довольные друг другом, царственные супруги вышли к друзьям, ожидавшим у дверей внутренних покоев.

Испытанные советники государя дождались, когда Рама сел на трон, а затем сами сели вокруг него и стали рассказывать старинные предания, развлекая ими великого сына Дашаратхи. А потом Рама спросил у советников: «Скажите мне, мои верные друзья, что говорят жители Айодхьи о царице Кайкейи, о Бхарате, Лакшмане и Шатругхне, о Сите, моей преданной супруге? Повсюду люди осуждают своих государей, если они сходят со стези справедливости и добродетели».

Тогда поднялся со своего места царский соглядатай Бхадра и сказал: «О великий царь, подданные твои хвалят тебя в своих беседах. С победой над Раваной в их дома вошли богатство и благополучие». Но Рама

сказал ему: «Ты скажи мне все без утайки, скажи, что не нравится людям. Я должен знать это, чтобы править царством справедливо».

И тогда Бхадра, не боясь уже разгневать государя, сказал ему: «Так слушай же, владыка! И недоброе говорят о тебе люди повсюду — на базарах, на улицах, во дворах своих домов. Они говорят так: „Воистину, наш великий царь совершил невиданное чудо. Не слышали наши предки о том, что можно соорудить мост в океане. Тысячи лет никто не мог одолеть Равану, повелителя Ланки, а Рама его уничтожил, сокрушил его огромное войско, а помогали ему только обезьяны и медведи. Наш государь освободил из плена свою супругу, но он не должен был брать ее с собой в столицу, — ведь к ней прикасался кровожадный царь Ланки. Сита жила у Раваны в ашоковом лесу, страшные ракшасы сторожили ее там днем и ночью, и Равана входил в тот сад. Так как же может наш государь быть вместе с Ситой? И нет у него гнева на супругу, он ее любит и почитает. А ведь мы все берем пример со своего государя, значит, и нам тоже нужно прощать дурное поведение женщин!“ Прости мне, великий царь, но так говорят между собою жители столицы и отдаленных селений».

Слова Бхадры опечалили Раму, и он спросил своих советников, искушенных в управлении государством: «Правду ли сказал мне Бхадра?» Верные друзья Рамы низко склонили головы, подтверждая слова Бхадры.

Царь Айодхьи отпустил своих друзей, задумался, а потом, призвав к себе воина из дворцовой стражи, приказал: «Ступай позови ко мне моих братьев».

Верный страж приложил ко лбу ладони, низко склонился перед Рамой и отправился выполнять повеление своего владыки.

Вскоре верные братья Рамы — Лакшмана, Бхарата и Шатругхна предстали перед царем Айодхьи. Рама сидел на золотом троне, погруженный в мрачное раздумье, и братья с тревогой в сердце ожидали, что он им скажет.

Когда царевичи из рода Рагху подошли близко к трону, Рама обратил к ним свое лицо, измученное скорбью, и сказал им, преданным и смиренным: «Благо вам, любимые братья! Вы никогда не перечили моей воле. Я поведаю вам о том, что омрачает мою душу. Возлюбленные подданные мои, жители Айодхьи, отдаленных городов и селений говорят обо мне дурное — они хулят мою супругу, нежную и преданную Ситу, и слова осуждения пронзают мое сердце, как смертоносные стрелы.

Я рожден в благородной и знатной семье Икшваку, Сита родом из дома могучих царей Митхилы, и мне дорого добрая слава моего рода.

О Лакшмана, ты знаешь, как Равана похитил в лесу Дандака мою любимую супругу, как я наказал смертью коварного властителя Ланки. Разлука с Ситой не давала мне покоя ни днем, ни ночью, и все же я не забыл в час победы, что была Сита в руках нечестивого и распутного владыки ракшасов, что она может войти в дом моих предков только чистой и невинной. И тогда, о Лакшмана, нежная Сита вошла в пламя костра, чтобы все — небожители и люди — видели, что она сохранила верность своему супругу. Сам Агни, всемогущий и великий, оградил Ситу от губительного огня

и вместе с лучезарным Сурьей перед всем миром подтвердил невинность благородной дочери царя Митхилы. Могучий Индра, владыка небесный, незримо охранял Ситу на острове Ланке и сам вручил мне мою целомудренную и любящую супругу. И не было у меня сомнений в чистоте дочери Джанаки, и я ввел ее во дворец благородных властителей Айодхьи. Но сейчас тревога и печаль гложут мою душу, — подданные говорят про царицу плохое и меня, государя своего, осуждают. Люди всегда говорят о тех, кто возвышается над ними. И так всегда будет в этом мире. Поэтому и берегут знатные люди свое доброе имя. Я могу отречься от престола, отказаться от роскоши и богатства, могу отречься от родных и близких, даже от жизни, но не могу отдать на поругание свою славу. Она мне — дороже жизни.

Завтра поутру вели, Лакшмана, возничему Сумантре приготовить колесницу и увези Ситу в лес на другой берег Ганги. Царица давно собиралась посетить подвижников, прославленных мудростью и благочестием. Там в лесу стоит тихая обитель Вальмики, всеведущего отшельника со щедрой душой и добрым сердцем. О сын Сумитры, ты должен оставить в той обители Ситу и тотчас вернуться в Айодхью. Не возражай мне, брат мой, ни единым словом, и отговаривать меня не надо! Печаль навсегда поселилась в моем сердце, твои слова будут ранить мою душу. И пусть никто не знает о том, что я сказал вам, пусть останется в тайне изгнание царицы из Айодхьи!»

Глаза повелителя Кошалы наполнились слезами, и, тяжело вздыхая, он простился с братьями и удалился в свои покои.

Когда прошла ночь и настало утро, Лакшмана сказал царскому возничему: «О Сумантра, запряги скорее быстрых коней в колесницу и приготовь в ней мягкое и удобное ложе. Государь велел отвезти Ситу в лес на другой берег Ганги. Царица пожелала навестить благочестивых подвижников и наделить их щедрыми дарами».

Сумантра поспешил исполнить повеление Рамы, а Лакшмана вошел в дворцовые покои Ситы. Бледный от бессонной ночи, пряча печаль, лежавшую на сердце, сын Сумитры низко поклонился Сите и сказал: «О дочь Джанаки, ты просила у государя позволения навестить подвижников, живущих в лесу на берегу Ганги. Великий Рама посылает тебе свое соизволение и поручил мне отвезти тебя туда. Следуй же за мной. Исполняя волю нашего владыки, я провожу тебя в обитель благочестивого Вальмики».

Слова Лакшманы обрадовали благородную царицу, и она пожелала отправиться в путь немедленно. Она велела уложить в колесницу дорогую утварь и одежду в дар отшельникам и вслед за Лакшманой вышла из дворца царей Айодхьи.

Лакшмана и Сита взошли на колесницу, и царица сказала вдруг сыну Сумитры: «О потомок Рагху, я замечаю тревожные знаки. У меня дрожит тело, подергивается правое веко, и голова моя будто в тумане. И все вокруг кажется мне осиротевшим, словно счастье навеки покинуло землю. О Лакшмана, ты любишь своих братьев, скажи мне, все ли они здоровы, не приключилось ли беды с Рамой? Благополучны ли наши подданные и родные?» И Сита сложила смиренно перед лицом ладони и обратилась к богам с молитвой. «Все благо-

получно, благородная царица, в Айодхье», — ответил ей Лакшмана, и колесница тронулась в путь, увозя в изгнание ничего не ведавшую Ситуу.

К вечеру путники остановились на ночлег на берегу реки Гомати, а наутро снова двинулись дальше к берегам великой Ганги, очищавшей от всех грехов. Вскоре царские кони, быстрые, как мысль, доставили Лакшману и Ситуу на берег Ганги. Громко и горестно закричал печальный Лакшмана, когда увидел перед собой воды Ганги, и удивленная Сита его спросила: «Почему ты плачешь, Лакшмана? Наконец-то исполнилась мечта моя побывать на берегу всемогущей Ганги. И ты радоваться должен, а не плакать. О сын Сумитры, не огорчай же меня в час моего веселья. О благородный, ты проводишь свои дни рядом с Рамой, а теперь ради меня ты его покинул — не потому ли ты такой печальный? О Лакшмана, Рама мне дороже жизни, но я же не тоскую, не плачу! Так и ты должен преодолеть свою горе. Перевези меня на другой берег Ганги, я навещу благочестивых старцев, одарю их утварью и одеждой, а наутро мы поедем обратно в Айодхью. Даже недолгая разлука с Рамой для меня невыносима».

Могучий Лакшмана, сокрушитель ракшасов, слушал Ситуу, потупив глаза в землю, а потом послал Сумантру за гребцами. Затем Лакшмана и Сита сели в лодку и гребцы доставили их на другой берег Ганги. Ступив на землю, Лакшмана сложил почтительно перед лицом ладони и голосом, сдавленным и тихим, сказал Сите: «О дочь царя Видехи! Зачем брат послал меня сюда с тобою! Как копьём пронзил он мое сердце и обрек на позор и осуждение. Тяжкая болезнь, даже смерть

мне были бы милее. О прекрасная Сита, будь милостива, прости мне мое прегрешение». И доблестный Лакшмана зарыдал и обратился к богам с мольбою послать ему смерть, не томить его больше жизнью.

Горе Лакшманы удивило супругу Рамы, и она спросила брата своего мужа: «Что случилось, о сын Сумитры? Твоя печаль мне непонятна. Почему ты просишь у меня прощения — ты ни в чем не виноват передо мною. О Лакшмана, расскажи мне, что тебя тревожит, и я возьму на себя твое горе. Уж не случилось ли беды в Айодхье? Ради любимого Рамы расскажи мне о своей печали!»

И тогда сын Сумитры горестно сказал Сите: «О богоподобная царица, я запер у себя в сердце слова, сказанные нашим владыкой, те слова, которые терзают мою душу. Великий Рама стоял посреди чертога, подавленный несчастьем, и рассказывал нам, своим братьям, о том, что говорят жители Айодхьи о его благородной супруге. Той хулы, что на тебя возводят, я повторять не смею, но скажу тебе только, что наш государь, великий и победоносный Рама, боясь народной хулы и опасаясь за свое доброе имя, отрекся от тебя, благородная царица. Властитель Айодхьи ни в чем тебя не обвиняет, но велел мне оставить тебя здесь, в обители благочестивого Вальмики, и объявить всем, что ты покинула Айодхью, чтобы жить в лесу в покаянии и молитвах. Прими же, гордая дочь царя Видехи, эту печальную весть стойко, не давай сломить себя жестокому несчастью. Вальмики — великий подвижник и преданный друг царей Айодхьи, он не даст тебя никому в обиду. В его обители ты проведешь дни свои счастливо и спокойно и, прошу тебя, не

оставляй в помыслах своих нашего владыку. Обращай к бессмертным богам свои молитвы, и ты будешь увенчана благочестием и доброй славой».

Как укус ядовитой змеи, безжалостны были слова Лакшманы, и дочь Джанаки, охваченная скорбью, в беспамятстве упала на землю. Долго лежала она на земле недвижимой, а потом поднялась и, плача, сказала сыну Сумитры: «Воистину, Лакшмана, Великий Творец создал меня только для страданий. С юных лет одно несчастье за другим преследует меня. Я не знаю за собой прегрешений, но, может быть, я по неведению в чем-нибудь виновата, и вот Рама отвергает меня теперь, хотя я чиста и невинна перед ним. О милый Лакшмана, годы изгнания в лесу Дандака кажутся мне теперь временем радости и счастья — тогда я могла служить Раме, моему возлюбленному супругу. О благородный воитель, как же я буду жить здесь без родных, без друзей, без любимого мужа? Кому я смогу поведать свою печаль, свою муку? И что я отвечу благочестивым подвижникам, когда они спросят меня, в чем моя вина, почему отрекся от меня могучий Рама? О сын Сумитры, лучше бы мне расстаться с жизнью в водах вечной Ганги! Но я не смею просить у нее покоя, чтобы не погиб, не прервался вместе со мною доблестный род Икшваку.

Послушай, Лакшмана, исполни мое последнее желание: поклонись государю и скажи ему: «О великий Рагхава, тебе ведомо, что Сита чиста и невинна и в тебе одном вся ее жизнь. Она знает, что ты отверг ее, желая сохранить доброе имя царя Айодхьи. Ты, великий Рама, — единственное прибежище дочери Джанаки, и она поможет тебе в твоих стараниях!» И еще

скажи, Лакшмана, моему любимому супругу, что нет у меня страха за себя, а только больно мне, что подданные меня, безвинную, хулят и поносят. Воистину, мой супруг для меня — сам бог, лучший друг и мудрый наставник. И ради него, ради его блага нужно жертвовать и самой жизнью. О Лакшмана, скажи ему от меня всё это. А теперь, сын Сумитры, подойди ко мне ближе и взгляни на меня. Я жду наследника для нашего государя, и все приметы к тому уже стали явны».

Лакшмана со смущенным сердцем низко склонился перед Ситой, горестно заплакав. Помолчав недолго, он сказал ей: «О благонравная царица, не ведающая греха! Что ты говоришь мне? Ведь я никогда не поднимал глаз на тебя, прекрасную как богиня Лакшми. Мы с тобой в священном лесу, супруга твоего нет с нами — как же я посмею поднять на тебя глаза?» И Лакшмана, сокрушенный жалостью к прекрасной Сите, поворотился к берегу Ганги и пошел к лодке.

Переправившись через Гангу, Лакшмана взошел на колесницу Сумантры и повелел везти себя в Айодхью. Отдохнувшие кони быстро мчали его в царскую столицу, а Лакшмана все смотрел и смотрел на другой берег Ганги. Там, вдоль берега, как робкая лань, брела супруга великого государя и все оглядывалась назад на удалявшуюся колесницу Сумантры. И когда её уже не стало видно, силы совсем оставили Ситу. Горе тяжким бременем придавило прекрасную царицу, она закричала горестно и громко, и крик ее разнесся далеко по лесу.

Ученики благочестивого Вальмики увидели в лесу Ситу, прибежали к своему наставнику и сказали: «О великомудрый! По лесу бредет женщина, прекрасная

как Лакшми, красивее нам не случилось видеть. Но чья она супруга, мы не знаем. Она громко плачет и кричит горестно и скорбно. Как богиня, сошедшая с небес на землю, идет она по берегу Ганги и, наверное, нуждается в поддержке. Помоги ей, приведи ее сюда, Учитель!»

Благочестием и добродетельной жизнью Вальмики обрел чудесный дар проникновения во все, что происходило в этом мире, и не было для него на земле тайн. Вальмики пошел навстречу Сите, а ученики его почтительно следовали за ним.

Вскоре подвижник пришел к берегу Ганги, увидел супругу Рамы, плачущую и беспомощную, и, приблизившись, сказал ей: «О целомудренная красавица, я знаю тебя. Ты невестка царя Дашаратхи, любимая жена победоносного Рамы, дочь могучего повелителя Митхилы. Твой приход сюда — великое благо для меня. Это боги, должно быть, наградили меня за суровое подвижничество и стойкую добродетель. Я счастлив видеть тебя здесь, чистую, невинную и благонравную. Все мне известно в этом мире, и все, что происходит на земле, я знаю. Утешься, прекрасная, и не печалься. Здесь, в моей обители, ты ни в чем нужды не узнаешь. Благочестивые отшельники и юные ученики мои будут заботиться о тебе и не дадут тебя никому в обиду. Пусть моя скромная обитель станет отныне твоим собственным домом, и да исчезнет твое горе! Пусть твоя милая улыбка снова украшает лик твой, как луна освещает ночное небо!»

Сита смиренно склонилась к ногам подвижника и тихо сказала: «Да исполнятся, блаженный, все твои желания!» И почтительно сложив ладони, Сита пошла

вслед за Вальмики в его обитель. Благочестивые старцы и юные ученики радостно обступили благородную царицу, и Вальмики сказал им: «Перед вами благонравная Сита, супругá великого Рама, дочь благородного царя Видехи. Могучий Рама прислал ее к нам, и она пришла сюда чистой и невинной. Благородная дочь царя Видехи достойна того, чтобы мы все ей служили, и мы будем заботиться о ней, как о родной дочери нашей». Благочестивый Вальмики поручил добронравным старцам Ситу и удалился в свою хижину, сопровождаемый учениками.

Проведя день и ночь в пути, Лакшмана на следующий полдень вернулся в богатую и счастливую Айодхью. Сердце его сжималось от горя, когда колесница Сумантры остановилась у дворца, сверкавшего, как луна на полночном небе. Лакшмана сошел с колесницы и с поникшей головой прошел во внутренние покои. Сердце Лакшманы переполнилось жалостью к любимому брату и его несчастной супруге, когда увидел он Раму, с печальным лицом сидевшего на золотом царском троне. Сын Сумитры подошел к Раме, низко склонился перед ним, касаясь ладонями ступней государя, и сказал: «О преславный владыка, следуя твоему повелению, я оставил дочь Джанакки на берегу Ганги в обители благочестивого Вальмики и вернулся сюда служить тебе. Не печалься, великий брат мой, не позволяй горю сломить тебя. Люди, обладающие разумом, знают, как течет неумолимое время. За возвышением следует падение, за процветанием — увядание, за рождением — смерть. Ты — великий государь, и не следует тебе предаваться власти земной суеты, ибо подданные вновь будут порицать тебя, но теперь уже

за слабость. Ты отверг божественную Ситу из страха перед людским судом, но еще больше тебя осудят подданные твои, если узнают, что не в силах ты перенести разлуку с дочерью царя Видехи. Будь же тверд духом, великий брат мой, и гони прочь скорбь и печали».

И тогда Рама сказал своему преданному брату и другу: «О мудрый Лакшмана, слова твои истинны и правдивы, и ты утешил меня в моем тяжком горе! А теперь, Лакшмана, ступай к воротам и позови всех, у кого есть дело к государю Айодхьи, кто ищет у него правого суда и поддержки».

С утра до позднего вечера шли люди к царю Айодхьи искать у него справедливости и защиты, и все получали у благородного Рамы добрую помощь и ласковое слово. И слава о великом государе Кошалы разносилась по всему миру.

Однажды пришли к царю Айодхьи два подвижника и пожаловались ему на обиды, которые чинит благочестивым отшельникам могучий ракшас Лавана. Тогда Рама призвал к себе Шатругхну, своего младшего брата, и сказал ему: «Ступай, доблестный Шатругхна, с большим войском, убей нечестивого Лавану, избавь от обид и страха праведных подвижников и возьми себе царство Лаваны — Мадхувати».

Шатругхна с большим войском направился в столицу Лаваны—Мадхувати, и путь его лежал через обитель благочестивого Вальмики. Войско Шатругхны расположилось на ночлег на берегу Ганги, а отважный брат царя Айодхьи решил провести ночь в обители Вальмики. Отшельники приветливо встретили брата могучего царя Айодхьи и предложили ему ночлег и пищу. И случилось так, что в ту же ночь благородная

Сита родила двух прекрасных, как утренняя заря, мальчиков. То были Куша и Лава — сыновья великого Рамы.

Наутро войско Шатругхны двинулось дальше и возле города Мадхувати, стоявшего на берегу реки Ямуны, встретилось с кровожадным Лаваной.

Страшный владыка Мадхувати вышел за ворота своей столицы поискать себе добычи. Грозен был Лавана и опасен, головой он упирался в небо, силой владел необычайной, и никто не мог одолеть его в битве, если смотрел Лавана прямо в лицо врагу своему. Был у владыки Мадхувати еще и дротик смертоносный, не знавший промаха в битве.

Великий и всеведущий Рама знал о могучей силе Лаваны и поэтому предостерегал Шатругхну: «Старайся, брат мой, на глаза Лаване не попасться, а сражайся с ним так, чтобы он тебя не видел».

С могучим луком в руках Шатругхна пошел Лаване навстречу, и владыка Мадхувати, смеясь, спросил у него: «Что ты хочешь делать, отважный воин, этим оружием? Когда я прихожу в ярость, тысяча лучников бежит от меня в страхе перед смертью. Дай совет мне, храбрый воитель, как тебя съесть лучше — живым или мертвым?» И Лавана засмеялся так весело, что у Шатругхны от ярости слезы появились за глазами. И в гневе он крикнул Лаване: «Я — сын великого Дашаратхи, могучий Рама — брат мой, и зовут меня Шатругхна! Я пришел сюда, чтобы тебя уничтожить! Ты — враг всех добрых и благочестивых людей на свете, и ты умрешь от моей руки сегодня!»

Но Лавана опять громко засмеялся и сказал Шатругхне: «Я вижу, у тебя помутился разум и ты ищешь

для себя кончины. Сама судьба подарила мне тебя сегодня. Равана, повелитель Ланки, был моим родным дядей, а брат твой убил его в битве. Я же вас не трогал и молча стерпел гибель всего рода Раваны. Но вы, Рагхавы, все подлы и нечестивы. Весь ваш род, всю семью вашу я уничтожу. Что же, если ты сам ищешь поединка, я готов с тобой сразиться. Но у меня нет с собой оружия. Подожди меня здесь, я пойду за оружием, а когда вернусь, я вступлю с тобой в единоборство».

Но Шатругхна ожидать Лавану не согласился: «Вступай в бой, кровожадный ракшас, — сказал ему Шатругхна, — или я отправлю тебя в царство Ямы!» Тогда могучий ракшас стал смиренно упрашивать Шатругхну подождать его пока он будет ходить за оружием в Мадхувати. Но Шатругхна сказал ему: «Мой брат, могучий Рама, освободил небожителей от страха перед кровожадным Раваной, а я освобожу благочестивых подвижников и жителей Мадхувати от страха перед тобою. И твое царство, которое ты захватил несправедливыми деяниями, станет отныне моим царством!»

Слова Шатругхны привели Лавану в ярость, он вырвал с корнем из земли могучее дерево и, как копье, метнул его в ненавистного ему брата Рамы. Но не долетело дерево до Шатругхны, стрелы его раздробили огромное дерево в щепки. Лавана же стремился к победе. Сотни, тысячи деревьев повыврывал он из земли, пытаясь сокрушить Шатругхну, но все усилия его были тщетны. Тогда Лавана схватил огромное дерево, приблизился к Шатругхне и, изловчившись, ударил его по голове с такой силой, что отважный сын Дашаратхи распростерся на земле недвижимым.

Страшно стало благочестивым подвижникам, наблюдавшим за битвой, и обратились они с мольбой к всемогущему Брахме помочь доблестному Шатругхне. И великий Брахма согласился. Он вселил в Шатругхну новые силы, дал ему огненную стрелу, не знавшую промаха, и сын Дашаратхи вновь вступил с Лаваной в единоборство. Натянул Шатругхна свой могучий лук, и огненная стрела насквозь пронзила сердце злого владыки Мадхувати. Лавана рухнул на землю, забился в предсмертных корчах и отправился в царство Ямы.

И радость воцарилась на земле, и возликовали боги; ясный свет залил поле битвы, а с неба посыпались цветы на доблестного Шатругхну. Великий Индра и вместе с ним все небожители спустились с небес на поле битвы, и царь небес обратился к Шатругхне с такими словами: «Скажи мне, отважный сын Дашаратхи, что тебе желанно, ты заслужил сегодня любой дар». И Шатругхна, приложив ко лбу ладони, низко склонился перед Индрой и сказал: «Да будет великий город Мадхувати столицей моего царства!» И желание Шатругхны было исполнено.

Так Шатругхна, могучий сын Дашаратхи, стал править царством в Мадхувати, и все жители столицы, все горожане, все жители отдаленных селений были довольны своим государем, а дома их день ото дня богатели. Двенадцать лет правил Шатругхна своим государством, а на тринадцатый год затосковал он и решил навестить Айодхью, в которой жили его любимые братья. Он взял с собой небольшое войско и отправился в Айодхью, и Рама встретил его с великой радостью.

И вот однажды, когда Рама сидел в своем чертоге на золотом троне государей Айодхьи в окружении своих братьев, друзей и советников, он сказал своим друзьям и братьям, что решил принести коня в жертву богам, дабы все знали, что государь Айодхьи достиг на земле высшей власти. Радость охватила всех собравшихся в чертоге, и громкими кликами они выразили государю свое одобрение. Тотчас же помчались гонцы во все подвластные Раме царства, к друзьям Рамы, Сутриве и Вибхишане, в ближние и дальние леса к благочестивым подвижникам. Гонцы везли им приглашения прибыть в Айодхью на великий праздник.

В лесу Наймиша мудрый Васиштха и его помощники воздвигли большой алтарь, чтобы принести на нем в жертву богам прекрасного коня.

И отовсюду потянулись люди в столицу государя Кошалы — под охраной большого войска на боевых слонах и колесницах ехали в Айодхью державные владыки и прославленные воители, ехали туда благочестивые брахманы, шли жители дальних городов и селений. Пришел в столицу Рамы и Вальмики со своими учениками, и были среди них юные сыновья Ситы — Куша и Лава.

Вальмики сложил в своей обители великую песню о чудесных подвигах могучего Рамы и обучил этой песне Кушу и Лаву. И когда пришли они в Айодхью, Вальмики сказал им: «Дети мои, ходите по городу и под звуки вины голосами звучными и нежными пойте людям песнь о подвигах Рамы. Пойдите и к воротам дворца государя Айодхьи и спойте там эту песнь. Может быть, Рама вас услышит и позовет в свои чертоги».

Когда прошла ночь и настало утро, Куша и Лава вышли на улицы Айодхьи и запели песню о подвигах Рамы. Мерно и сладостно звучал ее напев и трогал сердце тех, кто слышал ее.

Пение Куши и Лавы коснулось слуха великого Рамы, и царь Айодхьи позвал юных певцов в дворцовые покои. А затем он позвал к себе Вальмики, подвластных государей, ученых брахманов, почтенных старцев, умудренных жизнью; всех, кто был искусен в речи и письме; всех, кто умел слагать песни и играть на вине, прославленных певцов и музыкантов. И когда все собрались в царском чертоге, Рама повелел Куше и Лаве спеть их песню для его гостей. Стали Куша и Лава петь, и замолкли все, внимая певцам; только глаза гостей увлажнились слезами восхищения. И многие удивлялись тому, как похожи были юные певцы на великого Раму, государя Айодхьи.

Повинуясь наставлению Вальмики, Куша и Лава спели начало песни о Раме и замолчали. Гости государя громкими восклицаниями восхвалили сказителей. Рама же, довольный услышанным, обратился к Лакшмане и сказал: «О сын Сумитры, подари певцам восемнадцать тысяч золотых монет и дай им все, что они захотят».

Но Куша и Лава не приняли царского дара: «Мы — отшельники, великий государь, мы живем в лесу, на что нам это богатство? Мы питаемся только плодами и кореньями, пьем только воду ключевую, и золота нам не надо». И удивились Рама и его гости их отказу. А потом Рама спросил у них: «Скажите мне, кто сложил эту песню, как зовут его, мудрого, искусного в речи?» Куша и Лава ответили властелину Айодхьи:

«Вальмики сложил эту песню, в ней воспел он, о великий царь, твои деяния, и много дней пройдет, прежде чем мы допоем ее до конца. Если ты хочешь; о государь, мы споем ее тебе».

Много дней слушали Кушу и Лаву Рама, его братья и знатные гости. И когда умолкли певцы, закончив песню, понял Рама, что перед ним — сыновья Ситы.

И Рама сказал, поднявшись с трона: «Пусть пошлют гонца за Вальмики. Пусть мудрец поведает здесь перед всеми, что чиста дочь Джанаки передо мною и людьми, и расскажет о праведной ее жизни в лесной обители. Пусть приведет он Ситу в мой дворец, и да услышат все ее клятву здесь, чтобы уже никогда не коснулось ее обвинение».

Гонцы поспешили к Вальмики и передали ему слова царя. И Вальмики отвечал им: «Скажите государю, что желание его будет исполнено!»

В назначенный день во дворце Рамы собрались цари и советники, жрецы, отшельники, горожане и сельские жители, воины, торговцы и ремесленники, обезьяны, медведи и ракшасы. Когда все собрались и сели на отведенные им места, согласно их роду и обычаю, Вальмики вошел во дворец, и следом за ним шла Сита.

Взор ее был опущен долу, руки сложены на груди; глаза ее были полны слез, мысли же обращены к Раме. Она вошла и остановилась посреди чертога; и красота ее поразила всех, и шепот восхищения пронесся по собранию.

Тогда Вальмики сказал, обращаясь к Раме: «О сын Дашаратхи, из боязни позора ты отрекся от Ситы и оставил ее в лесу. Ты страшился осуждения народа,

о стойкий в обетах! Но Сита невинна и следует по стезе добродетели; она пришла сюда, чтобы очиститься клятвой и избавить тебя от злословия. Я же свидетельствую здесь, перед всеми, что она непорочна. Поистине, эти двое отроков — твои сыновья, о Рама! Если же слова мои лживы, да будет бесплодным тысячекратнее мое подвижничество!»

Рама сказал: «Всем ведома твоя правдивость и святость, о великий подвижник. Я знаю, что невинна Сита и что Куша и Лава — мои сыновья. Никогда не усомнился я в чистоте моей супруги — и все же я отринул ее. Пусть же теперь перед собравшимися здесь она докажет свою невиновность!»

И тогда сказала Сита, не поднимая головы и сложив ладони у груди: «Никогда никого, кроме Рамы, не было в мыслях моих. И если я сказала правду, да раскроет мне Мать Земля свои объятия! Мыслью, словом и делом я всегда служила благу Рамы и чтילה его одного как супруга. Если молвила я правду, да раскроет мне Мать Земля свои объятия! Я невинна перед супругом моим и людьми, и если молвила я правду, да примет меня в объятия свои Мать Земля!»

И Земля разверзлась на глазах у всех, и поднялся из нее драгоценный трон, сверкающий как солнце, несомый на головах чудовищных змей — нагов; на троне том сидела Притхиви, богиня земли. Она заключила Ситу в свои объятия, посадила ее рядом с собою на трон и исчезла с нею в подземных глубинах. С неба просыпался дождь благоухающих цветов, и земля сомкнулась над головами Ситы и ее матери.

Тогда раздались крики: «Невинна и непорочна Сита! Да славится вечно непорочная дочь Джанаки!»

И народ возликовал, когда очистилась от хулы прекрасная Сита.

Только Рама был печален и безутешен. «Горе мне, — говорил он, и слезы струились из его глаз. — Еще никогда не знал я такого горя. Сита, прекрасная, как Лакшми, исчезла на глазах у меня. Когда ее похитил Равана и унес ее на свой остров в океане, я сумел найти мою супругу и вернуть ее. О Земля, верни мне мою Ситу! Я — как потерянный без нее. Если ты не вернешь мне ее, я переверну тебя всю с твоими лесами и горами!»

И тронутый его горем, явился Рама Брахма и сказал: «Не печалься, о великий воин. На небесах, в чертогах богов ты снова обретешь свою Ситу и вместе с нею — бессмертие и вечное блаженство».

С тех пор Рама уже не видел Ситу среди живущих. Он повелел искусному ваятелю сделать золотое изображение Ситы. До конца своих дней он не взял себе другой супруги и чтит ее золотой образ.

Прошли еще годы. Умерли Каушалья и Сумитра и соединились на небесах с Дашаратхой. Рама отрекся от царства, разделив его между сыновьями: Куше он отдал Кошалу; Лаве — Уттару. Он умер в лесу на берегу Сарайю и взошел на небо, где снова встретился с Ситой.

Куша основал город Кушавати в горах Виндхья, Лава — город Шравасты. И оба правили долго и счастливо.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ

Ага́стъя — мифический царственный мудрец.

Агни — бог огня.

Агникёту — воин Раваны.

а́гуру — орлиное или алойное дерево.

Айб́дхья — столица Дашаратхи, царя Кошалы.

Айом́йкхи — имя ракшасы.

Айравáта — слон Индры.

Ака́мпана — имя ракшаса.

а́мрита — божественный напиток бессмертия.

Ана́ла — ракшас, советник Вибхисаны.

Анара́нья — царь из рода Икшваку.

Анга́да — сын Валина, царя Кишкиндхи.

а́нги — народ, живший в районе современного Бхагалпура (штат Бихар).

А́нджана — мать Ханумана.

А́ндхака — тысячерукий и тысячеголовый демон. Убит Шивой за попытку похитить с небес любимое дерево супруги Индры.

а́псары — небесные девы, танцовщицы и музыкантши.

а́рджуна — миробалановое, ладанное дерево.

А́рийшта — название горы, с которой Хануман прыгал с Ланки на континент.

А́ру́ндхати — супруга Васиштхи, главного советника царя Дашаратхи.

а́сана — стул, кресло, скамья.

Асурга́рджа — двоюродный дед Вишвамित्रы.

а́суры — противники богов, демоны, обитающие на небесах.

А́тикáя — воин Раваны.

Атри — имя мудреца-подвижника.

Ашанипрабха — воин Раваны.

Ашвакарна (то же, что *шала*) — дерево драмар.

Ашвапати — царь кекаев, дядя царевича Бхараты, брат его матери Кайкейи.

Ашвины — братья-близнецы, божества вечерней и утренней зари.

ашока — вечнозеленое дерево с пышными красными цветами.

Ба́кула — вечнозеленое плодое дерево.

Балимукха — предводитель обезьян.

бйллака — камедное дерево.

бйльва — разновидность китайской яблони.

бйлья — дерево.

Бра́хма — бог-творец, создатель мира.

Брахмад́атта — царь, правивший в городе Кампиля, зять царя Кушанабхи.

бра́хман — представитель высшего, жреческого сословия.

Брихаспати — бог мудрости и красноречия, духовный наставник богов.

Бха́дра — соглядатай царя Айодхьи.

бхалла́така — чернильный орех.

Бхарадв́аджа — великий мудрец и подвижник, знаток медицины, которую он, по преданию, изучал у самого Индры.

Бха́рата — сын царя Дашаратхи и царицы Кайкейи, сводный брат Рамы.

Бхи́ма — царь Видарбхи, древнего государства, находившегося на территории современного Берара; отец Дамаянти.

Ваджрад́амитра — полководец Раваны.

Ва́джрамукти — воин Раваны.

Вайджая́нта — название ворот в городе Айодхья.

Ва́йю — бог ветра и дыхания.

Ва́лин — царь Кишкиндхи.

Ва́льмики — легендарный автор «Рамаяны».

Ва́руна — божество, владыка вод.

Васи́штха — жрец, главный советник царя Дашаратхи.

Ва́су — дядя Вишвамित्रы.

ва́тсы — жители государства Ватса, расположенного по берегам реки Джамны.

Вача́спати — букв. «владыка красноречия», эпитет, прилагавшийся к Брихаспати.

Вéгадáршин — предводитель медведей.

Ведáнги — части Вед.

Вéдаши́рути — река во владениях царя Дашаратхи.

Вéды (ведийские гимны) — древнейшие священные книги индийцев; состоят из гимнов, молитв и т. д.

Вибхíшана — брат Раваны.

Видéха — государство царя Джанаки (современный Бихар).

Видьюдджíбха — имя ракшаса.

Видьюнмáлин — воин Раваны.

видьядхáры — духи гор и лесов.

вiна — струнный щипковый музыкальный инструмент.

Вiнáта — мать Гаруды, повелителя птиц.

Вiндхья — горный хребет, отделяющий Северную Индию от Декана.

Вирáдха — имя ракшаса.

Вирупáкша — полководец Раваны.

вишальякáрани — волшебная трава, исцеляющая раны, нанесенные стрелами и укусами ядовитых змей.

Вишвакáрман — божественный зодчий, строитель Ланки.

Вишвамiтра — великий мудрец и отшельник.

Вiшну — бог-хранитель мира.

Вшрáвас — божественный мудрец, отец Раваны.

Врiтра — демон, персонификация засухи и педорода.

Гáвайя — предводитель обезьян.

Гавáкша — предводитель обезьян.

Гáджа — воин Сугривы.

Гáдхи — отец Вишвамитры.

Гáйя — предводитель обезьян.

Гáнга — река в Индии (современный Ганг). Берет начало в Гималаях; впадает в Бенгальский залив.

Гандхамáдана — предводитель обезьян.

гандхáрвы — небесные музыканты.

Гáруда — гигантская птица, царь пернатых, истребитель змей.

гайялы — вид диких быков.

Гириврáджа — столица царя Ашвапати.

Годавáри — река на Декане. Начинается в Западных Гатах, впадает в Бенгальский залив.

Гомáти — река, приток Инда.

Гúха — царь нишадов.

Дáйтi — демоны-титаны.

Дамаянти — супруга Наля, царя нишадов; дочь Бхимы, цари Видарбхи. Имя ее употребляется как символ самоотверженной и преданной жены.

данавы — демоны-исполины, обладающие прекрасной наружностью.

Дандака — лес на Деккане, по преданию, в нем жил Рама, когда был в изгнании.

Дандхуи — имя демона.

даты́ха — водяная курочка, камышница.

Дашаратха — царь Кошалы, отец Рамы.

Дивиди — предводитель обезьян, сын Ашвинов.

Девангана — сын Раваны.

Деварата — один из царей Митхилы, предок царя Джанаки.

Джамадагни — жрец-подвижник, убитый кшатрием.

Джамбаван — предводитель медведей.

Джамбумалин — ракшас, воин Раваны.

Джанака — царь Видехи, отец Ситы.

Джанастхана — название места в лесу Дандака.

Джатаю — царь ястребов, сын Гаруды.

Дурмукха — полководец Раваны.

Душана — полководец Кхары.

Дханьямалини — ракшаси, одна из жен Раваны.

Икиваку — царь Айодхьи, предок Дашаратхи.

Индра — бог-громовержец, повелитель молний.

Индраджит — сын Раваны.

Ираватские горы — гористая местность в бассейне реки Рави.

йоджана — мера длины, равна примерно 16 км.

Кабандха — чудовищный ракшас.

кабандхи — призраки, являющиеся людям в виде обезглавленных трупов.

кадамба — тиковое дерево

Кадрю — мифическая прародительница змей.

Кайкейи — жена царя Дашаратхи, мать Бхараты.

Кайлаша — гора в Гималаях, местопребывание Куберы и Шивы.

Кама — бог любви.

Камбоджа — древнее государство, находившееся на северо-западе Индии.

Кампана — ракшас, воин Раваны.

Кампилья — название государства и столицы воинственного племени панчалов, жившего на севере Индии.

карникара — невысокое дерево с большими душистыми белыми цветами.

Каушалья — супруга царя Дашаратхи, мать Рамы.

Кáши — город и государство (современный Бенарес).

кекаи — название народа, жившего на территории современного Северного Бихара.

кетáка — дерево с душистыми листьями.

Кéшарин — предводитель обезьян, супруг матери Ханумана.

кймишука — ложный тик, дерево с красными цветами.

кйннари — женская особь киннаров.

кйннары — мифические существа с телом человека и головой лошади или с телом лошади и головой человека.

Кишкйндха — название горы в Южной Индии (северная часть современного Майсура), изобилующей пещерами. В этих пещерах и находилась столица царства обезьян.

Кóшала — государство Дашаратхи (современный Аудх).

Крáтхана — предводитель обезьян.

крау́нча — птица, разновидность кроншнепа.

крóша — мера длины, равная 3,5 км.

Кубéра — бог богатства.

Кўмбха — сын Кумбхакарны, племянник Раваны.

Кумбхакарна — ракшас-великан, брат Раваны.

Кумбхаха́ну — ракшас, советник Прахасты, полководца Раваны.

Кўмуда — предводитель обезьян.

кўнда — жасмин.

Кўша — царь, прадед Вишвамитры.

Кўша — сын Рамы и Ситы.

кўша — мятлик, вид травы с острыми режущими листьями.

Куша́вати — город у подножья гор Виндхья, столица Куши, сына Рамы и Ситы.

Кушадхвáджа — брат царя Джанаки.

Куша́мба — царь, сын Куши.

Кушана́бха — царь, дед Вишвамитры.

Кха́ра — ракшас, брат Раваны.

кша́трий — представитель второго воинского сословия индийского общества.

Лáва — сын Рамы и Ситы.

Лáвана — ракшас, племянник Раваны.

Лáкишмана — сын царя Дашаратхи и царицы Сумитры, сводный брат Рамы.

Лакшми — богиня счастья.

Ланка — остров в Индийском океане, современный Цейлон.

лодхра — дерево лодх.

Мадхувати — столица Лаваны.

Майнака — подводная гора, находившаяся, по преданию, между южной оконечностью Индии и Ланкой.

Майнда — предводитель обезьян, сын Ашвинов.

Майя — зодчий богов.

Мангала — планета Марс.

Мандакини — река, приток Ганга.

Мандара — священная гора; служила богам мутовкой, когда они пахтали океан, чтобы получить божественный напиток — амриту.

Мандивья — племянница царя Джанаки, супруга Бхараты.

Мандодари — дочь Майи, главная супруга Раваны, мать Индраджита.

Манихадра — полководец Куберы.

мантры — магические формулы, заклинания.

Мантхара — прислужница Кайкеи.

Марича — ракшас из воинства Раваны.

Маруты — боги ветров.

Матали — колесничий Индры.

Матанга — брахман-подвижник.

Махананда — ракшас, советник Прахасты, полководца Раваны.

Маханаршва — приближенный Раваны.

Махэндра — гора на побережье крайнего юга Индии. С нее прыгал Хануман на Ланку.

Махбдая — гора в Гималаях.

Махбдара — ракшас, полководец Раваны.

Маяви — имя демона.

Менака — имя прекрасной апсары.

Мэру — мифическая гора в Гималаях, индийский Олимп.

Митрагхна — ракшас, воин Раваны.

Митхила — столица государства Видеха.

мриданг — маленький барабан.

мритасандживани — мифическая целебная трава (букв. «оживляющая умерших»).

Наги — змееподобные демоны, обитатели подземного царства.

Наймиша — лес, через который течет река Гомати.

Нала — обезьяна, сын зодчего богов Вишвакармана.

Пáла — царь нишадов, супруг Дамаянти.
Пáмучи — демон, побежденный Индрой в единоборстве во время войны богов о асурами.
Пáндана — прекрасный сад, принадлежавший богам и расположенный к северу от горы Меру.
Пандигрáма — селение у города Айодхьи.
Нандикéшвара — небожитель, жертва злодеяний Раваны.
Нарáнтaka — советник Прахасты, полководца Раваны.
Никúмбха — сын Кумбхакарны.
Никúмбхила — священная роща на Ланке, в которой Индраджит совершал магические обряды, чтобы стать невидимым и непобедимым.
Нíла — предводитель обезьян.
ни́па — под этим названием подразумеваются тиковое дерево или родственные ему виды, а также дикий жасмин и один из видов ашоки.
нишáды — племя, обитавшее в горах Виндхья.
и́ьягрóдха — баньян.
Пáмпа — озеро у горы Рипшьямука.
Пáнаша — предводитель обезьян.
Пáнаша — ракшас, советник Вибхисаны.
Панджикастхáла — небесная дева, дочь Варуны.
паннáги — змееподобные существа, родственные нагам.
Пáнчавáти — местность в лесу Дандака, где жили в изгнании Рама, Сита и Лакшмана.
пáрача — гладкий наконечник стрелы.
пýнда — жертвоприношение плодами.
Пишáча — ракшас, воин Раваны.
пишáчи — демоны-пожиратели трупов.
Празхáса — ракшас, воин Раваны.
Празжáнгха — ракшас, воин Раваны.
Прамáти — ракшас, советник Вибхисаны.
Прамáтхин — предводитель обезьян.
Прасрáвана — гора, у подножия которой жили Рама и Лакшмана во время подготовки к походу на Ланку.
Пратáпана — ракшас, воин Раваны.
Пратáрдана — царь Каши.
Прахáста — ракшас, полководец Раваны.
Прутхиви — богиня земли, мать Ситы.
Пулáстья — дед Раваны.

Пушпака — небесная колесница, принадлежавшая Кубере и отнятая у него Раваной. В нее были запряжены зеленые мулы с чудовищными мордами.

Пушья — индийское название части созвездия Рака.

Пхальгуни — индийское название созвездия Льва.

Рабхаса — воин Сугривы.

Равана — повелитель ракшасов.

Ракшава — родовое имя Рамы, потомка Рагу.

Ракху — царь, предок Рамы.

раджа — титул владетельной особы в древней Индии (царь, князь).

ракшаси — женская особь ракшаса.

ракшасы — демоны-пожиратели мяса, по ночам нападавшие на человека.

Рاما — сын царя Дашаратхи и царицы Каушалы.

Рамба — прекрасная апсара.

Рамба — предводитель обезьян.

Раху — демон. По представлениям древних индийцев солнечное и лунное затмение происходит оттого, что демон Раху периодически заглатывает солнце и луну, а затем выпускает их из своей пасти.

Рашмикету — ракшас, воин Раваны.

Ришаба — предводитель обезьян.

Ришаба — гора в Гималаях.

Ришабхаскандха — обезьяна, воин Сугривы.

Ришьямукха — гора, на которой Сугрива жил в изгнании.

Романада — царь ангов.

Рудра — одно из имен бога Шивы.

Рума — жена Сугривы.

Сагара — один из царей Айодхьи, предок Рамы.

Сампати — ястреб, брат Джатаю.

Сампати — советник Вибхишаны.

Саммунната — советник полководца Раваны Прахасты.

сандхани — мифическая целебная трава.

санскрит — язык древней и средневековой индийской учености, индийская латынь.

Санупраста — обезьяна, воин Сугривы.

Сарайю — река, на берегу которой стоял город Айодхья.

Сарама — ракшаси, супруга Вибхишаны.

Сарасвати — богиня мудрости и красноречия.

Ѓаурáштра — страна на западе Индий.
Ѓáхья — название горы на Декане.
Ѓáчи — супруга Индры.
Ѓвайамт́раб́ха — подвижница, хранительница золотого сада аисары Хемы.
Ѓиддхи — бессмертные полубоги, обитавшие в пространстве между небом и землей.
Ѓим́хика — ракшаси, мать Раху, могла ловить добычу за отбрасываемую ею тень.
Ѓинд́х — область на северо-западе Индии.
Ѓисса — высокое ветвистое дерево с мелкими бледно-желтыми цветами.
Ѓита — супруга Рамы, дочь Джанаки.
Ѓома — река во владениях Дашаратхи.
Ѓубáху — ракшас, воин Раваны.
Ѓубéла — гора на Ланке.
суварнака́рани — мифическая целебная трава.
Ѓурѓива — царь Кишкиндхи.
Ѓумáнтра — колесничий царя Дашаратхи.
Ѓумй́тра — жена царя Дашаратхи, мать Лакшманы.
Ѓупáршва — приближенный Раваны.
Ѓурáса — ракшаси, морское чудовище.
Ѓур́ья — бог солнца.
Ѓутй́кшина — подвижник, живший в лесу Дандака.
Ѓушéна — вождь обезьян, отец Тары, тесть Валина и Сугривы.
Ѓаласкáнда — вид копья.
Ѓамáса — река, приток Ганга.
Ѓáра — супруга Валина, потом Сугривы, царица Кишкиндхи.
Ѓáра — воин Сугривы.
Ѓáрака — ракшаси, мать ракшаса Маричи.
тимй́нгалы — мифологические морские чудовища.
Ѓриж́ута — гора на Ланке.
Ѓриш́ира — ракшас, воин Кхары.
Ѓ́ма — супруга Шивы.
Ѓрмила — дочь Джанаки, жена Лакшманы.
уш́ира — благовонный корень.
Ѓанумáн — сын Вайю, бога ветра, советник Сугривы.
Ѓéма — апсара.
Ѓимавáт — персонификация Гималайских гор, отец Умы и Ганги.
Ѓáќра — боевой диск, метательное оружие.

чѣраны — небесные певцы, панегиристы богов.

Читракүта — священная гора, у подножия которой Рама жил в изгнании.

Шабала — мифическая корова, обладающая способностью исполнять все желания ее владельца.

шала — (то же, что и *ашвакарна*) — дерево драмар.

Шалвэйя — название горы.

Шарабха — предводитель обезьян.

Шарабханга — отшельник, живший в лесу Дандака.

Шарана — ракшас, лазутчик Раваны в стане Рамы.

шатэггни — метательное оружие.

Шардула — лазутчик Раваны в стане Рамы и Сутривы.

Шатананда — придворный жрец царя Джанаки.

Шатруггна — сын царя Дашаратхи и царицы Сумитры.

Швета — предводитель обезьян.

Шива — бог-разрушитель мира.

Шонитакиша — ракшас, воин Раваны.

шраддха — поминальное жертвоприношение душам усопших предков, при котором угощают лепешками или вареным рисом.

Шривасты — город, расположенный близ современного Фаизабада; столица Лавы, сына Рамы и Ситы.

Шрингаверанура — столица царя Гухи.

Шрутакирти — племянница царя Джанаки, супруга Шатруггны.

Шука — советник и полководец Раваны.

Шурпанакха — безобразная ракшаси, сестра Раваны.

Юнакша — полководец Раваны.

юмба — колючий кустарник.

Яджнакopa — ракшас, воин Раваны.

Яджнакopa — ракшас, воин Раваны.

Яджнашатру — ракшас, воин Раваны.

«*Яджурведа*» — собрание молитв, заклинаний, произносимых при совершении жертвоприношений.

якши — полубоги, слуги Куберы.

Яма — бог смерти.

Ямуна — река, приток Ганга, современная Дхамна.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Книга первая. Детство	21
Книга вторая. Айодхья	51
Книга третья. Лесная	115
Книга четвертая. Кишкиндха	187
Книга пятая. Прекрасная	241
Книга шестая. Битва	277
Книга седьмая. Последняя	411
Краткий словарь	438

*Владимир Гансович Эрман
и Эдуард Наумович Темкин*

РАМАЯНА

Древнеиндийский эпос

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Н. Тихонравова*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректор *Е. А. Мамиконян*

Сдано в набор 25/II 1965 г. Подписано к печати 28/V 1965 г. Формат 70×108¹/₃₂. Печ. л. 14,0. Усл. печ. л. 19,18. Уч.-изд. л. 18,06. Тираж 20 000 экз. Изд. № 1427. Зак. № 103. Темплан 1964 г. № 133. Цена 90 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

1-я типография издательства «Наука».. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

LIBRARY

Цена 90 коп.

РАМАЯНА

РАМАЯНА

